Е 12/316

801-14/276

КАШМИРЪ И КАШГАРЪ.

ДНЕВНИКЪ АНГЛІЙСКАГО ПОСОЛЬСТВА

ВЪ

КАШГАРЪ ВЪ 1873—1874 Г.

ФЕЛЛЬЮ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»,

Б. Подъяческая, № 39.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 января 1877 г.

26410-0

2011138523

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стран.

Предисловіе 1
Введеніе 12

ГЛАВА I.

Приготовленія къ дорогѣ.—Остановка въ Мури.—Отъѣздъ.—Нара или веревочный мостъ.—Способъ переправы.—Лагерныя приключенія.—Ихула или подвижной мостъ.—Ихеламская долина.—Развалины древнихъ храмовъ.—Мостъ Каддалъ 35

ГЛАВА II.

Посѣщеніе Дивана-Бадри-Натъ.—Видъ съ рѣки на Сринагаръ.—Характеръ архитектуры.—Сцены на берегахъ рѣки.—Плавучіе сады въ Даллѣ.—Смерть Джинго.—Визитъ магараджѣ.—Пиръ въ Ранбиръ Багѣ.—Кашмирская баядерка.—Смотръ кашмирскому гарнизону.—Замедленіе отъѣзда изъ Сринагара.—Исторія однаго пилигримма. . 53

ГЛАВА III.

Посѣщеніе шелковой прядильни.—Визитъ магараджи.—Путь изъ Сринагара.—Долина Синда.—Горная мѣстность въ Сона Марѣ.—Перевалъ изъ Кашмира въ Тибетъ.—Переходъ чрезъ Зойильскій перевалъ.—Зимняя стоянка въ Кашмирѣ.—Перемѣна климата и мѣстности.—Бготскій кули.—Брошенные золотые пріиски.—Поло въ Каргилѣ.—Одежда бготскаго крестьянина.—Буддистскія религіозныя зданія.—Покинутая деревня 71

ГЛАВА IV.

СТРАН.

Ламы въ Ламмаюру.—Жизнь въ Ламмаюру.—Буддизмъ и многомужіе.—Пріемъ бготскихъ поселянъ.—Лавина камней.—Воронъ и скалистый стрижъ.—Стадо газелей.—Бготскій нарядъ.—Прибытіе въ Лехъ.—Теплая одежда.—День въ Хемисъ-Гомпа.—Внутренность буддистскаго храма.—Упадокъ буддизма.—Моголы въ Тибетѣ.—Охота на дикихъ барановъ. 94

ГЛАВА V.

Подъемъ на Кардонгскій перевалъ.—Снѣгъ.—Долина Нубры.—Горячіе ключи въ Панамикѣ.—Караваль-Даванъ.—Удачный выстрѣлъ.—Сазерскіе ледники.—Инстинктъ яка.—Кумданскіе ледники.—Дѣйствіе разрѣженнаго воздуха.—Лагерь въ Даулатъ-Бегъ-Ульди—Дѣйствіе дама.—Исторія Сандъ-Хана.—Его бѣгство въ Кабулъ.—Дѣлежъ Кашгара.—Каракорумскій перевалъ.—Канджудскіе разбойники.—Замерзшій бекасъ.—Встрѣча съ яркандскими союзниками 116

ГЛАВА VI.

Посѣщеніе раки.—Отъѣздъ изъ Шахидулла.—Путь внизъ по Каракашской долинѣ.—Рака Абабакара.—Приближеніе къ проходу Санджу.—Внезапная вьюга.—Паденіе лавины.—Прибытіе въ Санджу 145

ГЛАВА VII.

Пріемъ и дастарханъ.—Характеръ страны.—Миръ Санджу.—Письмо Аталыка.—Характеръ деревенской жизни.—Помѣщеніе въ Каргалыкѣ.—Зобъ.—Военный салютъ.—Входъ въ Яркандъ.—Пріемъ въ городѣ.—Визитъ къ дадкваху.—Пріемъ посланника.—Турецкія бани.—Авганцы въ Кашгарѣ. 163

ГЛАВА VIII.

Исторія города Ярканда.—Политическія партіи въ странѣ.—Времена китайскаго владычества.—Дунганское возстаніе.—Внутренность города.—Разноплеменность его жителей.—Внутренность ресторана.—Торговый и будничный день.—Прогулка по лавкамъ.—Колыбельная жизнь татарскихъ дѣтей.—Русскія покрышки и англійское содержимое.—Лавка съ желѣзнымъ товаромъ.—Городскія учрежденія.—Остатки китайскаго владычества.—Андижанскій караванъ-сарай.—Городской магистратъ.—Упадокъ процвѣтанія. 187

ГЛАВА IX.

СТРАН.

Отъѣздъ изъ Ярканда.—Тѣлохранители Аталыка Газы.—Прибытіе въ Янги Гиссаръ.—Приближеніе къ Кашгару.—Пріемъ сдѣланный Аталыкомъ Газы.—Придворныя церемоніи.—Черты лица Аталыка.—Его характеръ.—Наше пребываніе въ Кашгарѣ.—Оцѣнка телеграфа.—Развалины древняго Кашгара.—Постройки нынѣшняго города.—Его смѣшанное населеніе.—Обученіе китайскихъ войскъ.—Судьба китайскихъ гарнизоновъ.—Обращеніе китайцевъ въ исламъ.—Одежда андижанскаго солдата 215

ГЛАВА X.

Рака Хазратъ Афака.—Возрожденіе ислама.—Дѣйствіе чудесъ.—Обѣдъ съ Хаджи Тора.—Поѣздка въ резиденцію.—Рака Маріи.—Легенда о ней.—Пріемъ въ Артокѣ.—Исторія Сатокъ Багэра Хана.—Обращеніе въ исламъ.—Смерть Сатока.—Охота съ орломъ.—Охота на дикаго кабана.—По окраинамъ Тіянъ-Шаня.—Лагерь между киргизами.—Башъ Сугунъ.—Исламъ и китайское владычество 238

ГЛАВА XI.

Визитъ къ наслѣднику.—Кроткій характеръ туземцевъ.—Отъѣздъ изъ Кашгара.—Внезапная перемѣна погоды.—Монастырь въ пустынѣ.—Пески пустыни.—Города, засыпанные пескомъ.—Рака Ордама падшаха.—Исторія Али Арслана хана.—Его смерть и погребеніе.—Внезапная перемѣна времени года.—Польза нашего пребыванія въ Кашгарѣ.—Курильщики опіума.—Опытъ пенджабскаго купца.—Будущность торговли 265

ГЛАВА XII.

Отъѣздъ изъ Ярканда.—Какіарская дорога.—«Бѣлая мечеть».—Дорога вверхъ по рѣкѣ Тизнафъ.—Горцы пакгу.—Періодическія наводненія.—Проходъ Янги-Даванъ.—Горы переходятъ въ равнины.—Видъ съ «крыши міра».—Трудная часть пути.—Возвратъ къ цивилизаціи.—Пріемъ въ Лехѣ.—Размышленія и сравненія.—Похороны доктора Столички 287

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Страна, лежащая непосредственно за сѣверной границей нашей Индѣйской имперіи и называющаяся вообще Китайскимъ Туркестаномъ, стала, въ послѣднюю четверть столѣтія, по временамъ обращать на себя вниманіе Европы, вслѣдствіе постояннаго расширенія тамъ русскихъ владѣній. Вниманіе это, начинавшее ослабѣвать, получило новый толчокъ отъ событій и результатовъ замѣчательнаго переворота 1862 — 63 годовъ, которые отдѣлили эту страну отъ остальной Китайской имперіи и, въ слѣдующихъ годахъ, дали возможность счастливому искателю приключеній сосѣдняго ханства одержать побѣду надъ южною частью Китая.

Въ нашихъ глазахъ эта страна пріобрѣла особенный интересъ, какъ по сношеніямъ и вслѣдствіе попытокъ развить торговлю по этому направленію между нашей Индіей и между правителемъ этого новоорганизованнаго государства Центральной Азіи, такъ и по особеннымъ отношеніямъ къ ея русскому сосѣду. Естественно, возбуждается вопросъ: что это за новое государство Кашгаръ? и кто такой основатель его Аталыкъ Газы?

Въ этой книгѣ я не намѣренъ касаться политики Центральной Азіи и разбирать причины, которыя постепенно привели къ учрежденію новаго магометанскаго государства на развалинахъ китайскаго правленія въ этой части Азіатскаго материка; точно также, я не хочу вдаваться въ мотивы возрожденія упадшаго исламизма въ этомъ крайнемъ предѣлѣ мусульманской части Центральной Азіи. Я не разбираю на этихъ страницахъ достоинства той или другой политики и не сравниваю одну политику съ другою, изъ уваженія къ отношеніямъ, въ которыя мы невольно вовлечены сосѣдствомъ съ различными государствами Средней Азіи.

В. МУЗЕЙ

Этотъ предметъ интересенъ самъ по себѣ, но онъ слишкомъ серьезнаго характера, чтобы поверхностно коснуться его въ популярномъ разсказѣ путешествія. Для общаго свѣдѣнія читателямъ совершенно достаточно будетъ представить здѣсь просто краткій обзоръ нѣкоторыхъ главныхъ событій, вслѣдствіе которыхъ мы были вовлечены въ дружескія сношенія съ счастливымъ узурпаторомъ, котораго судьба извлекла изъ мрака его враждующей и распадающейся семьи, и заставила фигурировать въ сіяніи побѣдителя. Слава его пронеслась по свѣту скорѣе въ силу счастливаго стеченія обстоятельствъ, чѣмъ въ силу его личныхъ заслугъ.

Великое магометанское движеніе послѣднихъ шестнадцати или восемнадцати лѣтъ нарушило миръ Китайской имперіи до такой степени, что серьезно грозило ея старому режиму. О немъ отъ времени до времени доносились вѣсти до западнаго міра, обозначая его то Тайпингскимъ возстаніемъ (считавшимся нѣкоторыми христіанскимъ движеніемъ), то Пантейской инсурекціей, то Дунгайской революціей, смотря потому, какой народъ производилъ его въ различныхъ частяхъ имперіи. И хотя движеніе по результатамъ было различно въ разныхъ провинціяхъ, но оно было одинаковаго характера по постояннымъ усиліямъ инсургентовъ ниспровергнуть существующее правительство и самимъ добиться верховнаго управленія дѣлами, или, говоря другими словами, замѣнить на китайской почвѣ государственную религію Будды величіемъ Ислама—доктриною Магомеда.

Здѣсь намъ надо только вкратцѣ очертить успѣхъ и послѣдствія этого сильно распространившагося движенія въ крайней западной пограничной провинціи имперіи,—провинціи, извѣстной европейцамъ подъ названіемъ Восточнаго или Китайскаго Туркестана—или описать происхожденіе нашего сближенія и отношеній съ теперешнимъ правителемъ части страны, находящейся въ территоріи Кашгара.

Китайскій Туркестанъ, находящійся подъ императорскимъ управленіемъ, заключаетъ въ себѣ двѣ главныя части: Джунгарію или Муголистанъ и Кашгаръ или Восточный Туркестанъ на сѣверѣ, а на югѣ пересѣкающій хребетъ Тіанъ-Шанъ или «Небесныхъ горъ». Онъ составлялъ Илійскую губернію, управляемую вице-королемъ, жившимъ въ столицѣ по имени Гхулджа или Кульджа.

Сѣверную часть китайцы называли Тіанъ-Шанъ-Пе-Лу, или «Сѣверная дорога Небесныхъ горъ», а южная часть точно также была названа Тіанъ-Шанъ-Нанъ-Лу, или «Южная дорога Небесныхъ горъ».

Сѣверная часть почти вся отошла отъ Китая къ Россіи, и прежняя вице-королевская столица Илы—теперь городъ, занятый русскимъ гарнизономъ, соединенный телеграфомъ съ С.-Петербургомъ; главная часть Джунгаріи составляетъ теперь крупную часть русскихъ владѣній въ Азіи, граница которыхъ идетъ въ эту сторону какъ разъ вмѣстѣ съ границей Кашгара, и въ сущности, непосредственно сообщается съ его народами черезъ кочующихъ по обѣ стороны киргизовъ, по большей части русскихъ подданныхъ.

Въ другой же части, которою мы здѣсь исключительно займемся, событія приняли нѣсколько иное теченіе.

Когда въ 1862 году броженіе исламскаго возстанія распространилось изъ центральныхъ мѣстъ Китая въ провинціи западныхъ окраинъ, прежде всего оно вспыхнуло въ Канзу, гдѣ возстали Гочаускіе или Соларскіе дунгани, и гдѣ революція ознаменовалась общей рѣзней и избіеніемъ буддистскаго населенія.

Изъ этого главнаго мѣстопребыванія дунганъ, центра мятежа, возстаніе успѣшно двинулось и весьма быстро охватило округа восточныхъ провинцій, гдѣ гарнизоны императорскихъ войскъ по большей части состояли изъ дунганъ—ихъ собратій и единовѣрцевъ. Они были китайскими мусульманами секты Шафи, и въ послѣднее полустолѣтіе доказали честность свою пекинскому правительству стойкою преданностью и вѣрной службой во время четырехъ послѣдовательныхъ мусульманскихъ нашествій изъ Кокана, вслѣдствіе чего пользовались полнѣйшимъ довѣріемъ со стороны своихъ соотечественниковъ-буддистовъ.

Эти набѣги изъ Кокана руководились членами изгнанной фамиліи Кхоія—потомками Кхоія Афака, который, два столѣтія тому назадъ, отнялъ управленіе страною отъ законнаго Мугхалъ-хана изъ Чагатайской линіи—и ничего не имѣли общаго съ возстаніемъ дунганъ, начавшимся самостоятельно съ противуположнаго направленія. Дунгане, пропитанные духомъ недовольства противъ Пекинскаго правительства—управленіемъ Манчу—такъ жестоко поступавшаго съ ихъ собратіями въ главныхъ восточныхъ пунктахъ, гдѣ сосредоточивались ихъ силы,—быстро послѣдовали примѣру своихъ братьевъ, и всюду въ одно время возстали противъ императорскаго правительства, и всюду произвели рѣзню и грабежъ.

*

Менѣе чѣмъ въ два года, вездѣ въ Китайскомъ Туркестанѣ, они ниспровергли императорское правительство и повергли страну въ бездну раззоренія, кровопролитія и невыразимыхъ бѣдствій, отдавъ её въ добычу для удовлетворенія толпы недовольныхъ, принимавшихъ участіе въ грабежѣ.

При первомъ же взрывѣ бури, китайцы или «буддистскія китайскія войска», составлявшія частью гарнизоны въ восточныхъ городахъ Аксу и Учъ Турфанѣ, пали жертвами ярости бунтовщиковъ, и всѣ были вырѣзаны вмѣстѣ со своими единовѣрцами купцами и жителями. Въ западныхъ же городахъ, начиная отъ Хотана до Кашгара, включая и постъ Маральбаши, китайцы заперлись въ своихъ крѣпостяхъ и держались противъ бунтовщиковъ и другихъ враговъ болѣе или менѣе продолжительное время, пока наконецъ понуждаемые неослабѣваемой осадой, и лишенные послѣдней надежды получить изъ дому помощь, они взорвали свои крѣпости и погибли подъ развалинами взрыва.

Дунгане низвергнувъ установленное правительство, сотни лѣтъ управлявшее страною, и которое, не смотря на повторявшіяся возмущенія, производимыя въ западныхъ городахъ Коканской фамиліей Кхоія, возвело её до такой степени процвѣтанія и богатства, какой она не знала со времени упадка Чагатайскаго правленія въ четырнадцатомъ столѣтіи, теперь оставили страну безъ предводителя, безъ опредѣленнаго плана дѣйствій, и безъ опредѣленнаго цѣли для достиженія.

Въ подобномъ положеніи начальники ихъ всѣ между собою перессорились, и какъ люди всегда занимавшіе до сихъ поръ подначальное положеніе, и не одаренные административными и организаторскими способностями, они очень скоро должны были уступить мѣсто людямъ болѣе способнымъ.

Самымъ первымъ изъ этихъ послѣднихъ былъ начальникъ многочисленной фамиліи магометанскаго духовенства, занимавшей нѣсколько столѣтій въ Кучѣ положеніе наслѣдственныхъ попечителей священной раки въ предмѣстьяхъ города, поставленной для потомства въ память какого-то прежняго мученика за вѣру и причисленнаго къ лику святыхъ за услуги его по распространенію ислама.

Это семейство по религіозному характеру своего призванія, занимало вліятельное положеніе вслѣдствіе уваженія оказываемаго ему

обществомъ и пріобрѣло значительное вліяніе надъ духомъ народа при посредствѣ своихъ церковныхъ обязанностей. И хотя оно вполнѣ было обезпечено относительно повседневныхъ нуждъ крупными доходами съ свободныхъ земель, но все таки не пренебрегало случаями, представлявшимися вслѣдствіе обстоятельствъ ихъ положенія, и увеличивало свои свѣтскія владѣнія parі passu съ духовною властью. Во время революціи, оно по богатству и вліянію, стояло во главѣ китайскихъ подданныхъ, живущихъ въ Кучѣ, независимо отъ положенія, которое они занимали въ обществѣ какъ Кхоіи. Слово Кхоія, надо замѣтить, значитъ «дворянинъ», и дается въ видѣ титула богатымъ купцамъ и духовнымъ лицамъ извѣстнаго, признаннаго положенія, въ родѣ того какъ англичане говорятъ «эсквайръ» и «преподобіе».

Глава этой фамиліи въ Кучѣ былъ нѣкто Рашуддинъ или Рашидуддинъ. Онъ принялъ на себя управленіе дѣлами тотчасъ же послѣ ниспроверженія китайской власти и, назначивъ членовъ своего семейства въ различныя мѣста губерній, лишенныхъ своихъ начальниковъ, весьма быстро собралъ дунганъ—разсѣянное стадо барановъ безъ пастуха—какъ своихъ лучшихъ помощниковъ при учрежденіи независимаго королевства, подъ его верховнымъ управленіемъ какъ короля.

Ниспроверженіе китайскаго управленія совершилось такъ быстро, и народъ былъ такъ индеферентенъ къ ихъ наслѣдникамъ въ управленіи, что Рашуддинъ въ теченіи нѣсколькихъ короткихъ мѣсяцевъ и безъ всякаго серьезнаго сопротивленія, былъ признанъ королемъ, и какъ король получалъ *закятъ* или *ушаръ* со всей страны между Яркандомъ и Турфаномъ, изъ разсѣянныхъ округовъ, управляемыхъ его сыновьями, племянниками и другими родственниками, хотя не всюду управляемыхъ съ тѣмъ согласіемъ въ дѣйствіяхъ и единодушіемъ, какое необходимо для успѣшной администраціи.

Въ то время какъ на сѣверѣ Рашуддинъ утверждалъ власть свою въ мѣстностяхъ, признавшихъ его господство, область Хотанъ на на югѣ и Кашгаръ на западѣ уже перешли во власть двухъ другихъ искателей приключеній, которыхъ временныя и мѣстныя обстоятельства вывели впередъ какъ предводителей и поставили во главѣ дѣлъ каждаго на своемъ мѣстѣ.

Это были муфти Хабибулла, пожилой хотанскій священникъ, недавно вернувшійся изъ богомолья въ Мекку,—путешествіе расширившее

кругозоръ его внѣ предметовъ замкнутой родины, и Садыкъ-Бегъ, кочующій варваръ, разбойничій атаманъ кашгарскихъ киргизовъ.

Страна была раздѣлена между этими тремя самопоставленными правителями, когда въ первые дни 1865 года, Кхоія Бузургъ Ханъ прямой потомокъ Кхоія Афака, выйдя изъ своего мѣстожительства въ Коканѣ, перешелъ проходы Тарикъ Даванъ, чтобы попытаться завладѣть престоломъ своихъ предковъ. Когда онъ отправился на это предпріятіе, то находился въ лагерѣ коканскаго правителя, Алимкула, который захватилъ власть отъ Худояра, законнаго хана, и находился въ это время во главѣ своихъ войскъ и приверженцевъ, защищавшихъ Ташкентъ противъ русскихъ. Предводитель кипчаковъ, не вѣря въ силы своего могущественнаго врага, одобрилъ предпріятіе Кхоія, надѣясь вторично возстановить коканское вліяніе въ западныхъ округахъ Кашгара, и отправилъ его съ пожеланіями ему лучшаго успѣха.

Алимкулъ при настоящихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ не могъ удѣлить Кхоіи часть своихъ войскъ, но назначилъ одного изъ своихъ довѣренныхъ намѣстниковъ и сторонниковъ въ проводники Бузургъ Хану какъ военоначальника войскъ, которыя онъ наберетъ въ Коканѣ. Въ 1864 году въ ноябрѣ мѣсяцѣ оба они отправились туда изъ Ташкента, чтобы начать приготовленія къ дѣйствіямъ противъ Кашгара.

Въ концѣ года Бузургъ Ханъ выступилъ изъ Кокана съ отрядомъ въ шестьдесятъ шесть человѣкъ подъ начальствомъ Якубъ Бега *Батурбаши* или «предводителя храбрецовъ» (намѣстника даннаго Алимкуломъ) узбека изъ Писката около Ташкента, который занималъ должность *кушбега*, или «начальника округа» подъ послѣдовательными управленіями въ Коканѣ Маллахъ Хана, Худояръ Хана, и Алимкула. По прибытіи въ Кашгаръ, онъ былъ радостно встрѣченъ народомъ, какъ избавитель — такъ какъ народъ былъ доведенъ до крайняго отчаянія гнетомъ ненасытнаго Садыка, и жестокимъ самовольствомъ беззаконныхъ киргизовъ, — и тотчасъ же поселился какъ царь во дворцѣ. Прежде всего онъ поручилъ своему батурбаши привести въ порядокъ городъ и организовать армію изъ находящихся въ Коканѣ и Афганѣ жителей.

Безполезно подробно разбирать здѣсь жизнь этого замѣчательнаго человѣка, какъ и жизнь его господина Кохія Бузургъ Хана. Описаніе его жизни, составленное изъ свѣдѣній, какія я только могъ собрать во время пребыванія нашего въ странѣ, было представлено мною правительству въ моихъ «Историческихъ очеркахъ Кашгара и общаго описанія страны». Достаточно сказать, что Кхоія Бузургъ Ханъ, вѣрный своему родовому характеру, достигнувъ такъ быстро престола, тотчасъ же передалъ управленіе дѣлами своему генералу, а самъ въ это время бросился въ необузданный развратъ и пороки. Его батурбаши, руководимый инстинктами своей честолюбивой натуры и подкрѣпленный опытомъ, пріобрѣтеннымъ во время двадцати-пятилѣтнихъ безпорядковъ, раздоровъ и споровъ, пережитыхъ имъ дома, воспользовался благопріятнымъ случаемъ и захватилъ власть для себя самаго, постепенно распространяя ее по всей странѣ, какъ «сторонникъ ислама» подъ религіознымъ титуломъ «Аталика Гхази». Въ этомъ случаѣ ему много благопріятствовали обстоятельства времени: а именно, слабость пекинскаго правительства съ одной стороны, и завоеванія русскихъ съ другой.

Около этого времени — прибытія въ страну коканскаго или андижанскаго отряда — вѣсть о революціи въ Кашгарѣ начала понемногу проникать черезъ проходы въ Индію съ караванами незначительныхъ купцовъ Ярканда и Хотана. Теперь эти люди стали ходить въ Кашмиръ въ большомъ числѣ, чѣмъ прежде, и преимущественно передъ купцами Кашгара, Аксу и другихъ сѣверныхъ городовъ территоріи, посѣщавшихъ русскіе рынки ближайшихъ мѣстностей, для пріобрѣтенія необходимыхъ товаровъ, которыхъ они внезапно лишились вслѣдствіе прекращенія путей сообщенія съ Китаемъ.

Появленіе этихъ неизвѣстныхъ купцовъ въ Пенджабѣ, и ихъ разсказы о требованіяхъ ихъ страны, теперь совершенно отрѣзаной отъ естественныхъ источниковъ для пріобрѣтенія товаровъ, вслѣдствіе ниспроверженія правительства, котораго прежде они были подданными, скоро возбудили интересъ и доставили имъ торговыхъ друзей по линіи ихъ пути, друзей, желавшихъ создать торговлю со странами на сѣверъ отъ Гималая.

Вслѣдствіе представленій, сдѣланныхъ объ этомъ предметѣ, правительство устроило въ 1866 году въ Палампурѣ ярмарку съ необыкновенно большими льготами, чтобы поощрить развитіе торговли съ Центральной Азіей по пути черезъ Малый Тибетъ. По видимому яркендскіе купцы оцѣнили эти льготы, и на выраженіе ихъ пріязни и благодарности за радушный пріемъ, оказанный имъ, нѣ-

которые смотрѣли, какъ на лучъ надежды, какъ на вѣрное предзнаменованіе скораго развитія дѣйствительно выгодной торговли съ мѣстностями, казавшимися весьма обширными и населенными милліонами народа, желающаго покупать чай и хлопокъ и разные другіе товары, которыхъ они не могутъ добыть обыкновенными, прежними путями; многіе думали, что ради того они станутъ отъ насъ въ зависимость, такъ что намъ останется только удовлетворить ихъ желанія, и пожинать въ награду за наши труды чистой выгоды отъ пятидесяти до семидесяти пяти процентовъ.

На этой дорогѣ,—не то, что по дорогамъ территорій нашихъ западныхъ сосѣдей белуджистанцевъ и авганцевъ; здѣсь нѣтъ выкуповъ отъ разбойниковъ, которые грабятъ и убиваютъ васъ даже послѣ того, какъ вы заплатили выкупъ жадной шайкѣ; но есть опасности другого рода. Ѣдущимъ по этой дорогѣ слѣдуетъ больше бояться опасностей и трудностей отъ самой страны, чѣмъ нападеній разбойниковъ и прижимокъ сборщиковъ пошлинъ; потеря нѣсколькихъ пальцевъ на рукахъ и на ногахъ отъ мороза и смерть большаго или меньшаго количества лошадей отъ трудности пути и негостепріимнаго характера мѣстности и климата,—худшая изъ случайностей, которыхъ можно ожидать.

Но, привлеченные заманчивой картиной такихъ хорошихъ барышей и поощренные свободнымъ доступомъ на новый рынокъ, нѣсколько туземныхъ купцовъ попытались совершить это путешествіе и возвратились довольные успѣхомъ своихъ операцій. Вслѣдствіе этого, въ 1868 году, торговля получила новый толчекъ послѣ поѣздки предпріимчиваго чайнаго плантатора, который, отправившись изъ своей маленькой плантаціи въ Кангрѣ, набралъ въ Яркендъ большой выборъ всякаго товара.

Мистеръ Р. Б. Шау напечаталъ чрезвычайно интересное описаніе своего путешествія и приключеній въ странѣ и изобразилъ особенный характеръ народа—столь различнаго отъ народовъ Индіи—необыкновенно вѣрно; но онъ не вполнѣ вѣрно отнесся къ естественнымъ препятствіямъ страны, и не ясно указалъ на непреодолимыя трудности прохода, какъ торговой дороги, въ извѣстное время года. Кромѣ того во время шестимѣсячной, принудительной безвыѣздной жизни своей въ этой странѣ, онъ при своемъ добродушіи усмотрѣлъ энтузіазмъ въ пріемѣ его, чѣмъ и можно объяснить, въ нѣкоторой степени, его пропуски при указаніи нѣкоторыхъ фактовъ, касающихся

населенія и средствъ страны, и особенныхъ условій ея политическаго существованія, которыя, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, должны были бы непремѣнно обратить на себя вниманіе путешественника.

Господа Шау и Гейвардъ, послѣдній изъ которыхъ рискнулъ изслѣдовать страну съ географическою цѣлью, вмѣстѣ прибыли въ нее съ юга въ то время, какъ капитанъ Рейнталь и нѣсколько русскихъ купцовъ, подъ конвоемъ отряда казаковъ, прибыли съ сѣвера. Они были задержаны на пути своемъ ко двору Аталыка Газы, пока русскій уполномоченный не кончилъ дѣла, для переговоровъ о которомъ онъ былъ посланъ, и тогда ихъ проводили въ Кашгаръ, какъ описываетъ г. Шау въ своей извѣстной книгѣ.

Г-да Шау и Гейвардъ были не первыми европейцами, проникнувшими въ послѣдніе годы въ Кашгаръ съ нашей стороны проходовъ. Интересъ британской публики къ странамъ Татаріи былъ въ послѣднее время впервые возбужденъ экспедиціей ученаго путешественника Адольфа Шлагинтвейта, проникнувшаго въ 1857 году въ Кашгаръ. Прибывъ туда во время возстанія, произведеннаго бунтовщикомъ Кхоія Вали Ханомъ, онъ палъ несчастною жертвою безумства кровожаднаго тирана.

Въ 1865 В. Р. Джонсонъ спустился съ Тибетскихъ горъ къ сѣверу, а въ сентябрѣ и въ октябрѣ этого же года онъ посѣтилъ Хотанъ, какъ гость его новаго царя Хабибулла падишаха. Въ то время Аталикъ Газы былъ еще кушбегомъ Якубъ-Бегомъ, и начальствовалъ надъ войсками Кхоія Бузургъ Хана, водворившагося царемъ въ Кашгарѣ, и оспаривалъ въ пользу его владѣніе Яркандомъ противъ войскъ, домогавшихся его для Рашудина. Вслѣдъ за возвращеніемъ г. Шау въ Индію въ 1869 году, Мирза Шади, въ видѣ посла (такимъ же посломъ онъ былъ посланъ въ предъидущемъ году въ русскую столицу) уѣхалъ отъ Аталика Гази къ вице-королю. Онъ вернулся въ 1870 г. съ миссіей мистера Форсита, членами которой были и докторъ Джоржъ Гендерсонъ и мистеръ Шау. Докторъ Гендерсонъ описалъ намъ свое путешествіе, затрудненія, встрѣтившіяся имъ на пути и несчастіе, случившееся съ ихъ багажемъ. Не смотря на помѣхи, онъ, къ чести своей, при помощи своихъ сотрудниковъ мистера Юма и другихъ возвысилъ интересъ книги хорошими иллюстраціями по части орнитологіи и ботаники тѣхъ мѣстъ, гдѣ они проѣзжали. Кромѣ того — что насъ здѣсь собственно и интере-

суетъ—онъ познакомилъ насъ съ Кази-Якубъ-Ханомъ будущимъ посломъ, съ которымъ я надѣюсь еще короче познакомить моихъ читателей въ послѣдующемъ разсказѣ, называя его Хаджи Тора.

Вслѣдъ за возвращеніемъ экспедиціи мистера Форсита въ Индію, послѣ весьма небольшой остановки въ Яркендѣ, прибылъ Аграръ-Ханъ Тора, какъ посланникъ Аталика-Гази къ вице-королю; и въ Кашгаръ прибыло русское посольство, съ барономъ Каульбарсомъ во главѣ, для переговоровъ о торговомъ трактатѣ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ отъѣзда русскихъ, довольныхъ исполненіемъ своего порученія, Аграръ-Ханъ вернулся въ Кашгаръ изъ поѣздки своей въ Индію, и, не медля, въ ноябрѣ 1872 года, другъ нашъ Сайидъ-Якубъ-Ханъ-Кази былъ отправленъ посломъ Аталика-Гази къ вице-королю Индіи и къ турецкому султану. Это приводитъ насъ къ отправленію британскаго посольства въ Кашгаръ въ 1873—74 годахъ.

Послѣ выхода въ свѣтъ книгъ мистера Шау и доктора Гендерсона, можетъ показаться слишкомъ смѣлымъ съ моей стороны желаніе навязать еще описаніе страны, уже такъ хорошо обрисованной ими. Но убѣжденный, какъ важны для насъ послѣднія и подробныя свѣдѣнія, относящіяся до странъ, лежащихъ съ этой стороны нашихъ индѣйскихъ владѣній, и въ особенности свѣдѣнія о громадности интересовъ, связанныхъ съ характеромъ политики—какова бы она ни была, и какую слѣдуетъ принять нашимъ государственнымъ людямъ относительно независимыхъ еще теперь государствъ Средней Азіи, я смѣю надѣяться, что самый незначительный итогъ, прибавленный къ суммѣ знаній, уже пріобрѣтенныхъ публикой о цивилизованныхъ обществахъ и государствахъ, исторія и источники—естественные и промышленные—этихъ государствъ, и особенно свѣдѣнія о новомъ независимомъ ханствѣ Кашгарскомъ, не могутъ быть лишними, тѣмъ болѣе, что дѣла этихъ отдаленныхъ и недосягаемыхъ мѣстностей теперь болѣе, чѣмъ когда либо, стали возбуждать необыкновенный интересъ, какъ континентальныхъ народовъ Европы, такъ и нашей британской публики и нашихъ индѣйскихъ подданныхъ, находящихся такъ близко отъ разбираемыхъ мѣстностей.

И такъ, руководясь подобными убѣжденіями — отстраняясь отъ разсужденій о политикѣ, какъ о задачѣ, не входящей въ мои рамки—я рѣшаюсь представить полный отчетъ о поѣздкѣ и приключеніяхъ кашгарскаго посольства въ 1873—74 годахъ, съ такого рода по-

дробностями относительно народа и страны, какія мы только имѣли возможность собрать.

Наконецъ, отдавая книгу свою на судъ публики, я могу только прибавить, что она была написана въ свободные часы, во время отдыха, послѣ трехлѣтней постоянной, тяжкой работы различнаго характера, и при обстоятельствахъ, лишавшихъ меня возможности дѣлать указанія на статьи и на авторовъ.

Алжиръ, 28-го марта 1875 года.

ВВЕДЕНІЕ.

Прежде чѣмъ вести читателя черезъ горные проходы, слѣдуетъ сдѣлать краткую замѣтку о странѣ, лежащей передъ нимъ, чтобы избѣгнуть отступленій при разсказѣ о путешествіи. Вслѣдствіе этого, мы въ короткихъ словахъ напомнимъ читателю о географическомъ положеніи и физическомъ характерѣ этихъ мѣстъ, и представимъ ему краткій очеркъ ихъ народовъ и главныя событія ихъ прошедшей исторіи.

Территорія Кашгарскаго ханства во времена арабскаго завоеванія была извѣстна подъ именемъ Кичикъ Бухары или «Малой Бухары», а подъ управленіемъ Чагатаевъ—Муголлестана или «Земли моголовъ»; въ новѣйшее же время европейскіе читатели знаютъ ее подъ названіемъ Восточнаго или Китайскаго Туркестана. Она обнимаетъ все теченіе рѣки Тарлана, протекающей съ востока на западъ между параллельными рядами Тіаншанскихъ горъ на сѣверѣ и Куэнлунскихъ на югѣ. На западѣ она отдѣляется отъ водъ Оксуса — въ Бухарскомъ ханствѣ—рядами Болорскихъ горъ и Памирскихъ степей, которыя, распространяясь къ сѣверу и югу, соединяютъ двѣ другія горныя границы, а съ востока—за Турфаномъ на сѣверѣ и Чачаномъ на югѣ—она граничитъ большой пустынею Гоби.

Въ предѣлахъ этихъ границъ страна представляетъ громадную волнообразную долину, склонъ которой идетъ чрезвычайно отлого къ западу и главное возвышеніе которой можно опредѣлить отъ трехъ до четырехъ тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря. Характеръ этой мѣстности представляетъ самую голую пустыню—громадное пространство сплошнаго песка и ослѣпляющихъ солончаковъ, пересѣченныхъ по всѣмъ направленіямъ холмами и наносными пригорками съ самою скудною растительностью и съ полнѣйшимъ отсутствіемъ какой бы то ни было животной жизни. Такова картина, представляющаяся взорамъ и простирающаяся всюду вплоть до горизонта, непосредственно за руслами рѣкъ и за береговыми ихъ пониженіями.

Ряды горъ, съ трехъ сторонъ окружающія территорію, могутъ считаться самыми высокими въ свѣтѣ, и вершины ихъ покрыты массами снѣга большей или меньшей величины. Ледники на сѣверѣ и на западѣ питаютъ главныя рѣки страны, а въ лѣтнее время вслѣдствіе сильной воды онѣ выходятъ изъ береговъ и покрываютъ песчаное свое ложе. Всѣ рѣки истекаютъ изъ горъ, окружающихъ съ трехъ сторонъ это замкнутое пространство и, слѣдуя болѣе или менѣе къ востоку, стекаются къ средней долинѣ. Въ различныхъ мѣстахъ ихъ теченія они соединяются, чтобы образовать рѣку Таримъ, которая теряется въ громадныхъ болотахъ и лагунахъ извѣстныхъ подъ именемъ Лобъ и, какъ говорятъ, занимающихъ окружность въ три, въ четыре мѣсяца пути. Объ этомъ громадномъ пространствѣ извѣстно только, что на немъ живетъ дикая раса изгнаннаго народа, избѣгающаго общежитія, и который дѣлитъ пріютъ въ лѣсахъ и въ камышахъ, съ естественными обитателями ихъ—кабанами, пантерами, тиграми и волками. За лагунами тянутся неизслѣдованныя степи блестящихъ свѣтлыхъ солончаковъ, проходимыхъ только для дикихъ верблюдовъ, которые въ этой привольной пустынѣ плодятся, и живутъ, и умираютъ, не вѣдая образа жизни и рабства своихъ прирученныхъ братій.

Вслѣдствіе характера страны и безплодія почвы, населеніе сколпено отдѣльными группами на краяхъ горъ около береговъ рѣкъ, гдѣ онѣ протекаютъ по долинамъ. Оно образуетъ отдѣльныя населенія или государства, отдѣленное одно отъ другаго большимъ или меньшимъ пространствомъ совершенно голой степи, по большей части состоящей изъ песка или наносовъ и при различномъ количествѣ солончаковъ.

Отрѣзанные другъ отъ друга, большая часть этихъ поселеній, продовольствуя, управляя и защищая сами себя, образуютъ независимыя маленькія общества, соединенныя на общемъ громадномъ пространствѣ страны въ одну или въ нѣсколько лигъ или партій, смотря потому, какъ вліяютъ на различныя общины политическіе безпорядки времени, и пагубное дѣйствіе мѣняющихся династій. У каж-

даго изъ этихъ отдѣльныхъ государствъ или поселеній есть центральная укрѣпленная столица, вокругъ которой тянется предмѣстье, а за предмѣстьемъ сельское населеніе, болѣе или менѣе густое, смотря по легкости орошенія и по возможности обработки земли.

На Кашгарской территоріи существуетъ тринадцать такихъ отдѣльныхъ поселеній, за исключеніемъ гористыхъ Воханскаго и Сарыкульскаго округовъ, аріанское населеніе котораго совершенно другаго рода и языка, чѣмъ турки и татары всей остальной территоріи; притомъ все населеніе страны осѣдлое. Яркандъ самое большое и самое многолюдное изъ всѣхъ поселеній. При китайцахъ это было мѣстомъ пребыванія начальства, и при сборѣ податей, тамъ считалось 32,000 домовъ, изъ которыхъ четвертая часть причислялась къ городу и предмѣстьямъ.

При настоящемъ управленіи, эти поселенія раздѣлены на семь губерній, управляемыхъ *Дадхвахомъ*, подъ прямымъ вѣдѣніемъ самаго хана.

По порядку, слѣдующему отъ юга кругомъ къ сѣверу и востоку, идутъ: Кутанъ или Хотанъ, Чачанъ, Яркандъ, Кашгаръ съ Янги Хиссаръ и Маралбаши, Аксу и Учъ-Турфанъ, Куча, Курла, Карашаръ, и Турфанъ или Куна Турфанъ «Старый Турфанъ», какъ называютъ его въ отличіе отъ маленькаго земледѣльческаго поселенія того же имени.

Общій видъ этихъ поселеній представляетъ картину благосостоянія и обилія. Это настоящіе оазисы въ сухой и безплодной пустынѣ; они производятъ на поляхъ своихъ все, что необходимо для независимаго существованія, касающееся продовольствія и одежды для своего нормальнаго населенія; но они не могли бы выдержать запроса болѣе прихотливаго.

Земледѣліе зависитъ тутъ совершенно отъ запасовъ водъ. А количество воды, вслѣдствіе небольшихъ размѣровъ рѣкъ, ограничено до крайности. То же что есть, употребляется съ пользою, и разливается по обработаннымъ полямъ по безчисленнымъ каналамъ и по перекопамъ для орошенія, снабжаясь или рѣками или ручьями.

Сельское населеніе живетъ вдоль этихъ потоковъ отдѣльными усадьбами, обыкновенно состоящими изъ кучки въ три, четыре поселенца, окруженными ихъ полями, виноградниками, огородами и плантаціями. Эти усадьбы распространяются какъ лучи отъ предмѣстій городовъ, по всѣмъ направленіямъ до самыхъ окраинъ обработываемыхъ мѣстъ, послѣ которыхъ начинается пустыня, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, они образуютъ непрерывную полосу деревьевъ, полей и домовъ, продолжающуюся на разстояніе десяти, пятнадцати миль вдоль русла широкихъ каналовъ.

Путешественникъ, подъѣзжающій со стороны пустыни, съ перваго взгляда на такія поселенія воображаетъ, что они густо населены и чрезвычайно богаты; но, войдя въ очаровательное мѣсто, дѣйствительность вскорѣ становится ему ясною. Онъ находитъ, что масса густой зелени, столь привлекательная вслѣдствіе своей свѣжести, побольшей части принадлежитъ деревьямъ непроизводительнымъ — годнымъ только на топливо, постройку и для тѣни—какъ напримѣръ ива, тополь и вязъ, а другія тоже очень обыкновенныя здѣсь деревья, какъ тутовое и орѣховое, не могутъ служить источникомъ продовольствія, хотя онѣ и полезны въ другомъ отношеніи—какъ не требующія большаго ухода. Онъ найдетъ, что дома жителей такъ далеко и рѣдко разбросаны, что пятьдесять домовъ покрываютъ пространство, на сколько видитъ глазъ, радіусомъ въ одну или двѣ мили. Онъ замѣтитъ, что куски полей и садовъ между домами производятъ пшеницу, ячмень, маисъ и рисъ, хлопокъ, ленъ, и коноплю, точно также какъ табакъ, дыни, люцерну, стручковые плоды и всѣ овощи, растущіе въ англійскихъ огородахъ.

Перечень дологъ, но не сооотвѣтствуетъ оборотной сторонѣ; потому что, разспросивъ, путешественникъ узнаетъ, что растенія въ этихъ мѣстахъ даютъ плодъ только между апрѣлемъ и октябремъ, и что сборъ шести мѣсяцевъ долженъ кормить народъ въ продолженіи двѣнадцати мѣсяцевъ, безъ всякой помощи внѣшнихъ подвозовъ. Эти обстоятельства, соединенныя съ пространствомъ и характеромъ различныхъ поселеній, дѣлаютъ населеніе этихъ мѣстъ, которое не можетъ добыть себѣ достаточнаго продовольствія, гораздо ниже предполагаемаго.

Во время пребыванія нашего въ странѣ, я тщательно изслѣдовалъ этотъ предметъ, и пришелъ къ заключенію, что населеніе Кашгарской территоріи, въ обозначенныхъ предѣлахъ, включая въ него и кочующихъ киргизовъ, подданныхъ хана, и горныя орды мустаховъ и сарыкульцевъ, далеко не превышаетъ полутора милліоновъ душъ.

Впрочемъ, страна не лишена нѣкоторыхъ естественныхъ продуктовъ значительной цѣнности и обладаетъ множествомъ минеральныхъ богатствъ, которыя могутъ сдѣлаться источниками значительныхъ со-

стояній. Знаніе этого факта и заставляло китайцевъ такъ упорно держаться этой отдаленной и дорого стоившей пограничной провинціи ихъ имперіи. Подъ ихъ владычествомъ золотые рудники и каменноломни Хотана, мѣстные рудники Калистана, и серебрянные и свинцовые рудники Кошараба, давали средства къ существованію тысячамъ семействъ китайскихъ эмигрантовъ и татарскихъ колонистовъ. Уголь Аксу и Куна Турфана служилъ въ тѣ времена обыкновеннымъ топливомъ въ каждомъ домѣ; въ этой части территоріи желѣзо изъ Кизили доставляло имъ матеріалъ для выдѣлки домашнихъ инструментовъ, тогда какъ Кальпинская сѣра и квасцы, нашатырь и цинкъ волканическихъ мѣстъ къ сѣверу отъ Аксу—Канъ Кура Таха—служили матеріаломъ для производства различныхъ промышленныхъ занятій, и снабжали своимъ матеріаломъ красильщиковъ, кожевенниковъ и другихъ туземныхъ ремесленниковъ.

Животные продукты страны преимущественно пріобрѣтались черезъ Лобскихъ охотниковъ, которые вымѣнивали оленьи рога, лебяжій пухъ, выдровыя шкуры, и другіе мѣха, въ томъ числѣ шкуры тигра и пантеры, на хлѣбъ, хлопокъ, чай и ножевой товаръ. Турфанская шерсть и Хотанскій мускусъ отправлялись въ Кашмиръ; первая—для выдѣлки замѣчательныхъ шалей, а другой — для москательной продажи въ Индію. Овцы, лошади, быки удовлетворяютъ потребностямъ домашняго хозяйства и продовольствія, и промѣниваются киргизами на шелкъ, хлопокъ, чай и кожевенные товары. Дикій верблюдъ Лобской пустыни, тигръ Маральбашискихъ лѣсовъ, и *маралъ*, или олень тѣхъ мѣстностей, кабанъ камышей, окаймляющихъ рѣки, степная газель и горная антилопа, дикая лошадь и дикій баранъ (Ovis Poli) отлогихъ горъ, и дикій *якъ* или *кутасъ* (bos grunniens) снѣжныхъ вершинъ—служатъ предметомъ охоты сосѣднимъ племенамъ точно также какъ фазанъ, куропатка и заяцъ, съ тетеревами и дикой уткой долины, и снѣговымъ фазаномъ, составляютъ предметъ охоты охотниковъ тѣхъ мѣстностей.

Шелкъ и хлопокъ — сырьемъ и необдѣланные — изъ Хотана и Турфана продаются въ Коканѣ и въ сосѣднихъ китайскихъ провинціяхъ, въ то время какъ конопляное масло или *бангъ* Ярканда составляетъ главный предметъ вывоза въ Кашмиръ и Пенджабъ. Остальное же—ковры и войлоки Хотана, сапоги и мѣха Ярканда, и сѣдла, сбруя и шорныя издѣлія Аксу,—вымѣниваются между многими округами территоріи на мѣстные предметы, какъ напримѣръ,

на хотанскихъ коровъ и муловъ, на яркандскіе орѣхи и сухіе фрукты, на кашгарское льняное сѣмя, на аксускій табакъ, на турфанскихъ овецъ и т. д.

Таковы общія географическія черты территоріи и главные продукты ея. Климатъ ея точно также особенный и перемѣнчивый. Главная особенность его заключается въ крайностяхъ температуры въ половинѣ лѣта и въ серединѣ зимы, въ общей сухости атмосферы и рѣдкости дождей и въ періодическихъ вѣтрахъ и песчаныхъ буряхъ, проносящихся по ней. Упорство и продолжительность ихъ измѣняется, смотря по различнымъ мѣстностямъ, и характеръ ихъ, кромѣ того, умѣряется дѣйствіемъ мѣстныхъ причинъ.

Такимъ образомъ температура, доходящая въ западныхъ округахъ до 26° Фар. ниже нуля зимою, и поднимающаяся на солнцѣ до 150° Фар. лѣтомъ, говорятъ, гораздо ровнѣе и умѣреннѣе въ восточныхъ округахъ страны, гдѣ, какъ напримѣръ на Лобѣ и въ Турфанѣ, холода умѣреннѣе и не такъ продолжительны, хотя лѣтніе жары тягостнѣе вслѣдствіе густыхъ паровъ, поднимающихся отъ солнечныхъ лучей изъ болотъ, покрывающихъ громадное пространство въ этихъ мѣстахъ.

Постоянный сѣверо-западный вѣтеръ, дующій въ долинахъ весною, смѣняется осенью сильными бурями и буранами, которые достигаютъ своего крайняго развитія на восточной серединѣ долины, и поднимаютъ тучи пыли, наполняющія воздухъ полнѣйшимъ мракомъ на сотняхъ квадратныхъ миль. Дождь рѣдко идетъ въ долинѣ и иногда падаетъ мѣстами и то весьма скудно; впрочемъ это къ счастью для народа, такъ какъ хорошій ливень, такой, къ какимъ мы привыкли въ Индіи, смылъ бы ихъ мазанки и опрокинулъ бы ихъ на ихъ благочестивыя головы. Снѣгъ идетъ зимою только въ продолженіи нѣсколькихъ дней и накопляется не болѣе какъ на футъ, и то въ западной части долины.

Сильные атмосферическіе переходы во время перемѣнъ временъ года, въ соединеніи съ дѣйствіемъ другихъ вышеупомянутыхъ метеорологическихъ феноменовъ, не остаются безъ вліянія на народное состояніе здоровья; сдѣлать же точное опредѣленіе организма трудно въ такое короткое время.

Во время нашего пребыванія въ здѣшнихъ городахъ, я открылъ лечебницу въ Яркандѣ и въ Кашгарѣ, и изъ громаднаго количества больныхъ, приходившихъ ежедневно, я могъ составить довольно

вѣрную идею о болѣзняхъ, преимущественно господствующихъ между жителями, точно также какъ могъ составить мнѣніе о степени ихъ физіологическаго развитія и крѣпости, какъ народа. Результаты моихъ опытовъ доказываютъ, что масса недуговъ и болѣзней, встрѣченныхъ мною, менѣе можно приписать прямому вліянію климата, чѣмъ можно было бы ожидать; что большая часть ихъ были результатомъ вліянія мѣстныхъ причинъ и происходили отъ недостатка гигіены въ соединеніи съ порочными привычками.

Всего чаще попадались болѣзни воспаленія дыхательныхъ путей, нарывы въ горлѣ и ревматизмы; лихорадки встрѣчались рѣже. Тифоиды и возвратныя горячки попадаются чаще перемежающихся лихорадокъ, замѣчательно рѣдкихъ. Съ другой стороны, золотуха и легочная чахотка, ракъ и опухоли (зобовидныя) являются замѣчательно часто; болѣзни глаза — бѣльмо, нагноеніе и слѣпота, катаракты и темная вода встрѣчаются на каждомъ шагу, какъ результатъ атмосферы, соединенной съ почвеннымъ вліяніемъ.

Воспаленіе дыхательнаго горла разныхъ формъ и видоизмѣненій преобладаетъ въ Яркандѣ и предмѣстьяхъ болѣе, чѣмъ гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ; оно приписывается мѣстному вліянію, происходящему отъ свойствъ почвы и страшнымъ образомъ свирѣпствуетъ въ народѣ. Частые случаи слѣпоты приписываются слишкомъ яркому отраженію бѣлыхъ какъ снѣгъ солончаковъ, почти всюду покрывающихъ корой свѣтлую песчаную почву страны; преобладаніе же зобовъ происходитъ отъ качества воды, протекающей по песку, съ сильною постороннею примѣсью.

Изъ болѣзней, происходящихъ отъ порочныхъ привычекъ и дурнаго образа жизни, мы можемъ упомянуть здѣсь только о тѣхъ, которыя происходятъ отъ общаго употребленія опіума и конопли; онѣ такъ часты, и встрѣчаются въ такихъ серьезныхъ формахъ въ обоихъ полахъ, что образуютъ важное прибавленіе къ общей суммѣ болѣзней, ослабляющихъ физическій организмъ народа. Эти болѣзни весьма разнообразны и по преимуществу соединяются съ разстройствомъ пищеварительныхъ органовъ, и ихъ можно назвать *dyspepsia*; болѣзни эти, при болѣе серьезныхъ формахъ, отвлекаютъ больнаго отъ теченія обычной жизни и часто развиваются въ *hypochondriasis* и *mania* (виды сумашествія).

Изъ вышеупомянутыхъ мною результатовъ о состояніи народнаго здравія въ двухъ главныхъ городахъ страны, видно, что климатъ менѣе вредитъ, чѣмъ общество. На нашъ отрядъ, состоящій изъ 130 человѣкъ, дѣйствіе климата, во время пребыванія нашего въ продолженіе шести мѣсяцевъ въ западныхъ уѣздахъ страны, оказалось только благотворно. Но мы, какъ почетные гости, были окружены всевозможнымъ комфортомъ и заботами объ удобствахъ, и нашъ образъ жизни, въ самое здоровое время года, не можетъ служить критеріемъ, по которому бы можно было заключить объ образѣ жизни населенія, живущаго при гораздо менѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ. Суровый характеръ страны и продолжительность зимняго времени обрекаютъ народъ на праздную жизнь въ теченіи почти полугода, тогда какъ страшное дѣйствіе солнца—усиленное безплоднымъ и пустыннымъ характеромъ страны — въ остальное время года лишаетъ ихъ способности переносить физическій трудъ, какъ переносятъ его жители болѣе умѣреннаго климата; въ то же самое время—при условіяхъ, требующихъ полной энергіи народа для добыванія средствъ существованія—это же мѣшаетъ свободному развитію умственныхъ способностей по стезѣ науки илил итературы, и не возвышаетъ искусствъ цивилизованной жизни, какъ напримѣръ: архитектуру, живопись, механическія искусства и такъ далѣе, на степень, хотя немного превышающую простыя варварскія формы. Вотъ какія можно вывести заключенія изъ того, что мы узнали о странѣ и о ея народѣ. Послѣдняго мы всюду видимъ прилично одѣтымъ и сытымъ — не будь этого, онъ не могъ бы существовать въ подобномъ климатѣ; но въ то же самое время мы замѣчаемъ, что онъ замѣчательно лишенъ силы выносить какую нибудь продолжительную физическую работу, въ особенности ходьбу, такъ что даже самый бѣдный совершаетъ переходы верхомъ на ослѣ. Литература ихъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ сочиненій цвѣтущей эпохи Чагатайской власти, очень ничтожна и состоитъ преимущественно изъ теологическихъ книгъ, ввыпущенныхъ духовенствомъ Бухары и Кокана. Города ихъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ развалившихся мечетей арабскаго періода, лишены зданій какого бы то ни было архитектурнаго достоинства, тогда какъ мазанки ихъ, составляющія города и села, ни минуты нельзя сравнивать съ живописными зданіями какого нибудь индѣйскаго города; матеріальная сторона постройки, элегантный стиль и красивый рисунокъ индѣйскихъ построекъ вовсе неизвѣстны въ Кашгарѣ,—неизвѣстны даже въ постройкѣ дворцовъ царей или хоромъ дворянъ, отличающихся только

объемомъ, внутреннимъ комфортомъ и убранствомъ отъ скромной мазанки съ плоской крышей простаго поселянина.

Въ странѣ нѣтъ заводовъ, и она не производитъ какихъ нибудь особенныхъ предметовъ искусствъ такого достоинства, которое можно было бы мѣнять съ сосѣдями на какія нибудь другія нужныя вещи. Шелковыя хотанскія фабрики гораздо ниже коканскихъ, и произведенія ихъ не находятъ спроса за границами ихъ собственной территоріи; ихъ грубый хлопокъ и кошмы продаются только на простыхъ рынкахъ Кокана. Точно также и яркандскіе сапоги и сѣдла Аксу нейдутъ далѣе киргизскаго кочевья у окраинъ страны. Турфанская шерсть—самая тончайшая въ мірѣ—не обработывается дома во что нибудь хорошее, хотя въ рукахъ кашмирцевъ она обращается въ шали, знаменитыя по всему міру. Высоко цѣнимыя китайцами каменоломни нефрита, приносили пользу только выдѣлывавшимъ его китайскимъ эмигрантамъ—артистамъ изъ центра имперіи. Внѣшняя торговля страны зависитъ отъ ея сыраго материяла и естественныхъ продуктовъ, а не отъ мануфактуръ и произведеній искусства. Золото и шелкъ, мускусъ и нефритъ, *бангъ* и шерсть — вотъ все, что страна можетъ дать въ замѣнъ чая, сахара, пряностей и москательнаго товара; бумажныя матеріи и кисеи, шелкъ и атласъ, бархатъ и парчу покупаетъ только богачъ, а мѣха, ножевой товаръ, желѣзный товаръ нуженъ во всякомъ хозяйствѣ. Для развитія этихъ естественныхъ источниковъ богатства страны нужны помощь, хорошее управленіе и гораздо болѣе просвѣщенная администрація, чѣмъ какую можно ожидать отъ такихъ магометанскихъ правителей невѣжественныхъ деспотовъ, какіе правятъ маленькими областями въ Средней Азіи; это притоны варварства, несправедливости, фанатизма и гнета, образующіе отдѣльные участки между цивилизованными и христіанскими правительствами Великобританіи и Россіи. На вышеприведенные факты, рисующіе недостаточность энергіи народа, населяющаго теперь Кашгарскую территорію, нельзя смотрѣть какъ на результатъ климата, въ которомъ онъ живетъ, хотя нѣтъ сомнѣнія, что дѣйствіе его не остается безъ нѣкотораго вліянія, которое вмѣстѣ съ другими условіями ихъ положенія и управленія и создало описанное положеніе дѣлъ.

Изъ исторіи мы знаемъ, что мѣста, занятыя теперь Кашгарскимъ народомъ, были въ былыя времена мѣстомъ жительства расы, потомки которой заселяли громадныя обширныя пространства, и до-

шли до высокой степени искусства и цивилизаціи въ промышленности и предпріятіяхъ, въ могуществѣ и богатствѣ. Изъ громадныхъ долинъ между Гималаемъ и Алтаемъ и изъ ущелій горныхъ хребтовъ, діагонально идущихъ между ними, вышли предки саксонскаго племени Европы и ихъ аріанскіе единоплеменники въ Индіи. Но первобытная родина не знаетъ ихъ болѣе, и только нѣсколько незначительныхъ племенъ первоначальнаго рода живутъ еще теперь въ недосягаемыхъ мѣстахъ горъ, гдѣ они называются совершенно другимъ племенемъ.

На склонахъ Гиндукуша — настоящаго Кавказа — находимъ мы чистаго кавказца, представителя настоящаго Сака, Суи или Сакоя, которые были изгнаны изъ долинъ родственными племенами Ючи, Гето, Іатта или Готъ, такъ какъ самихъ ихъ прогнали громадныя орды неизвѣстныхъ варварскихъ племенъ, вышедшихъ съ сѣвера.

Послѣдовательныя вторженія этихъ сѣверныхъ варваровъ изгнали Сака или Іатта, или Суи и Ючи, какъ зовутъ ихъ китайцы, изъ ихъ первоначальной родины и понудили идти въ Европу по одному пути, и въ Индію по другому.

На западъ они перенесли на почву пріютившую ихъ—какъ Готландія, Ютландія, Англія, Саксонія, и т. д.—имена колонизовавшихся племенъ; а на югѣ они повторили имена поселеній, которыя оставляли за собою, какъ Кази или Бенаресъ (Казихаръ-Кашгаръ) Гари или Гаратъ (Арикандъ-Яркандъ) Куча или Кучаръ (Качаръ), Курла (Коела), Катакъ—теперь развалины—(Куттакъ). Я рѣшаюсь выводить это изъ сходства именъ и по историческимъ лѣтописямъ эмиграціи. Далѣе сѣверныя нагорныя равнины Кашгара извѣстны какъ Ятта Муголъ—названіе ихъ прежнихъ и настоящихъ жителей взятое вмѣстѣ—хотя во времена Тимура (Тамерлана) страна просто называлась Іаттой, не смотря на то, что жители ея были монголы; и очень можетъ быть, что Іатты, или Іаты, или Ятзы Панджаба, тождество которыхъ съ Ючи было доказано, первоначально жили въ этой мѣстности, носящей ихъ названіе.

Ючи были лишены владѣнія Кашгаромъ и прогнаны въ Кабулъ и Кашмиръ, племенами монгольскихъ татаръ, наступавшихъ со стороны Камила и Турфана. Коренное названіе ихъ было Уйхуръ, но китайцы ихъ называли Хіунгу или Хіоунгноу, и они явились въ Европу—гдѣ въ настоящее время представителями ихъ служатъ венгерцы — какъ Уйхуры, Угры, или Хунигуры, Хонгры или Гуны.

Эти уйхуры въ настоящее время населяютъ Кашгаръ, но они много потеряли отличительной типичности расы своего настоящаго рода, вслѣдствіе кавказской примѣси, появившейся вмѣстѣ съ арабскимъ завоеваніемъ; а отъ этого смѣшенія, кромѣ перемѣны физіономій и произрастанія бороды, улучшилось физическое развитіе и умственныя способности.

Они раздѣляютъ территорію съ калмыками и киргизами, которые и есть татары сильно выдающагося могольскаго или монгольскаго типа, и блуждаютъ по сѣвернымъ и восточнымъ окраинамъ территоріи. Калмыки буддисты, а киргизы номинально исповѣдуютъ исламъ, а въ сущности они язычники, какъ мусульмане и называютъ ихъ. Оба эти племя имѣютъ мало сношеній съ осѣдлымъ магометанскимъ населеніемъ со стороны Кашгара, тогда какъ съ другой—къ сѣверу отъ Тіаншяна—гдѣ ихъ больше,—они по большей части русскіе подданные.

Уйхуры, изгнавъ ючи — лѣтъ за двѣсти до христіанской эры—учредили самостоятельное государство въ Кашгарѣ, и вели цѣлый рядъ войнъ противъ Китая, окончившійся покореніемъ ихъ имперіи около 60 года до Р. Х. Впослѣдствіи они впрочемъ возвратили свою независимость, но снова подверглись нападенію китайцевъ, присоединившихъ страну къ имперіи, и въ 94 году послѣ Р. Х. заняли Кашгаръ. Оттуда они прошли черезъ горы въ долину Оксуса, и провели войска свои къ западу, до береговъ Каспійскаго моря.

Съ этого періода до временъ арабскаго завоеванія Бухарской территоріи или Трансоксіаны, въ началѣ восьмаго столѣтія, Кашгаръ былъ болѣе или менѣе вѣрноподданнымъ китайскаго правительства. Пока въ столицѣ было строгое управленіе и во внутреннихъ провинціяхъ царствовалъ порядокъ, Кашгаръ оставался вѣрнымъ и добровольнымъ данникомъ, управляемымъ чиновниками, назначенными отъ императорскаго двора. Во времена же междоусобицы и безпорядковъ въ центрѣ имперіи, Кашгаръ сбросилъ свою подвластность и раздѣлился на нѣсколько небольшихъ княжествъ, подъ управленіемъ независимыхъ мѣстныхъ начальниковъ, воевавшихъ другъ съ другомъ изъ-за господства надъ всей территоріей.

Таковы были отдѣльныя княжества страны въ то время, какъ арабы появились на берегахъ Оксуса въ началѣ восьмаго столѣтія. Эти отважные завоеватели были тутъ остановлены на побѣдоносномъ пути своемъ, и только послѣ цѣлаго ряда кампаній они водворили

на Бухарской почвѣ свою религію и управленіе. Уже во время перваго своего нападенія на эту благочестивую страну, такъ велико было рвеніе ихъ воиновъ и такъ сильно было честолюбіе ихъ генераловъ, что въ 712 п. Р. Х. Кутаибъ пробрался въ Коканъ и, перейдя горы, быстро повелъ экспедицію вдоль Кашгара къ Турфану, къ самой китайской границѣ.

Но смерть калифа Валида принудила его быстро вернуться изъ такого далекаго пункта, и Кашгаръ могъ временно отдохнуть. Между тѣмъ арабы продолжали одерживать побѣды на западѣ и, преслѣдуя съ ужаснѣйшею жестокостью, какъ поклоненіе волхвамъ, такъ и христіанскую религію, они привели всю страну подъ владычество ислама.

Ихъ безпощадный законъ—коранъ или мечъ—былъ точенъ, и не допускалъ никакихъ компромиссовъ. Примите одно—и защищайте права равенства, братства, и покровительства; если же отвергните, то подчинитесь повелѣнію Божіему и острію меча; другаго выбора не было. Коранъ восторжествовалъ и встрѣтилъ такую благопріятную почву, что доктрины его вскорѣ вкоренились и такъ стали процвѣтать, что могли соперничать съ вѣрою въ нихъ, существовавшею въ колебели ихъ зачатія, и черезъ нѣсколько времени образовали центръ самаго фанатическаго поклоненія и исключительнаго рвенія.

Самый важный изъ первоначально обращенныхъ былъ Саманъ, сановникъ изъ послѣдователей Зороастра въ Балкѣ, который принялъ исламизмъ, чтобы снова завладѣть наслѣдственнымъ саномъ, отнятымъ у него при новомъ правительствѣ. Каковы бы тамъ ни были его собственныя убѣжденія, но потомство его было искренними послѣдователями пророка, и мы встрѣчаемъ четырехъ сыновей его сына Ахмада, занимающихъ почетные и важные посты губернаторовъ четырехъ самыхъ значительныхъ провинцій страны — Герата, Самарканда, Ферганы и Ташкента — подъ особеннымъ покровительствомъ калифа.

Назаръ, сынъ Ахмада и губернаторъ Ферганы, сдѣлался, во время возстанія Систанскихъ князей правителемъ всей Бухары и Туркестана и основалъ Саманійскую династію. Братъ его и наслѣдникъ Измаилъ, довелъ саманійское могущество до высочайшихъ предѣловъ, и послѣ смерти своей въ 907 году п. Р. Х. оставилъ государство, распространившееся отъ Испагани и Шираза на западѣ, до

Турфана и Гоби на востокѣ, и отъ Систана и Персидскаго Залива на югѣ до Кипчакскихъ степей и Великой Пустыни на сѣверѣ.

Во время Саманійскаго господства, исламъ былъ впервые распространенъ между уйхурами Кашгара. Тутъ, какъ и въ Оксусской долинѣ, онъ встрѣтилъ положительное сопротивленіе, и, не смотря на обращеніе Сатока Бухра-Хана, наслѣдственнаго правителя Бухары, и рвенія его въ дѣлѣ распространенія, ученіе и законъ не ввелись въ странѣ до тѣхъ поръ, пока Хотанъ—старинная крѣпость буддизма—не была совершенно покорена. Это совершилось послѣ почти двадцатипятилѣтней войны, во время которой цвѣтъ персидскихъ рыцарей завалъ въ невѣдомыхъ пустыняхъ, и цѣлая масса арабскихъ мучениковъ освятила почву своею кровью, пріобрѣтя себѣ печальную память въ безконечномъ календарѣ магометанскихъ святыхъ.

При упадкѣ Саманійской династіи, послѣ царствованія почти въ полтораста лѣтъ—во время котораго персидская литература, задавленная арабами, ожила, и религія, посѣянная ими, была установлена, согласно правовѣрному постановленію *Сунни*, торжествуя надъ ересью *Шіа*, распространяемой лжепророкомъ Мукканномъ — родъ Бухра Хана, царствующій глава котораго назывался Іиликъ Ханъ, перенесъ свою столицу въ Кашгаръ, пріобрѣлъ могущество, и уйхурская имперія растянулась по долинамъ по обѣ стороны Болорскихъ горъ—отъ Каспійскаго моря до Гоби.

Ійликъ Ханъ былъ лишенъ своихъ западныхъ завоеваній сельджучукскими татарами подъ управленіемъ султана Санжара, и съ началомъ раздора въ семьѣ Бухра Хана, Уйхуръ былъ раздѣленъ между ними и вскорѣ покоренъ Каракитайцами изъ монгольской орды, явившимися со стороны Или въ началѣ двѣнадцатаго столѣтія. Горханъ или «Главный начальникъ» — титулъ начальниковъ этихъ кочующихъ ордъ китайскихъ изверговъ—пользуясь притономъ, даннымъ его буддистской арміи на уйхурскихъ окраинахъ, въ то же время воспользовался внутренними раздорами и захватилъ страну себѣ и быстро распространилъ завоеванія до Хивы. Управленіе Каро-Китая, продолжавшееся восемдесять пять лѣтъ, вдругъ было низвергнуто измѣною Кашлука-Хана, который устроиваетъ козни вмѣстѣ съ Кутубуддинымъ Магомедомъ Ховарезмійскимъ шахомъ, чтобы раздѣлить между собою Горханскую имперію.

Этотъ Кашлукъ былъ княземъ найманскихъ киргизовъ — племя, которое, подобно нѣкоторымъ другимъ кочующимъ пастухамъ, исповѣдывало христіанскую религію несторіанскаго толка—и бѣжалъ со своей родины Каракорума отъ ненависти Чингиза, пришедшаго со своими монголами съ сѣверо-востока. Онъ встрѣтилъ радушный пріемъ со стороны предводителя Кара-китайцевъ, и женился на его дочери; но за эти благодѣянія заплатилъ самой низкой неблагодарностью. Когда-же владѣтель Ховарезма, поощренный своими недавними побѣдами надъ Хорасаномъ и Бухарой, отказался платить дань, а Горханъ, не смотря на свои преклонные годы, лично принялъ начальство надъ войскомъ противъ него, Кашлукъ всталъ на сторону Кутубуддина Магомета и, разбивъ армію своего покровителя, посадивъ въ тюрьму своего тестя, захватилъ бразды правленія.

Но не долго онъ удержалъ свою неправильно пріобрѣтенную власть и скоро поплатился жизнью за свое коварство. Чингизъ, управлявшій въ это время племенами на восточныхъ и сѣверныхъ окраинахъ Кашгара, теперь требовалъ покорности Уйхура. Сѣверный отрядъ подъ начальствомъ Айди Кута, тотчасъ же присоединился къ побѣдоноснымъ знаменамъ; Кошлукъ-же, начальствовавшій надъ южнымъ отрядомъ, въ силу прежней непріязни, отказалъ ему въ этомъ. Чингизъ послалъ отрядъ монголовъ подъ начальствомъ двухъ предводителей, чтобы укротить упрямаго предводителя и присоединить его страну. Кашлукъ, оставленный теперь уйхурцами, поспѣшно бѣжалъ въ Хотанъ, въ то время какъ монголы напали на его войска, оставленныя въ Кашгарѣ, всѣхъ ихъ перерѣзали, и бросились въ погоню за бѣглецомъ. Кашлукъ, при приближеніи ихъ, бросилъ свою семью и сокровища, и только съ двумя, тремя приверженцами бѣжалъ въ горы Вохана. Тутъ онъ былъ схваченъ мѣстными пастухами, отдавшими его голову, чтобы умилостивить монголовъ.

Такимъ образомъ около 1220 п. Р. Х. Кашгаръ перешелъ въ руки Чингиза. Территорія его мало пострадала отъ этихъ ужасовъ и грабежей. Подъ великолѣпнымъ, покровительственнымъ и кроткимъ монгольскимъ управленіемъ, Кашгаръ дошелъ до такой высокой степени благосостоянія, какимъ до сихъ поръ еще не пользовался никогда, и города его, находясь по линіи пути большихъ торговыхъ каравановъ между Китаемъ и Европой, пріобрѣли вскорѣ и богатство, и значеніе.

И христіанство вмѣстѣ съ буддизмомъ изгнанное и преслѣдуемое подъ вліяніемъ ислама, теперь вновь появилось въ стра-

нѣ и уживалось съ своими прежними гонителями. Магометанское духовенство, теперь лишенное власти призывать къ мечу, скоро потеряло власть, которую силою сохраняло надъ духомъ народа, и христіанскіе церкви, и буддистскіе храмы воздвигались на развалинахъ мечетей. Въ этотъ періодъ христіанство должно быть пріобрѣло здѣсь достаточное значеніе, что можно заключить изъ того факта, что въ Яркандѣ была епархія епископа въ то время, какъ Марко Поло посѣтилъ страну въ половинѣ тринадцатаго столѣтія.

По смерти Чингиза, его громадное государство было раздѣлено между его сыновьями, и Кашгарская территорія образовала часть государства, назначеннаго Чагатаю. Но по смерти его, случившейся немного лѣтъ спустя, государство распалось на части, и Кашгаръ сдѣлался яблокомъ раздора между соперничавшими князьми Чагатайской линіи, и линіи его брата, Октая, китайскаго *Какана*, и переходилъ частями и весь попеременно то къ одному, то къ другому до тѣхъ поръ, пока наконецъ, въ срединѣ четырнадцатаго столѣтія, онъ пѣликомъ, какъ независимое государство, не достался весь Тоглуку Тимуру потомку Чагатая, который перенесъ столицу свою изъ Аксу въ Кашгаръ, и лѣтомъ жилъ на берегахъ озера Иссыкъ-Куль на сѣверѣ отъ Тіаншана, въ территоріи называющейся Моголистаномъ.

Тоглукъ Тимуръ возстановилъ миръ и порядокъ въ странѣ, устроилъ дворъ свой по образцу монгольской имперіи и возродилъ исламъ, который со времени паденія монгольскаго государства сдѣлался господствующей религіей этихъ странъ. Въ концѣ его царствованія, пользуясь безпорядками разстроивавшими страну, онъ напалъ на Бухару, и оставилъ сына своего Иліаса Кхоія правителемъ Самарканда. Но нѣсколько лѣтъ позднѣе, по смерти Тоглука Тимура, въ 1363 г. послѣ Р. Х. онъ былъ изгнанъ изъ страны Амирзомъ Хусейномъ и Тимуромъ (впослѣдствіи Тамерланомъ), и, достигнувъ Моголистана былъ убитъ Камаруддиномъ Дохлатомъ, губернаторомъ провинціи его отца, который тогда захватилъ весь Кашгаръ и убилъ всѣхъ дѣтей Тохлука Тимура, за исключеніемъ маленькаго сына — Кизра Кхоія—который былъ увезенъ и спрятанъ въ горы за Сарикуломъ и Хотаномъ, Амиромъ Кудададомъ, губернаторомъ Кашгара. Амиръ Тимуръ, сдѣлавшись властителемъ Бухары, совершилъ четыре послѣдующихъ экспедиціи въ Моголистанъ противъ Камаруддина и Іатты. Въ послѣдней экспедиціи Каммаруддинъ былъ убитъ и тогда въ 1383 г. по Р. Х. Кизръ Кхоія былъ вызванъ изъ изгнанія и во-

дворенъ на престолъ Кашгара губернаторомъ — Амиромъ Кудададомъ, сыномъ Болайи и племянникомъ Камаруддина. Онъ не могъ удержать свой кочующій народъ отъ обычныхъ набѣговъ на Ташкентскую границу, и вслѣдствіе этого Тимуръ въ 1389 г. п. Р. Х. предпринялъ свой пятый и послѣдній походъ противъ страны съ громадной арміей, которая, подвигаясь четырьмя отрядами—два съ юга, и два съ сѣвера Тіаншаня—покорила всю страну и, соединившись въ Юлдозской долинѣ, полонила половину населенія, вмѣстѣ съ захваченными рабами, лошадьми и добычей.

Тутъ Тимуръ раздѣливъ громадную добычу рабовъ, лошадей и товаровъ между своими побѣдоносными войсками, и затѣмъ, водворивъ Кизра Кхоія, присягу отъ котораго онъ принялъ и на дочери котораго женился, возвратился въ столицу, оставивъ страну въ такомъ нищенскомъ положеніи и столь опустошенной, что она никогда не могла оправиться отъ удара. Послѣ Кизра Кхоія управленіе переходило къ цѣлому ряду монгольскихъ хановъ, и ихъ потомковъ, царствованія которыхъ ознаменовались безконечнымъ множествомъ безпорядковъ, раздоровъ и кровопролитій—болѣе или менѣе связанныхъ съ положеніемъ дѣлъ въ Бухарѣ, и съ водвореніемъ узбековъ въ Коканѣ и въ сѣверномъ Туркестанѣ—пока, наконецъ, по прошествіи двухъ сотъ лѣтъ власть не перешла въ руки къ Кхоіямъ.

Послѣдніе оказались не лучшими правителями, чѣмъ тѣ, отъ кого они отняли власть, и страна не знала мира до тѣхъ поръ, пока не перешла въ руки китайцамъ.

Послѣ Кизра Кхоія управленіе Моголистаномъ перешло къ сыну его Магомету Хану, современнику Улугъ Бега въ Маваранахарѣ, и Шахрука въ Хоросанѣ, который и былъ послѣднимъ изъ Какановъ или «Императоровъ», управлявшихъ въ духѣ и съ блескомъ, Чагатайскаго двора. Онъ былъ богатый князь и благочестивый мусульманинъ. Во время царствованія его магометанская *шара* была твердо установлена закономъ страны, и государство наслаждалось миромъ и благоденствіемъ.

Во время же послѣдующаго царствованія сына его Шеръ Магомета Хана, страна повергалась въ безпорядки, вслѣдствіе возмущенія Ваисъ Хана, сына брата его Шера Али Оглана, который, собравъ безчисленную шайку киргизовъ и казаковъ, пробѣгалъ страну по всѣмъ направленіямъ и дѣлалъ набѣги на территорію Ташкента и Кокана. Посреди этихъ безпорядковъ умеръ Шеръ Магометъ Ханъ,

и престолъ его перешелъ къ его племяннику, мятежнику Ваисъ Хану. Онъ не могъ болѣе сдерживать безпорядочную шайку бродягъ, собранныхъ имъ, и самъ по наклонностямъ, стремясь къ возбужденіямъ военной жизни, бросилъ заботы объ управленіи и сталъ предпринимать постоянныя безплодныя кампаніи для обращенія калмыковъ.

Амиръ Кудададъ, наслѣдственный губернаторъ Кашгара — избавившій ребенка Кизръ Кхоія отъ когтей его дяди Камаруддина, и этимъ не допустившій прекратиться роду, и въ теченіи трехъ четвертей столѣтія съ искренной преданностью служившій Мугольскимъ ханамъ, и пріобрѣвшій любовь народа своей честностью и справедливымъ управленіемъ — теперь въ преклонныхъ лѣтахъ, не надѣясь болѣе возстановить порядокъ въ странѣ, рѣшился покинуть ее. Онъ позвалъ Улугъ Бега въ Чуй, и передавъ ему Муголистанъ, покинулъ страну, чтобы кончить свою, богатую событіями, жизнь въ священной и мирной мѣстности около гроба Пророка.

Муголы, недовольные такой передачей разсѣялись по степямъ и Улугъ послалъ армію покорить ихъ. Во время битвы на берегахъ Чуй былъ убитъ Ваисъ, и Кашгаръ заняли Самаркандскія войска. Тутъ начался споръ о правахъ наслѣдства между двумя младшими сыновьями Улуха, Юнусомъ и Эшанбогомъ. Сторонники перваго отправили его къ Улуху съ намѣреніемъ поддерживать его притязанія, но тотъ отослалъ дикаго молодого Мугола къ отцу своему Шахруку въ Герать; а тотъ отдалъ его на попеченіе извѣстнаго Маулана Шарифуддина Али Уазди, чтобъ воспитать и образовать его.

Между тѣмъ Эшанбога, будучи просто куклой въ рукахъ мугольскихъ начальниковъ, разъединенныхъ завистью и раздоромъ, былъ наконецъ возведенъ на престолъ Аксу Миромъ Саидомъ Али, который пріобрѣлъ снова свое законное право на Кашгаръ отъ намѣстниковъ Улуга, послѣ четырнадцатилѣтняго отсутствія. Но онъ былъ принужденъ покинуть Аксу для болѣе вѣрнаго пріюта въ своихъ степяхъ, и тутъ разнообразилъ монотонность жизни своей послѣдовательными набѣгами на Сирамъ и Ташкентъ, и нашествіемъ на Коканъ и Андижанъ. Эти враждебныя дѣйствія принудили Абу Саида, наслѣдника Улугъ Бега, вытребовать Юнуса изъ убѣжища его въ Ширазъ, и водворить на Мугольскій престолъ. По своему свѣтскому образованію въ Персіи онъ былъ совершенно неспособенъ бороться съ грубымъ варварствомъ своего кочующаго народа, отъ котораго онъ отчуждался во время двадцати пятилѣтняго отсутствія, и его

первая попытка — взяться за бразды правленія — оказалась неудачною. Съ помощью своего покровителя и брачнаго союза съ своимъ предшественникомъ въ Бухарѣ и съ правителемъ Кокана, ему напослѣдокъ удалось ненадежно устроить управленіе свое въ Ташкентѣ, и пріобрѣсти весьма непрочную власть надъ Кашгаромъ, который былъ раздѣленъ между Эшанбогой на востокѣ и Миромъ Саидомъ Али на западѣ, и соотвѣтственно этому между ихъ дѣтьми. По смерти Юнуса, власть узбековъ, быстро усиливавшаяся при Шайбанъ Ханѣ, во время его царствованія, пріобрѣла полнѣйшее господство надъ всѣми княжествами Бухары и Кокана. Ташкентъ скоро присоединился къ нимъ, и Махмудъ сынъ и наслѣдникъ Юнуса, былъ оттѣсненъ опять въ степи; но не въ силахъ будучи устранить раздоръ и недовольство между Муголами, онъ покинулъ ихъ кочевье, и отправился искать убѣжища въ Ташкентѣ, гдѣ былъ казненъ вмѣстѣ со всѣмъ своимъ семействомъ начальникомъ узбековъ. Братъ его Ахмадъ Ханъ, прозванный *Алайемъ* «убійцей», во время жизни Юнуса, не царствовалъ надъ степями, и подчинилъ враговъ своихъ между кочевниками съ такой жестокостью и безсердечіемъ, что заслужилъ себѣ названіе, подъ которымъ извѣстенъ въ исторіи; онъ захватилъ Кашгаръ отъ Абабакара внука Мира Саида Али, завладѣвшаго западной половиной территоріи и назначилъ столицею своею Яркандъ. Онъ взялъ города Кашгаръ, Янги Хисаръ, и осадилъ Яркандъ; но напослѣдокъ былъ прогнанъ Абабакаромъ обратно въ свои степи.

Возвратившись изъ этой экспедиціи, и узнавъ о судьбѣ Махмуда, онъ отправился отомстить за его смерть, но потерпѣлъ пораженіе и, возвратившись въ Аксу, умеръ тамъ слѣдующей зимой. Многочисленные сыновья его, раздѣлили управленіе Муголистаномъ между собою и Абабакаромъ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ междоусобной войны Мангуръ упрочилъ свое управленіе въ Аксу, въ то время какъ братъ его Султанъ Саидъ, который послѣ множества приключеній, нашелъ убѣжище въ Кабулѣ, и вернувшись, какъ партизанъ Бабура, захватилъ западную половину территоріи отъ Абабкара; оба брата вмѣстѣ стали править Кашгарскими княжествами.

Султанъ Саидъ былъ послѣднимъ изъ Муголскихъ хановъ, имѣвшимъ дѣйствительную власть въ странѣ. Онъ покорилъ кочующія племена сѣверныхъ окраинъ и отстоялъ побѣды, одержанныя Абабакаромъ около Бадакшана и Кашмира. Въ 1531 — 32 по Р. Х., онъ напалъ на Тибетъ съ арміей въ 5,000 человѣкъ, но захворалъ

по дорогѣ въ горы и, найдя, что страна не можетъ содержать войска во время зимы, онъ занялъ Балхъ съ тысячью людьми, а остальныхъ послалъ подъ начальствомъ сына своего Искандера на зиму въ Кашмиръ.

На слѣдующее лѣто онъ соединился съ этими войсками и, отправивъ ихъ для завоеванія Хласы или Аорзанга, самъ пошелъ обратно въ свою столицу. Онъ умеръ, переходя горы, недалеко отъ Каракарумскаго прохода, отъ дѣйствія слишкомъ рѣзкой атмосферы. Старшій сынъ его Рашидъ теперь двинулся изъ своего княжества Аксу и захватилъ столицу. Онъ казнилъ и сослалъ всѣхъ вѣрныхъ слугъ своего отца, разогналъ его семейство и соединился съ узбеками. По смерти Мансура, онъ присоединилъ всю страну къ Турфану, подъ одно общее управленіе, но послѣ кончины его, вслѣдствіе раздоровъ между его сыновьями, многія княжества отошли къ различнымъ членамъ семейства, болѣе или менѣе между собою враждовавшимъ.

При такомъ положеніи безпорядка и слабости, Кхоія-Кидаятулла, прозванный Хазратомъ-Афакомъ, глава фамиліи священниковъ, потомковъ извѣстнаго Макдуми-Улазима Бухарскаго, только въ предъидущемъ годѣ пріобрѣвшаго положеніе въ Кашгарѣ, завладѣлъ властью при порядочной долѣ интригъ, заговоровъ и раздоровъ. Отстраненный цѣлой партіей противниковъ, Кхоія—въ серединѣ семнадцатаго столѣтія — призвалъ на помощь себѣ правителя Или или Джунгара; но тотъ завладѣлъ страной для себя, просто назначивъ Кхоія управителемъ княжества, подъ начальствомъ лицъ, назначенныхъ имъ.

Конечно, это не доставило мира странѣ, и по смерти Афака снова вспыхнула война между Кхоіемъ, его сыновьями и наслѣдниками изъ-за господства, и продолжалась подъ различными фазисами болѣе чѣмъ цѣлое столѣтіе, когда анархія въ Джунгаріи привела къ занятію Или китайцами и къ ихъ послѣдующей побѣдѣ надъ Кашгаромъ.

Китайцы, завладѣвъ страной, нисколько не вмѣшивались во внутреннюю администрацію, которая осталась, какъ и была до сихъ поръ, въ рукахъ мусульманскихъ агентовъ, подъ надзоромъ китайскихъ чиновниковъ, которые, въ свою очередь, находились всѣ подъ вѣдѣніемъ губернатора, назначеннаго изъ Пекина; но они поставили хорошій гарнизонъ въ столицу каждаго изъ княжествъ и заняли

другіе стратегическіе пункты и пограничные посты для защиты страны, сохраненія порядка, покровительства торговли и сбора доходовъ.

Движеніе китайцевъ такъ далеко на западъ обезпокоило всѣ маленькія княжества Средней Азіи, и духовенство, подстрекаемое возваніями изгнанныхъ Кхоіевъ, которые нашли пріютъ въ Коканѣ, призывало князей и народъ соединиться подъ зеленое знамя ислама для отраженія невѣрнаго врага. Но тогда, также какъ и теперь, анархія, зависть, соперничество раздѣляли главныя независимыя княжества съ этой столицей магометанскаго благочестія, и невѣжество не допускало какого нибудь соединенія или единства въ дѣйствіяхъ, хотя самопоставленный монархъ, вновь установившагося Афганскаго царства, кичась своей внезапно пріобрѣтенной властью, послалъ войско защитить границы Ташкента, и въ то же время послы его отправились въ Пекинъ съ высокомѣрнымъ требованіемъ возвращенія Кашгара его мусульманскимъ правителямъ.

Посольство его встрѣтило цѣлый рядъ всевозможныхъ неудачъ и Ахмадъ-Шахъ былъ очень доволенъ, что могъ хоть отмстить за себя и, сдѣлавъ набѣгъ на Бадакшанъ, онъ оставилъ исламъ въ Кашгарѣ на произволъ судьбы, а самъ употребилъ съ большей пользою оружіе свое въ Пенджабѣ. Лишенные власти Кхоіи между тѣмъ, продолжали предъявлять свои требованія и пользовались каждой представлявшейся возможностью, чтобы напасть на страну и пытаться снова пріобрѣсти свои патримоніальныя права.

Такія попытки имъ удавались вслѣдствіе возможности заводить интриги черезъ короткія сношенія, существовавшія во время китайскаго управленія, между западными княжествами Кашгара и ханствомъ Коканскимъ, тѣмъ болѣе, что пекинское правительство предоставило торговыя привилегіи хану коканскому, территорія котораго, *paripassu* съ установленіемъ китайскаго правленія въ Кашгарѣ, развилась въ независимое княжество.

Не менѣе какъ четыре раза въ теченіе настоящаго столѣтія Кхоіи нападали на Кашгаръ изъ Кокана и подняли три западныхъ княжества Хотанъ, Яркандъ и Кашгаръ противъ китайской власти. Всюду ихъ привѣтствовали радостными криками, какъ избавителей отъ ига невѣрныхъ, и всюду, послѣ немногихъ недѣль господства, ихъ уже гнушались, какъ безсовѣстныхъ развратниковъ, и проклинали, какъ безжалостныхъ тирановъ. Всюду они бѣжали передъ силою ки-

тайцевъ, не имѣя войска, чтобы сопротивляться въ минуту нужды, или которое бы пошло за ними въ случаѣ неудачи. И всюду съ радостью привѣтствовали возстановленіе власти невѣрныхъ, не смотря на неизбѣжныя при этомъ гоненія, казни и пытки, какъ меньшее изъ двухъ золъ—такъ какъ за возстановленіемъ этой власти слѣдовали покровительство, законъ, торговля и благосостояніе, изъ которыхъ ни то, ни другое не было извѣстно при безобразіи и грабежѣ шаекъ низкихъ искателей приключеній Кхоіевъ.

Послѣдняя революція въ Кашгарѣ, произведенная коканцами, была при Кхоіѣ-Вали-Ханѣ въ 1857 г. Въ это время у окраинъ установилась новая власть, и вмѣстѣ съ появленіемъ русскихъ на Яксартѣ и на берегахъ Иссыкъ-Куля вліяніе хана коканскаго, съ одной стороны, и китайцевъ въ Кашгарѣ—съ другой, относительно и существенно уступило болѣе или менѣе честолюбію ихъ болѣе могущественнаго сосѣда, и оба равномѣрно, хотя отъ дѣйствія различныхъ причинъ, скоро совершенно разстроились отъ анархіи и мятежа, къ немалому удовольствію ихъ обоюднаго врага, стоявшаго на окраинахъ ихъ.

Во время внутренней вражды и безпорядковъ этого времени, потрясавшихъ ханство Коканское, русскіе, понуждаемые обстоятельствами, въ которые они были поставлены, двинулись и присоединили къ себѣ главную часть территоріи. Вслѣдствіе этого, кашгарская революція, поднявшаяся изъ китайскихъ провинцій востока, вынудила ихъ вмѣшательство и захватъ власти надъ Джунгаріею; и это произошло вовсе не въ удобное для нихъ время, когда на рукахъ у нихъ было еще присоединеніе Самарканда.

Въ то время, какъ русскіе были заняты этимъ, Кхоія-Бузургъ-Ханъ, конечно, къ немалому ихъ удовольствію, покинулъ предѣлы Ташкента, съ позволенія Алимъ-Кула, и съ своимъ маленькимъ отрядомъ бродягъ, подъ начальствомъ батурбаши-Якубъ-Бека, отправился изъ Кокана, чтобы завладѣть властью своихъ предковъ надъ раздѣленными княжествами Кашгара, теперь совершенно отдѣленными отъ сообщеній съ Китайской имперіей дунганскимъ возстаніемъ.

Здѣсь совершенно не нужно подробно описывать краткую и позорную жизнь Кхоія, точно также какъ и счастливаго генерала его Якубъ-Бега, во время завоеванія Кашгара. Достаточно будетъ сказать, что Якубъ-бегъ, низвергнувъ своего господина, обязанъ былъ успѣхомъ своимъ помощи андижанскихъ или коканскихъ эмигрантовъ и купцовъ, набранныхъ имъ въ странѣ, и подобно всѣмъ магометанскимъ узурпаторамъ при подобныхъ условіяхъ образованія и обстоятельствъ, воспользовался правами неограниченныхъ деспотовъ, постоянно злоупотребляющихъ ими ради личныхъ интересовъ.

Вслѣдствіе этого, мы находимъ, что исторія шести лѣтъ, въ продолженіи которыхъ онъ постепенно пріобрѣлъ въ свое неоспоримое владѣніе шесть главныхъ княжествъ территоріи—Турфанъ, Куча, Аксу, Кашгаръ, Яркандъ и Хотанъ, изъ которыхъ каждое имѣло свое грустное преданіе о своихъ бѣдствіяхъ и страданіяхъ—представляетъ страшную картину несчастій и раззоренія страны, вслѣдствіе постояннаго обращенія ея въ магометанское государство по образцу нетерпимыхъ и фанатическихъ дворовъ, счастливо покончennыхъ—какъ мы надѣемся—въ Бухарѣ и Коканѣ.

Событія этого періода, на сколько мы могли удостовѣриться въ нихъ во время нашего пребыванія въ странѣ, въ дѣйствительности мало отличались отъ вѣстей, отъ времени до времени долетавшихъ изъ пограничныхъ базаровъ Пенджаба, и временами нѣсколько освѣжавшихся любопытными подробностями, привозимыми купцами, которые возвращались съ сѣвера.

Въ это время, богатое событіями, въ ханствахъ Кашгарскихъ совершались страшныя интриги, низкія измѣны, цѣлый рядъ отвратительныхъ убійствъ и заключеній въ тюрьму, конфискацій, казней и пытокъ, подробности которыхъ ужасны.

Черезъ подобную пытку, какая описана выше, прошли ханства Кашгарскія прежде, чѣмъ достались Якубъ-Бегу, т. е. *Аталыку-Гази* или «Защитнику Вѣры», который завладѣлъ страной и оживилъ ея упадавшій исламъ по образцу правовѣрнаго ученія *Сунни*, строгой поддержкой *Шара* и возобновленіемъ магометанскихъ святынь по всей странѣ.

А между тѣмъ царствующія фамиліи вновь образовавшихся ханствъ въ Хотанѣ и Аксу были истреблены. Преклонный лѣтами начальникъ Урумчи бѣжалъ во время бури, разразившейся послѣ заключенія его въ тюрьму Якубъ-Бегомъ и уничтожившей его столицу, и оставилъ свою населенную и цвѣтущую территорію опустошенной и нищенской пустыней. Изъ дунганскихъ же предводителей и губернаторовъ восточныхъ городовъ ни одинъ не пережилъ своего паденія.

Съ установленіемъ новаго *режима* и съ уничтоженіемъ всего, что могло какимъ нибудь образомъ казаться способнымъ противодѣйствовать ему, страна соединилась подъ властью одного правителя, имѣющаго цѣлью подвести все подъ одинъ законъ — подъ знамя ислама. При безпокойномъ элементѣ буддистскихъ калмыковъ которые пересиливаютъ на восточныхъ окраинахъ и китайцевъ, и калмыковъ, смѣшанныхъ съ магометанскимъ населеніемъ, такая задача сама по себѣ представляетъ не мало трудностей, не принимая въ соображеніе характеръ матерьяла, который правителю приходится обработывать, чтобы удержать власть свою въ побѣжденной имъ странѣ. Будемъ надѣяться въ интересахъ филантропіи и цивилизаціи, что побѣдитель — теперь, когда передъ нимъ открытое поле — окажется достойнымъ принятой имъ на себя задачи, и что сношенія, устроенныя имъ подъ разными предлогами съ европейскими правительствами, наиболѣе сильными въ Азіи, въ короткое время послужатъ поводомъ ввести просвѣщенное, справедливое и снисходительное управленіе въ мѣстахъ, гдѣ плоды такого управленія обѣщаютъ болѣе богатую жатву, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ Средней Азіи.

Послѣ этого краткаго необходимаго общаго обзора страны и народовъ ея, мы можемъ приступить къ разсказу о путешествіи посольства въ Кашгаръ въ 1873 году.

ГЛАВА I.

Приготовленія къ дорогѣ.—Остановка въ Мурри.—Отъѣздъ.—*Нара* или веревочный мостъ.—Способъ переправы.—Лагерныя приключенія.—*Ихула* или подвижной мостъ.—Ихеламская долина.—Развалины древнихъ храмовъ.—Мостъ Каддалъ.

Въ первые дни 1873 года въ Кашмиръ прибылъ, послѣ труднаго переѣзда черезъ горы, отрядъ въ восемъ или десять андижанскихъ или коканскихъ всадниковъ подъ начальствомъ человѣка, совершившаго лѣтомъ 1870 года путь къ сѣверу отъ Сринагара въ Яркандъ вмѣстѣ съ миссіей м-ра Форсита. Появленіе ихъ въ такое время года было совершенно неожиданно; но узнавъ сущность ихъ порученія, ихъ радушно приняли и отправили дальше въ сопровожденіи офиціальныхъ лицъ магараджи.

Саидъ Якубъ Ханъ, *Торахъ*, посланный Аталыка Газы къ вицекоролю Индіи и къ турецкому султану, прежде всего явился въ лагерь намѣстника Пенджаба, который проживалъ въ Гасанабдалѣ во время маневровъ арміи, стянутой въ эту мѣстность, и, представившись сэру Генри Девизу, сообщилъ ему причину своего посѣщенія.

Послѣ недолгаго пребыванія тамъ, въ продолженіе котораго онъ пользовался искреннимъ гостепріимствомъ и былъ свидѣтелемъ такого военнаго зрѣлища, которое по роскоши и великолѣпію, могу сказать, дѣйствительно можно видѣть только въ Индіи, онъ отправился въ Калькутту, и, удовлетворительно окончивъ тамъ свои дѣла съ индѣйскимъ правительствомъ, отправился съ порученіемъ въ Константинополь.

Во время его отсутствія было организовано посольство въ Кашгаръ для заключенія торговаго трактата съ государствомъ, трактата

въ пользу заключенія котораго Аталыкъ Газы черезъ посла своего выразилъ искренное желаніе, какъ доказательство успѣха дружескихъ отношеній, недавно установившихся между двумя правительствами.

М-ръ Т. Д. Форситъ—нынѣ сэръ Дугласъ Форситъ — по знанію своему мѣръ, употребляемыхъ нами для развитія нашей торговли съ Яркандомъ, и вслѣдствіе знакомства своего съ страной и народомъ, съ перваго же взгляда казался больше подходящимъ чѣмъ другіе, чтобы встать во главѣ такого предпріятія, и потому былъ выбранъ для этой важной обязанности. Вице-король Индіи назначилъ его уполномоченнымъ посломъ въ упомянутое государство.

Къ нему былъ присоединенъ цѣлый штабъ ученыхъ и военныхъ съ цѣлью воспользоваться представлявшимся случаемъ и пополнить наши слабыя знанія этихъ въ высшей степени интересныхъ и совершенно неизвѣстныхъ странъ, лежащихъ на сѣверѣ за Гиммалаемъ, и которыя экспедиція предполагала посѣтить на обратномъ пути въ Индію. Въ программу маршрута входили Хотанъ и Аксу и путешествіе черезъ Бадакшанъ и Балкъ въ Кабулъ.

Въ то время эта экспедиція привлекала не мало вниманія и возбуждала интересъ врядъ ли менѣе поддерживаемый въ Англіи, чѣмъ въ самой Индіи.

Индѣйская пресса много говорила объ этомъ движеніи, и смотрѣла на предметъ съ различныхъ точекъ зрѣнія. И даже до отъѣзда посольства обсуждала цѣль его—и коммерческую, и ученую, и политическую—безцеремонно и нескромно, и разбирала индивидуальныя достоинства многихъ членовъ болѣе прямо, чѣмъ любезно. Описанныя предстоявшія намъ неудобства, неизбѣжныя при такой поѣздкѣ, и страшная судьба, которая могла сразу пресѣчь торжество нашего предпріятія, — все это ярко было изображено извѣстнымъ писателемъ въ *Піонерѣ*, и придало нѣкоторую пикантность нашей экспедиціи.

Не смотря на все мое уваженіе къ правдивости вышеупомянутаго писателя, я прибавлю здѣсь, относительно его предостереженій и грустныхъ предсказаній, что въ книгѣ своей я умалчиваю объ опасныхъ соблазнахъ, предсказывавшихся имъ, изъ чего читатель можетъ смѣло заключить, что мы, слава Богу, не имѣли причины опасаться предсказываемыхъ нападокъ на святость нашихъ брачныхъ обѣтовъ. Что же касается холостыхъ членовъ нашей экспедиціи, то они могутъ говорить сами за себя. Къ счастію, они не испытали опасностей, предсказываемыхъ имъ, отъ раздражительнаго характера и необузданнаго бѣшенства Аталыка Газы; никто изъ участвовавшихъ въ экспедиціи не лишился головы, ради удовлетворенія прихоти разгнѣваннаго деспота, точно также никто изъ насъ не познакомился съ помѣщеніемъ въ русской тюрьмѣ.

Дѣйствительно же пережитое нами все разскано въ этой книгѣ. Теперь же пока вернемся къ приготовленіямъ къ путешествію.

Нужно было много приготовленій и тщательнаго вниманія къ подробностямъ снаряженія нашего отряда въ степени, соотвѣтствующей съ требованіями экспедиціи, и соразмѣрной съ важностью порученія.

Чтобы не быть стѣсненными въ движеніи и имѣть возможность самимъ контролировать за перевозкой, было рѣшено пріобрѣсти сто вьючныхъ муловъ для спеціальной потребности посольства. Сбруя и вьюки всѣ были сдѣланы на казенномъ заводѣ въ Кангапурѣ, и сдѣланы чрезвычайно хорошо и по лучшимъ образцамъ. Вьючныя сѣдла были сдѣланы по Ново-Зеландскимъ образцамъ и приспособлены какъ для верховой ѣзды, такъ и для навьюченія, смотря по надобности, а вьючные мѣшки были сдѣланы изъ кожи, сшиты мѣдными проволочными нитками и на видъ были гораздо болѣе удобными, чѣмъ оказались на дѣлѣ.

Палатки были сдѣланы на заказъ на заводѣ Лагоръ Централь Джейль по образцу, доставленному м-ромъ Форситомъ, и, не смотря на множество шестовъ (три прямыхъ шеста, изъ двухъ кусковъ каждый, и два складныхъ верхнихъ шеста) подпорокъ и веревокъ, оказались просторными и удобными, и достаточно защищали отъ непогоды. Онѣ напоминали нѣсколько «швейцарскіе домики», съ двойными крышами; наружная крыша выдавалась кругомъ и образовывала спереди нѣчто въ родѣ веранды, съ боковъ прикрывала закрытые выступы, а сзади комнату для ванны. Эти палатки отлично служили намъ во время путешествія, и мы ихъ привезли обратно въ лучшемъ состояніи, чѣмъ какую либо другую часть нашей лагерной обстановки.

Когда были окончены какъ эти, такъ и другія лагерныя приготовленія, наняты были люди для постановки палатокъ, погонщики муловъ и т. д., сдѣланы запасы съѣстнаго продовольствія, снаряженъ военный конвой, и—напослѣдокъ, хотя ни въ какомъ случаѣ не послѣднее съ точки зрѣнія значенія и не послѣднее въ порядкѣ вещей—

сдѣланы условія съ кашмирскимъ магараджей о доставкѣ провизіи и припасовъ въ различныя мѣста остановки по необитаемымъ гористымъ мѣстностямъ Тибета, по Карокорумской и Чангшанмоской дорогамъ, о доставкѣ экипажей и продовольствія по дорогѣ черезъ Кашмиръ. Экспедиціи велѣно было собраться въ Раваль Пинди къ 1-му іюля, и къ этому дню туда прибылъ подполковникъ Т. Е. Гордонъ и принялъ начальство.

Изъ Раваль-Пинди экспедиція двинулась двумя отрядами въ Мурри, и стала тамъ лагеремъ на равнинѣ, куда за нѣсколько дней до прихода нашего кашмирскія власти, снисходя къ нашему желанію, послали цѣлую вереницу въ восемдесять или девяносто осѣдланныхъ и вьючныхъ лошадей для надобностей посольства. Тутъ я догналъ посольство, познакомился съ членами его и узналъ о назначенномъ порядкѣ нашего путешествія. Каждому изъ насъ была дана палатка, столъ и стулъ и три пары вьючныхъ чемодановъ (которыми долженъ былъ ограничиться нашъ личный багажъ), всѣ одного образца, и вновь заклейменные. Каждый изъ насъ долженъ былъ ограничиться двумя личными слугами и двумя верховыми лошадьми съ двумя грумами, и кромѣ того всѣ имѣли право пользоваться общимъ столомъ. Подвозка, постановка и разборка палатокъ и весь порядокъ остановокъ были организованы съ военной точностью; и съ начала конца, какъ мы впослѣдствіи убѣдились, превосходно управлялись распоряженіями капитана Э. Ф. Чапмана, квартирмейстера главнаго штаба, которому обязанность эта была поручена.

15-го іюля передовой отрядъ подъ начальствомъ капитана Бидульфа двинулся на Сриннагаръ; онъ состоялъ изъ капитана Тропетера и при немъ туземнаго землемѣра Абдусъ-Субгана съ его помощниками; доктора Столички и туземнаго набивателя чучелъ; Райзайдаръ Афзалъ Хана; госпитальнаго чиновника Асматъ Ази; нѣсколькихъ конвоя и завѣдующаго *тосакхана* т. е. подарками.

Черезъ четыре дня по той же самой дорогѣ двинулся лагерь главной квартиры подъ начальствомъ полковника Гордона. Въ его отрядѣ находились мы съ капитаномъ Чапманомъ; капралъ А. Риндъ 92-го шотландскаго полка, лагерный коммисаръ; Мунзи Физъ Бакшъ, персидскій секретарь м-ра Форсита, Тара Сингъ, казначей и счетоводъ; столовое отдѣленіе; начальникъ госпиталя; Джемадаръ Сиффатъ Ханъ съ десятью всадниками кавалерійскаго отряда,

лагерная прислуга и провіантъ, пріемныя палатки и обстановка посольства и уполномоченнаго.

Таковъ былъ составъ лагеря главной квартиры Кашгарскаго посольства, когда оно выступило изъ Мурри въ утро 19-го іюля 1873 года. Время дождей уже началось, и мы приготовились встрѣтить и бури, и ливни на немногихъ переходахъ, которые привели бы насъ за предѣлы муссона. Мы надѣялись выступить въ одинъ изъ тѣхъ перерывовъ, когда исчезаетъ масса тучъ, перерывовъ не рѣдкихъ въ долинахъ и смягчающихъ тяжелый полусвѣтъ дождливаго времени и на короткое время возбуждающихъ къ дѣятельности подавленную энергію животной жизни. Въ такіе перерывы лѣса являются во всемъ своемъ великолѣпіи и величіи, а горы представляютъ роскошныя панорамы и со всѣхъ сторонъ слышатся крики восторговъ и радостей какъ птицъ, животныхъ, такъ и людей.

Судьба не даровала намъ такого отраднаго зрѣлища. Напротивъ того, отрядъ нашъ двинулся въ такой дождь, какой мнѣ рѣдко приходилось видѣть и который порядочно смылъ яркую полировку нашихъ лагерныхъ экипажей и испыталъ бодрость нашихъ людей и лошадей. Замедленіе произошло отъ навьючиванія и отправки 105 муловъ и лошадей, и шестидесяти или семидесяти носильщиковъ, составлявшихъ нашъ транспортный караванъ; но при небольшой кротости и терпѣніи все отлично устроилось и двинулось въ путь въ такомъ порядкѣ и въ такомъ хорошемъ настроеніи духа, какого трудно было ожидать при настоящихъ обстоятельствахъ. Къ счастію переходъ въ Деваль былъ не великъ, и остановка тамъ на слѣдующій день дала намъ возможность высушить наши палатки и вещи въ чемоданахъ. 21-го числа, мы прошли десять миль до Когала и остановились тамъ на слѣдующій день. Мы нашли отрадный пріютъ отъ удушливаго жара въ глубокомъ и узкомъ проходѣ Игелама, подъ соломенной кровлей, въ то время какъ лагерь нашъ раскидывался вдоль берега рѣки по ниже, во многихъ мѣстахъ заваленной скатившимися съ откосовъ глыбами земли.

23-го мы снова пустились въ путь и, перейдя быструю рѣчку по хорошенькому маленькому висячему мосту недалеко отъ послѣдней станціи, ступили на Кашмирскую территорію. Начиная отъ моста, гдѣ до постройки его въ 1870 году рѣку переѣзжали на паромѣ, всегда болѣе или менѣе на авось, а очень часто и тонули—идутъ двѣ дороги къ «Счастливой Долинѣ», какъ обыкновенно называется

Кашмирскій бассейнъ, и обѣ соединяются въ Чикарѣ, гдѣ начинаютъ уже подниматься низменныя долины Игелама. Болѣе короткая, но болѣе трудная дорога идетъ прямо черезъ холмъ Данна, другая огибаетъ кругомъ къ сѣверу черезъ Игеламскую долину.

Мы отправились по послѣдней и, миновавъ станціи Чаттаръ, Рара, Тандали, Гаттіанъ и Чикаръ, прибыли въ Чакоти, гдѣ остановились на одинъ день и снова свободно вздохнули горнымъ прохладнымъ воздухомъ, который послѣ удушливыхъ жаровъ и несносныхъ москитовъ въ низменныхъ ущельяхъ въ высшей степени освѣжилъ и людей, и лошадей.

Жаръ въ этихъ маленькихъ ущельяхъ—террасами засаженныхъ рисовыми полями и замкнутыхъ со всѣхъ сторонъ высокими горами—невыносимъ въ это время года и жестоко измучилъ нашихъ животныхъ и ихъ погонщиковъ. Я нашелъ, что онъ нестерпимѣе, чѣмъ жаръ въ это же самое время года въ открытыхъ долинахъ Индіи—въ Пенджабѣ, напримѣръ. Тамъ жаръ великъ, но воздухъ легокъ и подвиженъ, и не мѣшаетъ дышать. Тутъ же, напротивъ того, солнечные лучи свѣтятъ черезъ слой густаго пара, накопляющагося на вершинахъ горъ, и отягощаютъ атмосферу, замкнутую между глубокихъ ущелій, такъ что воздухъ становится тяжелымъ, удушливымъ паромъ и такъ и давитъ на человѣка.

Дорога, однако же, многолюдна и безъ сомнѣнія пройдена многими кашмирскими туристами. Но я не стану описывать, какъ и не стану упоминать о каждой станціи обыкновенно устроенной на какомъ нибудь откосѣ, спускающемся къ рѣкѣ; это домъ первобытной постройки, не лишенной гостепріимной кровли. Эти станціи были устроены кашмирскимъ правительствомъ, для удобствъ проѣзжающихъ и путешественниковъ, и доступъ въ нихъ свободенъ; но прислуги и продовольствія въ нихъ нѣтъ, хотя послѣднее всегда можно достать по сосѣдству.

Въ это же наше путешествіе мы находили на каждой станціи обильный запасъ всякаго рода продовольствія для насъ самихъ и для провожатыхъ лошадей, носильщиковъ и всевозможный лагерный фуражъ, приготовленный кашмирскими властями для посольства. Это обиліе и утонченное вниманіе были совершенно исключительными и вызваны особенными обстоятельствами.

Во время пути нашего по этой части дороги—сравнительно съ другимъ британскимъ берегомъ рѣки, весьма мало населенной—

мы видѣли различные способы, употребляемые туземцами для переправы черезъ рѣку.

Вслѣдствіе быстрины ея и громадныхъ валуновъ, загораживающихъ русло ея, черезъ рѣку нельзя переходить въ бродъ и нельзя переѣзжать на лодкѣ, и способъ принятый для переправы зависитъ всегда отъ мѣста, назначеннаго для нея. Такимъ образомъ черезъ Нилсукъ, немного повыше соединенія его съ Игеламомъ (или, какъ его зовутъ здѣсь съ Бедестою) у Рары, переправляются по веревочному мосту, въ родѣ такихъ которые называются *нара*. Это просто веревка, протянутая отъ берега до берега, и прикрѣпленная на каждой сторонѣ къ какому нибудь выдающемуся утесу или крѣпко стоящему дереву. Берега тутъ возвышались надъ рѣкою высокими вертикальными стѣнами и показались мнѣ вышиною по крайней мѣрѣ въ 150 футовъ. Веревка снабжена сѣткой въ видѣ люльки, привязанной къ вилообразному куску дерева. Дерево образуетъ верхнюю часть люльки, и, хорошо наставленное, оно держится на веревкѣ неподвижно, хотя свободно скользитъ взадъ и впередъ отъ движенія веревки.

Изъ нашего лагеря, съ противуположнаго берега Игелама, я разсматривалъ съ большимъ интересомъ это повидимому непростое устройство, надѣясь, что увижу, какъ имъ пользуются, такъ какъ съ крутыхъ береговъ не видно было даже къ нему тропинокъ; но спустя нѣкоторое время, находя, что любопытство мое слишкомъ долго не удовлетворяется, я посадилъ слугу своего по другую сторону палатки, приказавъ ему увѣдомить меня, лишь только онъ замѣтитъ, что кто нибудь подходитъ къ указанному мною мѣсту. Онъ извѣстилъ меня, что съ нагорной стороны идетъ человѣкъ. Цвѣтомъ онъ такъ походилъ на землю, что я не скоро различилъ его фигуру, пока наконецъ въ глаза мнѣ не бросились его худощавыя ноги, шагавшія по выступавшей скалѣ, вдоль такъ называемой козьей тропинки. Я взоромъ слѣдилъ за обладателемъ этихъ ногъ, бывшихъ недалеко уже отъ моста, и при его приближеніи увидѣлъ, что это почти нагой горецъ, такой же худой и несчастный, какъ кули, или носильщики въ нашемъ отрядѣ, его собратья—и тоже наши собратья по нашему общему аріанскому происхожденію. За спиной у него была привязана небольшая котомка, походившая на мѣшокъ съ мукой, сверху котораго было свернуто одѣяло—признакъ, означавшій, что другъ нашъ отправлялся въ дальній путь, такъ какъ между этимъ народомъ умѣ-

Библ. Музеев

ренныхъ желаній и невысокаго интеллекта, котомка съ печеньемъ изъ ячменной муки и одѣяло грубой шерсти служатъ скромными представителями различныхъ роскошныхъ и разнородныхъ принадлежностей, сопровождающихъ путешествующаго цивилизованнаго человѣка.

Подойдя къ мосту, интересный путникъ нашъ сдернулъ котомку, привязанную сзади на оборванномъ шарфѣ, и пропустивъ концы завязокъ на плечо съ одной стороны, и подъ мышку съ другой, онъ завязалъ узелъ накрестъ на груди. Потомъ бросилъ боязливый, быстрый взглядъ вокругъ, и не осмотрѣвъ даже нитку, которой намѣренъ былъ ввѣрить свою жизнь, осторожно спустился къ концу скалы, притянулъ люльку къ себѣ, усѣлся въ сѣтку, обхвативъ боковыя веревки такъ, что они пришлись между боками и руками, оттолкнулся отъ берега и пролетѣлъ половину дороги.

Сначала люлька съ тяжестью проскользнула по скату веревки и быстро, и легко, но по серединѣ остановилась въ углубленіи, отвисшемъ отъ ея тяжести, и смѣлый путникъ нашъ очутился висящимъ на воздухѣ надъ стремящимся, шумнымъ, пѣнистымъ потокомъ. Онъ подождалъ съ минуту, пока не перестала дрожать веревка, и потомъ началъ доканчивать переправу. Онъ для этого ухватился за веревку обѣими руками и, толкаясь впередъ внезапнымъ подергиваніемъ ногъ, подвигался на футъ или на два; такимъ-то образомъ трудясь, онъ перебрался на другой берегъ. Послѣ каждаго толчка, онъ крѣпко держался минуту или двѣ и, пользуясь колебаніемъ веревки, давалъ возможность дереву скользить, чтобы подвигаться.

Эта переправа должна быть и тяжела, и отважна, какой она и показалась на мой непривычный глазъ; но народъ, бывшій со мной, говорилъ, что такая переправа и проста, и безопасна, и что несчастные случаи весьма рѣдки, хотя мостомъ этимъ постоянно пользуются. Веревка эта, какъ мнѣ сказали, есть ничто иное какъ плотная, толстая, и крѣпкая нить длиннаго ползучаго растенія, смѣшаннаго съ крѣпкими лозами растенія изъ рода индигоносницы, которыя оба въ изобиліи ростутъ на склонахъ всѣхъ здѣшнихъ горъ; а люлька и веревки держащія ея, сдѣланы изъ сыромятной кожи. Эти мосты строятся только тамъ, гдѣ берега очень круты, и ширина переправы не слишкомъ велика. Они требуютъ исправленія каждый годъ, но такъ крѣпки, что выдерживаютъ переправу лошадей и овецъ; для этого ихъ подвязываютъ обыкновенно въ люльку, и спускаются

по покатости съ привязанной веревкой и втягиваются на другую сторону такой же веревкой.

На другой день въ Тандали, на слѣдующей станціи за Рарой, намъ привелось видѣть совершенно другой способъ переправы черезъ рѣку, и единственный, принятый въ этой мѣстности. Тутъ почва образуетъ низменную плоскость, весьма немного возвышающуюся надъ русломъ рѣки; противуположный же берегъ идетъ крутой покатостью къ самой водѣ; такое мѣсто не представляетъ точекъ опоры для *пара* или веревочнаго моста и не позволяетъ поставить быки для *пула*, или «качающагося моста», который мы видѣли потомъ.

Во время ночлега нашего въ Рара шелъ сильный дождь и, кромѣ другихъ приключеній, опрокинулъ мою палатку, переломивъ два или три шеста, поддерживавшихъ ее. Въ это время я спалъ; но ужасная тяжесть, навалившаяся на меня хуже всякаго кошмара, вскорѣ совершенно стала душить меня. Инстинктивнымъ усиліемъ руки мои приподняли тяжелый холстъ на столько, что я могъ соскользнуть съ постели и ступить на мокрый коверъ, мягкій какъ толь, на почвѣ, совершенно пропитанной водой. Прижавшись къ подпоркамъ подъ моими сундуками, я спасъ себя отъ погибели въ такомъ жалкомъ состояніи и провелъ два длиннѣйшихъ часа моей жизни, завернувшись въ какую то грязную, вонючую попону на вьюкѣ въ углу веранды, пока свѣтъ не замѣнилъ мрака и не показалъ, что только одинъ шестъ остался невредимъ. Мой крикъ, до сихъ поръ напрасно повторяемый—неслышный отъ стука дождя и шума Игелама, грохотъ котораго въ ночной тиши господствовалъ совершенно одинъ торжественно и упорно, вслѣдствіе отсутствія какого бы то ни было звука, оживляющаго день различными криками животной жизни—наконецъ привлекъ слугъ моихъ ко мнѣ. Въ нѣсколько минутъ палатка была поправлена, и тогда, въ болѣе спокойномъ состояніи ума и души, осмотрѣвъ окружающую меня мѣстность, я поздравилъ себя, что благоразумно не послѣдовалъ являвшемуся намѣренію искать спасенія подъ кровлей станціи, находившейся около. Я зналъ, что станція набита путешественниками, которыхъ мы, пріѣхавъ, уже застали, но на верандѣ можно было бы найти сухой уголокъ, если бы до нея можно было добраться. Въ темнотѣ я чувствовалъ, что это будетъ крайне трудно, и теперь это мнѣ стало очевиднымъ, такъ какъ разстояніе между нами, хотя не болѣе какъ

въ ярдовъ сто, если не менѣе, было покрыто всевозможными препятствіями. Полѣнницы дровъ, связки сѣна, мѣшки съ ячменемъ, груды сбруи, вмѣстѣ съ цѣлыми кучами носильщиковъ и дрожащихъ лошадей, собранныхъ тутъ для насъ кашмирскими властями, загораживали путь самымъ живописнымъ безпорядкомъ, характеризующимъ мѣстную кочевую жизнь.

Сильный дождь нѣсколько задержалъ насъ, и мы не могли выйти изъ Рара ранѣе десяти часовъ. Полдневный жаръ и тяжело давящая атмосфера Тандали дали себя знать нашимъ людямъ и животнымъ и присоединили этотъ переходъ къ самымъ тяжелымъ изъ всѣхъ переходовъ нашего путешествія.

Въ Тандалѣ мы нашли рѣку въ полномъ разливѣ; она неслась, унося съ собою всякую всячину и вовсе не представляла зрѣлища, приглашавшаго переплыть черезъ нее. Тутъ мы видѣли, какъ переправляются на *шиназѣ*, который я хотѣлъ описать, когда уклонился для разсказа о личномъ приключеніи, обрисовывающимъ несчастія лагерной жизни.

Шиназъ, обыкновенно употребляющійся на Индѣ и другихъ рѣкахъ Пенджаба, есть ничто иное, какъ надутая шкура быка или козла. Тутъ же была козья шкура, сдѣланная изъ двухъ отдѣльныхъ кожъ, связанныхъ вмѣстѣ. Каждая была надута самостоятельно черезъ деревянную втулку, вдѣланную въ одну изъ четырехъ ногъ кожи, и закупоренную деревянной пробкой. Такимъ образомъ устроенный маленькій плотъ лежитъ на берегу, пока всадникъ не сядетъ на него верхомъ, всунувъ ноги въ петли, висящія съ обѣихъ сторонъ въ видѣ стремянъ, и взявшись руками за втулки и прислонившись грудью къ кожѣ, не спуститъ его въ потокъ, двигая и руками и ногами, какъ во время плаванія. Много ловкости и искусства требуется при управленіи такимъ причудливымъ маленькимъ плотомъ, чтобы вдругъ не перевернуться. Мы видѣли, какъ нѣсколько человѣкъ плыли на этихъ *шиназахъ* черезъ рѣку и, судя по спокойствію и ловкости, съ какими они управляли этими утлыми маленькими судами, они должно быть очень привыкли здѣсь переправляться на нихъ. Смѣлость, съ какой они разбивали волны, и ловкость, съ какой избѣгали водоворотовъ быстрины, не менѣе удивительны, какъ и искусство, съ какимъ они подбирали какую нибудь плывшую находку на пути, и твердость, съ какой они плыли, когда легкое тѣло ихъ всплывало на верхъ волнъ.

Намъ привелось видѣть при этомъ случаѣ переправу черезъ рѣку при исключительно трудныхъ условіяхъ. При обыкновенномъ положеніи рѣки переправа тутъ проста и допускаетъ даже привязывать на спину путешественника ношу, и въ случаѣ, если онъ не можетъ плыть самъ, то тянется на буксирѣ другимъ, который можетъ плыть.

Въ прежнія времена *шиназъ* гораздо чаще употреблялась, чѣмъ при болѣе благоустроенномъ управленіи, учредившемся вслѣдъ за безпокойной властью въ странѣ. Тогда этимъ способомъ разбойничьи шайки переправлялись, чтобы грабить сосѣднія территоріи, или чтобы избѣгнуть преслѣдованія своихъ враговъ, что, при удобствѣ перевозки и скоромъ приготовленіи этихъ плотовъ, представляло имъ вѣрный и безопасный способъ переправы черезъ водяныя препятствія на пути. Посреди дороги между Рара и Тандали на противуположномъ берегу рѣки, нѣсколько повыше соединенія Кишанганги съ Игеламомъ, находится городъ Музаффарабадъ, съ развалинами громаднаго *сарая* могольскаго періода. Когда афганы владѣли Каширомъ, они держали тутъ гарнизонъ для защиты дороги, наводненной въ ихъ время разбойничьими шайками. Эту дорогу, идущую отъ Музаффарабада вверхъ къ Барамулла, параллельно съ дорогой, по которой мы слѣдовали по противуположному берегу рѣки, называютъ Дурранской дорогой Пакли или Дамтаура, и считаютъ удобнѣйшей и лучшей изъ всѣхъ дорогъ, ведущихъ въ Кашгаръ и свободной круглый годъ.

Въ Гаттіанѣ, на слѣдующей станціи за Тандалемъ, мы увидѣли «качающійся мостъ» или *ихула*, о которомъ я упомянулъ раньше. Такихъ мостовъ было два, въ виду одинъ другаго, между Гаттіаномъ и Гархи. Гархи значительная деревня по другую сторону рѣки, которая бѣжитъ тутъ по широкому руслу съ высокими берегами; сама же рѣка измѣняется шириною отъ пятидесяти или шестидесяти до полутораста и болѣе ярдовъ.

Ихула дѣлается изъ трехъ веревокъ, протянутыхъ черезъ рѣку на высотѣ въ восемь, въ десять футовъ, между двумя быками, устроенными изъ камней и изъ связокъ хвороста по берегамъ рѣки. Каждый быкъ спускается, какъ гать, съ берега и заканчивается стѣною; у воды въ него вбито нѣсколько крѣпкихъ устоевъ для поддержки веревочнаго моста. Эти веревки протянуты съ одного берега на другой въ видѣ треугольника, такъ что въ поперечномъ разрѣзѣ

они образуютъ букву V, слѣдовательно ⋱⋰ — двѣ параллельныя веревки образуютъ верхній планъ, а средняя — нижній планъ. Вся эта постройка на всемъ протяженіи держится громадными ижицеобразными кусками изъ дерева, которые на каждыхъ четырехъ, пяти ярдахъ укрѣплены и снизу и сверху сыромятными ремнями, и далѣе на верху привязаны веревкой, которая протянута поперегъ между двумя верхними точками, гдѣ они укрѣплены къ веревкамъ.

Разстояніе моста этого было ярдовъ въ восемдесять, и онъ значительно свѣшивался отъ своей собственной тяжести, въ то время, какъ вѣтромъ его качало самымъ страшнымъ образомъ со стороны на сторону. Мостъ этотъ переходился путниками по нижнимъ веревкамъ, положеннымъ иногда въ два, три ряда, и переходя его, сохраняютъ балансъ, держась руками за верхнія веревки, идущія по обѣ стороны на высотѣ плеча. Я видѣлъ, какъ четыре человѣка переходили мостъ этотъ въ одно и тоже время, и двое изъ нихъ несли за спинами котомки. Они шли другъ за другомъ шага на четыре, на пять и тщательно старались «идти не въ ногу», чтобы предупредить опасное колебаніе, которое могло ихъ опрокинуть, если бы они пошли «въ ногу». Когда они подходили къ связкамъ деревянныхъ вилъ, они по очереди осторожно наклонялись подъ скрещенными веревками, и я замѣтилъ, что по каждому вилообразному куску дерева идетъ въ одно время только одинъ человѣкъ. Тяжесть четырехъ путниковъ наклонила мостъ въ серединѣ къ самой водѣ, и дѣйствительно, ноги путника ступали уже въ водѣ. Такое нырянье пичуть не опрокинуло его, чего я боялся, но замачило весь мостъ и сдѣлало его еще неудобнѣе для перехода. Это колебаніе ни на минуту не остановило путниковъ, и они всѣ перешли на другой берегъ и пошли въ разныя стороны, не взглянувъ даже на опасную переправу, которую только что миновали, и вѣроятно, не подумавъ даже, что избѣгнули опасности.

Въ этомъ мѣстѣ, одна изъ вьючныхъ лошадей нашей кавалеріи, которую конюхъ велъ подъ уздцы, упала съ берега, вышиною въ шестьдесятъ, въ восемдесятъ футовъ, въ рѣку, и была унесена на маленькій островокъ посреди рѣки нѣсколько пониже. Оказалось, что несчастное животное переломило себѣ ногу, и потому мученія ея были прекращены пулей въ голову. Капитанъ Чапманъ, для этой печальной обязанности, переправился по *шиназу*. Это приключеніе въ началѣ нашего пути было единственной потерей, постигшей военныхъ лошадей нашего маленькаго конвоя, въ продолженіе всего нашего путешествія. Изъ Гаттіана мы перешли на слѣдующую станцію въ Чикаръ, гдѣ дорога Данна изъ Когала соединяется съ большой дорогой. Въ этомъ мѣстѣ мы покинули низменную жаркую долину Игелама, и за нею началась лѣсная, прохладная дорога, которая тянется по этой сторонѣ рѣки до начала Воларскаго бассейна — знаменитой Кашмирской долины (Каши-Меру?)—въ Барамуллѣ.

Перемѣна была пріятна какъ относительно улучшившагося климата, такъ и относительно болѣе красивыхъ видовъ. Въ Девалѣ и Когалѣ мы оставили за собою лѣса, придающіе прелесть Муррійскимъ холмамъ и, перейдя черезъ рѣку, вошли совершенно въ другой климатъ и въ другую страну.

Изъ Когала въ Чикаръ дорога наша проходила черезъ узкій, извилистый проходъ рѣки Игелама. На покатыхъ откосахъ ея террасами идутъ площадки съ рисовыми и маисовыми полями и съ поселеніями крестьянъ, окруженными огородами и изгородями. Между этими мѣстечками, общая поверхность неровной почвы, занята болѣе или менѣе густыми лѣсочками, преимущественно изъ додонеи, кариссы, дикаго оливка, барбарису, малабарскаго орѣшника дикихъ фигъ и другихъ подобныхъ деревьевъ.

За этой береговой дорогой, холмы поднимаются высокими пиками, представляя безконечное разнообразіе видовъ, и громадныя пространства зеленыхъ луговъ (не прерываемыхъ ни утесами, ни лѣсомъ) тянутся вверхъ до самыхъ вершинъ.

Въ Чикарѣ мы покинули это мирное зрѣлище и перешли въ лѣсныя мѣстности, еловые и кедровые лѣса которыхъ соперничаютъ съ величественными высотами и представляютъ видъ—одинъ стоющій путешествія.

На нашей слѣдующей станціи въ Шакотѣ мы остановились на цѣлый день. Въ этотъ переходъ мы проходили небольшія кочевья цыганъ, обыкновенно называемыхъ *каніарами*, стоящія по тропинкамъ Счастливой Долины. Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, они ободранные, дикіе, и счастливые въ своей грязи и бѣдности, судя по наготѣ ихъ, вовсе не чувствительны къ холодному горному воздуху и къ жаркому припёку долины. Мы тоже встрѣтили нѣсколько громадныхъ каравановъ, направляющихся къ Равль Пинди. На трехъ, че-

тырехъ послѣдующихъ переходахъ мы встрѣтили еще такіе караваны, и нѣсколькихъ пешаварскихъ путешественниковъ, сопровождавшихъ свои небольшіе караваны въ двѣнадцать, въ пятнадцать муловъ, навьюченныхъ ассафетидой и нюхательнымъ табакомъ на Сринагарскій рынокъ; въ этотъ разъ я замѣтилъ три каравана, изъ восьмидесяти воловъ каждый. Я узналъ отъ одного изъ погонщиковъ, что корень собираютъ на горахъ около прохода Зоила, и когда мы подошли туда, я добылъ нѣсколько экземпляровъ растенія, пославъ человѣка за горы набрать его. Погонщикъ сказалъ мнѣ, что каждый волъ несетъ двѣ корзины *кута*, и что въ Раваль Пинди снадобье покупается купцами по рупіи за *серу* въ два фунта. Можно составить себѣ нѣкоторое понятіе о количествѣ этого корня, ежегодно вывозимаго изъ Кашмира, изъ приблизительныхъ цифръ, сообщенныхъ этимъ человѣкомъ. 240 вьюковъ этого снадобья, попавшагося намъ на встрѣчу въ этотъ день—особенный запахъ заражалъ имъ все вокругъ—представляетъ, по восьмидесяти фунтовъ въ корзинѣ, итогъ въ 38,400 фунтовъ, стоящихъ въ Раваль Пинди 19,200 рупій. На прежнихъ станціяхъ мы встрѣчали такое же количество, и погонщикъ мой увѣрялъ меня, что такіе караваны будутъ встрѣчаться намъ еще недѣли три.

Повидимому каждый можетъ отправиться и собирать этотъ корень тамъ, гдѣ онъ растетъ, и крестьяне обыкновенно этимъ и занимаются. Растеніе это растетъ въ дикомъ состояніи, и въ громадномъ количествѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, и я не могъ узнать какимъ количествомъ ограничивается сборъ его. Корень сильно употребляется въ Индіи во время службы въ индусскихъ храмахъ, и вывозится изъ Бомбея въ Китай, гдѣ его жгутъ въ кадильницахъ.

Въ тѣнистыхъ промоинахъ и рытвинахъ около Шакоти, я прибавилъ нѣсколько экземпляровъ къ коллекціи маленькихъ птичекъ, настрѣленныхъ мною дорогою; но не было ни одной такой красивой, какъ бѣлая райская птица съ длиннымъ, граціознымъ хвостомъ, и яркимъ зеленымъ клювомъ, и самца того же рода, но желтаго цвѣта. Прибывъ въ Сринагаръ, я отправилъ обитый жестью сундукъ съ этими птицами въ Индію, откуда на слѣдующій годъ они были отправлены въ Англію. Открывъ ящики, я увидѣлъ жесть перержавленною, и все содержимое было совершенно источено долгоносиками. Къ счастью, птицы, собранныя на сѣверѣ Леха, избѣгли этой участи и прибыли въ цѣлости.

Переходъ изъ Шакоти въ Ури чрезвычайно живописенъ, но утомителенъ для вьючныхъ животныхъ, вслѣдствіе крутыхъ подъемовъ и спусковъ черезъ цѣлый рядъ глубокихъ рвовъ, пересѣкающихъ дорогу, вообще хорошую и тѣнистую. По дорогѣ много обработанныхъ полей съ рисомъ, маисомъ, хлопкомъ, и стручками изъ рода, называющагося *махомъ*, которыя занимаютъ террасы по обѣимъ сторонамъ дороги. Въ промежуткахъ между этими производительными мѣстами, дорога окаймлена воложскимъ орѣшникомъ, юкобой, гранатами, тутовыми деревьями, фигами и абрикосами, куррмою (называющейся *амлукомъ*) и персиками, съ гроздями винограда вездѣ между ними обвитымъ; все это въ дикомъ состояніи, съ обильной зеленью и скудными плодами.

Лагерь нашъ въ Ури былъ поставленъ между крѣпостью и станціей, на высокомъ пригоркѣ, прислоненномъ къ чуднаго вида горамъ, богатымъ различной породы лѣсами, и пріятными ярко зелеными пастбищами. Это было красивѣйшее мѣсто, на какомъ только намъ приводилось останавливаться, и ясное, солнечное небо надъ волнистымъ паромъ окружавшимъ горныя вершины, освѣщало чудный видъ. Тишина, наступившая вмѣстѣ съ сумерками при закатѣ солнца, огласилась пріятными звуками волынки—инструмента, болѣе всякаго другаго гармонировавшаго съ настоящимъ временемъ. Въ первый разъ сержантъ нашъ, капралъ Риндъ, заигралъ на волынкѣ, и онъ не могъ выбрать болѣе подходящаго времени для своихъ упражненій, которыми впослѣдствіи часто услаждалъ скучные часы нашего дальнѣйшаго пути.

Фортъ выстроенъ грязно, человѣкъ на 200 гарнизона, и стоитъ около рѣки, возвышаясь на вершину крутояра, выдающагося на одномъ изъ изгибовъ. Внизу идетъ *ихула*, или «качающійся мостъ», черезъ который надо перейти на другую сторону, чтобы достигнуть Музаффарабской дороги.

Переходъ отъ Ури до Урихана Боинъ (буква *н* въ послѣднемъ словѣ произносится въ носъ) идетъ по чрезвычайно интересному мѣсту, по большой дорогѣ, которая пролегаетъ здѣсь черезъ высокія горы, господствующія надъ высокими крутоярами, прямо спускавшимися къ рѣкѣ—бушующему потоку, съ непрерывнымъ грохотомъ несущимуся въ ущелье.

На полпути перехода, мы прошли мимо развалинъ храма древняго индусскаго періода. Массивные куски, отлично рѣзаннаго пес-

чанника, сваленные въ кучи, указывали только фундаментъ центральнаго храма и порталъ четырехъугольника, нѣкогда служившаго стѣною. Тутъ не случилось никого, кто бы могъ разсказать исторію людей въ уединеніи монастырской жизни поклонявшихся Высшему Существу въ мѣстности, очевидно благопріятствующей исполненію ихъ желаній—полнѣйшаго погруженія въ предметъ ихъ обожанія, въ Высшее Существо, Всемірнаго Создателя, Творца всей вселенной.

При слѣдующемъ переходѣ, мы прошли мимо такихъ же развалинъ, но лучше сохранившихся. Монастырь выстроенъ изъ громадныхъ каменныхъ глыбъ, и называется Банихаромъ (или Банъ Вихара—«Лѣсной монастырь»). Въ серединѣ мѣста, окруженнаго четырехъугольной стѣной, стоялъ храмъ, на прочномъ фундаментѣ. Верхняя часть очевидно была возобновлена, и когда мы проѣзжали была занята бѣднымъ браминомъ, служившимъ двумъ богамъ, стоявшимъ на алтарѣ—маленькому каменному *лингамъ*, поставленному въ *гуни*, смазанному масломъ, и убранному цвѣтами—предметъ поклоненія извращеннаго браманизма, вмѣсто исчезнувшаго мистическаго буддизма. Въ Барамуллѣ стоятъ рядомъ реликвіи обѣихъ религіозныхъ системъ, и между ними *лингамъ* или Пріапъ, высѣченный изъ громаднаго куска песчанника, около четырехъ футовъ въ діаметрѣ и шестнадцати футовъ въ вышину, и поставленный на каменную платформу нѣсколько повыше уровня земли.

На кашмирскомъ языкѣ, или, какъ здѣсь говорится, на кашурійскомъ языкѣ, *ури* есть названіе дерева—родъ *цезальпиніи*—растущаго въ сосѣднихъ лѣсахъ; и *боинъ*, тоже названіе дерева—восточнаго чинара, *чинара* по мѣстному названію—придающаго такой оригинальный видъ долинѣ. Слово ури можно перевести такъ:—«Цезальпинскія деревья», а Уриханъ Боинъ (первое слово есть косвенное множественное число отъ *ури*) «Цезальпиновыя и Чинаровыя деревья».

Оставивъ Уриханъ Боинъ, мы отправились въ Барамулла, и расположились—1-го августа—нѣсколько повыше форта на берегу рѣки, и въ самомъ кашмирскомъ бассейнѣ, громадная долина котораго, окруженная чудной панорамой горъ, разстилалась передъ нами прелестнѣйшей картиной и со стороны рѣки, и со стороны суши. Недалеко отъ этого мѣста по пути въ Исламабадъ по другую сторону долины, Бедаста или Бехутъ, какъ зовутъ ее здѣсь, становится судоходной.

Послѣдній переходъ нашъ по долинѣ былъ также очарователенъ и прохладенъ, какъ двѣ предъидущія станціи, но съ окончаніемъ горъ мы разстались съ величественной картиной торжественныхъ высотъ и вошли въ мягкую мѣстность долины, которая, впрочемъ, обладаетъ особенной, свойственной ей прелестью, не менѣе удовлетворяющей чувства, убаюкивая ихъ тихой сладостью, въ то время какъ здоровый горный воздухъ возбуждаетъ ихъ своими чудными картинами.

Отойдя три, четыре мили отъ лагеря, мы прошли развалины Банихара, стараго индусскаго монастыря цвѣтущаго періода буддизма, о которомъ я уже упомянулъ. По другую сторону дороги стоитъ нѣсколько харчевень, гдѣ путешественникъ можетъ поѣсть самъ, и покормить животныхъ.

Въ Барамулла мы увидѣли впервые странныя постройки, придающія такой оригинальный видъ прибрежнымъ картинамъ Срикагара: новой формы мостъ, въ разнообразіи которыхъ повидимому страна эта изощряется.

Повыше города мостъ этотъ переброшенъ черезъ рѣку на шести быкахъ, и состоитъ весь изъ необтесанныхъ еловыхъ и кедровыхъ бревенъ. Самыя толстыя и длинныя, положенныя рядомъ, шли отъ одного быка къ другому, образуя дорогу, и лежали просто безъ всякихъ скрѣповъ, двумя или тремя футами каждаго конца на верхушкахъ быковъ, отстоящихъ одинъ отъ другаго на двадцать или на двадцать пять футовъ растоянія.

Быки же выстроены изъ такихъ же бревенъ, уложенныхъ рядами квадратнымъ срубомъ такъ, что каждое бревно пересѣкаетъ слѣдующее подъ прямымъ угломъ, входя въ выемку, сдѣланную въ слѣдующемъ бревнѣ. Внизу положены самыя длинныя и, доходя до средины, они постепенно уменьшаются, а затѣмъ снова расширяются до самаго верха, гдѣ бревны положены такой же величины какъ и внизу; слѣдовательно на видъ походили на песочные часы. Быки поставлены на фундаментъ изъ камня, сложенный на тинистомъ днѣ рѣки, и защищены противъ теченія разрѣзами, стоящими въ рѣкѣ, и построенными изъ камней, наваленныхъ въ бревенчатый срубъ Наверху у нихъ вбиты сваи, которыя держатъ перила, идущія по обѣ стороны моста.

Такой мостъ называется *каддалъ*; онъ очень крѣпокъ и прочень, не смотря на плохую постройку и ветхій видъ. На рѣкѣ

въ Сринагарѣ такихъ мостовъ стоитъ семь или восемь, и на нихъ производится торговля двухъ третей города, и нѣкоторые изъ нихъ кромѣ того отягчены цѣлымъ рядомъ лавокъ, построенныхъ по обѣимъ сторонамъ дороги, построекъ на видъ чрезвычайно страшныхъ, свѣшивающихся со всѣхъ сторонъ надъ рѣкою.

Бревна изъ кедра чрезвычайно прочны, и несчастные случаи весьма рѣдки, вслѣдствіе эластичности постройки и исхода, предоставленнаго внезапнымъ приливамъ между многими проходами въ самихъ быкахъ. Я видѣлъ прочность этихъ быковъ въ наводненіе 1869 года, и не смотря на то, что вода почти покрывала ихъ, ни одинъ изъ нихъ не былъ снесенъ, въ то время какъ многіе изъ домовъ по берегу — и изъ числа ихъ первый, въ которомъ я жилъ, совершенно развалились.

ГЛАВА II.

Посѣщеніе Дивана Бадри-Натъ.—Видъ съ рѣки на Сринагаръ.—Характеръ архитектуры.—Сцены на набережахъ рѣки.—Пловучіе сады въ Даллѣ.—Смерть Джинго.—Визитъ магараджѣ.—Пиръ въ Ранбиръ-Багѣ.—Кашмирская баядерка.—Смотръ кашмирскому гарнизону.—Замедленіе отъѣзда изъ Сринагара.—Исторія одного пилигримма.

Изъ Барамулла отрядъ нашъ двинулся въ Паттанъ, и остановился на одинъ день подъ тѣнью роскошныхъ чинаръ, на роскошныхъ вѣтвяхъ которыхъ золотая иволга выливала свою жалобную пѣсню и болталъ скворецъ. Я смѣрилъ окружность двухъ деревьевъ, подъ тѣнью которыхъ была раскинута моя палатка, и нашелъ, на разстояніи пяти футовъ отъ земли, что въ одномъ двадцать футовъ кругомъ ствола, а въ другомъ двадцать одинъ футъ и два дюйма.

Тутъ были развалины двухъ древнихъ храмовъ, выстроенныхъ изъ голубаго известняка, тщательно высѣченнаго и вышлифованнаго;—это былъ тотъ же массивный стиль только что упомянутый, и похожій на развалины Мартанда на другомъ концѣ долины; повидимому храмы эти посвящены солнцу. На разстояніи нѣсколькихъ шаговъ отъ этихъ развалинъ находится постройка совершенно противуположнаго характера, одно изъ противнѣйшихъ зданій—безобразная куча камней, грязи и кирпичей, составленная изъ кусковъ, стѣны которыхъ идутъ неправильными линіями, между громадныхъ рамъ изъ простыхъ бревенъ и неотесанныхъ балокъ, встрѣчающихся во всѣхъ концахъ долины и предназначенныхъ для разведенія шелковичныхъ червей;—промышленность недавно введенная магараджею, какъ правительственная монополія.

Прогуливаясь съ ружьемъ въ рукѣ, между этими краснорѣчивыме доказательствами прошедшей цивилизаціи и настоящаго положенія

итой исторической страны, я застрѣлилъ нѣсколько экземпляровъ кашмирской кукушки и прелестнаго яркаго щура, и потомъ, поднявшись на высокій глиняный берегъ на право, полюбовался чуднымъ видомъ долины съ ея озеромъ, лежащимъ повыше нашего лагеря.

Вслѣдъ за только что упомянутымъ видомъ, мы нашли другой вовсе не показавшійся намъ привлекательнымъ. Громадное пространство болотъ съ камышами окружаетъ Воларское озеро, а разбросанныя усадьбы и хижины, указывая предѣлы заразительнаго мѣста идущаго по этой мертвой равнинѣ на сколько видитъ глазъ, представляютъ крайне безотрадное зрѣлище. Но видъ далѣе,—общій видъ долины и окрестностей возбуждаетъ восхищеніе, какъ единственный въ своемъ родѣ по громадности ската и отдѣльнымъ красотамъ, которыя вы видите всюду, куда бы ни взглянули.

Вскорѣ по прибытіи нашемъ въ Паттанъ, насъ посѣтилъ Диванъ Бадри Натъ, важный чиновникъ кашмирскаго двора, который поздравилъ насъ отъ имени его высочества магараджи съ пріѣздомъ въ Сринаггаръ, и исполнилъ данное ему, любезное порученіе, съ врожденной мягкостью и вѣжливостью, но еще болѣе дорогими потому, что вѣжливость эта не была одними пустыми словами, что вполнѣ доказывали намъ хлопоты о комфортѣ во время нашего пути.

Послѣ полудня я сопровождалъ полковника Гордона, отплатившаго визитъ, а на слѣдующее утро они отправились вмѣстѣ, чтобы выбрать мѣсто для нашего лагеря, такъ какъ мы хотѣли остаться въ Сринагарѣ, чтобы снарядить нашихъ людей теплой одеждой для путешествія черезъ перевалы. На слѣдующее утро мы послѣдовали всѣмъ лагеремъ и, подойдя къ берегу рѣки, были встрѣчены пундитомъ Хирою Нандомъ начальникомъ городской полиціи, который ждалъ насъ съ катеромъ магараджи, чтобы водою провести къ Назиму Баху, гдѣ стоялъ лагеремъ отрядъ капитана Биддульфа.

Капитанъ Чапманъ и я заняли вслѣдствіе этого мѣста, приготовленныя для насъ подъ балдахиномъ лодки, и насъ повезли тридцать гребцовъ къ мѣсту назначенія, а лагерь нашъ, перейдя первый мостъ, пошелъ по берегу и соединился съ передовымъ отрядомъ капитана Биддульфа, лагерь котораго мы нашли уже расположеннымъ на берегу озера Даль, подъ тѣнью чинаръ въ знаменитомъ паркѣ, раскинутомъ здѣсь императоромъ Акберомъ.

Цѣлый рядъ мостовъ, подъ скрипящими и дрожащими балками которыхъ—арками назвать ихъ нельзя—наша лодка неслась противъ

теченія также быстро, какъ самая маленькая лодочка, можно было назвать членами одной и той же семьи; одинъ мостъ былъ подобіемъ другого, всѣ точно готовые свалиться и, оригинально выстроеные, казались разрушающимися. Лодки, плывшія подъ ними, не исключая и нашей, не смотря на различную величину и убранство, были одной формы и походили одна на другую. Была ли это свѣтлая и раскрашенная казенная лодка или тяжелая простая лодка съ рисомъ; легкій ли катеръ съ нарядымъ балдахиномъ и множествомъ гребцовъ; досужая ли перевозная лодка съ рогоженной покрышкой и глинянымъ очагомъ; челнокъ ли это рыбака и охотника, или плоскодонная лодка рыночнаго продавца овощей и дичи—всѣ онѣ выстроены по одному образцу и на одинъ ладъ—съ плоскимъ дномъ безъ киля, съ прямыми бортами, съ коническими концами, возвышающимися симметрично сзади и спереди, съ носомъ и кормой, одинаковыми для плаванья, и впередъ и назадъ.

Лодки такой формы очень удобны для перевозки большихъ тяжестей по тихой водѣ; но это чрезвычайно опасныя суда на быстрой водѣ. Вслѣдствіе широкаго дна они выигрываютъ относительно количества тяжести, которую можно наложить, но проигрываютъ въ скорости хода. Вмѣсто того, чтобы подниматься на волны, они представляютъ имъ препятствіе, о которое тѣ разбиваются, и которыя, захлестывая черезъ низкіе борта, легко могутъ затопить судно.

Туземцы рѣдко пускаются въ тяжело нагруженныхъ судахъ далеко отъ берега и, переѣзжая черезъ Воларское озеро, они держатся вдоль его береговъ, такъ что если бы случайно налетѣли шквалы, нерѣдко проносящіеся по озеру, судно можно было бы направить въ безопасную гавань, въ заливы, покрытые камышемъ и окаймляющіе озеро. Въ этихъ заливахъ лиліи вмѣстѣ съ другими водорослями покрываютъ воду сплошной массой листьевъ и недопускаютъ волненія.

Но возвратимся къ береговымъ видамъ. Цѣлыя массы домовъ выстроены на каменныхъ запрудахъ, возвышающихся надъ водою, по обѣ стороны рѣки, и между различными постройками тамъ и сямъ взорамъ представляются какой нибудь древній дворецъ или храмъ, которые привлекаютъ вниманіе новой формой, и представляютъ зрѣлище столь же новое по характеру, какъ странно нарушающее общее однообразіе.

Остроконечныя кровли, неопрятно покрытыя буковой корой, съ

ихъ вышками, открытыми съ обѣихъ сторонъ, такъ ненадежно держатся на слабо связанной рамѣ изъ вертикальныхъ столбовъ, которые они покрываютъ, что кажется ихъ снесетъ первымъ порывомъ вѣтра; и конечно они представляютъ самую странную форму архитектуры. Какъ на царскомъ дворцѣ, такъ и на хижинѣ крестьянина, такъ и на купеческой лавкѣ и механическомъ заводѣ, и на индусскомъ храмѣ и мусульманской мечетѣ, эта нависшая кровля вездѣ одинакова по характеру.

Зданія же, покрытыя ими, представляютъ болѣе разнообразія въ постройкѣ, хотя вообще—за исключеніемъ дворцовъ и индусскихъ храмовъ, всѣхъ выстроенныхъ изъ камня—рамка изъ прямыхъ брёвенъ, установленныхъ на возвышенной платформѣ изъ камня, образуетъ остовъ. Такая рамка скрѣпляется поперечными бревнами и стропилами и заполняется рядами или изъ горбылей необтесанныхъ брёвенъ, или тонкой стѣнкой изъ кирпича или известковаго цемента. Внутренняя отдѣлка дѣлается изъ дранокъ или изъ штукатурки, и комнаты гораздо менѣе освѣщаются, чѣмъ вывѣтриваются, что многимъ туристамъ въ «Счастливой Долинѣ» пришлось испытать на бѣду себѣ.

Оконныя стёклы извѣстны только во дворцахъ и въ домахъ богачей. Ихъ замѣняютъ рѣшетчатыя окна, и какъ недостаточны онѣ понятно, въ особенности если принять во вниманіе, что противъ вѣтра къ рѣшёткѣ приклеивается просто листъ бумаги, а холодный воздухъ, проходящій въ отверстіе, считается зломъ неизбѣжнымъ и непреодолимымъ.

Общее употребленіе бревенъ для постройки домовъ въ Кашмирѣ, и непрочныя скрѣпы брусьевъ и шестовъ, какъ говорятъ, вызваны необходимостью вслѣдствіе безпрестанныхъ землятресеній въ странѣ. Но кажется и другія причины имѣли значительное вліяніе на предпочтеніе такого рода постройки; а именно: народная неспособность къ физической дѣятельности—черта замѣтная во всѣхъ отрасляхъ здѣшней промышленности.

Ихъ шали и вышивки, ихъ серебряныя вещи и живопись на *papier maché*, ихъ рѣзьба на камнѣ и деревѣ и т. д., все представляетъ доказательство удивительно тонкой работы въ мелкихъ отдѣлкахъ, но не говоритъ о дѣятельности мускульной силы. Гдѣ сила такая нужна, какъ напримѣръ въ постройкѣ домовъ, мы видимъ, что она ограничивается только самой крайней необходимостью для достиженія цѣли. Вслѣдствіе этого, хотя камня въ странѣ много и онъ прочнѣе, но легко разрубаемыя и легко составляемыя бревна складываются вмѣстѣ, вовсе не принимая въ соображеніе какія нибудь условія прочности. Конечно, сырой характеръ климата и рыхлость почвы имѣли свою долю вліянія, не признавать которое нельзя. Но, при видѣ остатковъ древнихъ зданій изъ тяжелаго камня и существующихъ зданій кирпичныхъ, возвышающихся здѣсь, невольно приходитъ въ голову, что вышесказанныя условія не представляютъ серьезныхъ препятствій для болѣе оконченнаго и существеннаго архитектурнаго стиля, чѣмъ тотъ, который здѣсь въ ходу. Какъ бы то ни было, но дома Сринагара придаютъ чрезвычайно рельефный характеръ виду города со стороны рѣки. И замѣтнѣе другихъ новые дома лицевой стороны, возвышающіеся надъ рѣкою. Высокія зданія ихъ главныхъ мечетей, крытыхъ на подобіе колоколенъ, и служащіе доказательствомъ того, что архитекторъ отдаетъ предпочтеніе вкусу передъ требованіями условныхъ формъ, и безобразные маленькіе храмы съ идолами изъ камня и известняка, которыя можно было бы и не замѣтить, хотя они стоятъ на самомъ берегу, если бы позолота и мишура ихъ не блестѣла,—все это предметы некрасивые, не смотря на замысловатую смѣсь рѣзьбы. Остается теперь наполнить картину людьми, присутствіе и дѣятельность которыхъ оживляетъ видъ и пополняетъ его характеричность. Въ городѣ, столь хорошо помѣщенномъ, конечно можно ожидать встрѣтить представителей различныхъ ближайшихъ мѣстностей среди толпы жителей; но ихъ нѣтъ, или, по крайней мѣрѣ, они незамѣтны въ движущейся массѣ, проходящей передъ глазами простаго путешественника.

Какъ бы то ни было, типы афганца и сейка, часто здѣсь попадающіяся, не возбуждаютъ въ насъ такого интереса, какъ возбуждаютъ типы народа, еще недавно господствовавшаго въ Долинѣ, также господствующаго теперь. Незамѣтны и немногіе члены массъ извѣстныхъ племенъ далеко лежащихъ областей Дардистана, Балтистана и Бутана, служащіе здѣсь у правительства, и они не возбуждаютъ любопытства, среди толпы туземцевъ, преимущественно привлекающей вниманіе. Индѣйскіе пундиты и кашмирскіе мусульмане являются главными актерами этой движущейся сцены жизни и дѣятельности, представляющейся взорамъ на каждомъ поворотѣ рѣки.

Пундитъ или Батта, какъ зовутъ его магометанскіе братья, если не отличается хорошими манерами и рѣчью, или отличіемъ въ

одеждѣ и занятіяхъ, то тотчасъ же видѣнъ по выкрашенному пятну по самой серединѣ лба, знаку его религіозной чистоты.

Онъ встрѣчается какъ зажиточный купецъ, съ компаніей своихъ товарищей, проѣзжающій взадъ и впередъ по рѣкѣ, сидя на устланномъ цыновкой днѣ своей гондолы, и оживленно бесѣдующій о своихъ дѣлахъ; его красивыя формы выдаются подъ обтягивающимъ его безукоризненнымъ бѣльемъ и прикрываются широкими складками мягкой темной шали. Его можно увидить въ дезабилье, совершающимъ омовеніе, погруженнымъ у берега въ воду, надъ которою по временамъ качается его бритая голова, съ жидкимъ клочкомъ на макушкѣ, въ то время, какъ онъ бормочетъ слова своихъ молитвъ; руки его въ это время простираются къ солнцу, роняя обратно въ рѣку зачерпнутую имъ воду, или онъ быстро перебираетъ пальцами нитки *джанео*, охватывающаго его тѣло; сидитъ онъ, не обращая вниманія на присутствіе постороннихъ лицъ или близость женщинъ—мнимыхъ красавицъ пундитанокъ, которыя въ подобномъ же дезабилье погружаются въ ту же стихію, или, закутанныя въ широкія складки своей безобразной одежды, моютъ бѣлье, или наполняютъ водою кувшины. Или же вы можете видѣть его, какъ браминскаго священника—съ его жидкимъ и морщинистымъ тѣломъ, совершенно обнаженнымъ, за исключеніемъ только задней части—сидящимъ на корточкахъ и варящимъ свою простую пищу изъ прѣсныхъ пироговъ и похлёбки, и тщательно сохраняющимъ чистоту мѣста, предназначеннаго для операціи; или сидя, скрестивъ ноги у порога своего храма, онъ произноситъ свой *шастаръ* также быстро, какъ качается взадъ и впередъ всѣмъ своимъ тѣломъ; или же сидитъ неподвижно и молча, и погруженъ въ раздумьѣ, или, вѣроятнѣе, находится въ умственномъ оцѣпѣненіи и забытьѣ. Наконецъ вы можете его видѣть, пишущимъ съ бумагою въ рукахъ, какъ гражданскій чиновникъ—писецъ, нотаріусъ или сборщикъ податей—во время отправленія его служебныхъ обязанностей, или же какъ продавца хлѣба на рѣчныхъ судахъ, надзирающимъ за выгрузкой риса въ казенные амбары, или за продажей его народу.

Кашмирецъ или Кашури, какъ онъ самъ себя зоветъ, составляющій главную часть населенія, представляетъ болѣе различія положеній и занятій. Начиная почти отъ голаго кули и бѣдно одѣтаго крестьянина до наряднаго купца и богатаго землевладѣльца, всѣхъ ихъ приходится видѣть въ теченіе поѣздки по водѣ черезъ городъ.

Серебряныхъ дѣлъ мастера, рѣзчики на камняхъ, артисты на папье маше, ткачи шалей, вышивальщики шелками и другіе ремесленники—всѣ сидятъ въ своихъ лавкахъ, по обѣимъ сторонамъ рѣки. Тутъ мы познакомились только съ прибрежными сценами, не требующими дальнѣйшаго описанія, кромѣ какъ указанія объ ихъ общемъ сходствѣ по внѣшнему виду съ индусской частью населенія, отъ котораго они иногда отличаются, кромѣ крашенаго знака или *тика*, только инымъ складомъ тюрбана.

Главный актеръ прибрежныхъ сценъ, конечно, лодочникъ. Его развязная, живая фигурка—обнаженная для такого рода занятій—виднѣется всюду наклоняющейся съ быстрыми ударами, его веселъ, а звонкій голосъ его слишкомъ часто возвышается для непристойной ссоры, и громогласная брань слышится сквозь всѣ другіе звуки. Семейство его, живущее вмѣстѣ съ нимъ въ лодкѣ, виднѣется на берегу при различныхъ занятіяхъ; дѣти—замѣчательныя своими ясными глазами и кроткими, пріятными лицами—играютъ на берегу, въ то время какъ мать и старшія дочери заняты на берегу труднымъ и невиднымъ дѣломъ шелушенія своей ежедневной порціи риса. Широкая одежда, съ широкими рукавами, покрывающая, подобно ночной рубашкѣ, все тѣло отъ шеи до ногъ, и составляющая съ характеристичнымъ чепцомъ изъ краснаго филе ихъ единственный нарядъ, принадлежитъ ко многимъ вещамъ, обращающимъ вниманіе путешественника. А неуклюжее орудіе—такъ какъ нестъ этотъ ничто иное, какъ деревянная палка, съ обѣихъ сторонъ закругленная, а ступка—простая чашка, выдолбленная въ деревянномъ обрубкѣ—тоже заставляетъ обратить вниманіе на апатичный характеръ народа, у котораго подъ руками такое богатство водяной силы, а онъ, между тѣмъ, несетъ такой тяжелый трудъ.

По пути въ Назимъ-Бахъ мы проѣзжали подобныя сцены, которыя я попытался очертить словами. Послѣдняя же часть нашего пути шла цѣлымъ рядомъ каналовъ, пересѣкающихъ болота, лежащія между городомъ и Дальскимъ озеромъ. Въ это время года они были почти засорены изобиліемъ водорослей, идущихъ отъ ихъ мелкаго дна и развивающихся въ плоды на поверхности, гдѣ они вянутъ и гніютъ, въ то время какъ ихъ запутанные стебли мѣшаютъ проходу и отравляютъ воздухъ испареніями, развивающимися изъ гніющей массы жирныхъ листьевъ.

Между этими узенькими каналами идутъ узкія полосы земляныхъ

насыпей, на которыхъ стоятъ бревёнчатыя избы и огороды огородниковъ, снабжающихъ городъ овощами. Они поднимаются немного повыше уровня воды и раздѣляются прямыми рвами на поля или на площадки, берега которыхъ обсажены рядами ивъ. Между этими берегами, далѣе поддерживающимися частоколомъ, и возвышенныхъ надъ уровнемъ насыпями изъ кучъ водорослей, вытащенныхъ изъ каналовъ, снуютъ маленькія лодки землепашцевъ, проходя съ одного конца на другой по этому смрадному пути болотистаго лабиринта.

Въ этихъ огородахъ растутъ огурцы, дыни, тыквы и табакъ, а каналы и берега озеръ снабжаютъ жителей водяными орѣхами или *мыхарой*. Этотъ плодъ, значительно увеличивающій итогъ кормовыхъ продуктовъ въ странѣ, находится подъ покровительствомъ правительства. Пройдя по этимъ каналамъ мы вошли въ круглую лужу, называющуюся Далемъ, и проѣхали мимо пловучаго огорода. Эти огороды дѣлаются на полосахъ изъ гнилыхъ водорослей, вырванныхъ со дна озера посредствомъ шеста, на который проворно завертываютъ длинные стебли. Такую полосу окружаютъ листами, посыпаютъ небольшимъ слоемъ земли, на которой и сѣютъ дыни. Эти огороды могутъ вынести тяжесть двухъ, трехъ человѣкъ въ одно время, но надо быть очень осторожнымъ, чтобы ноги не проваливались черезъ эту рыхлую и непрочную почву.

Все озеро было усѣяно лодочками, съ однимъ человѣкомъ въ каждой. По пути мы встрѣтили двѣ или три лодки, нагруженыхъ цѣлыми грудами водорослей, выдернутыхъ лодочниками, вѣроятно, для починки старыхъ огородовъ или для устройства новаго. Вдоль берега виднѣлась цѣлая толпа женщинъ, каждая въ лодочкѣ, съ весломъ въ одной рукѣ, въ то время какъ другою онѣ быстро щипали водяные орѣхи, покрывавшіе поверхность, и бросали ихъ въ лодку за собою съ такою поспѣшностью, какъ будто бы ихъ могло не достать для всѣхъ ихъ. Это любимый кормъ скота, и говорятъ, что онъ очень улучшаетъ молоко. Далѣе, на тихой, открытой поверхности озера, плавало три, четыре лодки, какъ будто бы привязанныя къ чему нибудь, а лодочники лежали тихо, головою прислонившись къ сидѣнью, и какъ будто дремали. Это были рыбаки, и они вовсе не дремали, а пристально смотрѣли на *наритсъ* или на «багоръ», который держали въ одной рукѣ, чтобы проколоть имъ первую рыбу, которая проплыветъ подъ нимъ.

Вскорѣ мы поравнялись съ красивой мечетью Хазратъ-Балъ, любимымъ мѣста гулянья народа по праздникамъ, и проѣхали по деревнѣ вдоль длиннаго ряда купалень, на половину погруженныхъ въ озеро и вышли на берегъ у нашего лагеря. Тутъ, 4-го августа, мы соединились съ своими товарищами, ранѣе насъ вышедшими изъ Мурри.

Вечеръ нашего прибытія закончился внезапною кончиною моей любимой маленькой собачки. Это была маленькая, бойкая шотландская крысоловка, рожденная отъ привозныхъ родителей, и совершенно походившая на собачку, съ блестящими глазами, представленную въ «Достоинствѣ и безстыдствѣ» Ландсира. Она досталась мнѣ щенкомъ нѣсколькихъ недѣль, когда я былъ здѣсь въ 1869 г.; мнѣ ее подарилъ мой другъ и прежній товарищъ по полку, капитанъ Гаусъ и она провела юные дни свои, прыгая по землѣ, куда теперь вернулась, чтобы найти могилу подъ ея дерномъ. Это былъ вѣрный и умный товарищъ, смѣлый защитникъ своего господина, лишившійся жизни, защищая его достоянія. Мы сидѣли за обѣдомъ подъ роскошной чинарой, съ раскинутыми вѣтвями, на возвышенномъ берегу озера; темныя тѣни приближавшейся ночи слабо освѣщались лампами на нашемъ столѣ, и внѣ лучей ихъ, все прикрывали полнѣйшимъ мракомъ. Вдругъ какія то голодныя собаки, привлеченныя, вѣроятно, изъ сосѣднихъ мѣстъ пріятнымъ запахомъ мяса, появились вокругъ освѣщеннаго мѣста, и стали въ темнотѣ воровски подкрадываться въ наши владѣнія. Приближеніе ихъ немедленно было оповѣщено лаемъ моего чуткаго маленькаго друга, который, бросившись за ними, скрылся во мракѣ. Жестокая битва и жалобный визгъ скоро заставили насъ броситься съ огнемъ къ мѣсту. Громадныя волкообразныя собаки убѣжали, а моя бѣдная собачка лежала на мѣстѣ. Ребры ея оказались перегрызенными и вся она искусанной; она околѣла черезъ нѣсколько минутъ, не взвизгнувъ. Бѣдный маленькій Джинго! Смерть его была очень внезапна, и мѣсто гибели его увеличило грусть. Мнѣ грустно было лишиться его, такъ какъ это была вѣрная и славная собака и общій фаворитъ всего лагеря, гдѣ туземцы называли его *Джангу*—«воинъ». Смерть его была вполнѣ отмщена на слѣдующій день: съ полдюжины дикихъ псовъ попадало отъ нашихъ винтовокъ.

Вскорѣ послѣ прибытія нашего въ лагерь, визирь Рамъ-Дханъ посѣтилъ насъ, въ сопровожденіи большой свиты слугъ, несшихъ различные предметы *дали* или «гостинцевъ», присланныхъ мага-

раджею. Визирь положилъ ихъ въ рядъ на землю передъ палаткой полковника Гордона и, привѣтствуя насъ въ Кашмирѣ отъ имени его высочества, по мѣстному обычаю спросилъ о здоровьѣ, и выразилъ надежду, что приготовленія, сдѣланныя для нашего путешествія, были удовлетворительны.

Въ числѣ гостинцевъ были овцы и живность и нѣсколько большихъ кувшиновъ съ рисомъ, мукой, сахаромъ, чаемъ, плодами и пряностями, масломъ и кухонными припасами,—все въ большомъ количествѣ. Они были розданы какъ обыкновенно—то есть распредѣлены между нашей прислугой—и посѣтитель нашъ распростился, выслушавъ благодарность и доброжелательныя привѣтствія, посылаемыя его господину.

На слѣдующій день, согласно распоряженіямъ резидента, м-ра Ле-Поеръ-Уайна, мы отправились посѣтить магараджу. Въ пять часовъ пополудни, его первый министръ, Диванъ-Кирпа-Рамъ, явился къ намъ въ лагерь и послѣ церемоннаго визита повезъ насъ во дворецъ, въ Шеръ-Гархи-Фортъ, для чего была прислана лодка, въ родѣ лодокъ, называющихся *паринда* или «Бѣглецъ», вслѣдствіе ея быстраго хода. Магараджа Ранбиръ-Сингъ встрѣтилъ насъ у дверей террасы, возвышавшейся надъ рѣкой, гдѣ онъ и принялъ насъ и, привѣтствуя каждаго отдѣльно самымъ дружескимъ образомъ, повелъ полковника Гордона на стулъ по свою правую сторону; мы же всѣ сѣли по обѣ стороны. Короткій разговоръ начался объ общихъ предметахъ и потомъ перешелъ на причину нашего путешествія. Хозяинъ нашъ предупреждалъ насъ относительно затрудненій въ странѣ на сѣверной границѣ территоріи, и говорилъ, что хотя лично онъ и незнакомъ съ ея характеромъ, но изъ отчетовъ чиновниковъ заключаетъ, что эта негостепріимная пустыня, въ которой путешественникъ, хотя и запасшійся всѣмъ необходимымъ для комфорта, можетъ пострадать отъ страшнаго холода и затруднительности дыханія. Онъ прибавилъ, восхваляя предпріимчивый характеръ нашей націи, что мы несомнѣнно преодолѣемъ такія препятствія, и на сколько это касалось его, то мы могли считать страну, управляемую имъ, нашей собственной, а его интересы одинаковыми съ нашими, и потому онъ отъ души желалъ намъ счастливаго пути и благополучнаго возвращенія. Въ доказательство всего этого онъ прибавилъ, что отдалъ приказаніе оказывать намъ всевозможную поддержку по всѣмъ частямъ страны, управляемой имъ.

Вставъ, чтобы проститься, его высочество провелъ полковника Гордона къ дверямъ, и, какъ и при встрѣчѣ, онъ каждому пожалъ руку и отпустилъ насъ.

На слѣдующее утро (6-го августа) отрядъ капитана Биддульфа съ капитаномъ Троттеромъ и докторомъ Столичка, двинулся ранѣе по пути въ Лехъ, чтобы встрѣтить насъ по дорогѣ по направленію изъ Чангъ-чанмо, въ Шахидулла, гдѣ уже заранѣе было назначено rendez vous по пути въ Яркандъ. Вечеромъ, въ такое же время какъ и наканунѣ, полковникъ Гордонъ, капитанъ Чайманъ и я, въ сопровожденіи пундита Хира Нанда, который пріѣхалъ изъ форта въ казенной *пирандѣ*, чтобы устроить церемонію, отправились, отдать визитъ Дивану Кирпа Раму. Диванъ принялъ насъ въ своей оффиціальной резиденціи, примыкающей ко дворцу, принялъ со всевозможными знаками вниманія и выразилъ, что онъ чрезвычайно благодаренъ за честь, оказанную ему. Онъ выказалъ готовность угодить намъ, и обѣщалъ дѣлать все, что можно, чтобы облегчить затрудненія нашего пути и увѣрялъ насъ, что по повелѣнію магараджи, онъ отдалъ точныя приказанія всѣмъ пограничнымъ чиновникамъ снабжать насъ провизіей, и что они не пожалѣютъ трудовъ своихъ, чтобы доставить намъ комфортъ и безопасность по пути черезъ мѣстности, находящіяся въ ихъ вѣдѣніи. Прощаясь, онъ выразилъ надежду, что мы одобримъ распоряженія, сдѣланныя для поспѣшествованія нашего путешествія.

Послѣдующій путевой опытъ, на сколько возможно, убѣдилъ насъ въ искренности его словъ, и я считаю своею пріятною обязанностью сообщить, что и впослѣдствіи—болѣе чѣмъ мы могли ожидать въ оба пути и туда и обратно — кашмирскіе друзья наши постоянно доказывали намъ свое доброе расположеніе.

День былъ дождливый, и тучи только что начали расходится и очищать горныя вершины, когда мы отправились съ визитомъ. Рѣка не сильно вздулась отъ ливня къ тому времени какъ мы возвращались въ лагерь, но за то ночью она вышла изъ береговъ и затопила Чинаръ Бахъ на восемъ футовъ глубины. Эта красивая плантація съ прелестными чинарами по берегу Тзундъ-Куля или «Яблочнаго канала», который идетъ изъ рѣки до шлюзовъ Дальскаго озера, вслѣдствіе близости ея къ городу съ перваго же раза показалась самымъ удобнымъ мѣстомъ для нашего лагеря. Но другія соображенія, касающіяся здоровья и дисциплины заставили выбрать мѣсто болѣе

отдаленное и не столь сырое, и мы счастливо избавились отъ неудобствъ грязи и наводненія этого прелестнаго мѣстечка.

На слѣдующій вечеръ мы были приглашены на пиръ, какъ гости магараджи, въ Ранбиръ-Бахъ. Это—дворецъ или пріемный залъ, стоящій на высокомъ каменномъ фундаментѣ и образующій квадратное зданіе съ открытыми верандами вокругъ; онъ покрытъ воздушной крышей, по мѣстному обычаю скатывающейся со всѣхъ сторонъ въ середину, и прикрытой другой крышей уже меньшихъ размѣровъ. Этотъ дворецъ недавно выстроенъ въ кашмирскомъ архитектурномъ стилѣ и занимаетъ возвышенное уединенное мѣсто на берегу рѣки, повыше города и противъ кварталовъ, предназначенныхъ для помѣщенія европейскихъ посѣтителей; онъ убранъ въ индо-европейскомъ вкусѣ. Передъ дворцомъ и съ каждой стороны его идутъ хорошо обдѣланныя дорожки до самой рѣки съ каменной набережной, съ которой къ рѣкѣ спускаются каменныя лѣстницы. А сзади, за высокимъ берегомъ раскинутъ роскошный садъ на манеръ нашихъ, съ плодовыми деревьями, красивыми кустами и цвѣточными клумбами.

По случаю нашего приглашенія, отъ самой рѣки по набережной стоялъ отрядъ до веранды, гдѣ магараджа принималъ своихъ гостей. Какъ здѣсь, такъ и по всему зданію полъ былъ покрытъ бѣлымъ коленкоромъ, что очень красиво отдѣляло стѣны, украшенныя, мелкими образцами кашмирскаго декораціоннаго стиля. Мы нашли его высочество и его двухъ младшихъ сыновей—красивыхъ и умныхъ дѣтей—сидящими на крайнемъ концѣ залы съ резидентомъ и съ нѣсколькими чиновниками, находившимися теперь въ долинѣ; придворные, стояли позади. Мы подошли, чтобы засвидѣтельствовать почтеніе, и заняли мѣста на стульяхъ, приготовленныхъ для насъ по обѣ стороны, чтобы насладиться *натчемъ*, въ которомъ гости проводили полчаса передъ обѣдомъ, что было милостью, оказываемою людямъ неаккуратнымъ, опаздывающимъ къ обѣду.

Толпа въ двѣнадцать, въ четырнадцать танцовщицъ—появилась въ сопровожденіи факельщиковъ на концѣ веранды и, поклонившись магараджѣ, быстро сѣла на полъ полукругомъ противъ насъ на противуположномъ концѣ залы. Оттуда онѣ вставали по двое поочереди и, продекламировавъ, пѣли, танцовали и тихо подходили къ мѣсту, гдѣ сидѣлъ нашъ хозяинъ. Раскланившись, онѣ также граціозно уходили какъ и приходили, чтобы дать мѣсто слѣдующей паръ. Я не хочу описывать этого представленія, потому что слова: «декламировать, пѣть и танцовать», употребленныя мною за недостаткомъ другихъ, вовсе не соотвѣтствуютъ нашимъ понятіямъ о вѣрномъ представленіи того, что они выражаютъ.

Какъ ни плохо все это исполнялось, и хотя вовсе не было въ нашемъ вкусѣ, но тѣмъ не менѣе исполненіе это цѣнилось лицами, между которыми артистки эти процвѣтали, и которые показывали ихъ, желая занять насъ. Кромѣ того, независимо отъ различія вкусовъ въ этомъ отношеніи, представленіе само по себѣ заслуживаетъ нѣкотораго вниманія, въ особенности если сравнить его съ зрѣлищами, такъ часто представляемыми на нашихъ подмосткахъ, гдѣ въ такомъ употребленіи балетъ. Кашмирская «баядерка» не отличается непристойностью одежды, точно также какъ нѣтъ и непристойности въ граціозныхъ движеніяхъ ея ногъ. Эти движенія только пріобрѣтены продолжительной практикой и тщательнымъ ученіемъ, и чтобы судить о нихъ, надо смотрѣть на нихъ безпристрастнымъ окомъ. Танцы кашмирской баядерки, когда она плыветъ по полу, съ граціознымъ движеніемъ рукъ и тѣла, совершенно непохожи на летаніе по сценѣ, или на зрѣлища, представляющіяся намъ на балахъ; хотя все хорошо на своемъ мѣстѣ.

Послѣ двухъ, трехъ туровъ былъ поданъ обѣдъ, и магараджа всталъ и повелъ за руки резидента и полковника Гордона къ столу, а потомъ удалился черезъ боковую дверь къ Мирзѣ-Фазлуллахъ-Хану, персидскому генеральному консулу изъ Бомбея, пріѣхавшему въ то время въ долину, и посѣтившему его. Между тѣмъ мы, послѣдовавъ за первыми особами, усѣлись по обѣимъ сторонамъ стола, и въ отсутствіи хозяина отдали полнѣйшую справедливость прекраснымъ, поданнымъ намъ блюдамъ.

Обѣдъ былъ поданъ совершенно на нашъ ладъ, кромѣ только отсутствія хозяина на концѣ стола, въ силу страннаго предразсудка, котораго упорно держатся туземцы Индіи. Такой непозволительный отказъ ѣсть съ нами составляетъ громадный камень преткновенія на пути соціальнаго сближенія, которое мы пытаемся установить съ нашими туземцами-подданными, и никогда не сдвинется, пока туземные князья не станутъ посылать сыновей своихъ воспитываться въ англійскія школы, гдѣ они научатся какъ относиться къ намъ на равной ногѣ.

Какъ бы то ни было, на хозяйскомъ мѣстѣ сидѣлъ резидентъ, и,

какъ слѣдуетъ, въ извѣстное время всталъ и предложилъ тосты за «Королеву» и за «Вице-короля». На каждый изъ нихъ было отвѣчено, и полковникъ Гордонъ, въ свою очередь, предложилъ тостъ за «матараджу», что было принято точно также стоя. При провозглашеніи тостовъ военная музыка, забавлявшая насъ во время обѣда разными піесами, заиграла «Боже королеву храни». По окончаніи послѣдняго блюда его высочество принялъ благодарность установленнымъ порядкомъ черезъ девана Кирпа Рама, и все общество отправилось на веранду, гдѣ продолжался *нахъ*. Посреди представленія вдругъ послышался пискъ волынки, къ немалому удивленію тѣхъ, кто не былъ посвященъ въ тайну ея появленія, и вслѣдъ за звуками явился нашъ лагерный сержантъ и трубачъ, весело шагавшій по залѣ, гдѣ мы сидѣли. Онъ поклонился магараджѣ и по требованію его далъ намъ представленіе. Появленіе его было великолѣпно, и въ своемъ прелестномъ нарядѣ онъ тихо ходилъ взадъ и впередъ по залѣ, и мы съ гордостью любовались всѣми его движеніями.

Конечно присутствіе его въ подобномъ мѣстѣ было совершенно не кстати и болѣе неприлично, чѣмъ обѣдъ нашъ безъ хозяина; кромѣ того оно очень огорчило прелестныхъ кашмирокъ, которыя вмѣсто того, чтобы бросать взоры удивленія и любопытства, выражали только отвращеніе, какимъ это внезапное вторженіе наполнило ихъ сердца. Даже магараджа, не смотря на все свое желаніе сдѣлать намъ пріятное, не могъ согнать съ лица своего сумрачность, которую произвели на него пѣсни нашего друга Гелика, и выразилъ свое удовольствіе, когда онъ пересталъ играть. Я полагаю, только ради любезности къ намъ, онъ подарилъ игроку хорошую шаль и кошелекъ съ золотомъ.

Возвращаясь съ этого пиршества, мы нашли, что шлюзы Даля закрыты для того, чтобы поднявшаяся вода не вышла, а то она могла бы залить садъ между рѣкою и озеромъ. Вслѣдствіе этого мы пошли черезъ насыпь и сѣли въ лодку, предусмотрительно приготовленную для насъ. Мы добрались до лагеря только къ полуночи, довольные, что вышли наконецъ на берегъ и избавились холодныхъ испареній и смраднаго запаха водянаго пути.

10-го числа мы присутствовали на одномъ изъ военныхъ смотровъ кашмирскихъ войскъ; магараджа производитъ ихъ еженедѣльно, на площади позади Шеръ Горхи, когда живетъ въ своей лѣтней столицѣ. Мы встрѣтили его высочество въ воротахъ форта;

онъ ѣхалъ въ сопровожденіи своей неблестящей свиты и осматривалъ ряды войскъ, послѣ чего вернулся къ возвышенному мѣсту, гдѣ намъ поставили стулья, и съ платформы мы могли видѣть движенія арміи.

Тутъ было тысячи четыре пѣхоты, человѣкъ двѣсти кавалеріи, и пятьдесятъ или шестьдесятъ орудій. Люди были одѣты въ форму похожую на форму индѣйской арміи, хотя ружья ихъ положительно были хуже, и люди очевидно не выбирались по физическимъ способностямъ. Тѣмъ не менѣе вообще, это былъ легкій на ходу, бодрый народъ, хорошо сложенный, и маршировалъ достаточно правильно. Дограсы и сейки, между которыми попадались патаны и индустани, составляли главную часть силы, а батальонъ балтисовъ въ странныхъ шапкахъ и желтыхъ юбкахъ, подвязанныхъ у колѣнъ красивыми завязками, составлялъ самую интересную и любопытную часть арміи.

Послѣ маневровъ войска прошли мимо платформы, съ музыкой во главѣ, и стали расходиться по своимъ квартирамъ. Магараджа не выказывалъ большаго интереса къ этому зрѣлищу, а намекая на услуги, оказанныя его арміей во время мятежа, онъ говорилъ о ней какъ о части индѣйской арміи, занимающей эти горы, какъ часть Британской имперіи для императрицы Индіи, и во всякое время готовой на службу государству.

Сначала было рѣшено, что лагерь нашъ простоитъ здѣсь дней восемь или десять, чтобы обмундировать людей теплой одеждой для путешествія черезъ перевалы, и кромѣ того, чтобы сдѣлать кое-какія измѣненія въ нашемъ лагерномъ устройствѣ, починки и улучшенія въ вьючныхъ сѣдлахъ и палаткахъ, что оказалось необходимымъ послѣ путешествія изъ Мюри. Желанія наши въ этомъ отношеніи были немедленно исполнены кашмирскими властями, и они, ради удобства и легкости — такъ какъ городъ отстоялъ на пять миль — устроили временный базаръ подъ деревьями, по сосѣдству съ нашимъ лагеремъ, такъ что шитье платьевъ, починка, столярничество и кузнечное дѣло и всѣ необходимыя для нашего отряда работы производились тутъ же, подъ непосредственнымъ нашимъ надзоромъ, въ балаганахъ и мастерскихъ, устроившихся вокругъ насъ. 14-го августа я сопровождалъ полковника Гордона въ прощальномъ визитѣ чтобы поблагодарить за вниманіе къ нашей экспедиціи магараджу, и за усердіе и исправность его чиновникомъ.

Между тѣмъ, наканунѣ нашего выступленія, мы получили приказъ отъ начальника нашего изъ Симлы, предписывавшій не сниматься съ лагеря до его пріѣзда 29-го этого мѣсяца. Въ силу этого, выступленіе было отложено, и мы употребили это время, чтобы улучшить поправки, уже сдѣланныя. Время было пасмурное и эти двѣ недѣли оказались тяжелыми вслѣдствіе лихорадокъ и москитовъ—хотя мѣсто все-таки было лучшее, какое только можно было выбрать. И интересъ уроковъ туркестанскаго языка, и забавы охотъ на гагаръ, лысухъ, водяныхъ фазановъ между камышами и водорослями озера, и даже смѣшная болтовня, доносившаяся до насъ изъ города, не могли оживить жизни нашей посреди этихъ бѣдствій. Наконецъ, когда начальникъ нашъ пріѣхалъ, то приказъ выступать былъ съ радостью встрѣченъ всѣми, такъ какъ всѣ были рады перемѣнить невольную бездѣятельность подъ тѣнью Назима-Баха и лихорадочный ядъ его на путевое утомленіе и чистый горный воздухъ.

До нашего выхода изъ Мурри мнѣ посчастливилось оказать услугу одному изъ моихъ личныхъ слугъ, уроженцу Ярканда, который въ 1868 году оставилъ домъ свой, чтобы отправиться на богомолье въ Мекку, черезъ Индію. Исторія его чрезвычайно любопытна и можетъ считаться типомъ исторій многихъ другихъ лицъ, выходящихъ изъ родины своей въ Центральной Азіи и преодолѣвающихъ трудности и опасности путешествія, о которомъ они не имѣютъ ни малѣйшаго понятія и знаютъ только, что какимъ бы то ни было образомъ, но они доберутся до священнаго мѣста, имѣющаго такое таинственное вліяніе надъ умомъ мусульманина.

Хаджи Казинъ—такъ звали моего героя—былъ сынъ булочника, имѣвшаго лавку на бойкомъ мѣстѣ, по дорогѣ въ Яркандъ. Торговля его процвѣтала подъ китайскимъ управленіемъ до дунганскаго возстанія, наполнившаго улицы города кровопролитіемъ, насиліемъ и грабежемъ, что заставило его закрыть лавку и спрятаться со всей семьей, ради спасенія жизни, въ кладовыя и амбары Отецъ его умеръ во время этихъ безпорядковъ, а вдова съ дѣтьми, чтобы имѣть возможность существовать, снова открыла лавку. Казинъ работалъ вмѣстѣ съ своей матерью и былъ свидѣтелемъ всѣхъ перемѣнъ, которымъ подвергался городъ, пока наконецъ его не взялъ Аталыкъ-Газы.

Съ водвореніемъ порядка, съ возрожденіемъ ислама подъ новымъ управленіемъ, онъ воспользовался благопріятнымъ случаемъ, предоставивъ матери управленіе лавкой. Съ четырьмя или пятью членами своего семейства онъ присоединился къ каравану пилигримовъ, отправлявшихся въ Кашмиръ; дорогой они соединились съ отрядомъ, посланнымъ счастливымъ побѣдителемъ съ подарками для святой раки въ Меккѣ.

И онъ, и товарищи его двинулись въ путь съ самымъ крайне необходимымъ багажемъ и нагрузили общимъ достояніемъ три лошади, которыя служили также и для отдыха путникамъ. Кромѣ того, у нихъ была общая сумма денегъ, едва превышавшая пять фунтовъ на наши деньги, на издержки пути въ нѣсколько тысячъ миль.

Къ тому времени, какъ они дошли до Леха, двѣ изъ трехъ лошадей погибли отъ тяжкаго пути, и тѣла ихъ были оставлены, чтобы высохнуть и бѣлѣть съ тысячами другихъ скелетовъ, посѣянныхъ по пути черезъ страшныя Тибетскія горы. Остальная же лошадь требовала такихъ издержекъ въ странѣ, гдѣ они могли покупать все только на деньги, и гдѣ не было свободныхъ пастбищъ, что она была продана, во избѣжаніе банкротства и ради сбереженія ихъ скудныхъ средствъ. Съ своимъ небольшимъ капиталомъ, почти удвоившемся отъ продажи, партія пришла въ Сриннагаръ, а оттуда черезъ Пенджабъ въ Бомбей, гдѣ она сѣла на туземное богомольческое судно, съ толпою другихъ богомольцевъ, отправлявшихся въ одинъ изъ арабскихъ портовъ.

Разсказъ нашего хаджи о его приключеніяхъ и длиненъ, и запутанъ, вслѣдствіе его незнанія именъ различныхъ мѣстъ дороги, черезъ которыя онъ проходилъ, и потому тутъ неумѣстенъ. Намъ достаточно знать, что онъ добрался до Мекки и благочестиво исполнилъ предписываемые обряды; что онъ какъ-то очутился въ Константинополѣ и оттуда вернулся въ Лагоръ настоящимъ пилигримомъ, бездомнымъ одинокимъ чужеземцемъ. Тетка его умерла въ одномъ мѣстѣ, дочь ея исчезла въ другомъ, братъ его гдѣ-то пропалъ, и наконецъ онъ и двоюродный братъ его, почти ему ровесникъ, потеряли изъ виду другъ друга въ сумятицѣ большаго индѣйскаго города, и не знали о судьбѣ другъ друга до іюля настоящаго года.

Бѣдствія и горести этой небольшой несчастной партіи, повидимому начались въ Лехѣ и преслѣдовали ее всюду. Въ одномъ мѣстѣ у нихъ отняли деньги, въ другомъ ихъ ее милости кормили, а чаще всего они добывали средства существованія, барышничая тамъ и сямъ.

Изъ Лагора хаджи Казинъ прошелъ въ Лехъ погонщикомъ муловъ съ отрядомъ одного пенджабскаго купца и, прійдя туда, захворалъ и былъ помѣщенъ для поправленія въ больницу, устроенную здѣсь британскимъ правительствомъ. Начальникъ госпиталя Куда-Бакшъ принялъ участіе въ затерявшемся странникѣ и послѣ выздоровленія его взялъ его къ себѣ въ домашнюю прислугу.

Куда-Бакшъ, между тѣмъ, оставилъ свое мѣсто для болѣе выгодной службы въ Коммиссаріатскомъ департаментѣ и, услыхавъ о моемъ желаніи, любезно предложилъ хаджи къ моимъ услугамъ, имѣя въ виду желаніе его посѣтить родину.

Во время пребыванія нашего въ Сринагарѣ, я нашелъ, при помощи книгъ своихъ, чрезвычайно полезнаго въ немъ помощника, заимствуя отъ него нѣкоторыя познанія языка его страны, а въ Кашгарѣ услуги его пригодились большинству изъ насъ. Его внезапное повышеніе въ такое важное и значительное лицо, довело его до нѣкоторыхъ глупостей — къ числу которыхъ можно причислить его женитьбу и даваніе цѣлаго ряда пировъ друзьямъ. Но это было извинительно тѣмъ болѣе, что онъ считалъ своею обязанностью поддержать значеніе своего положенія, какъ служащаго въ посольствѣ, и нисколько не уменьшало его достоинствъ какъ умнаго и вѣрнаго проводника. Онъ проводилъ меня обратно въ Сринагаръ и, встрѣтивъ тамъ отрядъ мистера Шау, отправлявшійся въ Кашгаръ, отошелъ отъ меня, чтобы вернуться съ другимъ отрядомъ къ оставленной имъ женѣ.

ГЛАВА III.

Посѣщеніе шелковой прядильни.—Визитъ магараджи.—Путь изъ Сринагара.—Долина Синда.—Горная мѣстность въ Сона Марѣ.—Перевалъ изъ Кашмира въ Тибетъ.—Переходъ чрезъ Зойилскій перевалъ.—Зимняя стоянка въ Кашмирѣ.—Перемѣна климата и мѣстности. — Бготскій кули. — Брошенные золотые пріиски.—Поло въ Каргилѣ.—Одежда бготскаго крестьянина. — Буддистскія религіозныя зданія.—Покинутая деревня.

Однообразіе нашей послѣдней остановки было пріятно прервано 25-го августа посѣщеніемъ шелковичной прядильни магараджи. Это большое заведеніе неподалеку отъ Шеръ-Гарги, и на немъ работаютъ 400 человѣкъ, хотя, какъ мы слышали, работы достаточно было бы и въ четверо большему числу людей. Бабу Ниламбаръ Дей Мукарджи, управляющій заведеніемъ, провелъ насъ и любезно объяснилъ весь процессъ шелковаго производства.

Промышленность эта, повидимому, ведется только въ послѣдніе два, три года по системѣ, принятой въ Бенгалѣ, оказавшейся удовлетворительной по результатамъ, такъ что скоро она обѣщаетъ сдѣлаться важнымъ источникомъ богатства этой страны, и въ нѣкоторомъ отношеніи удовлетворить за упадокъ торговли шалями въ этомъ древнемъ мѣстѣ ея процвѣтанія.

Прядильныя колеса, показанныя намъ, вертятся руками; но мы слышали, что на шелкопрядильной фабрикѣ, гораздо большихъ размѣровъ въ Рагонатпурѣ, на берегу Даля, примѣнена водяная сила. Шелкъ, повидимому, замѣчательно хорошаго качества съ нѣжной и тонкой фиброй. Изъ писемъ, показанныхъ намъ по поводу этого предмета, мы узнали, что образцы посланные въ Лондонъ, оцѣнились господами Дюранъ и компаніей въ двадцать три, въ двадцать четыре шиллинга за фунтъ. Оборотъ шелку принесъ въ по-

слѣдній годъ два лака рупій, изъ которыхъ 25% приходится чистаго барыша. Въ это же самое время было собрано двадцать корзинъ или 1,600 фунтовъ яицъ для вывода. Говорятъ, что одинъ унцій яицъ производитъ сорокъ тысячъ червей, которыя производятъ 120 унцій шелку. Въ одномъ отдѣленіи заведенія шелкъ разматывался для продольнаго тканья, а въ другомъ разматывался на обыкновенномъ ручномъ станкѣ, и намъ показали образцы новой фабрикаціи производства, которое только что начинаетъ входить въ употребленіе. Это соединеніе шерсти съ шелкомъ, повидимому прочное и теплое, но жесткое и грубое.

Съ шелкопрядильнаго завода мы пошли въ богоугодную больницу магараджи, построенную въ очень хорошемъ мѣстѣ на берегу рѣки, и находящуюся въ вѣдѣніи доктора Гопала Дасса, бывшаго помощника хирурга въ одномъ изъ индѣйскихъ учрежденій, любезно показавшаго намъ свое заведеніе.

Больница устроена совершенно на европейскій ладъ, какъ наши заведенія этого рода, и приноситъ большую пользу народу, на который, тихо и незамѣтно, дѣйствуетъ чрезвычайно благодѣтельно. Между пацієнтами намъ привелось видѣть случай ампутаціи бедра, а другой—ноги, и оба больные уже поправлялись. Отчеты показываютъ, что изъ двадцати двухъ другихъ операцій, чрезвычайно важныхъ, въ томъ числѣ трехъ операцій извлеченія изъ мочеваго пузыря камней, совершенныхъ въ теченіи года, всѣ были удачны, и только два случая извлеченія камня кончились смертью. Человѣколюбіе всегда достойно поддержки и одобренія, и хотя больница рѣдко посѣщается магараджею и его чиновниками, но справедливость требуетъ сказать, что она въ изобиліи снабжена европейскими медикаментами и хирургическими инструментами.

Въ назначенный день—29-го августа—пушечный выстрѣлъ извѣстилъ насъ о прибытіи начальника нашего въ Сриннагаръ. Мы тотчасъ же надѣли мундиры и поспѣшили въ резиденцію засвидѣтельствовать ему свое почтеніе, и очень были рады, найдя, что онъ нисколько не утомился отъ поспѣшной поѣздки своей изъ Мурри.

На слѣдующій день мистеръ Форситъ, окруженный своимъ штабомъ, сдѣлалъ церемонный визитъ магараджѣ, на который его высочество отвѣтилъ на слѣдующій день. На зеленомъ берегу надъ Далемъ была приготовлена обширная палатка и *Шахміяна* или «царь въ серединѣ» съ зонтикомъ; а покатость отъ пристани до палатки

была покрыта полосой бѣлаго коленкора, по обѣимъ сторонамъ котораго стояла наша гвардія «Гидовъ», чтобы отдавать честь. Капитанъ Чапманъ отправился ко дворцу, чтобы конвоировать его высочество, который, прибывъ, былъ встрѣченъ на пристани полковникомъ Гордономъ и мною, и проведенъ въ палатку, гдѣ его привѣтствовалъ посланникъ и уполномоченный, при залпѣ гвардіи и при звукахъ трубъ сержанта Ринда.

Магараджу, старшій сынъ котораго Міянъ-Партабъ-Сингъ остался дома по случаю болѣзни, сопровождали два младшихъ сына Рамъ Сингъ и Аммаръ Сингъ, десяти и одинадцати лѣтъ, и кромѣ того деванъ Кирпа Рамъ и восемь или десять другихъ главныхъ особъ его двора. Церемонія совершалась съ обыкновенными формальностями и любезностями, и посѣтители наши по окончаніи визита отправились провести день въ прохладномъ пріютѣ Нишатъ-Бахъ или въ «Садѣ блаженства» по другую сторону Даля.

На слѣдующій вечеръ посольство было приглашено магараджею на пиршество въ Ранбиръ-Багъ. Кромѣ европейцевъ, бывшихъ въ то время въ Сриннагарѣ, въ числѣ гостей были и дамы. Во время пиршества предлагались тосты и говорились спичи, подходящіе къ настоящему случаю, и въ заключеніе вечера посланникъ поблагодарилъ за доброту и гостепріимство нашего вельможнаго хозяина.

Этимъ прощальнымъ выраженіемъ дружбы кончилось наше мѣсячное пребываніе въ Сриннагарѣ, и на слѣдующее утро, 3-го сентября, мы снялись съ лагеря и двинулись далѣе въ Гандарбалъ, у входа въ долину Синда, гдѣ мы раскинули палатки подъ тѣнью такихъ великолѣпныхъ чинаръ, какія только можно встрѣтить въ странѣ. Это была первая деревня, попавшаяся намъ въ округѣ Ларъ (который тянется отъ Монасбала до Сона Марга и, какъ говорятъ, имѣетъ до сотни селъ и деревень, изъ которыхъ впрочемъ въ немногихъ до тридцати домовъ), и въ ней, послучаю нашего пріѣзда, была такая суматоха, какую рѣдко приводится видѣть.

Нашъ лагерь имѣлъ 103 мула, да почти столько же проводниковъ. Кромѣ того за нами шло восемдесять вьючныхъ лошадей и сорокъ или шестьдесять носильщиковъ. Намъ всѣмъ пришлось скучиться около дороги, между деревней и горой, у подножія которой она лежитъ, ибо далѣе тянутся до Кашмирской долины громадныя пространства рисовыхъ полей, болотистыя и топкія, и доходящія до озера Манасбала.

Вокругъ насъ группировались въ живописномъ безпорядкѣ палатки нашихъ кашмирскихъ провожатыхъ, и груды продовольствія, припасеннаго для насъ, а мимо цѣлый день шла вереница носильщиковъ и вьючныхъ лошадей, впередъ на слѣдующую станцію. Любезная рѣчь посланника въ послѣдній вечеръ очевидно польстила самолюбію нашихъ добрыхъ друзей и удвоила ихъ старанія угодить намъ; услуги ихъ облегчали намъ путь на всѣхъ станціяхъ, пока мы не добрались прямымъ путемъ подъ покровительство нашихъ кашгарскихъ союзниковъ.

За милю или за двѣ за Гандарбаломъ, стоитъ деревня Арръ, на берегу небольшаго ручья, того же имени, впадающаго въ Даль у Тельбаля. Тутъ находится нѣсколько бумажныхъ заводовъ, работающихъ водой, и стукъ ихъ молотовъ доносился до нашего лагеря. Бумага дѣлается изъ волоконъ дикой конопли, въ изобиліи растущей здѣсь и смѣшанной со старыми ветошками и т. д. Вѣтошь здѣсь просто растворяется и промывается, и потомъ посылается въ городъ для выдѣлки бумаги. Другое растеніе, растущее здѣсь въ изобиліи и въ гораздо большемъ обиліи растущее въ Кашмирской долинѣ, это *кришунъ*, родъ лиліи, изъ листьевъ которой дѣлаютъ веревки.

Вечеръ кончился страшнымъ вихремъ и бурей съ громомъ и молніей, пронесшейся по долинѣ съ запада на востокъ, но не причинившей намъ хлопотъ, развѣ только заставившей насъ приколотить покрѣпче колышки, да укрѣпить стѣны палатокъ, въ предупрежденіе, чтобы они не опрокинулись.

Изъ Гандарбала мы отправились въ Канганъ за двѣнадцать миль, и стали лагеремъ въ рощицѣ изъ деревьевъ греческихъ орѣховъ и ракитъ недалеко отъ питомника шелковичныхъ червей. Дорога огибаетъ сначала засѣянныя поля и огороды Нунарскихъ поселеній, а потомъ идетъ поперегъ высокаго ската, круто спускающагося къ ложу рѣки Синдъ. Тутъ мы перебрались черезъ рѣку по сломанному мосту на длинныхъ еловыхъ шестахъ, положенныхъ между двумя быками, выстроенными просто изъ наваленныхъ камней около береговъ рѣки, и съ положенными на шесты поперегъ обрубками брусьевъ. По другому подобному же мосту за Палангскими поселеніями мы перешли черезъ притокъ, бѣгущій съ Гармукской горы, и пошли вдоль по теченію главной рѣки до Кангана.

Послѣ бури въ послѣднюю ночь, наступило ясное утро, освѣщенное солнцемъ; проходя же черезъ долину, мы видѣли чудные виды—лѣса и горы ярко зеленые, освѣжившіеся недавнимъ дождемъ. Растительность всюду роскошная и почти совершенно прячетъ отъ взоровъ маленькіе хутора, разсыпанные вдоль края холма.

Тѣнистыя орѣховыя и тутовыя деревья группами раскинуты всюду и едва замѣтны между абрикосовыми деревьями, сливами и яблонями, закрывающими отъ взоровъ небольшія поля риса, проса и гороха, или узкія полоски амаранта и гречихи, требующихъ ухода земледѣльца болѣе, чѣмъ дикорастущія фруктовыя деревья.

Оба послѣднія растенія составляютъ важную статью зимняго продовольствія здѣшняго крестьянина. Амарантовое сѣмя варится съ молокомъ въ видѣ похлёбки и считается теплой и питательной пищей. Гречиху же жарятъ и, смоловши въ муку, пекутъ тонкими лепешками, смѣшивая съ орѣховымъ или абрикосовымъ масломъ, которое здѣсь въ странѣ обыкновенно употребляется для домашняго хозяйства и въ кушанье.

Въ Канганѣ вечеръ кончился бурей съ громомъ и молніей, разразившейся надъ холмами, а на слѣдующее утро, когда мы продолжали путь свой въ Гундъ, нѣсколько налетѣвшихъ тучь обкатили насъ дождемъ и потомъ, отлетѣвъ къ вершинамъ холмовъ, открыли взорамъ нашимъ мѣстность, по которой мы проходили.

Когда мы миновали воздушный потокъ, холмы съ обѣихъ сторонъ стѣснились около рѣки Синдъ, и громадные откосы ихъ были покрыты сосновымъ и кедровымъ лѣсомъ, кончавшимся у самыхъ береговъ. Свѣтлыя, зеленыя лужайки открывали видъ чрезъ массу темнаго лѣса, темные оттѣнки котораго пріятно разнообразились тамъ и сямъ зеленью другой формы и цвѣта. Прорывы въ несущихся облакахъ временами показывали намъ не надолго голыя пики, возвышавшіеся къ небесамъ громадными уступами обнаженнаго камня, обозначающаго предѣлы растительности, и одѣтыя снѣгами горныя вершины, освѣщенныя лучезарнымъ свѣтомъ.

Воздухъ былъ пріятно свѣжъ и пропитанъ медовымъ запахомъ множества дикихъ цвѣтовъ, изъ которыхъ знакомый лабазникъ, такъ и выдѣлялся своимъ обиліемъ. Онъ живительно подѣйствовалъ на нашихъ людей и животныхъ, веселыя пѣсни и бодрость которыхъ показали, что они совершенно отдохнули отъ лихорадокъ и усталости нашей жизни въ Сринагарѣ. Мы зашли по дорогѣ въ деревню Теревань, съ Гаяномъ по другую сторону, и потомъ черезъ четыре

мили пришли въ Гари съ Ганджваномъ по другую сторону рѣки. Нѣсколько далѣе мы перешли черезъ рѣку по мосту подобному мосту между Гандарбаломъ и Канганомъ, и, пройдя черезъ лѣсъ, пересѣкли нѣсколько обработанныхъ полей въ Сумбалѣ, а за деревней перешли черезъ рѣку по мосту, длиннѣе котораго, мнѣ кажется, мы не встрѣчали по всей дорогѣ. Во всякомъ случаѣ, онъ качался сильнѣе другихъ, и колебаніе шестовъ чрезвычайно непріятно мѣшало идти.

Начиная отъ Гандарбала до долины Нубры всѣ эти мосты совершенно одинаковы, и состоятъ изъ двухъ или трехъ длинныхъ еловыхъ жердей, положенныхъ на быки, сдѣланные изъ груды навален-ныхъ камней по обѣ стороны потока, а на жерди эти положены поперегъ необтесанные обрубки брусьевъ. Такіе мосты зовутся *санга*, и у нихъ рѣдко попадаются перильца у краевъ. Только пѣшкомъ безопасно переходить по нимъ; постоянное сотрясеніе пугаетъ лошадь. Вьючныхъ лошадей можно переводить по нимъ только по одиночкѣ.

По другую сторону Сумбальскаго моста мы прошли чрезъ поднимающіяся террасами полосы обработанныхъ полей Прао, а за двѣ или за три мили далѣе остановились для завтрака не далеко отъ Гунда, гдѣ отрядъ нашъ сталъ лагеремъ на откосѣ господствовавшемъ надъ рѣкою—на разстояніи пятнадцати миль. Дорога проходитъ по этому мѣсту и, возвышаясь къ Резину на восемь миль далѣе, идетъ по мѣстности чрезвычайно богатой, но не очень населенной. Крестьяне повидимому жили въ довольствѣ, и въ усадьбахъ у нихъ были и коровы, и лошади, и овцы, и козы. Во многихъ деревняхъ разводятся пчелы, и въ Прао къ завтраку намъ подали свѣжія соты.

Отъ Гунда мы прошли пятнадцать миль въ Шатъ-Гари. Первыя три мили до Ревиля дорога очень тяжелая; она круто идетъ въ гору, гдѣ въ иныхъ мѣстахъ выбита въ вертикальной гранитной стѣнѣ. За Ревилемъ—небольшой кучки усадьбъ, раскинутыхъ между великолѣпными орѣховыми деревьями, живописно группирующимися у начала небольшой долины Гумбуръ, спускающейся между дикихъ холмовъ къ сѣверу—дорога проходитъ черезъ большія засѣянныя поля, спускающіяся къ рѣкѣ цѣлымъ рядомъ террасъ, и приводитъ къ деревни Куланъ. Тутъ она пересѣкаетъ рѣку и отлогую площадку, на которой стоятъ усадьбы Гвипара и Резинъ; за ними она

снова поднимается къ Гагангеру, гдѣ мы остановились позавтракать подъ тѣнью орѣховыхъ деревьевъ.

Тутъ дорога становится чрезвычайно тяжелой, и мили четыре идетъ то поднимаясь, то опускаясь вдоль подошвы крутыхъ скалъ, представляющихъ чрезвычайно дикую картину. Неровные хребты завершаютъ холмы и возвышаются острыми зубцами къ поднебесью, а рѣдкій лѣсочекъ на отлогихъ скатахъ едва прикрываетъ голые камни. Во многихъ мѣстахъ дорога была завалена обломками аспида и песчанника, скатившихся съ откосовъ, и много ихъ пришлось отвалить. Но у насъ много было прислуги и, встрѣчаясь съ такими препятствіями, мы не теряли времени. Возвращаясь на слѣдующій годъ этимъ же путемъ, мы нашли дорогу эту, называвшуюся Гангъ-Сатту починенной и улучшенной. Пройдя её, мы перешли рѣку и расположились лагеремъ на цвѣтущемъ лугу вдоль берега, подъ тѣнью лѣса, покрывавшаго кряжъ, и скрывавшаго отъ нашихъ взоровъ великолѣпный видъ мѣстности.

Въ Шатъ-Гари долина расходится по разнымъ направленіямъ и образуетъ амфитеатръ изъ холмовъ. Волнообразная поверхность покрыта роскошною цвѣтущею растительностью, а окружающая мѣстность представляетъ лучшее зрѣлище, какое можно видѣть въ Кашмирѣ: горы, ледники, лѣсистые откосы и зеленые луга, съ стремительными потоками и мрачными ущельями, соединенными въ одну картину. Шатъ-Гари—деревня изъ восьми или десяти домовъ, около которой мы расположились,—означаетъ «Семь холмовъ» отъ числа пиковъ, окружающихъ ложбину, называющуся обыкновенно Сона-Маргъ или «Золотымъ Лугомъ» вслѣдствіе цвѣтистыхъ откосовъ въ томъ концѣ, гдѣ находится деревня того же имени.

Подъемъ по этому пути значителенъ. Я получилъ 1848 футовъ разницы въ точкѣ кипѣнія воды, обозначавшей возвышенность въ Шатъ-Гари въ 8506 футовъ. Перемѣна въ климатѣ и разница въ температурѣ тоже очень чувствительны.

Время нашего пути самое благопріятное для туристовъ въ Кашмирѣ, гдѣ окружающіе холмы могутъ служить мѣстомъ охоты для охотника. Олень или *баразингъ*, бѣгаетъ по лѣсамъ и кормится въ прогалинахъ, прерывающихъ густую тѣнь; ибексъ или *кель* играетъ на недосягаемыхъ вершинахъ и пасется на лужайкахъ небольшихъ покатостей, гдѣ дикая коза или *маркюръ*, пасется вмѣстѣ съ нимъ, раздѣляя между собою владѣнія; черный медвѣдь или *гапутсъ* пасется

въ рытвинахъ и ущельяхъ, въ то время какъ фазанъ прячетъ свои яркія перья въ благопріятную зелень лѣсовъ, гдѣ онъ живетъ; снѣговой фазанъ смѣшиваетъ свои, менѣе привлекательныя перья, съ подходящими оттѣнками утесовъ, среди которыхъ онъ обитаетъ. Зимою вся эта мѣстность покрыта снѣгомъ, и тогда нѣсколько домовъ, составляющихъ признаки населенія этой части, покидаются своими обитателями, кромѣ тѣхъ, которыхъ губернаторъ оставляетъ, чтобы поддерживать пути сообщеній страны.

Изъ Шатъ-Гари мы пересѣкли Сона-Маргъ и, перейдя рѣку повыше деревни, пошли вдоль нее къ Балталу — «Подножіе Прохода» —гдѣ мы раскинули палатки неподалеку отъ жалкихъ лачугъ, предназначенныхъ для почтовой станціи и пріюта путешественниковъ. Разстояніе, пройденное нами, было въ двѣнадцать миль. Рѣка Синдъ соединяется тутъ съ значительнымъ притокомъ, пробирающимся по живописному ущелью, извивающемуся съ юговостока, тогда какъ главный потокъ течетъ съ сѣверо-востока и кажется менѣе своего притока, теряясь изъ виду нѣсколько повыше, въ темномъ, глубокомъ ущельи Зоджибала. Растительность здѣсь—на границѣ ея изобилія въ этой мѣстности— очень обильна, въ особенности травами и цвѣтущими растеніями. Я собралъ сѣмена многихъ разныхъ породъ, которыя попадались намъ на станціяхъ по дорогѣ, и послалъ доктору Гукеру въ Кью и мистеру Андерсону Генри въ Эдинбургъ.

Я помнилъ, что это мѣсто мнѣ указывали какъ на родину *кута* или «костума» погонщики, которыхъ мы встрѣчали по пути въ Сринагаръ, но я напрасно искалъ это растеніе около нашего лагеря. Между нашими носильщиками, я не могъ найти никого, кто бы даже зналъ это названіе. По большей части это были не мѣстные жители, а собранные сюда изъ дальнихъ мѣстъ округа по экстренному случаю; но хотя сами они не могли помочь мнѣ, всё-же одинъ изъ нихъ привелъ мѣстнаго жителя съ близь лежащей почтовой станціи, который принесъ мнѣ нѣсколько породъ съ холма за нѣсколько миль оттуда.

Слѣдующая станція наша была въ Матаянѣ. Идя на слѣдующій день—7-го сентября—изъ Балтала, мы перешли черезъ перевалъ Зодумбалъ, и вскорѣ послѣ этого перешли изъ территоріи собственно Кашмирской въ Тибетскую. Мы оставили за собою прелестнѣйшую страну съ роскошною растительностью, вѣчно зеленой въ влажной атмосферѣ ея климата, и вошли въ мѣстность съ сухимъ воздухомъ и гдѣ не росло ни деревьевъ, ни травы далѣе береговъ рѣкъ и по-

токовъ. Мы потеряли разнообразный и живописный видъ известковыхъ и песчаныхъ горъ, съ вѣчно зелеными рощами и пастбищами, и вмѣсто нихъ нашли сухія степи и дикія мѣста шифра и сланца, гранитныхъ и гнейсовыхъ утесовъ, съ своимъ безконечнымъ однообразіемъ, нѣсколько нарушавшимся постоянными суровыми ледниками. Мы разстались съ добродушнымъ народомъ, представляющимъ своими красивыми чертами лица и плотной фигурой одну изъ чистѣйшихъ формъ распространеннаго типа кавказскаго племени— аріанъ и встрѣтили другой типъ, — ясно носящій на себѣ типическій характеръ великой вѣтьви монгольскаго древа—татарскій. Съ этой перемѣной мы перешли отъ одного парѣчія къ другому—отъ аріанскаго къ туранскому, и отъ исповѣдующихъ одну религію къ исповѣдующимъ другую — отъ мусульманъ къ буддистамъ. Наконецъ, перейдя изъ одной страны въ другую, мы встрѣтили иныя манеры и одежду, иныя растенія и животныя. Вмѣсто многоженства встрѣтили многомужство, и шапку вмѣсто тюрбана. Мы увидали пастбища съ особенной травой вмѣсто обыкновенной муравы и нашли хрюкающаго быка и помѣсь вмѣсто быка и коровы. Границу между этими двумя странами такого противуположнаго характера образуютъ рѣки Синдъ и Драсъ, протекающія въ разныя стороны къ западу и къ востоку, «тотъ раздѣлъ незамѣтное сѣдлообразное возвышеніе, идущее поперегъ узкаго мѣста миль за пять отъ перевала; и хотя въ тѣни его мы нашли кое-какіе разбросанные цвѣты, но мѣсто это въ продолженіи восьми мѣсяцевъ бываетъ завалено снѣгомъ.

На проходъ этотъ здѣсь обращается сильное вниманіе, такъ какъ онъ можетъ сдѣлаться самымъ серьезнымъ препятствіемъ на пути сообщенія съ сѣвернымъ краемъ. Тибетцы зовутъ его Зои-Ла, а кашемирцы Зоибаль. Оканчивающій слогъ на языкѣ обоихъ народовъ обозначаетъ «проходъ», а собственное имя есть измѣненіе имени Шивы или Шеои, одного изъ трехъ индусскихъ боговъ.

Проходъ въ продолженіи полу-года закрытъ для торговли, а въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ по немъ съ опасностью жизни ѣздятъ почтовые курьеры. Посольство Аталыка Газы перешло этотъ проходъ въ декабрѣ мѣсяцѣ прошлой зимой съ большими затрудненіями, и, какъ сообщили намъ здѣсь, лишилось одиннадцати человѣкъ носильщиковъ, погибшихъ въ снѣжныхъ обвалахъ. Здѣсь проходятъ двѣ дороги: одна изъ нихъ идетъ около самой рѣки и проходитъ черезъ льдины и снѣжные сугробы, заваливающіе узкій про-

ходъ или ущелье, по которому рѣка протекаетъ; другая же поднимается вверхъ по крутому скату горы и идетъ надъ рѣкой къ сѣверу. По первой ѣздятъ рѣдко вслѣдствіе опасности ея, и она годится только для пешеходовъ; другая же дорога очень хороша, и поправляетъ ея кашмирское правительство.

Мы отправились по послѣдней дорогѣ, и, пройдя половину ея, нашли возвышеніе по точкѣ кипѣнія воды въ 11,400 футовъ надъ уровнемъ моря, и 2,118 футовъ надъ Балталомъ. Подъемъ этотъ очень крутъ и идетъ зигзагомъ по одной сторонѣ высокой горы, образующей одну изъ стѣнъ ущелья. Наша длинная вереница муловъ поднялась очень хорошо, и мы лишились только двухъ ящиковъ съ столовыми винами, упавшихъ подъ гору, и попавшихъ въ рѣку, гдѣ чрезъ проломленные бока ящиковъ прозрачныя воды Синда быстро замѣнили шотландскую виски и французскую водку, предназначавшіяся для нашихъ обѣдовъ зимою. Спускъ по другую сторону удобнѣе и ведетъ прямо къ самой рѣкѣ, гдѣ вдругъ съуживается и обращается въ ущелье. Мы перешли на другую сторону по массѣ плотнаго снѣга, круто склоняющагося къ ущелью.

Этотъ проходъ интересенъ въ историческомъ отношеніи, какъ мѣсто гдѣ яркандскія войска султана Саида въ 1531 году п. Р. Х. разбили защитниковъ его. Эта битва описана главнымъ дѣйствующимъ лицомъ предпріятія, — Мирзой Мухамедомъ Гидаромъ—въ исторіи Мугхалъ-Хана Кашгарскаго. Онъ написалъ книгу свою въ «городѣ Кашмирѣ» или въ Сринагарѣ въ 1544 году п. Р. Х., и озаглавилъ ее «Тарикги Рашиди» или «Лѣтописи Рашида», бывшаго въ то время царствующимъ ханомъ Кашгара. Во время пребыванія нашего въ странѣ, я пріобрѣлъ хорошій списокъ съ этой книги и извлекъ изъ нее много интересныхъ историческихъ замѣтокъ, связанныхъ съ различными мѣстами проходимой нами дороги. По описанію этой компаніи, предпринятой противъ невѣрныхъ Тибета, султанъ Саидъ вышелъ изъ Ярканда въ послѣдній мѣсяцъ магомеданскаго 938 года, соотвѣтствующаго апрѣлю или маю нашего 1531 года, съ арміей въ 5,000 человѣкъ, и перейдя черезъ Каракорумъ, напалъ на первое поселеніе въ долинѣ Нубры. Силы его двигались двумя колоннами, одна изъ которыхъ, подъ совмѣстнымъ начальствомъ сына его Искандера и министра его Мирзы Гидара—вышла за нѣсколько дней впередъ, тогда какъ другая подъ начальствомъ самаго Саида, двинулась вслѣдъ за нимъ.

Султанъ Саидъ такъ жестоко страдалъ отъ стѣсненія дыханія въ горныхъ ущельяхъ—отчего онъ впослѣдствіи и умеръ—что офицеры его, испугавшись за жизнь его, снесли его ниже въ долины и послали гонцовъ предувѣдомить Мирзу Гидаръ о болѣзни царя. Первая колонна двинулась побѣдоносно до Маріола или Ладака когда получила это увѣдомленіе; и Мирза Гидаръ тотчасъ же отступилъ, и соединился съ повелителемъ своимъ въ Нубра, гдѣ нашелъ, что больной совершенно поправился отъ болѣзни, выйдя изъ слоя вредившаго ему воздуха.

Послѣ этого нападающіе воевали въ продолженіи четырехъ или пяти мѣсяцевъ съ жителями, и храбро прошли ихъ слабо населенныя долины, убивая, забирая въ плѣнъ и обращая до тѣхъ поръ, пока не опустошили всю страну. Подошла зима, и было ясно, что страна не можетъ продовольствовать такого множества народа до весны, что заставило ихъ отступить въ проходъ.

Вслѣдствіе этого, они рѣшили раздѣлить свои силы, и искать зимнихъ квартиръ гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ. Султанъ Саидъ съ тысячью воинами проникъ въ страну Балти, которая, по описанію его, находится между Бадакшаномъ и Болоромъ, и былъ принятъ какъ гость правителемъ ея, Барамомъ Токомъ. И онъ, и народъ его, повидимому, были мусульмане — вѣроятно еретической секты шіа, такъ какъ яркандцы—послѣдователи сунни—относились къ нимъ вовсе не по братски, и злоупотребили гостепріимствомъ своихъ хозяевъ, выгнавъ ихъ изъ домовъ, перебивъ мужчинъ, обративъ женщинъ въ рабство и захвативъ ихъ имущество.

Мирза Гидаръ, съ молодымъ Искандеромъ и съ четырьмя тысячами арміи, за исключеніемъ небольшаго отряда, оставленнаго въ Нубрѣ, отправились въ Кашмиръ. Они прибыли къ проходу Зоибалъ около ноября или декабря; нашли его всего въ снѣгу, и подъ защитой четырехъ сотъ воиновъ, — очевидно жителей Драса. Но они скоро были обращены въ бѣгство превышавшимъ числомъ непріятелемъ, и яркандцы поспѣшили въ Сринагаръ, куда пришли на второй вечеръ, остановившись только переночевать на полпути. Вмѣстѣ съ битвой они употребили сорокъ восемъ часовъ на переходъ въ семдесять миль.

Въ Сринагарѣ ихъ радушно принялъ царь, Мугамедъ Шахъ,

разнообразившій монотонность зимнихъ мѣсяцевъ празднествами, по случаю брака своей дочери съ яркандскимъ принцемъ.

На слѣдующую весну войска Саида вышли изъ своихъ убѣжищъ. Повидимому жестокость зимы въ Балти нѣсколько успокоила пылъ религіознаго рвенія султана Саида, такъ какъ онъ двинулся для того, чтобы возвратиться къ себѣ въ столицу. Дойдя до возвышенныхъ мѣстъ, съ нимъ сдѣлались прежніе припадки, и хотя онъ спѣшилъ безостановочно къ тому мѣсту, гдѣ стѣсненіе дыханія или *дамъ* прекращается, но умеръ на половинѣ дороги, за нѣсколько миль отъ Каракорумскаго прохода, ровно черезъ двѣнадцать мѣсяцевъ послѣ того, какъ выступилъ въ эту несчастную экспедицію.

При выходѣ изъ Нубры, Саидъ приказалъ Мирзѣ продолжать *газа*, и нести побѣдоносное знамя ислама въ самую столицу невѣрныхъ—въ Аорзангъ, или Уманъ, или Хлассу—вслѣдствіе чего кашмирскій отрядъ тотчасъ же выступилъ въ походъ изъ Маріола, такъ какъ цѣль компаніи ихъ находилась на растояніи двухъ мѣсяцевъ пути. Отрядъ невѣроятно страдалъ отъ холода, лишеній, и вліянія слишкомъ высокой мѣстности и, проблуждавъ мѣсяца два, принужденъ былъ отступить къ Маріолу, не успѣвъ пройти и половины пути до мѣста назначенія. Тутъ они узнали о смерти Саида, о революціи въ Кашгарѣ и восшествіи на престолъ его старшаго сына султана Рашида, послѣ убіенія дяди мирзы Гидара, Саида Мугамеда Хана, который завладѣлъ престоломъ въ пользу Искандера, и о возвращеніи Искандера съ арміею, и объ изгнаніи Мирзы Гидара. Зима началась, и соединенные начальники, рѣшились дѣлить все, что судьба пошлетъ имъ. Смерть и побѣги убавили войско ихъ до пятисотъ человѣкъ. Они взяли крѣпость Калазіа или Кала-Шіа, и продержались въ ней до весны, питаясь десятью тысячами овецъ, которыя они захватили дорогой. Съ открытіемъ путей сообщенія, они напали на Рангъ Шигаръ, и, опустошивъ ея страну въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, вернулись наконецъ въ Маріолъ, гдѣ остатокъ силъ разсѣялся, отправляясь по одиночкѣ въ Яркандъ. Съ приближеніемъ этой третьей зимы, Мирза Гидаръ и Искандеръ, съ отрядами своими, уменьшившимися до пятидесяти человѣкъ, отправились искать болѣе безопаснаго убѣжища. Когда они дошли до Каракорума у нихъ было всего двадцать семь человѣкъ. Изъ нихъ четверо вернулись съ Искандеромъ въ Яркандъ, а остальные отправились съ Мирзой Гидаромъ искать счастья по неизвѣстному пути черезъ Рашгамъ и

Памиръ въ Бадакшанъ. Такимъ образомъ кончилось яркандское вторженіе въ Тибетъ въ 1531 г.—первое и послѣднее, о которомъ мы имѣемъ свѣдѣнія.

Теперь станемъ продолжать разсказъ о нашемъ пути, прерванный ради историческихъ замѣтокъ. Перейдя черезъ Зои Ла на другой берегъ рѣки, дорога идетъ вверхъ по рѣкѣ, высота которой опредѣляется гипсометрически въ 11,300 футовъ. Вслѣдъ за этимъ, дорога переходитъ черезъ ущелье вдоль постепенно расширяющейся рѣки Драсъ и далѣе по торфяному болоту, вплоть до потока, спускающагося изъ ледниковъ, съ правой стороны. Тутъ въ первый разъ мы видѣли сурковъ, которыми славится эта мѣстность. Далѣе дорога, пересѣкая другіе потоки, ведетъ въ Матайонъ. Разстояніе 14 миль. Деревьевъ тутъ нѣтъ, но полей довольно много, засѣянныхъ по большей части ячменемъ, на длинной полосѣ наносной земли, образующей долину. Климатъ и мѣстность внезапно измѣняются. За рѣзкой вскорѣ прекращаются и береза, и ива, и рѣдкій можжевельникъ; холмы являются обнаженными, голыми, безъ всякихъ деревьевъ; характеръ ихъ сохранился въ такомъ видѣ во все время остальнаго нашего пути. Воздухъ тоже замѣтно суше и легче. Физіономіи, одежды и языкъ совершенно другіе. Ближайшею нашею станціею была Драсъ, за 13-ть миль отъ перехода. Это полдюжины лачугъ, разбросанныхъ на неровной мѣстности громаднаго углубленія, окруженнаго холмами, и составляющихъ столицу округа Драсъ, идущаго отъ Зои-Ла до Чапагунда. Въ срединѣ этой ложбины стоитъ маленькая квадратная крѣпость, съ гарнизономъ въ пятьдесятъ человѣкъ, а рядомъ съ нею находится «*тахзилъ*», или «коллекторатъ» (учрежденіе для сбора податей) губернатора округа. Надъ коллекторатомъ господствуетъ садъ, окруженный тополями и березами, яркая зелень которыхъ пріятно дѣйствуетъ на глазъ посреди общей бѣдности пейзажа, и сулитъ отрадную тѣнь отъ солнечныхъ лучей, столь сильныхъ, что въ нашемъ отрядѣ было нѣсколько случаевъ однодневной горячки и головной боли. Драсъ находится на 10,150 футовъ вышины и снѣгу зимою, въ продолженіе двухъ—трехъ мѣсяцевъ, нападаетъ на одинъ футъ и болѣе. Иногда онъ лежитъ цѣлыми недѣлями на три или на четыре фута, и совершенно покрываетъ дорогу въ долинѣ. Далѣе въ Каргилѣ обыкновенная глубина его убавляется до нѣсколькихъ вершковъ. Наша дорога вела внизъ по извивающейся узкой долинѣ рѣки Драсъ, къ берегамъ которой холмы спускаются цѣлыми рядами голыхъ, не-

привлекательныхъ скалъ и вовсе не представляютъ никакого интереса. Интересны развѣ только прангосы—называющіеся туземцами *прангизамы* — которыхъ мы тутъ встрѣтили впервые. Рѣка, перейденная нами по мосту, за полмили отъ Пандраса, образуетъ узкое, извилистое промытое русло между обнажившимися слоями зеленаго змѣевика. Такая мѣстность тянется на нѣсколько миль, пока рѣка не входитъ въ бассейнъ Драса. Тутъ мы снова перешли ее, по простому мосту изъ обрубковъ, столь обыкновенному въ здѣшней странѣ. Онъ напомнилъ намъ одно грустное происшествіе: мистеръ Коули—англійскій джентльмэнъ, путешествовавшій въ этихъ мѣстахъ лѣтъ шесть, восемь тому назадъ—проѣзжая верхомъ на лошади по такому мосту, упалъ въ рѣку и утонулъ.

По дорогѣ мы встрѣтили небольшія партіи носильщиковъ, которые несли чай въ Сринагаръ. Чай былъ закупоренъ въ продолговатые тюки, зашитые въ баранью кожу, которые носильщики несли на деревянныхъ носилкахъ, надѣтыхъ за спину какъ ранцы. У нихъ были въ рукахъ палки въ видѣ латинскаго Т, на которые по временамъ они подпирали свои колѣни, чтобы отдохнуть и перевести духъ. Чай идетъ изъ Хлассы и пересылается отъ станціи до станціи на спинахъ различныхъ партій носильщиковъ, изъ которыхъ каждая партія несетъ только по своему округу. Въ Драсѣ большая часть лошадей и носильщиковъ, поставленныхъ для насъ кашмирскими властями, были смѣнены. Лошади были бодрыя, крѣпкія на ноги, и оказались впослѣдствіи отличными обозными конями; татарскимъ же носильщикамъ, по ихъ терпѣливой выносливости въ работѣ и по неприхотливости, слѣдуетъ отдать пальму первенства передъ остальными носильщиками. Но достоинство ихъ лучше оцѣнивать въ благородномъ отъ нихъ разстояніи, такъ какъ моются они рѣдко, и при встрѣчѣ съ ними чувствуется не совсѣмъ пріятный запахъ.

Туземцы этого округа мусульмане секты шіитовъ, по физіономіи походятъ на татаръ, которыхъ мы видѣли впослѣдствіи, и съ которыми они охотно дружатся. Одежда ихъ нѣчто среднее между одеждой кашмирцевъ и бготовъ, а по тюрбанамъ, которые нѣкоторые изъ нихъ носятъ, иностранецъ не отличитъ ихъ отъ бготовъ, съ языкомъ которыхъ у нихъ тоже есть много общаго. По фигурѣ они вообще красивѣе бготовъ, и во многихъ изъ нихъ очень замѣтны слѣды примѣси кашмирской крови. Они кажутся омагомеданившимися татарами, образующими связующее звѣно между

расходящимся типомъ аріанъ и туранцевъ. Мало кто изъ нихъ говоритъ на какомъ нибудь другомъ языкѣ, кромѣ своего собственаго, и они даже называютъ деревни и станціи не такъ, какъ зовутъ ихъ кашмирцы. Одни зовутъ станцію Драсъ, другіе — Гимбансъ; одни Матайянъ, другіе—Амбуши; одни Пандрасъ, другіе—Прансъ и т. д. Да и носильщики въ нашемъ отрядѣ говорили между собою на различныхъ діалектахъ, смотря по тому, изъ какого они были округа, хотя, повидимому, они всѣ другъ друга понимали. Я началъ составлять лексиконъ, но на каждой станціи находилъ такую громадную разницу, что бросилъ эту работу, какъ безполезную. Во время остановки нашей въ Лехѣ, я собралъ нѣсколько сотъ словъ, и сравнивъ ихъ со словами, записанными на пути, нашелъ, что по нашему пути туземцы говорили на трехъ различныхъ нарѣчіяхъ одного и того же языка. Языкъ этихъ татаръ называется кашмирцами бготскимъ. Онъ совершенно не похожъ на кашмирскій и на однородныя съ послѣднимъ нарѣчія Дардистана и Кафиристана, или Бадакшана и Вахана, и не похожъ точно также на языки тюркскій и калмыцкій, употребляемые въ Кашгарѣ.

Изъ Драса мы пришли въ Таегамъ—шестнадцать миль—и по выходѣ изъ лагеря замѣтили около дороги три каменные столба. Они были отъ четырехъ до пяти футовъ вышиною, съ рѣзными украшеніями индусскихъ боговъ. Никто не могъ сказать намъ, какъ они сюда попали, и вообще что нибудь о ихъ исторіи. Путь нашъ лежалъ внизъ по рѣкѣ, по узкой извилистой долинѣ, съ множествомъ деревенекъ и съ значительными пашнями по узкимъ полоскамъ по обѣ стороны рѣки. Тутъ были поля съ люцерной—здѣсь называемой *буксукомъ*, а въ Лехѣ *чхумпо*—и прангосы стояли на поляхъ около дороги, для зимняго корма мѣстной скотинѣ, помѣси *яка* (bos grunniens) и домашней коровы, самецъ и самка которой называются *зхо* и *зхамо*. Тутъ встрѣчается множество скрещиваній между помѣсью и родоначальниками, но они не часты и не такъ цѣнятся, какъ простая помѣсь. *Зхо* очень выносливъ и кротокъ и предпочитается для плуга и для перевозки тяжестей болѣе смѣлому, но упрямому *яку;* въ то время какъ *зхамо* даетъ, говорятъ, молоко и болѣе постоянно, чѣмъ обыкновенная корова и ѣстъ умѣренно и не разнообразно.

Слѣдующій двадцати двухъ мильный переходъ нашъ былъ длиненъ и утомителенъ; въ Каргиль мы прибыли 12-го сентября. Въ

теченіе первыхъ двухъ часовъ дорога спускается къ ложу рѣки, здѣсь весьма узкому и каменистому, и потомъ, перейдя по неровному дну, поднимается на небольшую площадку, на которой стоитъ одинокая наблюдательная станція Карбо. За милю или за двѣ отъ лагеря, дорога пересѣкаетъ рѣку по деревянному мосту, переброшенному на выдавшійся утесъ. Проходъ къ дорогѣ вокругъ утеса очень узокъ и опасенъ, потому что идетъ по краю пропасти, по дну которой мчатся бурныя воды рѣки.

Какъ здѣсь, такъ и у многихъ подобныхъ переходовъ, попадавшихся намъ въ продолженіи пути нашего по этой территоріи, мы нашли нѣсколько человѣкъ носильщиковъ, ожидавшихъ тутъ насъ, чтобы помочь перенести вещи, и все было благополучно перенесено.

За наблюдательной станціей мы нашли развалившіяся стѣны хижинъ, по словамъ проводника—остатки деревни, нѣкогда занимаемой золотоискателями, работавшими на крутомъ скатѣ холма, на противуположномъ берегу рѣки. Они прокопали галлерею вглубь холма и промывали въ рѣкѣ золотоносный песокъ довольно удачно до тѣхъ поръ, пока однажды подкопанная земля не засыпала нѣсколькихъ человѣкъ. Это приключеніе золотоискатели сочли вмѣшательствомъ Провидѣнія, бросили свое дѣло и разошлись.

Отсюда мы спускались и поднимались по цѣлому ряду проселочныхъ дорогъ, примыкавшихъ къ рѣкѣ, которая принимаетъ съ противоположной стороны чистыя голубыя воды впадающаго въ нее Шинго. Поднявшись на высокіе берега изъ гранитныхъ утесовъ, на которыхъ стоитъ Чаннагундъ—или какъ называютъ его татары Пилискимбо—мы остановились позавтракать, пока переправляли наши вещи.

Продолжая путь, пройдя двѣ или три мили, мы добрались до соединенія рѣки Тангекамы съ рѣкою Драсъ, и, поднявшись черезъ неровный гнейсовый мысъ, пошли вдоль по теченію, оставивъ Драсъ влѣво. Наконецъ еще черезъ три мили неровнаго пути мы пришли въ Каргиль. Противуположный берегъ рѣки Драсъ окаймленъ деревнями, возвышающимися надъ узкими полосами полей и огородовъ, идущихъ террасами отъ берега рѣки по всему пути до Повена, противъ Каргиля.

Между Чаннагундомъ и Каргилемъ по той дорогѣ, по которой мы слѣдовали, нѣтъ ни полей ни жилищъ. Дорога камениста и избита, а

въ то время, какъ мы проѣзжали по ней, она была завалена остатками двухъ глыбъ земли, свалившихся съ горъ отъ страшнаго дождя, свалившаго два мѣсяца тому назадъ. Одна изъ этихъ двухъ глыбъ, свалившаяся въ рѣку, была 250 ярдовъ въ поперечникѣ, и падая—по словамъ моего проводника, каргильскаго уроженца—унесла съ собою сорокъ головъ скота и трехъ пастуховъ, охранявшихъ стадо.

Каргиль очень живописное мѣстечко у соединенія рѣкъ Суру и Паскіума или Вакха, которыя, соединяясь, образуютъ Тангеканъ. Эта значительная деревня помѣщается на лѣсистомъ скатѣ надъ шумнымъ соединеніемъ рѣкъ и надъ цвѣтущими повенскими полями на противуположномъ берегу.

Это столица уѣзда того же названія, простирающагося отъ соединенія Тангекама съ рѣкою Драсъ до прохода Потола, имѣющая фортъ и коллекторатъ. Коллекторатъ стоитъ на концѣ деревни и состоитъ изъ нѣсколькихъ хорошенькихъ и удобныхъ зданій съ тѣнистыми террасами, передъ которыми мы расположились лагеремъ.

Фортъ господствуетъ надъ дорогою у соединенія рѣкъ и устроенъ на одинокомъ каменистомъ ложѣ притока рѣки Суру, струи которой съ непрерывнымъ шумомъ бѣгутъ по обѣ его стороны. Онъ соединяется съ берегомъ самымъ ветхимъ мостомъ, положеннымъ на крайне непрочныя съ виду груды камня и хвороста.

Тутъ намъ привелось видѣть большую толпу народа изъ уѣзда, собранную для услугъ нашему отряду, и мы нашли странное смѣшеніе буддистовъ и мусульманъ, повидимому совершенно равнодушныхъ къ предразсудкамъ вѣроисповѣданія, столь сильно господствующихъ въ странѣ, только что оставленной нами. Дѣйствительно, страна, на сколько мы могли видѣть ее, не имѣетъ памятниковъ, которые бы говорили о господствѣ или даже о существованіи той или другой религіи, и не *масшидъ* и *зіарашъ*, ни *гонпа* и *гхортенъ* не попадаются на глаза, какъ доказательства мусульманской или буддистской религіи. Въ толпѣ же изъ семи или восьми сотъ человѣкъ, собравшейся около нашего лагеря, смѣсь этихъ двухъ религій была несомнѣнна, и указывала на существованіе тутъ обоихъ вѣрованій на нейтральной почвѣ. Весь народъ вообще зовется бготами, хотя многіе въ числѣ его мусульмане изъ презираемыхъ еретиковъ или изъ шіитской секты; всѣ они представляютъ замѣтную физіономію татарскаго типа. Я замѣтилъ нѣсколько лицъ, которыя можно было бы назвать китайскими.

Къ вечеру остановки нашей здѣсь, мѣстные жители устроили игру *поло* для нашего развлеченіи, или, скорѣе, для своего собственнаго. Это—національная мѣстная забава; въ каждой деревнѣ есть ровное мѣстечко, тщательно очищаемое для поло. Но пріемы этой игры, которые мы видѣли на коренной ея родинѣ, можно назвать жалкими сравнительно съ тѣми, которые мы видимъ въ странахъ, привившихъ у себя эту забаву. Отвага и довольство какъ коня, такъ и всадника замѣняли недостатокъ быстроты и проворства, часто встрѣчающіяся между ними, и неловкая ѣзда окупалась веселостію и кротостію всадника и его маленькаго коня.

Въ заключеніе представленія нѣкоторыя изъ всадниковъ показывали свою ловкость и поднимали съ земли монету на всемъ скаку, не оставляя сѣдла. Это не было большимъ подвигомъ, такъ какъ лошади ихъ не больше англійскаго осла, и шаги лошадей не крупнѣе шаговъ баснословнаго упрямца, съ ростомъ котораго я ихъ сравнилъ. Такая забава доставляла много удовольствія, по крайней мѣрѣ зрителямъ, вслѣдствіе смѣшныхъ усилій однихъ и неуклюжихъ паденій другихъ, сильно старавшихся выиграть призъ. Игра окончилась общею схваткою изъ за пригоршни мѣдныхъ денегъ, брошенныхъ въ толпу; схваткой, вызвавшей шумную возню, и, странно сказать, возню безъ всякой примѣси какой либо брани или злобы.

И дѣйствительно, какъ мы увидѣли изъ дальнѣйшаго знакомства съ нимъ, народъ этотъ такой простой и такого веселаго нрава, какого рѣдко можно встрѣтить; онъ живетъ смирно и тихо согласно своему уставу. Толпа, собравшихся сюда со всѣхъ концовъ уѣзда, была тепло одѣта и хорошо накормлена, и вообще казалась состояла изъ людей довольныхъ своимъ положеніемъ.

Тутъ мы встрѣтили впервые татарскій костюмъ, съ которымъ короче познакомились во время послѣдующаго пути. Большая часть мужчинъ были одѣты въ бготскихъ шапкахъ, или *тапи*, и носили за спиною повѣшанными овечьи и козьи шкуры. Шапка состоитъ изъ простаго мѣшка изъ крѣпкой ткани овечьей или козьей шерсти, и виситъ на одну сторону, когда надѣта на голову; конецъ мѣшка или завернутъ внутрь, или виситъ на спинѣ. Бготъ носитъ волосы по старинному заплетенные въ косу, длину которой онъ вовсе не прочь увеличить искусственною прибавкою изъ плетеной шерсти. Онъ тоже любитъ украшенія, и украшаетъ свою шапку пучкомъ цвѣтовъ, которые срываетъ на своихъ покосахъ, или яркими ноготками,

которые садитъ на крышѣ своей усадьбы. Онъ носитъ въ ушахъ кольца изъ золотой или серебренной проволоки, съ нанизанными красными кораллами и голубой бирюзой, а на шею вѣшаетъ, въ видѣ ладонки, большой кусокъ янтаря или агата. Плащъ изъ овечьей и козьей шкуры, называющійся *хіупоромъ*, носится свѣшеннымъ поперегъ спины на веревкѣ, идущей поперегъ груди черезъ плечо. Плащъ отдѣлывается волосами или шерстью, и служитъ защитой для спины противъ холодныхъ мѣстныхъ вѣтровъ. Жители Кафиристана, который на сколько мнѣ извѣстно, можно назвать тоже горною мѣстностью, носятъ такой же плащъ, называемый ихъ братьями, обращенными въ исламъ, по его обыкновенному цвѣту:—*сіяхъ постъ*, т. е. «черная шкура». Вслѣдствіе этого ихъ отличаютъ отъ другихъ языческихъ племенъ названіемъ — *сіяхъ постъ кафиръ* или «язычники черной шкуры». Названіе это было почему то невѣрно понято и передано какъ *сіяхъ пошъ*, или «одѣтый въ черное», что скорѣе примѣнимо къ синей одеждѣ самихъ афганцевъ, или къ намъ, или къ другому народу, который носитъ одежду болѣе или менѣе темнаго цвѣта, чѣмъ къ горцамъ Кафиристана, обыкновенно одѣвающимся въ шерстяную домашнюю ткань натуральнаго цвѣта, а не въ причудливый костюмъ, въ какомъ я видѣлъ на фотографіи почетнаго кафира въ его національномъ нарядѣ.

Остальная одежда бготскаго мужика очень проста. Широкая рубашка грубой бумажной ткани, прикрываемая кафтаномъ изъ толстой и крѣпкой шерстяной матеріи. Талію онъ стягиваетъ кожаннымъ кушакомъ, черезъ который висятъ складки длиннаго шарфа, съ концами свѣшивающимися на широкихъ штанахъ; какъ штаны такъ и шарфъ одинаковой матеріи съ кафтаномъ. Ноги ихъ обуты въ грубые шерстяные носки, засунутые въ неуклюжіе башмаки изъ кусковъ мѣха и кожи, или въ сапоги изъ бараньей шкуры, мѣхомъ внутрь; голени же прикрыты складками широкой шерстяной подвязки, съ разноцвѣтными краями. На кушакѣ висятъ разныя необходимыя принадлежности для путешествія, или вещи ежеминутно требующіяся въ обыкновенной жизни. Ножикъ съ простымъ лезвеёмъ, вложенный въ кожанный футляръ, виситъ съ одной стороны вмѣстѣ съ кремнемъ обдѣланнымъ мѣдью; а съ другой виситъ мѣшокъ для чая и табаку, и блестящая желѣзная трубка. Въ обширномъ внутреннемъ карманѣ кафтана засунутъ мѣшокъ съ ячменнымъ хлѣбомъ, а иногда просто съ кускомъ тѣста, распарившимся отъ тѣлес-

ной теплоты, и деревянная чашка, изъ которой онъ ѣстъ. За спиною внизу привѣшана вещь похожая на колчанъ; но нашъ мирный бготъ никогда не носитъ ни лука, ни стрѣлъ, и никакого военнаго оружія, а этотъ подозрительный деревянный цилиндръ, украшенный и расписанный простымъ узоромъ, есть ничто иное, какъ его чайникъ.

Изъ Каргиля дорога идетъ передъ фортомъ черезъ рѣку тремя или четырьмя бревенчатыми мостами, соединяющимися запрудой; поднимаясь изъ ложбины въ продолженіе четырехъ или пяти миль, мы перерѣзаемъ волнообразную песчаную мѣстность, занимающую уголъ между двумя рѣками, и потомъ спускаемся въ долину Паскіума.

Выступы по обѣимъ сторонамъ извивающейся рѣки заняты цвѣтущими маленькими деревушками, въ свою очередь окруженными хлѣбными полями и рощами изъ ивы и тополя, представляющими пріятное зрѣлище довольства среди окружающихъ голыхъ утесовъ.

За ними долина внезапно съуживается въ ущелье, на верху котораго съ правой стороны обращаютъ на себя вниманіе остатки каменнаго парапета съ развалинами форта, очевидными признаками разрушительныхъ дѣйствій какого нибудь побѣдителя; ущелье пересѣкается дорогою, извивающеюся по неровному грунту. Проходъ чрезвычайно узокъ и господствуетъ надъ рѣкою, прорывающею себѣ узкій путь между извилистыми утесами въ Латзумъ, деревню въ тридцать, или сорокъ дворовъ.

Мы остановились тутъ позавтракать, и потомъ продолжали путь свой вдоль по теченію рѣки, переходя черезъ нее шесть или семь разъ по мостамъ, и шли по узкому дикому ущелью изъ голыхъ скалъ змеевика, конгломерата, хлорита и сланца, разбросанныхъ въ водѣ въ полномъ безпорядкѣ. Дорога была исправлена и очищена отъ камней для нашего путешествія, но мѣстами все таки была и узка, и трудна. Мы нашли множество кули, поставленныхъ вдоль дороги по труднымъ мѣстамъ—гдѣ проходъ былъ въ ущельяхъ на покатыхъ утесахъ, или черезъ мостъ—чтобы помочь нашимъ лошадямъ въ случаѣ несчастія.

Миль за восемь отъ Латзума ущелье расширяется въ болѣе открытую долину, гдѣ стоитъ деревня Шарголь. Мы стали лагеремъ неподалеку отъ нее на песчаномъ мѣстѣ въ извилинѣ рѣки, за восемнадцать миль отъ Каргиля.

Тутъ, впервые, въ продолженіи всего нашего пути, мы наткнулись на памятникъ буддистской религіи, и потомъ далѣе до самыхъ необитаемыхъ пустынь Тибетскихъ горъ не видѣли болѣе слѣдовъ какой нибудь другой религіи. Это было *манэ фанэ*, выстроенное на берегу, господствующемъ надъ нашимъ лагеремъ, и представлявшее ничто иное, какъ широкую стѣну изъ наваленныхъ камней. Въ ней было девяносто три шага въ длину, восемь шаговъ въ ширину и четыре фута въ вышину. Съ сѣверной стороны стѣны, какъ разъ на половинѣ, въ закрытомъ углубленіи стояла прямо четыреугольная каменная плита, съ вырѣзаннымъ очень низкимъ барельефомъ фигуры Будды и его жрецовъ. По обѣ стороны этой плиты, стояли точно также плиты, покрытыя вырѣзанными надписями. Широкая верхушка стѣны была покрыта на всемъ протяженіи толстымъ слоемъ необдѣланныхъ камней, плоскихъ валуновъ, шиферныхъ плитъ, на каждомъ изъ которыхъ была тщательно сдѣлана надпись изъ одинаковыхъ буквъ, ясно вырѣзанныхъ на поверхности. Надписи были намъ прочитаны буддистскимъ священникомъ, который объяснилъ намъ, что все это различныя буддистскія молитвы.

Впослѣдствіи мы видѣли нѣсколько другихъ подобныхъ *манэ фанэ*, изъ которыхъ одинъ въ Лехѣ имѣетъ почти полмили длины. Надписанные камни, наложенные сверху, кладутся мірянами, для которыхъ священникъ или *лама* дѣлаетъ надпись; камни кладутся, чтобы умилостивить Бога къ душамъ усопшихъ родственниковъ, испросить покровительства его противъ бѣдствій, его милости въ какомъ нибудь предпріятіи, или исполненія какого нибудь желанія. Относительно желаній, воображеніе бготовъ не менѣе разнообразно, чѣмъ воображеніе всякаго другаго болѣе образованнаго народа. *Манэ* почитается народомъ, который, проходя мимо, всегда оставляетъ его по правую сторону.

Слѣдующій переходъ нашъ въ Карбо былъ въ четырнадцать миль. Первая половина пути шла поднимаясь по хорошо обработанной долинѣ, поля которой, спускаясь большими террасами къ рѣкѣ, были уставлены только что сжатымъ хлѣбомъ, или волновались желтыми жнивами пшеницы и ячменя, готовыми для жатвы.

У входа въ долину прошли мимо *гонпа* или «монастыря» Мюльбэ, одного изъ странныхъ жилищъ на утесѣ, придающихъ особенный характеръ мѣстности, а немного далѣе остановились, чтобы осмотрѣть уединенный утесъ, стоявшій на дорогѣ посреди долины, и издали бросавшійся въ глаза вслѣдствіе яркихъ облаковъ ниспадавшихъ съ его вершины.

Съ сѣверной стороны на утесѣ вырѣзана гигантская фигура, подъ названіемъ *чамбо*, снятая фотографіей докторомъ Гендерсономъ, а у основанія его стоитъ хижина, гдѣ хранятся всѣ принадлежности для періодическаго служенія. На вершинѣ скалы утверждены два шеста, на которыхъ надѣты полукруглые мѣдные колпаки; подъ каждымъ изъ нихъ виситъ бѣлая коленкоровая юбка съ тремя оборками, окаймленными тесмой изъ краснаго сукна. Эта фигура, по Куннингаму, существуетъ тутъ съ 1620 года по Р. Х., когда буддизмъ былъ возобновленъ въ странѣ, послѣ подавленія его въ началѣ столѣтія магометанскими правителями Искарди. Подобная фигура, тоже называющаяся *чамбо*, стоитъ на уединенной скалѣ около деревни Диггаръ; мы видѣли ее на возвратномъ пути, но шестовъ съ шапками и платья не было. И тутъ, и тамъ фигуры превосходны, и говорятъ, что онѣ были спрятаны отъ магометанскихъ завоевателей Кашмира и Искарди.

Пройдя фигуру *чамба*, мы продолжали путь нашъ по долинѣ, черезъ цѣлый рядъ хлѣбныхъ полей и деревушекъ съ ихъ *чхортенами*, и повернувъ отъ рѣки Вакха, пошли по сухому оврагу, извивавшемуся между голыми сланцевыми горами, увѣнчанными наслоеніями конгломерата и пластами слоистаго известняка. Мы прошли Намикскій проходъ въ 11.900 футовъ вышины, по указанію анероида, и спустились по длинному скату къ долинѣ рѣки Шитанъ, текущей на сѣверъ, къ Искардо.

Тутъ мы повернули на право, и, слѣдуя по теченію рѣки, по юго-восточному направленію, прошли вдоль плодородной мѣстности, подобной той, которую мы оставили по другую сторону прохода, и остановились въ Карбо. По гипсометрическимъ наблюденіямъ, высота здѣсь доходитъ до 11,350 футовъ. Эта деревня, повидимому, выстроена недавно у подножія крутой скалы, на самой вершинѣ которой, у самаго края, остались развалины прежней деревни. Даже *чхорты* тутъ кажутся совершенно новыми, и слои блестящей глины, которою они выбѣлены, такъ свѣжи, какъ будто только что наложены. Посланникъ говорилъ мнѣ, что три года тому назадъ верхняя деревня была необитаема, тоже самое подтвердили и крестьяне, говоря, что за два года передъ тѣмъ деревня была покинута вслѣдствіе сильнаго снѣга, проломившаго крыши.

Этотъ переходъ показался мнѣ чрезвычайно интереснымъ вслѣдствіе того, что характеръ существующаго буддизма для меня болѣе

выяснился; до сихъ поръ онъ извѣстенъ былъ мнѣ только по своимъ остаткамъ въ развалинахъ Юсуфзаи. Деревня Такча, обратившая на себя вниманіе, когда мы по долинѣ подходили къ лагерю, и, по буддитскому, обыкновенію, выстроенная у края пропасти на отдѣльномъ утесѣ, оторванномъ отъ общаго наслоенія, невольно напомнила мнѣ о многихъ также устроенныхъ городахъ, развалины которыхъ до сихъ поръ вѣнчаютъ голые утесы и неровныя вершины безлѣсныхъ горъ, зубцами идущахъ по Юсуфчанской долинѣ.

Нашъ дальнѣйшій путь по этой странѣ далъ мнѣ возможность сравнить существующіе здѣсь обряды религіи съ вымершими остатками ихъ въ другихъ мѣстностяхъ, и воображеніе мое вновь населило прежними обитателями развалившіеся города: Такти Бахи, и Рани Гатъ, Савулъ Дхеръ и Сахри Бахломъ, и многіе другіе. Но чѣмъ отличается картина прошлаго отъ дѣйствительности настоящаго, я сообщу впослѣдствіи.

ГЛАВА IV.

Ламы въ Ламмаюру.—Жизнь въ Ламмаюру.—Буддизмъ и многомужіе.—Пріемъ бготскихъ поселянъ.—Лавина камней.—Воронъ и скалистый стрижъ.—Стадо газелей.—Бготскій нарядъ. — Прибытіе въ Лехъ.—Теплая одежда.—День въ Хемисъ-Гомпа. — Внутренность буддистскаго храма. — Упадокъ буддизма. — Моголы въ Тибетѣ.—Охота на дикихъ барановъ.

Изъ Карбо мы отправились въ Ламмаюру, за четырнадцать миль. Дорога поднимается по ущелью, холмамъ, и утесамъ изъ конгломерата, и на пятой милѣ, пересѣкая рѣку по мосту изъ брусьевъ, ведетъ къ маленькой деревушкѣ Ханадку. За деревней рѣка входитъ изъ долины Каньи въ глубокое и темное ущелье, лежащее между вертикальными утесами аспидныхъ горъ, высоко вздымающихся вправо отъ дороги; тамъ же, гдѣ рѣка выходитъ въ долину Карбо, съ нею соединяется узенькая рѣчка, текущая далѣе вдоль скатовъ хребта Фото-Ла.

Мы пошли вдоль по узкому руслу послѣдняго потока, и по удобному отлогому подъему поднялись къ вершинѣ прохода Фото-Ла, гдѣ находится знаменитое *гхортенъ*. Я остановился тутъ, чтобы измѣрить возвышенность по точкѣ кипѣнія воды, и нашелъ 13,670 футовъ. Видъ съ этого мѣста чрезвычайно обширный и необыкновенно монотоненъ отъ повторенія скучныхъ картинъ. Куда бы ни обратился глазъ, всюду встрѣчается та же однообразная картина громадныхъ горъ изъ раздробленнаго сланца, увѣнчанныхъ зубчатыми пиками слоистаго аспида, болѣе темный цвѣтъ котораго кажется еще болѣе выдающимся отъ окружающихъ его вѣчныхъ снѣговъ. Промежуточныя долины не прерывали безконечной цѣпи горныхъ наслоеній; лѣса не увеселяли картины, и пастбища не смягчали дикой безплодности вида.

Единственный предметъ, довольно интересный въ окружающей мѣстности и заслуживающій вниманія, не смотря на то, что его составныя части трудно различались въ скучномъ однообразіи цвѣтовъ и оттѣнковъ, преобладавшихъ въ картинѣ, — это монастырь Ламмаюру, мазанки котораго и вывѣтрившіеся *гхортены* смутно обрисовывались въ темныхъ тѣняхъ на концѣ спуска, куда вела насъ дорога.

Спустившись по оврагу, мы приблизились къ этому странному жилищу, находящемуся въ уединеніи негостепріимныхъ и суровыхъ горъ, и расположились лагеремъ на скатѣ, спускающемся въ видѣ террасъ, подъ тѣнью двухъ утесовъ, на вершинахъ которыхъ и стоитъ монастырь. Вниманіе наше на время было отвлечено отъ созерцанія таинственныхъ причинъ, вліяющихъ на разумнаго человѣка при выборѣ имъ образа жизни, такъ странно и поразительно выраженнаго намъ тутъ примѣромъ.

Небольшое пространство покатаго маленькаго бассейна, окаймленнаго сверху линіями *мане* и рядами *гхортеновъ*, было покрыто смѣшанной толпой кроткихъ бготовъ, шумливыми быками и рѣзвыми лошадьми и въ характеристическомъ безпорядкѣ было завалено грудами дровъ, стогами сѣна и мѣшками съ мукой. Все это и еще много другихъ вещей было приготовлено тутъ для нашей экспедиціи.

Зрѣлище обилія и дѣятельности въ обыкновенно безлюдномъ и глухомъ здѣшнемъ мѣстѣ вѣроятно было рѣдкостно для жителей; такою же рѣдкостью было и присутствіе нашего отряда. Красная одежда ламъ, двигавшихся въ толпѣ, доказывала, что народъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы сдѣлать себѣ праздникъ.

Послѣ обѣда мы съ капитаномъ Чапманомъ поднялись на крутизну скалъ позади насъ, чтобы осмотрѣть *Гонпа* или Ламмасари на ея вершинѣ. На верху мы были радушно встрѣчены нѣсколькими весьма привѣтливыми священниками, бритыя макушки которыхъ и круглыя фигуры, плохо прикрытыя распущенною одеждою и накидкою—говорили объ очень хорошей ѣдѣ. Сильно чувственное выраженіе ихъ лицъ, и веселое настроеніе ума доказывали, что жизнь буддистскаго монаха вовсе не полна лишеній и бдѣнія, какъ бы можно было ожидать, судя по уединенію мѣстоположенія и бѣдности страны, не говоря уже о настоящихъ обязанностяхъ профессіи монаха.

Наши любезные друзья очень добродушно проводили насъ по запутаннымъ переходамъ своей обители, и безъ малѣйшей тѣни предразсудка или колебанія ввели насъ въ тайникъ своихъ «sanctum sanctorum». Это были три комнаты въ рядъ, низенькія и темныя, едва освѣщенныя полудюжиною бумажныхъ свѣтиленъ или лучинокъ, прямо поставленныхъ въ такое же количество маслянныхъ стручковъ, вложенныхъ въ маленькія мѣдныя чашки, установленныя передъ идолами. Идолы стояли на возвышенной полочкѣ у стѣны, и были завѣшаны спущенными занавѣсками изъ вышитой шерстяной и шелковой матеріи, и неясно виднѣлись въ полумракѣ таинственнаго убѣжища. Идолы очень походили вообще на индусскихъ боговъ, хотя представляли иную миѳологію, и на полкѣ передъ ними лежало нѣсколько *лингамовъ* и *юни*—эмблемъ грубо выдѣланныхъ изъ комка ячменнаго тѣста. Тутъ мы были приняты главою ламъ, и полудюжиной другихъ ламъ, одѣтыхъ въ полное облаченіе и стоявшихъ наготовѣ полукругомъ съ ихъ музыкальными инструментами въ рукахъ. По знаку нашего проводника, они оглушили насъ самыми дьявольскими запутанными звуками, которые въ стѣнахъ ихъ храма произвели одно изъ худшихъ впечатлѣній, испытанныхъ впослѣдствіи при различныхъ условіяхъ. Стѣны одной изъ комнатъ были украшены рисунками, изображающими эпизоды изъ жизни отдѣльныхъ боговъ, нравственность которыхъ была выставлена въ порочной формѣ, въ то время какъ полки другой были тщательно уставлены манускриптами, наполненными буддистскимъ ученіемъ.

Отсюда мы прошли черезъ маленькую неровную дорожку на небольшой открытый дворъ почти заполненный крутой горой, увѣнчанной *гхортеномъ*. Съ парапета смотрѣла внизъ на нашъ лагерь прямая верхушка утеса, гдѣ стоялъ гхортенъ и она, кромѣ того, смотрѣла черезъ узкую долину на хрящеватый скатъ противуположнаго холма, неподалеку отъ подножія котораго виднѣлась буддистская молитва *Ottane padme hou*, изъ громадныхъ буквъ, сложенныхъ изъ блестящаго бѣлаго булыжника.

Тутъ мы вошли въ другія низкія и узкія комнаты, повидимому спальни и столовыя монаховъ, и въ одной изъ нихъ застали двухъ монахинь мѣсившихъ тѣсто, вѣроятно для ужина. Это были некрасивыя, веселыя особы и, повидимому, работницы заведенія. Онѣ не прекратили работы, чтобы обернуться и посмотрѣть на насъ. Эти комнаты, подобно другимъ, приспособленнымъ для служенія богамъ

были узкими, грязными лачугами, и вели внизъ по веревочной лѣстницѣ въ такія же комнаты, съ конюшеннымъ соромъ, очевидно служившія стойлами для лошадей, коровъ и козъ монастыря. Видъ изъ окошекъ верхнихъ комнатъ выходитъ съ одной стороны на рытвину, черезъ которую мы проходили, а съ другой на мрачное ущелье, лежавшее передъ нами; въ то время, какъ съ липевой стороны онъ выходилъ на пустое мѣсто изъ чистаго хряща съ зеленымъ пригорокомъ у подножія горы, окаймлявшей долину съ этой стороны, и позади которой возвышались суровыя вершины такихъ же голыхъ и непріютныхъ горъ. Трудно себѣ представить болѣе утомительную усыпляющую картину, и она безъ сомнѣнія вліяетъ на ихъ утомительно монотонное существованіе, и служитъ причиной безславной жизни, какую ведутъ эти монахи, ибо почти полгода они осуждены на бездѣйствіе, будучи замкнуты въ своемъ недоступномъ пріютѣ морозами и зимнимъ снѣгомъ.

Въ монастырѣ живутъ двадцать монаховъ (*ламъ*) и восемь монахинь (*гонпа*). Они повидимому образуютъ счастливую общину, и безъ сомнѣнія не недовольны своей судьбой. Проводники наши показали намъ солодяный напитокъ, приготовленный изъ обдирнаго мѣстнаго ячменя. Его называютъ *чланъ* и онъ ежедневно употребляется монахами, которые отъ него и сыты и толстѣютъ. Изъ того же солода гонятъ спиртъ, но его употребляютъ только въ особенныхъ случаяхъ, когда общинѣ дозволяется пировать и пьянствовать. Настоятель назначается изъ Хлассы, остальные же члены набираются въ странѣ, такъ какъ второй сынъ каждаго семейства посвящается духовенству. Эти послушники - священники, если можно назвать такъ бготовъ, посвященные церкви, носятъ платье *ламъ*, но ведутъ обыкновенную жизнь до тѣхъ поръ, пока ихъ не призовутъ, согласно требованіямъ ихъ церкви, въ монастырь, гдѣ они должны уже отречься отъ міра и принять безбрачную жизнь монаха. Относительно монахинь монастырская жизнь произвольна, и повидимому, въ нее вступаютъ только женщины одинокія и безпріютныя.

Монастыри содержатся народомъ и управляются Далай Ламою. (живущимъ въ Хлассѣ) какъ главою вѣры, черезъ подчиненныхъ и назначаемыхъ имъ ламъ. Такимъ образомъ духовенство старается провести жизнь съ наименьшими заботами и безпокойствами и не нести долю всѣхъ смертныхъ; но всѣмъ вѣроятіямъ, услуга его цер-

кви не заключается въ самоотреченіи или въ благочестивой покорности чистому ученію, выраженному великимъ законодателемъ.

Напротивъ того, это—пустое повтореніе безсмысленныхъ формулъ и униженное поклоненіе идоламъ, безъ дисциплины мысли и плоти. Такая жизнь тутъ процвѣтаетъ безъ соперничества, среди народа, погруженнаго въ страшнѣйшее невѣжество и самое узкое суевѣріе, народа, который въ каждой перемѣнѣ стихій, въ каждомъ случаѣ повседневной жизни видитъ вмѣшательство оскорбленнаго божества, или коварство злаго духа, и, который заботится только о томъ, чтобы успокоить одного, и отвратить другаго чрезъ посредство своихъ священниковъ, единственныхъ руководителей его нравственнаго развитія. Это учрежденіе духовенства, соединенное съ многомужіемъ, практикуемымъ народомъ, приноситъ свою пользу; и можетъ быть, что при существующихъ условіяхъ, оно обязано происхожденіемъ своимъ нуждамъ страны. И то и другое является вѣроятно политическими формами болѣе подходящими къ жизни народа, какъ общины смирной, благоустроенной и промышленной

Обыкновенно братья одной фамиліи берутъ одну жену сообща, а дѣти принимаютъ имя и повинуются, какъ главѣ семейства, старшему мужу. Вслѣдствіе этого, и вслѣдствіе перехода извѣстнаго количества народа къ безбрачной жизни монастырей, населеніе удерживается въ такой пропорціи, какую страна можетъ содержать, такъ какъ единственными обитаемыми мѣстами можно назвать узкія долины, чрезъ которыя протекаютъ рѣки, и маленькія площади въ горахъ, орошаемыя ихъ побочными притоками.

Населеніе Ладакской провинціи въ Кашмирѣ, начиная отъ этого мѣста до Нубры, опредѣляется въ 30,000 домовъ, или, считая по семи человѣкъ на домъ, въ 210,000 душъ. И пройдя страну, цифра эта кажется мнѣ вполнѣ соотвѣтствующей ртамъ, которые страна можетъ прокормить.

Вслѣдствіе этого многомужіе и буддизмъ, другъ другу пригодные, и оба пригодные потребностямъ страны, въ практическомъ отношеніи являются учрежденіями наиболѣе подходящими для страны, и, благодаря этой причинѣ, они пережили магометанскую пропаганду, развившуюся и процвѣтавшую въ болѣе плодородныхъ странахъ сѣвера и юга.

Учрежденіе многоженства не болѣе какъ широкая политика; будь она введена въ странѣ, она произвела бы сильную борьбу чисто за

существованіе; явились бы безконечныя формы внутренняго насилія и безпорядковъ, чтобы удержать жизнь въ сносныхъ границахъ.

Теперь же, при существующихъ учрежденіяхъ, населеніе находится не только въ границахъ, могущихъ поддержать жизнь въ странѣ, но и можетъ жить мирной, счастливой, благополучной общиной, посреди которой преступленіе является рѣдкостью, а тяжбы доходятъ до minimum'а. При подобномъ положеніи дѣлъ мы можемъ простить безвредное суевѣріе народа и мирно взглянуть на недостатокъ ихъ священниковъ.

Мы оставили пустынный и мрачный Ламмаюру на слѣдующее утро и продолжали путь свой. Небо было туманно и покрыто свинцоваго цвѣта слоемъ тучь, заслонявшихъ мрачныя вершины горъ; оно усиливало мрачныя тѣни глубокаго горнаго ущелья, чрезъ которое мы двинулись всѣмъ лагеремъ, и на время представляло намъ страну въ самомъ печальномъ и меланхолическомъ видѣ.

Нашъ путь велъ между холмами, изъ хорошей глины, въ глубокое, темное, извилистое ущелье, подъ одинокими каменными столбами, стоявшими подобно сторожамъ на вершинахъ крутыхъ горъ, и которые своими слоистыми верхушками, наклоненными прямой параллелью къ откосу горы, на которой стояли, служили доказательствомъ какъ сильно истощена вокругъ нихъ почва.

Мѣстами путь нашъ пересѣкался съ одного края до другаго тоненькимъ ручейкомъ, окаймленнымъ бѣлокопытникомъ, лютикомъ и другими растеніями, любящими влажную почву, и велъ насъ между утесами, потомъ, то переходилъ по крутымъ горамъ изъ разсыпавшагося и перетрескавшагося аспида маленькой мягкой, нетвердой тропинкой около края ужасныхъ пропастей, то поднимался на страшную высоту, приводилъ наконецъ къ краю оврага, гдѣ соединялся съ ущельемъ, чрезъ который протекалъ свѣтлый, голубой потокъ, спускавшійся съ Занскарскихъ горъ съ правой стороны. Мы спустились по этому извилистому ущелью по хорошо устроенной дорогѣ вдоль берега рѣки поперегъ скалистыхъ горъ и утесовъ, образующихъ ихъ, и, перейдя черезъ рѣку раза три по мосту изъ брусьевъ, вошли въ болѣе обширную долину Инда, тутъ называющуюся Сингхе Кхобабъ, на противоположномъ краю которой виднѣлась высокая дорога изъ Ладака въ Искардо и Жильжитъ. Тутъ проводникъ мой, указывая на песчаные и каменные скаты Занскарскаго потока, гдѣ онъ соединяется съ Индомъ, сообщилъ мнѣ, что населеніе Искардо имѣетъ

обыкновеніе приходить каждую весну на поиски за золотомъ, принесеннымъ первымъ таяніемъ зимняго снѣга.

Индъ бѣжитъ тутъ между покатыми берегами изъ конгломерата и гравія, между которыми попадаются массы закругленнаго гранита; куски гранита, одинаковаго строенія съ громадными валунами того же утеса, размѣтаннаго по нашему пути у подножія сланцевыхъ и аспидныхъ горъ, окружающихъ долину со всѣхъ сторонъ. Воды рѣки представляютъ шумный и быстрый потокъ, съ шумомъ несущійся по камнямъ, завалившимъ его путь.

За милю или больше отъ Кхами, мы перешли черезъ рѣку по мосту изъ брусьевъ, перекинутому черезъ провалъ въ твердомъ голубомъ аспидѣ, по которому она тутъ течетъ, и, миновавъ маленькій фортъ, находящійся на самомъ краю скалы, добрались до высокой дороги въ Искардо, часто называемый Скардо. На противуположномъ берегу идетъ такой же широкій путь по твердой, каменистой почвѣ, усѣянной круглыми кусками гранита, и образуетъ полоску земли между рѣкой и пограничными горами сланцеваго и аспиднаго наслоенія.

У входа въ деревню находятся нѣсколько *мане* и *чхортеновъ*; изъ послѣднихъ многіе виднѣются у опушки деревни. Все это памятники надъ хранилищами пепла усопшихъ ламъ и свѣтскихъ знатныхъ буддистовъ; могилы устроены вокругъ деревни для того, чтобы души покойниковъ могли всегда принимать участіе въ происшествіяхъ своей земной жизни, и охранять пространство своего прежняго жительства прямымъ сообщеніемъ съ богами. На нашемъ дальнѣйшемъ пути по странѣ мы видѣли, что подобные памятники буддистской религіи очень обыкновенны. Они выстроены по дорогамъ, ведущимъ въ деревни, или на поляхъ вокругъ деревень.

При входѣ въ Кхалзи, отрядъ нашъ былъ принятъ почти всѣми жителями, собравшимися на дорогѣ отдѣльными группами—мужчинъ и женщинъ. Ими предводительствовалъ лама, озабоченно вертѣвшій четками, которые держалъ въ рукахъ, и при нашемъ приближеніи всѣ они низко поклонились и привѣтствовали насъ обычнымъ джо-джо, согласно бготскому обычаю. Посланникъ поклонился въ знакъ признательности, и отрядъ нашъ двинулся, оставивъ добродушную толпу, любующуюся на сопровождавшую насъ кавалькаду.

Эту деревню, по орографіи вышеупомянутаго автора, я указалъ ранѣе подъ именемъ Кала-Шіа, какъ зимнюю квартиру яркандской

арміи, когда она возвращалась послѣ неудачной попытки напасть въ XVI столѣтіи на священный притонъ буддистской вѣры. Самый фортъ — теперь двѣ довольно замѣтныя развалины. Остатки его видны около мили за рѣкою и глубокимъ оврагомъ, находящимся между деревней и развалинами, торчащими на одинокой скалѣ, господствующей надъ проходомъ, у узкаго изгиба рѣки. Бготы называютъ его Бало-Кхара, и говорятъ, что онъ былъ разоренъ лѣтъ тридцать тому назадъ Зораваромъ Сингомъ, сейкскимъ генераломъ, побѣдившимъ эту страну для магараджи Гулаба Синга. А настоящій маленькій фортъ, господствующій надъ мостомъ Кхалзи былъ выстроенъ вмѣсто него Диваномъ Хира - Сингомъ, первымъ губернаторомъ присоединенной провинціи. За развалинами города на протяженіи нѣсколькихъ миль дорога идетъ по неровной почвѣ, засоренной разнаго рода обломками скалъ, разныхъ цвѣтовъ и породъ, скатывающихся съ горъ въ самое русло рѣки. Тутъ попадается и зеленый гнейсъ, пестрый камень пуддингъ, и черная лава, смѣшанная съ массою голубоватаго извѣстняка, пепельно-сѣраго сланца, и булыжнаго конгломерата. Послѣ этого дорога снова идетъ по песчаному берегу, покрытому гранитными валунами, въ родѣ валуновъ, попадавшихся въ Кхалзи. Въ этомъ мѣстѣ холма, занимающаго поворотъ рѣки, находится деревня Снурулла, съ ея орѣховыми деревьями, абрикосовыми садами и хлѣбными полями. Разстояніе отъ нее до Ламмаюры восемнадцать миль.

Мы стали лагеремъ на поляхъ между деревней и берегомъ рѣки, и простояли слѣдующій день изъ за погоды. Постоянный накрапывающій дождь начался вскорѣ послѣ нашего прибытія, и продолжался, съ небольшими промежутками, до слѣдующаго вечера; между тѣмъ, когда мы отправлялись, темныя тучи образовывали кругомъ, точно непроницаемый вѣнецъ, закрывавшій отъ нашихъ взоровъ все, на разстояніи нѣсколькихъ сотъ ярдовъ. Эта сырая погода, хотя и непріятная, и мрачная, оказалась полезною и поучительною, и указала намъ одинъ мѣстный физическій феноменъ, который иначе могъ бы остаться для насъ не разъясненнымъ. Во время дождя мы увидали ту опасность, которой подвергается путешественникъ въ этой странѣ; дождь объяснилъ намъ то, что мы видѣли во время пути, не понимая истинной причины и научилъ какъ избѣгнуть опасности, какимъ образомъ горы постепенно раздробляются, и почему всюду здѣсь попадаются громадные обломки скалъ.

Въ то время какъ я сидѣлъ подъ прикрытіемъ своей палатки, вниманіе мое постоянно было привлечено какимъ то грохотомъ, внезапно заканчивавшимся частыми звуками треска, похожими на ружейные залпы. Я вставалъ нѣсколько разъ и смотрѣлъ за рѣку, надъ берегомъ которой мы расположились, на громадный скатъ противуположной горы, откуда несся звукъ, но не видѣлъ ничего, что бы могло объяснить мнѣ странный шумъ. Наконецъ взоромъ отъискивая какой нибудь движущійся предметъ въ туманномъ пространствѣ на сѣро-голубоватой горѣ напротивъ меня, я замѣтилъ громадный обломокъ скалы катящійся по откосу. Во время паденія онъ слетѣлъ съ двухъ или съ трехъ выступовъ, обломилъ отъ нихъ куски, которые увлекъ съ собою съ страшной быстротой, пока, наконецъ, всѣ они по очереди не упали съ берега на камни находящіеся въ рѣкѣ, и тамъ не кончили своего стремительнаго пути при грохотѣ похожемъ на залпъ множества ружей. Между тѣмъ отломившіеся куски аспида, увлеченные вслѣдъ за нимъ, производили громкій трескъ, пока не останавливались ниже на болѣе крупныхъ кускахъ. Подобное паденіе обломковъ, хотя весьма замѣтное по шуму, не было замѣтно на взглядъ; и я прежде замѣтилъ множество большихъ падавшихъ камней, а потомъ уже увидѣлъ спускающійся громадный камень или скалу.

Рѣзкіе перемѣны ночнаго холода на дневной жаръ, которымъ подвержены эти скалы, часто раскалываютъ слои по всѣмъ направленіямъ, а вѣтеръ, играя въ этихъ щеляхъ, выдуваетъ обламывающіяся частички, и расширяетъ пространство трещины. Кромѣ того дождь или потоки отъ таящаго снѣга смываютъ пыль или хрящъ и отдѣляютъ цѣлыя массы, которыя скатываются по отлогостямъ, какъ описано выше.

Нерѣдко подобные обломки скалъ сдвигаются съ мѣста прыжкомъ дикаго барана, который водится здѣсь въ большомъ количествѣ; слѣды его видны по всѣмъ направленіямъ мѣстныхъ горъ, повсюду покрытыхъ сѣтью тропъ протоптанныхъ этимъ животнымъ, хотя трудно понять, чѣмъ можетъ оно тутъ питаться, такъ какъ горы эти голы, какъ обглоданная кость. На пути своемъ мы не встрѣтили ни одного дикаго барана, но насъ увѣряли, что ихъ множество въ горахъ. Это вѣроятно справедливо, судя по сходству этихъ горъ съ горами, на которыхъ мы встрѣчали ихъ въ изобиліи.

Эти каменныя лавины, если только можно ихъ такъ назвать, постоянно скатываются съ этихъ горъ послѣ дождя, и въ тотъ періодъ, когда стаиваютъ зимніе снѣга; онѣ представляютъ одну изъ величайшихъ опасностей, какой только подвергается путешественникъ здѣсь въ странѣ, такъ какъ не вездѣ есть рѣка, прекращающая дальнѣйшій ихъ путь. Вслѣдствіе этого бготъ никогда не располагается лагаремъ на открытомъ мѣстѣ этихъ долинъ, но всегда устраивается въ пещерахъ безопаснаго какого нибудь берега, или въ углубленіи, подъ стѣною, или подъ наклоннымъ крѣпкимъ утесомъ, какъ нерѣдко видѣли мы по дорогѣ. Послѣ, во время нашего пути, мы проходили много мѣстъ, гдѣ проходы были завалены подобными страшными лавинами, и могли только поздравить себя съ тѣмъ, что во время нашего проѣзда не было ни таящаго снѣга, ни дождей.

Изъ Снурулла мы прошли восемнадцать миль въ Сасполь. Дорога наша поднималась по долинѣ, по правому берегу рѣки, и пересѣкала нѣсколько утесовъ, выдававшихся надъ нею. Спускаясь съ одного изъ нихъ, мы видѣли, какъ воронъ гнался и заклевалъ скалистаго стрижа, какъ разъ около нашей дороги. Бѣдняжка весело порхалъ взадъ и впередъ подъ отвѣснымъ утесомъ, какъ вдругъ громадный черный врагъ бросился съ верху, своимъ хриплымъ карканьемъ сталъ его преслѣдовать и привелъ въ такой ужасъ, что послѣ нѣсколькихъ тщетныхъ попытокъ спастись, бѣдный стрижъ лишился способности управлять своимъ полетомъ и, летая безцѣльно, попался въ когти чудовища, тотчасъ же расположившагося около насъ на скалѣ и разорвавшаго свою жертву. У меня въ рукахъ было ружье, и я, прицѣлившись, выстрѣлилъ въ ворона дробью № 10, но не смотря на то что выстрѣлъ былъ сдѣланъ за восемъ, за десять шаговъ, воронъ невредимо улетѣлъ съ добычей.

Въ послѣдніе наши переходы растительность начала оживать. Нѣсколько маленькихъ деревенекъ тоже попадаются намъ по обѣ стороны рѣки, на высокихъ каменистыхъ берегахъ, раздѣленныхъ глубокими ущельями.

Когда мы подъѣзжали къ мѣсту нашего лагеря въ Сасполь, насъ привѣтствовалъ большой хоръ мѣстныхъ ламъ. Они стояли въ рядъ нѣсколько поодаль отъ дороги, и задали намъ концертъ на своихъ инструментахъ; а мѣстныя женщины, одѣтыя въ свои лучшіе наряды, и поставленныя по краю дороги, привѣтствовали насъ низкимъ поклономъ и обычнымъ джо-джо. Подобное радушное привѣтствіе мы встрѣчали всюду, куда ни являлись въ наше отдаленное

путешествіе по Ладаку, хотя ламы не всегда являлись въ такой парадной формѣ какъ тутъ. Здѣсь ихъ было восемъ, всѣ одинаково одѣтые въ красныя платья и высокія шляпы ихъ ордена; они играли на инструментахъ присвоенныхъ ихъ должности. Характеръ музыки былъ страненъ, и также оригиналенъ какъ и наружность исполнителей, что поразительно соотвѣтствовало окружавшей обстановкѣ.

Бой барабана и звонъ цимбалъ нисколько не уменьшалъ основныхъ звуковъ трубъ, и не портилъ нѣжныхъ и грустныхъ тоновъ конечныхъ нотъ. Дѣйствительно, соединеніе это было отлично сгармонировано, и рѣзкіе звуки, которыми начиналась музыка, разлетались въ молчаливыхъ горахъ нѣжными отголосками, заканчивавшимися грустными, слѣдовавшими за ними, мотивами.

Эти трубы на видъ—крайне неуклюжіе инструменты: восьми или девяти футовъ длины, онѣ загнуты какъ коровьи рога. Нижній конецъ лежитъ на землѣ въ то время какъ исполнитель, стоя или сидя, играетъ на мундштукѣ. Вся игра заключается въ послѣдовательныхъ рѣзкихъ звукахъ, постепенно уменьшающихся какъ въ силѣ, такъ и въ продолжительности, пока изъ нихъ не образуется нѣжныхъ трелей, которыя, въ свою очередь, переходятъ въ аккорды и тоны особенно страстные, и потомъ снова дѣлаются громкими и торжественными звуками, уносясь въ даль продолжительными волнами.

Характеръ этой музыки совершенно особенный, и не похожъ ни на что, до сихъ поръ мною слышанное. Ея торжественныя меланхолическія ноты, раздаваясь изъ какого нибудь монастыря съ высокаго утеса, пробуждаютъ безмолвныя пустыни горъ звуками вполнѣ соотвѣтствующими такой природѣ, и отзываются съ суровыхъ, угрюмыхъ высотъ въ отвѣтъ на протяжныя, нѣжныя пѣсни, слѣдующія за ними такъ хорошо, что ласкаютъ слухъ, какъ нѣчто пріятное.

Вскорѣ послѣ прибытія нашего въ лагерь, М-ръ Джонсонъ, губернаторъ магараджи въ Ладакѣ, прибылъ изъ Леха, чтобы засвидѣтельствовать свое почтеніе посланнику и сдѣлать распоряженія о конвоированіи посольства до границы. Онъ присоединился къ нашему лагерю, и проводилъ насъ до Шахидулла съ неусыпною энергіею и преданностью, съ такимъ успѣхомъ, какого мы и не ожидали, заготовляя намъ экипажи и продовольствіе для путешествія.

Слѣдующій переходъ нашъ былъ въ четырнадцать миль въ Нимо. Пройдя въ часъ по неровной почвѣ, похожей на только что

пройденную, и перейдя черезъ быстрый маленькій потокъ, бѣгущій съ горъ по лѣвую сторону, мы повернули отъ берега рѣки и поѣхали по большой песчаной равнинѣ, отдѣленной цѣлымъ хребтомъ горъ. Переѣхавъ часть его, мы снова выѣхали къ рѣкѣ.

Эта холмистая равнина называется *Базго тзангъ* т. е: равнина Базго, и можно сказать, что она открыла намъ мѣстность какой мы не видѣли еще съ тѣхъ поръ, какъ перешли Фото-Ла. Это—безплодная пустыня, на которой нѣтъ ни малѣйшей растительности, разнообразящей голый видъ почвы. Мы застали стадо изъ семи или восьми газелей, пасущееся на скатѣ горы съ лѣвой стороны. Мы съ посланникомъ пошли, чтобы поохотиться за ними, но такъ какъ мѣсто было открытое, то сторожевая дичь, вѣроятно предугадала о нашемъ намѣреніи, тѣмъ болѣе что мы выстрѣлили; стадо тронулось съ мѣста, и бросилось въ долину. Здѣсь, преслѣдуя ее, мы наткнулись на роскошную растительность около деревень Тарутзе и Лингъ. Черезъ деревню протекаетъ рѣка, которую мы и перешли, подходя къ этому пункту.

Съ этой равнины мы спустились въ ложбину Базго; это — плодородная и населенная мѣстность среди безплодныхъ и пустынныхъ степей; мѣстность живописная съ множествомъ буддистскихъ памятниковъ и красиво выстроенныхъ жилыхъ домовъ, посреди полей и фруктовыхъ деревьевъ, тянущаяся черезъ горы къ сѣверу до деревни Нехъ. Вслѣдствіе своего закрытаго положенія, Базго считается самою теплою зимовкою въ Ладакѣ. Доброе населеніе Базго собралось къ дорогѣ, чтобы отдать честь посланнику, когда онъ со свитою проѣзжалъ мимо ихъ жилищъ, и показалось намъ благоденствующей и счастливой общиной. Бготскія женщины осчастливившія насъ своимъ присутствіемъ, очевидно употребили необыкновенно много времени на свой туалетъ при этомъ рѣдкомъ случаѣ, и представляли цѣлый рядъ татарскихъ красавицъ и нарядовъ, какихъ мы нигдѣ не видѣли въ подобномъ блескѣ. Естественная простота и скромность ихъ поведенія вмѣстѣ съ ихъ добродушными привѣтствіями доказывали ихъ желаніе произвести хорошее впечатлѣніе на иностранцевъ.

Одежда ихъ замѣчательная, и, какъ все въ этой оригальной странѣ, очевидно приспособлена къ потребностямъ и привычкамъ народа. Длинный кафтанъ, кушакъ, и штаны мало отличаются отъ тѣхъ, что носятъ мужчины. Матерія и формы почти такія же, но цвѣтъ и

узоры другіе; въ выборѣ послѣднихъ, прекрасный полъ выказываетъ свойственный имъ вкусъ. Темные цвѣта или черный цвѣтъ, украшенный красной или голубой каймой попадаются весьма часто, и рельефно выставляютъ украшенія, до которыхъ бготскія красавицы большія охотницы; не маловажную роль играетъ широкій плащъ изъ бараньей шкуры, который послѣ головнаго убора составляетъ особую гордость и заботливость красавицъ.

Это продолговатая полоса изъ бараньей шкуры слегка завязанная сзади плетеною тесьмой, идущей на кось черезъ грудь; низъ шкуры украшенъ каймой изъ разноцвѣтныхъ шитыхъ лоскутковъ. Плащъ этотъ служитъ также покрываломъ и постелью, смотря по надобности, и всегда надѣвается для защиты противъ мѣстныхъ холодныхъ вѣтровъ, когда надо куда нибудь идти.

Головной же уборъ представляетъ особенный предметъ удивленія въ ряду странныхъ принадлежностей бготскаго наряда. Волосы, раздѣленные посреди лба, уложены на макушкѣ двумя широкими косами, продолжающимися въ видѣ висящихъ вдоль спины лопастей. Обѣ косы соединены ниткою бусъ, состоящихъ изъ кусочковъ караловъ, агата, бирюзы, малахита и золотыхъ монетъ, смотря по средствамъ хозяйки. Иногда этими украшеніями коса до такой степени унизана, что не видно волосъ, и они образуютъ на головѣ нѣчто въ родѣ чешуйчатаго щита. У богатыхъ украшенія лучшаго достоинства и красивы, но вообще же это какая то непріятная на взглядъ смѣсь—очевидно обременяющая голову, такъ какъ разъ убранная голова, остается по мѣсяцамъ а иногда и по годамъ не перечесанною.

Боковыя косы убраны въ видѣ кистей надъ каждымъ ухомъ, и увеличенныя клочками черной шерсти и колечками, прикрываютъ уши и виски, на подобіе наглазниковъ у каретныхъ лошадей; свѣшиваясь съ ушей назадъ, концы ихъ связаны ниткою крупнаго бисера изъ стекла, каралловъ или бирюзы.

Кромѣ этого бготская женщина носитъ ожерелье изъ такихъ же украшеній и большія запястья изъ кусковъ простыхъ бѣлыхъ раковинъ, а отъ пояса къ низу виситъ карманъ, убранный кусками такихъ же бѣлыхъ раковинъ, или вышитый бусами и бисеромъ изъ агата и бирюзы; карманъ чрезвычайно красивъ на темномъ фонѣ кафтана.

Хорошенькія, или же считающія себя хорошенькими, женщины, думая, что недостаточно еще наряжены по вкусу своихъ мужей, прибавляютъ къ своимъ достоинствамъ лица подкрашиваніе цвѣта кожи

посредствомъ процесса, называемаго *шоижоло*. Процессъ этотъ состоитъ въ мазаніи щекъ и лба сокомъ сѣмянъ мѣлкой ягоды растенія белладона, произрастащаго въ числѣ плевелъ посреди полей. Много требуется труда—при помощи маленькаго ручнаго зеркала и деревянной кисточки—для тщательнаго размазыванія ярко-желтой жидкости, послѣ чего лице принимаетъ видъ обсыпаннаго золотыми блестками и сверкаетъ такъ ярко, что можетъ нравится только бготу, привыкшему лишь къ дикимъ однобразнымъ оттѣткамъ сланцевыхъ и гранитныхъ утесовъ.

Въ Ниммо, Индъ принимаетъ въ себя значительные притоки изъ Занскарской долины, находящейся къ югу отъ нѣсколькихъ снѣговыхъ горъ, окружающихъ долину съ противуположной стороны. Въ углу, при сліяніи рѣкъ, находится дикая пустыня, покрытая гравіемъ и конгломератомъ сильно отражающимъ солнечные лучи, вслѣдствіе чего Ниммо считается чрезвычайно жаркимъ мѣстомъ въ лѣтнее время; зимою же холодъ такъ силенъ, что рѣку переѣзжаютъ по льду.

Вѣроятно этимъ причинамъ—яркимъ лучамъ жгучаго солнца и яркому блеску снѣга въ соединеніи съ сухой и рѣдкой атмосферой—бготъ,—я говорю о бготѣ простолюдинѣ, подвергающемся непогодѣ, — обязанъ своимъ особеннымъ цвѣтомъ кожи. Онъ не чистотемнаго цвѣта какъ уроженецъ Индіи, а оттѣнокъ его кожи колеблется между краснымъ цвѣтомъ афганца и оливковымъ оттѣнкомъ индуса, или-же между желтоватымъ цвѣтомъ горныхъ племенъ и черной кожей племенъ изгнанныхъ изъ полуострова. Это и не яркій цвѣтъ жителей Татаріи съ множествомъ оттѣнковъ отъ темно-желтаго цвѣта китайскихъ переселенцевъ до краснаго и блѣднаго цвѣта андижнскихъ побѣдителей.

Бготъ грязнаго, сѣро-коричневаго цвѣта, похожаго на цвѣтъ горной мѣстности имъ обитаемой, до такой степени съ нею схожаго, что часто человѣка трудно отличить отъ земли, пока не замѣтишь его движеній. Во время пути нашего, я не разъ былъ пораженъ тѣмъ, что внезапно мы натыкались на небольшія кучки сидѣвшихъ у дороги кули, которыхъ трудно было отличить отъ окружающей ихъ мѣстности пока совсѣмъ не наткнешься на нихъ. И это случалось не только въ глубокихъ ущельяхъ притоковъ Инда, но и въ обширныхъ равнинахъ Каракорумскаго хребта.

Начальники, священники, а также и женщины богатыхъ классовъ такого же мутнаго желтовато-коричневаго оттѣнка, хотя все-таки

нѣсколько бѣлѣе чѣмъ бѣдные классы. Въ бѣдномъ классѣ этотъ цвѣтъ лица замѣтно темнѣе у бѣдныхъ крестьянскихъ женъ, исправляющихъ земледѣльческія и другія работы; это самыя противныя и отвратительныя существа, какихъ только мнѣ случалось видѣть.

Изъ Ниммо мы прошли девятнадцать миль до Леха, и остановились тамъ на недѣлю, чтобы приготовиться для перехода черезъ Каракорумъ. Путь нашъ шелъ по окраинамъ гранитныхъ скалъ по холмистой мѣстности, постепенно расширяющейся, въ ладакскій бассейнъ или долину.

На полупути мы спустились къ самой рѣкѣ. Она имѣетъ тутъ широкое ложе, по которому Индъ вьется по полямъ и пастбищамъ. По лѣвую сторону дороги, подъ гранитными утесами, идетъ цѣлый рядъ глинистыхъ холмовъ, спускающихся къ бассейну четырьмя или пятью уступами. Они оканчиваются узкимъ проходомъ между скалъ позади Питокъ Гонпа. Это-то и есть Ламмасари, господствующій надъ долиной на вершинѣ высокаго утеса, у берега рѣки, съ правой стороны отъ нашей дороги.

Когда мы проѣзжали, ламы появились на террасахъ своего возвышеннаго жилища, и всѣ сообща послали намъ свое благословеніе. Отсюда мы направили шаги свои вдоль каменистаго откоса, на вершинѣ котораго стоитъ Лехъ, прислонившись по мѣстному обычаю, къ горѣ. Долина эта—глубокій круглый бассейнъ, перерѣзанный къ югу Индомъ, вдоль котораго находится нѣсколько деревень и обработанныхъ полей; вся же остальная мѣстность круто спускается съ обѣихъ сторонъ къ рѣкѣ, и представляетъ громадное пространство гравія и камней, по большей частью пустынное. У подножія горы къ югу стоятъ деревни Стокъ и Мата съ ихъ огородами и полями, а за ними расположена столица страны—городъ Лехъ съ крѣпостью и предмѣстьями. У входа въ городъ посланника привѣтствовала депутація отъ главныхъ мѣстныхъ купцовъ, и прибытіе его было возвѣщено залпомъ пятидесяти ружей изъ форта; въ то же время цѣлая рота гарнизона стояла около дороги, чтобы принять насъ съ почетомъ. Далѣе посланникъ былъ встрѣченъ мистеромъ Шау, британскимъ союзнымъ коммиссаромъ, который проводилъ его черезъ городъ въ резиденцію, въ садъ, гдѣ былъ устроенъ нашъ лагерь.

Во время нашей остановки здѣсь, наши проводники и лошади были снабжены теплой одеждой изъ предусмотрительности заказанной нашимъ начальникомъ къ нашему прибытію. Каждому человѣку дали платье, шапку и сапоги на бараньемъ мѣху; впрочемъ нѣкоторые сапоги попадались и на другомъ мѣху. Каждая изъ нашихъ верховыхъ лошадей и каждый вьючный мулъ были покрыты прочной мѣховой попоной.

Опытъ, пріобрѣтенный нашимъ посланникомъ во время его прежней поѣздки въ Яркандъ, не пропалъ при этомъ случаѣ даромъ, и удачнымъ нашимъ переходомъ черезъ негостепріемныя горы Каракорумъ, мы не мало были обязаны превосходнымъ распоряженіямъ его. Наши спутники и лошади должны были помогать нашему переходу черезъ горы, а потому необходимо было поддерживать ихъ въ добромъ состояніи. Вслѣдствіе этого проводники и конвой были готовы, а вещи перевезены къ границѣ на тѣлегахъ, приготовленныхъ кашмирскими властями. При такомъ распоряженіи наши люди и лошади прибыли къ границѣ въ такомъ хорошемъ состояніи, что могли встрѣтить случайности, и нисколько не были утомлены и избиты трудностями дурной дороги. Польза этихъ предосторожностей выяснилась вскорѣ же, при нашихъ первыхъ переходахъ за кашмирскою территоріею.

Жизнь наша въ Лехѣ нѣсколько оживилась поѣздкой въ южную часть долины въ Хемисъ Гонпа, за восемнадцать миль, на горы, къ югу отъ рѣки, на одинъ день, чтобы поохотиться въ горахъ. Полковникъ Гордонъ и мы съ капитаномъ Чапманомъ вмѣстѣ отправились въ монастырь, самый громаднѣйшій и богатѣйшій въ странѣ. Онъ выстроенъ на вершинѣ чрезвычайно дикой и пустынной долины, окаймленной на каждомъ поворотѣ ея нависшими крутыми горами изъ темнаго конгломерата или гнейса. Когда мы шли по тропинкѣ, отыскивая взоромъ первыхъ признаковъ, теперь уже близкой, обители ламъ, тишина была подавляющая; и только когда мы подошли такъ, что уже ясно увидѣли бѣлыя стѣны монастыря, выдѣлявшіяся на темномъ фонѣ высокихъ массъ заднихъ скалъ, до слуха нашего долетѣла меланхолическая музыка, разносившаяся по воздуху съ высокихъ террасъ.

Видъ монастыря снизу удивительно живописенъ, и въ своемъ родѣ оригиналенъ. Бѣлыя стѣны съ темными квадратами оконъ и дверей, а также кровля, покрыты широкими красными полосами, причемъ надъ кровлей торчали шесты съ пушистыми на концахъ хвостами *яка*, развѣвающимися надъ пропастью съ каждаго этажа.

Между шестами видны были массы голаго камня, и, не смотря на кучу зданій, монастырь кажется одинокимъ.

Громадные утесы и съ той, и съ другой стороны окружены глубокими ущельями, на столко темными, что монотонность и голыя формы скалъ наводили страхъ.

Строенія этого монастыря занимаютъ значительное пространство и образуютъ маленькій городъ. Во многихъ отношеніяхъ архитектура даже въ пристройкахъ похожа на архитектуру, еще встрѣчающуюся въ буддистскихъ развалинахъ Юсуфзаи, въ особенности въ развалинахъ, видѣнныхъ нами въ Такти Бахи. Въ этихъ развалинахъ, за исключеніемъ Бабозаи, не осталось слѣдовъ какимъ образомъ дома были крыты; но по сходству устройства ихъ стѣнъ, лѣстницъ, комнатъ и т. д. съ тѣмъ, что видно теперь въ мѣстныхъ монастыряхъ можно заключить, что они были одинаковой постройки, тѣмъ болѣе, что обѣ мѣстности бѣдны строевымъ лѣсомъ.

Говорятъ, что въ Хемисъ Гонпѣ 800 монаховъ и монахинь. Такого множества обитателей мы однако не видѣли, хотя помѣщенія достало бы и на большее число. Намъ сказали, что снѣгъ лежитъ здѣсь въ продолженіи почти трехъ мѣсяцевъ въ году, и что пять мѣсяцевъ жители вслѣдствіе холода заперты въ своихъ кельяхъ. Запасы хлѣба, мяса и топлива заготовляются съ осени, и, кромѣ другихъ припасовъ, 500 барановъ закалываются и мясо ихъ сушится для употребленія однаго этого монастыря.

Проводники водили насъ по главнымъ частямъ монастыря отъ одного флигеля къ другому по узенькимъ проходамъ; мы поднимались по лѣстницамъ и на каждомъ поворотѣ натыкались на молитвенное колесо. Иногда его вертѣла рука степеннаго ламы, торжественно и молчаливо сидящаго въ уединенномъ углу; въ другомъ мѣстѣ колесо вертѣлось подъ тонкой струей воды, а кое гдѣ оно было установлено внизу вдоль стѣнъ для того, чтобы прохожій могъ проходя повернуть его, или же оно было придѣлано на какую нибудь верхушку, чтобы вѣтеръ могъ вертѣть, и такимъ образомъ возносились бы молитвы къ Всевышнему. Наконецъ мы были приведены во дворъ, гдѣ нѣсколько ламъ привѣтствовали насъ какою то пантоминою, сюжетъ которой никто изъ насъ не понялъ. Это было чрезвычайно странное зрѣлище, подражаніе, какъ намъ сказали, китайскимъ танцамъ чертей. Форма богатыхъ шелковыхъ монашескихъ одѣяній очевидно перешла изъ Небесной Имперіи. Большая часть масокъ изображали головы дикихъ животныхъ, и въ числѣ ихъ было нѣсколько лѣшихъ и чертей. Послѣдніе преимущественно изображались вышитыми на платьяхъ, надѣтыхъ на актерахъ. Тутъ было человѣкъ двадцать или тридцать, и изъ нихъ нѣкоторые прибыли сюда по этому случаю изъ монастырей Тикси, Мата и Стокъ.

Представленіе заключалось въ дикомъ танцѣ вокругъ флага, водруженнаго посреди двора главнаго храма; а мы смотрѣли на него съ крыши веранды напротивъ лѣстницы, при входѣ въ храмъ. Актеры выходили изъ залы храма, предводительствуемые двумя знатными ламами въ великолѣпной шелковой одеждѣ. Видъ ихъ напоминалъ карточнаго валета. Ламы заняли мѣсто противъ музыкантовъ, заранѣе помѣстившихся на варандѣ пониже насъ, а актеры и толпа домовыхъ, драконовъ, оленей, кабановъ, тигровъ и т. п., сбѣжавъ съ лѣстницы, собрались въ кружокъ вокругъ шеста, на которомъ развивались флаги разныхъ цвѣтовъ.

Тогда музыканты заиграли какой то живой и нескладный танецъ, а танцоры начали прыгать, вертѣться и выдѣлывать па ногами, не измѣняя круга и не переставая вертѣться около шеста. Яркіе цвѣта развѣвающихся плащей, покрытыхъ странными изображеніями летающихъ драконовъ съ громадными глазами и зубами, череповъ и костей, крылатыхъ львовъ съ вилообразными языками, громадныхъ масокъ кабановъ и дикихъ животныхъ, перемѣшанныхъ въ общемъ дикомъ хаосѣ, составляли безсмысленную смѣсь, и при шумѣ барабановъ и трубъ напоминали настоящій адъ, къ суматохѣ котораго актеры прибавляли еще по временамъ цѣлый хоръ невнятныхъ звуковъ. Представленіе закончилось внезапнымъ бѣгствомъ всей компаніи вверхъ по лѣстницѣ, обратно въ ту залу храма, изъ которой она появилась.

Мы тотчасъ же послѣдовали за ними въ ихъ «святилище», гдѣ намъ показали тайны, висѣвшія за богато вышитыми шелковыми занавѣсками. Тутъ было три главныхъ зала завѣшанныхъ такими занавѣсками, и въ каждой было множество боговъ, передъ которыми горѣли свѣтильни, опущенныя въ масло, въ родѣ тѣхъ, какія мы видѣли въ Ламаюру. Нѣкоторыя изъ стѣнъ были заставлены связками книгъ на которыхъ лежалъ толстый слой пыли, доказывающій ихъ малое употребленіе; другія же стѣны были покрыты множествомъ рисунковъ, нерѣдко изображавшихъ одну и ту же личность.

Изъ послѣднихъ я узналъ многихъ по сходству ихъ съ скульпту-

рами, открытыми въ Тагхити Бахи, и въ другихъ мѣстахъ въ Юсуфзаи. Въ особенности одно лицо, повидимому, изображало Будду. У него былъ гладкій ликъ съ кроткимъ выраженіемъ, а голова, съ волосами подобранными на макушку въ узелъ, была окружена сіяніемъ. Фигура изображала сидящаго со скрещенными ногами. Другое лицо было портретомъ какого то древняго короля, голова котораго была убрана тіарою изъ драгоцѣнныхъ камней, совершенно такого же вида, какъ камни на вышеупомянутыхъ скульптурныхъ изображеніяхъ.

Тутъ на стѣнахъ висѣли рисунки различныхъ животныхъ и птицы, и между ними я узналъ священнаго аиста и страуса, хотя трудно понять, какимъ образомъ этотъ послѣдній могъ сюда попасть. Въ этихъ рисункахъ я не замѣтилъ ни историческихъ сюжетовъ или домашнихъ сценъ, столь обыкновенныхъ на древнихъ скульптурныхъ изображеніяхъ, ни различныхъ типовъ расъ; я былъ очень разочарованъ относительно архитектуры и украшеній храма, точно такъ же какъ и относительно произведеній искусства, показанныхъ намъ внѣ его стѣнъ.

Съ 1861 по 1866 годъ, когда я изслѣдовалъ многія развалины въ мѣстностяхъ близъ Юсуфзаи, я собралъ нѣсколько сотъ скульптурныхъ произведеній, еще до отъѣзда моего отосланныхъ въ музеи въ Лагоръ и Пешаваръ. Онѣ изображали множество сюжетовъ и множество различныхъ расъ, и съ артистической точки зрѣнія были различнаго достоинства, какъ произведенія различныхъ періодовъ. Изъ числа этихъ скульптуръ многія повидимому представляли замѣчательныя приключенія изъ жизни Будды, изображенныя въ родѣ того, какъ мы изображаемъ жизнь Христа. Здѣсь же я не встрѣтилъ вовсе произведеній скульптуры или живописи, которыя хотя немного походили бы на произведенія Юсуфзаи, не смотря на то, что въ пятомъ столѣтіи, когда Фа Хіанъ проходилъ по этому пути, Ладакъ и Юсуфзаи были цвѣтущими центрами буддизма.

Высшее искусство, доказывающее развитіе Греціи, и въ такихъ различныхъ формахъ являющееся въ Юсуфзаи, нигдѣ не проявляется здѣсь, въ странѣ, подпавшей подъ особенное покровительство буддизма; и существовало ли оно тутъ когда нибудь прежде и притомъ на той же степени совершенства, въ какой существовало тамъ? Трудно дать на это отвѣтъ принимая въ соображеніе природу страны и ея рѣдкое населеніе?

Кромѣ того, что извѣстно изъ исторіи этой страны, хотя крайне неполной, очевидно, что страна избѣгла вліяній ислама, который въ десятомъ и одинадцатомъ столѣтіяхъ опустошилъ вокругъ нея все что могъ съ такой яростью, что слѣды этихъ опустошеній до сихъ поръ видны въ покрывающихъ ее развалинахъ.

Во время господства Могольской имперіи, страна эта, пользуясь необыкновенною вѣротерпимостью своего правительства, спокойно держалась своей старой вѣры; а во время анархіи въ тринадцатомъ и четырнадцатомъ столѣтіяхъ, разстроившей Чагатайское государство, часть котораго она составляла, она, какъ кажется, болѣе или менѣе сохранила свои собственные законы и учрежденія. Возстановленный исламъ при новомъ учрежденіи Чагатайскаго государства Тохлукомъ Тимуромъ, въ половинѣ четырнадцатаго столѣтія, не переступилъ за свои прежнія границы въ Хотанъ, а послѣдующее поглощеніе его государства имперіей, поднятой его современникомъ и преемникомъ эмиромъ Тимуромъ Ленгомъ или Тамерланомъ, въ послѣднюю четверть того же столѣтія, вліяло въ Тибетѣ не болѣе какъ вліяло управленіе его предшественника въ Муголистанѣ.

Смерть Тамерлана снова послужила сигналомъ для внутреннихъ безпокойствъ, и во время революцій, охватившихъ часть его имперіи, Кашгаръ обратился въ независимое государство, какъ наслѣдіе могольскихъ хановъ, по Тоглукъ Тимуру потомку Чагатайскихъ государей. Но ихъ управленіе было безпорядочно и слабо, такъ что оно скоро перешло въ руки могущественной династіи Доглатскаго племени, члены которой со временъ Чингиса пользовалась извѣстнымъ положеніемъ и привилегіями какъ правители различныхъ частей Кашгарскаго государства. И наконецъ въ послѣднюю четверть XV-го столѣтія (1479) власть была захвачена Мирзою Абабакаромъ, потомкомъ могущественныхъ эмировъ Кудадада и Камаруддина, бывшихъ столь вліятельными въ странѣ при династіи могольскихъ хановъ.

Будучи независимымъ правителемъ Кашгара, онъ началъ карьеру свою овладѣніемъ Хотаномъ и сдѣлалъ нѣсколько неудачныхъ попытокъ покорить Тибетъ, который при туземныхъ начальникахъ сохранялъ свою свободу съ распаденія Чагатайской имперіи; но всѣ набѣги его постоянно были отражаемы къ границѣ Нубры. Наслѣдникъ же его, въ лицѣ котораго власть была возвращена въ 1513 г. по Р. Х. линіи могольскихъ хановъ, ознаменовалъ конецъ своего царствованія на-

паденіемъ на Ладакъ, о которомъ я упомянулъ выше. Это первое свѣдѣніе, которое мы имѣемъ о попыткѣ посѣять исламъ на буддистской почвѣ, и о тѣхъ ужасныхъ послѣдствіяхъ этой попытки, повторившейся въ меньшихъ размѣрахъ въ началѣ слѣдующаго столѣтія, когда Миръ Али, мусульманскій правитель Балтистана, взялъ Лехъ и разрушилъ монастыри во всей странѣ.

Онъ былъ принужденъ вернуться въ Скардо, столицу свою, и возвратить Джамаю Намжіалу, туземному начальнику, котораго онъ взялъ въ плѣнъ, власть надъ его собственной страной. Онъ тотчасъ же возстановилъ прежнюю религію, и оставилъ послѣ себя тѣ памятники своего рвенія къ вѣрѣ, которые мы видимъ въ существующихъ знакахъ на камняхъ въ Чамбо, относящихся къ тому времени.

Послѣ этого Ладакъ оставался во власти туземныхъ правителей до 1720 года, когда онъ снова былъ захваченъ Миръ Мурадомъ изъ Скардо, присоединившимъ его къ своему Бальтистанскому княжеству, въ какомъ положеніи онъ и оставался тридцать лѣтъ. Повидимому, этою побѣдою руководили чисто политическіе мотивы, и она была совершенно свободна отъ религіознаго вліянія ислама, такъ что буддистская религія продолжала господствовать въ своей старой родинѣ, не смотря на пренебреженіе оказываемое ей при новомъ режимѣ. Когда власть вернулась къ Жіальпо начальнику Ладака, сдѣлавшемуся вскорѣ данникомъ Кашмира, Ладакъ уже не дѣлалъ попытокъ возродиться изъ той степени упадка, до которой онъ дошелъ, но, повидимому, продолжалъ существовать въ томъ безформенномъ состояніи, въ которомъ мы находимъ его подъ индусскою властью Кашмира, послѣ окончательнаго присоединія къ нему въ 1834 году.

Изъ монастыря въ Хемисъ—невольно заставившаго меня сдѣлать это историческое отступленіе — мы вернулись недалеко отъ Чанга по дорогѣ въ Лехъ, и тамъ, повернувъ влѣво, прошли миль шесть или восемъ по грубой каменистой дорогѣ къ Мата, куда мы прибыли въ сумерки—черезъ двѣнадцать часовъ послѣ выхода—и присоединились къ лагерю посланника.

На слѣдующее утро я сопровождалъ капитана Чапмана и нашего сержанта на охоту за дикими баранами, называемыми здѣсь *шапу*, выслѣженными на горахъ къ югу отъ Мата и Стока. Мы вышли въ 6 часовъ утра, и, обогнувъ небольшую долину повыше деревни, слѣдовали вдоль нѣсколько замерзшаго ручейка, бѣгущаго

по извилистому руслу миль десять или болѣе, и потомъ поднялись къ высокому болоту, образующему басейнъ въ горахъ. Большая часть долины, по которой мы шли, была покрыта густымъ лѣсомъ ивы, тополя и тамарисковыхъ деревьевъ, перемѣшанныхъ кустами розъ и смородины, тогда какъ болото, длинными косогорами поднимающееся къ снѣгамъ, было покрыто пучками артемизіи и гвоздики, здѣсь называемой *бутрзи*. Тутъ мы наткнулись на пасущихся овецъ и коровъ, и въ серединѣ долины, около глубокаго оврага, нашли нѣсколько пастушескихъ хижинъ, гдѣ одинъ старый безобразный татаринъ далъ намъ напиться кислаго молока изъ деревянной чашки, такой же нечистой, какъ и онъ самъ.

Компанія наша разбрелась въ долинѣ по различнымъ оврагамъ отыскивая дичь, и всѣ мы сошлись неподалеку отъ этихъ хижинъ. Осмотрѣвъ нашу добычу, мы увидѣли, что всѣ мы почти съ пустыми руками, и потому отправились поперегъ болота къ проходу въ горы, замыкавшія его съ противуположной стороны. Почти уже въ концѣ подъема, мы подмѣтили стадо въ тридцать или сорокъ дикихъ барановъ, которое, увидя наше стараніе обойти его, бросилось со всѣхъ ногъ внизъ съ откосовъ на противуположную сторону глубокой рытвины, и только одинъ изъ нихъ погибъ отъ пули нашего сержанта. Такъ какъ день былъ порядочно на исходѣ, то мы поспѣшили путь свой направить по извилистому ущелью, вдоль потока по направленію къ лагерю и къ 6 часамъ вечера добрели до Стока.

Во время нашего скитанія намъ попался снѣговой фазанъ или *рамчакаръ* кашмирскій, и небеснаго цвѣта голубь этихъ горъ. Мы вернулись въ Лехъ на другой день послѣ того какъ обшарили ивовую рощу около Стока и сдѣлали небольшой запасъ голубыхъ зайцевъ, живущихъ въ этой мѣстности.

ГЛАВА V.

Подъемъ на Кардонгскій перевалъ.—Снѣгъ.—Долина Нубры.—Горячіе ключи въ Панамикѣ.—Караваль-Даванъ.—Удачный выстрѣлъ.—Сазерскіе ледники.—Инстинктъ яка.—Кумданскіе ледники.—Дѣйствіе разрѣженнаго воздуха.—Лагерь въ Даулатъ-Бегъ-Ульди.—Дѣйствіе *дама*.—Исторія Саидъ-Хана.—Его бѣгство въ Кабулъ.—Дѣлежъ Кашгара.—Каракорумскій перевалъ.—Канджудскіе разбойники.—Замерзшій бекасъ.—Встрѣча съ яркандскими союзниками.

Окончивъ всѣ приготовленія въ Лехѣ и получивъ извѣщеніе о выходѣ Саидъ-Якубъ-Хана изъ Мурри съ турецкими офицерами, которыхъ онъ привезъ съ собою, возвращаясь изъ Константинополя, посольство выступило изъ Леха въ дальнѣйшій путь 29-го сентября. Первый нашъ переходъ былъ въ семь миль къ хижинамъ, называющимся *полу*, у подошвы подъема чрезъ Кардонгскій проходъ, господствующій надъ Лехомъ съ сѣверной стороны. Почти на половину дорога идетъ за террасообразными полями Шанкаръ-Гонпа и за деревушкой Жинглисъ, пересѣкая глетчеры и моррены, обозначающіе ихъ соединенія и края, спускается въ извилистое ущелье, вершина котораго занята небольшою массою льда.

Мы остановились въ этомъ ущельѣ у подножія прохода. Высоту его опредѣляютъ въ 14,9000 футовъ или въ 3,400 футовъ надъ Лехомъ. Видъ черезъ долину у цѣпи Канарійскихъ горъ, раздѣляющихъ Занскаръ отъ Ладака, очарователенъ, и представляетъ пространство, покрытое снѣгомъ, красивѣе котораго намъ не приводилось видѣть нигдѣ на дальнѣйшемъ пути. Тутъ мы почувствовали начало холода, предстоявшаго намъ впереди, такъ какъ ночью термометръ упалъ до 15° Ф., въ то время какъ вокругъ лагеря съ страшною силою свирѣпствовалъ южный вѣтеръ, какому мы къ счастью не подвергались въ болѣе открытыхъ мѣстахъ.

Утромъ мы поднялись въ проходъ и, поднявшись по длинному скату на другую сторону, стали лагеремъ въ 15 миляхъ отъ деревни Кандонгъ. Этотъ проходъ вышиною въ 17,000 футовъ, подобно Диггарскому проходу, лежащему на томъ же самомъ хребтѣ, подалѣе, къ востоку отъ Леха, очень крутъ и труденъ. Я остановился почти на полчаса на вершинѣ, для наблюденій при помощи взятаго съ собою инструмента. Въ это время дулъ сильный холодный вѣтеръ, и хотя мы стояли подъ защитою утеса и окружили инструменты высокими снѣговыми стѣнами, все-таки трудно было защитить ихъ отъ сильнаго и холоднаго вихря. Я встрѣчалъ подобныя затрудненія на всѣхъ высокихъ перевалахъ, и хотя изслѣдованія производились съ величайшимъ тщаніемъ, но я болѣе довѣрялъ указаніямъ хорошаго анероида, чѣмъ указаніямъ наскоро установленнаго барометра, или результатамъ, показываемымъ гипсометромъ. При такихъ условіяхъ всегда трудно удержать трубку неподвижно, и рѣдко кому удается выждать пока ртуть установится. Въ гипсометрѣ сама трубка непосредственно надъ котелкомъ охлаждается холоднымъ воздухомъ, такъ что паръ, выходящій изъ него не только не нагрѣваетъ ее, но самъ остываетъ, точно такъ же, какъ и ртуть въ трубкѣ термометра, выставленнаго на воздухъ. Вслѣдствіе этого ртуть колеблется на пять или шесть десятыхъ градуса прежде, чѣмъ дать точное указаніе. Какъ эти, такъ и другія причины и различныя атмосферическія вліянія объясняютъ разность въ наблюденіяхъ, производимыхъ разными лицами въ одномъ и томъ же мѣстѣ, и даже однѣми и тѣми же лицами, но въ разное время.

Въ Кардонгскомъ проходѣ барометръ стоялъ на 15°464, анероидъ на 15°58, а термометръ на 181° 4 Ф., при термометрѣ воздуха въ 28° Ф. Кардонгскій хребетъ идетъ съ сѣверо-запада на юго-востокъ и отдѣляетъ Ладакскую долину отъ долины рѣки Шайокъ. Онъ состоитъ изъ гнейса и гранита, осколки которыхъ заваливаютъ проходъ по обѣимъ сторонамъ острыми угловатыми утесами.

Такъ какъ подъемъ былъ слишкомъ крутъ и высокъ для нашихъ лошадей, то тюки съ нихъ были переложены на яковъ—называемыхъ у бготовъ *донгами*. Этихъ сильныхъ животныхъ было приготовлено для нашего употребленія штукъ около четырехъ сотъ. Мы сами тоже пересѣли на спины этихъ полезныхъ, но неуклюжихъ животныхъ; проводники же ѣхали на своихъ верховыхъ лошадяхъ.

Донгъ или якъ—животное тихое и безопасное въ этихъ высотахъ,

умѣетъ иногда показать себя иностранцамъ. Имъ управляютъ посредствомъ веревки, привязанной къ деревянному кольцу, продѣтому черезъ среднюю ноздрю, и животное движется легкой и спокойной походкой, безъ сопротивленія поднимаясь въ горы и спускаясь съ нихъ. Оно невыносимо пыхтитъ и непріятно хрюкаетъ при всякомъ своемъ движеніи, часто останавливается перевести духъ, и сосетъ снѣгъ, если только не бросается въ сторону, чтобы покататься въ немъ.

Спускъ прохода по другую сторону былъ и крутъ и труденъ, пролегая по скользкой поверхности небольшаго ледника. Многіе изъ нашихъ спутниковъ страдали на высотѣ головною болью, тошнотой и головокруженіемъ, такъ что даже сваливались съ лошадей, причемъ нерѣдко повреждали себѣ щеки и руки объ утесы и ледъ.

У оврага мы опять сѣли на своихъ лошадей и переѣхали черезъ довольно крутую рытвину къ хижинамъ *полу*, расположеннымъ на узенькой зеленой площадкѣ. Мы остановились тутъ для завтрака, пока перевозили наши вещи, и въ это время воздухъ оглашался крикомъ сурковъ, протестовавшихъ противъ нашего вторженія, и крикомъ пущенныхъ на свободу яковъ. Я замѣтилъ, что эти странныя животныя, вмѣсто того, чтобы ѣсть роскошную траву въ глубинѣ оврага, разбрелись по скалистымъ откосамъ, чтобы пощипывать тощую травку, торчавшую около снѣга.

Продолжая путь нашъ вдоль откоса, мы перешли черезъ побочныя ущелья съ правой и съ лѣвой стороны, покрытыя на вершинахъ снѣгомъ и спустились по болотистому мѣсту, гдѣ наткнулись на *мены* и *чхортены*, предвѣщавшіе близость нашу къ лагерю, куда мы и добрались въ 4 часа. Вещи наши пришли только черезъ два часа, пробывъ 11 часовъ въ дорогѣ. Къ чести м-ра Джонсона и его бготскихъ помощниковъ, переходъ этотъ, одинъ изъ наиболѣе трудныхъ, совершился безъ приключеній и остановокъ.

Небо было пасмурно и цѣлый день грозило дождемъ; къ вечеру же разъяснилось, но мѣсяцъ и звѣзды тускло горѣли на небосклонѣ. Тѣмъ не менѣе, утромъ, когда мы проснулись, земля оказалась покрытою на два, или на три дюйма снѣгомъ, а весь лагерь находился въ туманѣ. Почти до девяти часовъ мы не могли выступить и двинулись во время снѣга, падавшаго хлопьями. Путь нашъ шелъ къ сѣверовостоку. Спустившись съ высокаго берега, гдѣ стоитъ Кордонгъ мы перешли черезъ рѣку уже безъ снѣга.

Рѣка протекаетъ между берегами изъ гравія и конгломерата, насѣвшаго на гнейсовыя и глиммеровыя скалы. Берега перерѣзаны глубокими ущельями, идущими отлогими покатостями изъ камней. Во время нашего перехода камни постоянно скатывались и заставляли насъ убѣгать отъ нихъ, носильщики же выказывали сильный страхъ и прятались подъ кусты и утесы. Цѣлый градъ этихъ камней пролетѣлъ надъ моею головою, когда мы проходили подъ краемъ утеса. Носильщики, бывшіе около меня, не медля спрятались подъ скалы, а за ними послѣдовалъ и я черезъ открытую площадку. Я махалъ прочимъ спутникамъ, чтобы кто нибудь изъ нашего отряда не пострадалъ отъ этихъ скатывающихся камней. Мили за четыре отъ лагеря рѣка проходитъ по узкой просѣкѣ между отвѣсными стѣнами свѣтлаго кристалловиднаго известняка, и потомъ разливается въ рѣку Шайокъ.

Берега ея густо обросли кустарникомъ, и въ трехъ, четырехъ мѣстахъ черезъ нее перекинуты маленькіе простые мостики, подпертые насыпями изъ дерна и камня. Черезъ Шайокъ мыпереправились верхами, такъ что вода едва не доходила до сѣделъ, и потомъ остановились посмотрѣть на переправу нашей маленькой арміи проводниковъ съ нашими вещами. Переправа совершилась цѣлой толпой заразъ, весьма скоро и безъ всякихъ приключеній, хотя рѣка была по крайней мѣрѣ въ восемдесять ярдовъ шириною. Пройдя нѣсколько далѣе по берегу, мы стали лагеремъ за семь миль отъ Сатти.

На слѣдующій день мы сдѣлали небольшой переходъ, въ семь миль, по долинѣ въ Тиритъ, за нѣсколько миль отъ котораго долина Нубры соединяется съ долиной Шайокъ противъ деревень Дискитъ и Хундаръ. Эта долина есть широкое русло рѣки между голыми скалами изъ сланца, гранита и гнейса. Рѣка впадаетъ въ широкій потокъ, стремящійся по широкому ложу изъ голышей и валуновъ, окаймленному по обѣимъ сторонамъ непрерывной полосой наносной земли. Наносные берега эти покрыты небольшими кустарниками волчьихъ ягодъ и тамариска, растущихъ между хлѣбными полями небольшихъ деревушекъ тамъ и сямъ оживляющихъ мѣстность и завершающихъ видъ благоденствія мѣстности.

Изъ Тирита мы прошли семь милъ до Тагара. На полпути мы оставили Шайокъ и поднялись вверхъ по рѣкѣ Нубрѣ въ Тагаръ, гдѣ стали лагеремъ подъ тѣнью большихъ деревьевъ близъ деревни. Между самыми обыкновенными абрикосами, березами и тополями я

узналъ вязъ и дикую маслину. Рѣка течетъ нѣсколькими рукавами по широкому песчаному руслу, на которомъ множество острововъ съ кустарниками волчьихъ ягодъ. Виды долины похожи на мѣстность по одну сторону рѣки Шайока; но берегъ противуположный тому, по которому лежалъ нашъ путь, круто спускается къ рѣкѣ, и на немъ видна линія обозначающая разливъ Шайока въ 1839 году.

На пути мы миновали двѣ или три маленькія деревни, съ окрестными, хорошо обработанными полями, границы которыхъ обозначаются множествомъ *латоховъ* для предохраненія отъ вторженія злыхъ духовъ. *Латохъ* есть ничто иное, какъ круглый столбъ въ четыре или въ пять футовъ вышиною, сдѣланный, обыкновенно изъ глины или камня и поставленный на какомъ нибудь возвышенномъ утесѣ. На верху латоха утверждается толстая вязка прутьевъ съ воткнутыми длинными шестами, на концахъ которыхъ укрѣплены бычачьи хвосты; пучекъ же прутьевъ скрѣпленъ рогами дикаго барана.

Главные посѣвы здѣсь заключаются въ ячменѣ, лучшій сортъ котораго называется *гримъ* или *назъ*. Это постоянная пища бгота, и его много требуютъ проходящіе здѣсь караваны. Для продовольствія каравановъ на придорожныхъ лугахъ ростетъ люцерна, и на нихъ можетъ пастись скотъ. Мука изъ жареннаго ячменя — называемая въ Индіи *сатту*, а здѣсь *сномфъ*—вмѣстѣ съ чаемъ и табакомъ, составляетъ единственную пищу бгота въ дорогѣ. Уходя въ далекой путь, онъ наполняетъ ею кожанную котомку и, закинувъ ее за спину, превосходно обходится безъ постоялыхъ дворовъ и гостинницъ. Проголодавшись, онъ садится на краю перваго ручейка, наполняетъ *корай* или «деревянную чашку» мукою, прибавляетъ немного воды, и, сдѣлавъ густое тѣсто, не проронивъ при этомъ и зернышка драгоцѣнной муки, раздѣляетъ его на кусочки и ѣстъ съ апетитомъ и наслажденіемъ, достойными болѣе лакомаго кусочка. Привычка бгота къ этой простой пищѣ также сильна, какъ привязанность его къ *кораю*—его дѣйствительно безсмѣнному товарищу, такъ какъ чашка покидаетъ его карманъ только тогда, когда онъ пьетъ изъ нее или дѣлаетъ въ ней тѣсто или похлёбку. И даже здѣсь, въ мѣстахъ болѣе населенныхъ, это тѣсто составляетъ главную пищу.

Въ этомъ мѣстѣ въ лагерь нашъ прибылъ мулла Артокъ, посланный въ Кашгаръ, для предувѣдомленія Якубъ-бека о возвращеніи

посольства. Человѣкъ этотъ выѣхалъ изъ Константинополя 14-го августа и, пробывъ нѣсколько дней въ Египтѣ, высадился въ Бомбеѣ, откуда по желѣзной дорогѣ проѣхалъ въ Лагоръ, а изъ Лагора на лошади пріѣхалъ къ намъ послѣ обѣда 3-го октября. На слѣдующій день онъ отправился въ Кашгаръ, откуда черезъ нѣсколько дней былъ отправленъ обратно Аталыкомъ Газы съ письмами, привѣтствовавшими посланника и родственника Аталыка Саида, и встрѣтилъ насъ въ Санджу въ послѣдній день октября мѣсяца.

Изъ Тагара мы отправились въ Панамикъ, за двѣнадцать миль и прибыли туда 5-го октября. Часъ спустя, мы перешли на другую сторону рѣки въ Чуразѣ. Это резиденція бывшихъ начальниковъ округа Нубра, и въ ней есть небольшой дворецъ, крѣпость и монастырь. Все это очень живописно лѣпиться на скалахъ, выдающихся къ рѣкѣ изъ хребта заднихъ горъ, и замѣтно отдѣляется въ картинѣ — такъ какъ бѣлыя стѣны ярко обрисовываются на темномъ фонѣ зелени.

Далѣе дорога идетъ черезъ оврагъ, побѣлѣвшій отъ содовыхъ залежей. Намъ говорили, что въ настоящемъ году тутъ добыто для Кашмирскаго рынка 3,000 мѣръ соды. Она употребляется тибетцами для улучшенія цвѣта и для уничтоженія запаха ихъ чая. Въ различныхъ мѣстахъ, какъ здѣсь такъ и въ Шайокскихъ долинахъ попадается мѣдь. Въ сосѣдствѣ Чураза добывается золото, что доставляетъ заработокъ очень многимъ семействамъ. Мнѣ показывали нѣсколько образцовъ золота, найденнаго въ Шайокской долинѣ. Въ нихъ было золото изъ породы, называемой «павлиннымъ золотомъ» перемешанное съ сѣрнокислою мѣдью

За этой небольшой содовой долиной, за какую нибудь милю отъ Панамика, мы наткнулись на горячіе ключи у подножія горы вправо отъ дороги. Они пробиваются наружу въ различныхъ мѣстахъ на скатѣ высокаго берега у подножія горы, покрытаго гравіемъ и хрящемъ. Отъ ключей идетъ паръ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они пробиваются, и затѣмъ они текутъ тоненькими ручейками внизъ по склону, оставляя на немъ бѣлые кристаллы сѣрнокислой извести съ сильно вяжущимъ вкусомъ. На нѣкоторыхъ камняхъ около источниковъ я находилъ осадокъ сѣры. Измѣривъ температуру самаго большаго источника въ различныхъ мѣстахъ, я нашелъ 155, 5° Ф., въ маломъ бассейнѣ въ началѣ родника, — 146° Ф. за 8 шаговъ —124° Ф. за 20 шаговъ и 90° Ф. за 70 шаговъ. Другой источникъ

тутъ же рядомъ у самаго родника имѣлъ 167° по Ф. Всѣ малые источники западной группы проводились простыми канавами въ 14 дюймовъ ширины и въ 3 дюйма глубины въ нѣсколько водоемовъ окруженныхъ стѣнами, и раздѣленныхъ на два купальныя отдѣленія, а стоявшая тутъ же хижина служила пріютомъ для прислуги при купальняхъ.

Эти ванны сильно посѣщаются какъ туземцами, такъ и пріѣзжими изъ Ярканда, и, какъ говорятъ, очень помагаютъ отъ хроническаго ревматизма и сифилиса. Подобные же источники находятся въ нагорной части Тчанглунга, на слѣдующей станціи отсюда. Одинъ изъ верхнихъ источниковъ вытекаетъ въ небольшой бассейнъ подъ тѣнью высокаго гнейсоваго утеса, ушедшаго въ хрящъ и осколки. Камни въ бассейнѣ пожелтѣли отъ слоя сѣры, какъ пожелтѣлъ и известковый осадокъ около нихъ; въ окрестностяхъ постоянно слышался подземный трескъ, точно отъ взрыва спертаго воздуха. Тутъ также, какъ и у Панамикскихъ источниковъ, была хижина для купающихся.

Во время остановки нашей въ Панамикѣ на смѣну нашихъ яковъ и лошадей были приготовлены другіе. Затѣмъ мы отправились за двѣнадцать миль въ Чанглунгъ, бѣдную деревушку, въ восемъ или десять домиковъ, разбросанныхъ посреди маленькаго оазиса голыхъ деревьевъ и небольшихъ полей, этихъ — *ultima thule* жилищъ этой мѣстности. Это жалкое мѣстечко у подножія Караваль Давана, стоитъ уединенно, посреди длинной полосы гравія и песковъ, окруженное голыми утесами. Въ своей зимней наготѣ и одиночествѣ, оно является путешественнику предвѣстникомъ того, что ожидаетъ его впереди, и представляетъ звено между жилищемъ человѣка и безусловной пустыней, за нимъ лежащей. Какъ хорошо помню я радостное довольство съ какимъ на возвратномъ пути смотрѣли мы на это самое мѣсто съ вершины горы. Жалкія лачужки прятались въ зелени и были окружены яркимъ ковромъ молодыхъ посѣвовъ, казавшимся нашимъ взорамъ, утомленнымъ безконечными пустынями пройденныхъ нами степей, какимъ то раемъ, и мы привѣтствовали эту картину какъ первый плодъ, наконецъ встрѣченной нами цивилизаціи.

Изъ Чанглунга мы вышли 7-го октября и стали лагеремъ въ Тупіялакѣ. Вещи наши отправлены были впередъ въ 7 часовъ утра, а мы выступили вслѣдъ за ними въ 9 часовъ, послѣ ранняго завтрака. Утро было ясное и морозное, небо совершенно чистое. Путь

нашъ лежалъ крутымъ поворотомъ къ высокому хребту гранитныхъ горъ, возвышающемуся надъ деревней, и, выступивъ, мы увидѣли нашихъ лошадей и проводниковъ, тихо взбиравшихся по крутизнѣ, точно армія муравьевъ. У подножія подъема мы сѣли на ожидавшихъ насъ яковъ и сопровождаемые ихъ проводниками поѣхали мимо длиннаго ряда тяжело навьюченныхъ товарищей и ихъ менѣе крѣпкихъ помощниковъ въ этомъ дѣлѣ — муловъ и лошадей. На верху подъема оказалась небольшая площадка, за которою начинался другой подъемъ вплоть до самаго прохода.

Съ этой окраины передъ нами открылся чудный видъ на южныя горы. Воздухъ былъ чрезвычайно ясенъ и свѣтелъ, и высокіе снѣговые пики, поднимающіеся къ голубому небу, рѣзко выдѣлялись своею непорочною чистотою среди окружавшихъ ихъ громадныхъ ледниковъ. На этомъ разстояніи яркость недавно выпавшаго снѣга блестѣла, не принося вреда глазамъ.

За площадкой подъемъ къ Караваль Давану или «Сторожевой горѣ» не такъ крутъ. Это первое турецкое названіе, встрѣченное нами, и его можно назвать памятникомъ вторженія султана Саида въ Яркандъ, воспоминаніе о которомъ, невольно увѣковѣчено купцами этой страны. Бготы, какъ здѣсь, такъ и всюду по этой дорогѣ, даютъ свои собственныя названія различнымъ мѣстностямъ, и это мѣсто называютъ Хлаегіа. Эта мѣстность имѣетъ памятники гораздо болѣе важные, безмолвно свидѣтельствующіе о страданіяхъ и смерти, на которыя предъявляетъ свои права эта негостепріимная мѣстность. Остовы, такъ обильно покрывающіе здѣшнюю мѣстность, характеризуютъ всю дорогу въ Санджу, по другую сторону границы, на пространствѣ между Индомъ и Татаріею.

Вокругъ станціонныхъ хижинъ въ верхней части прохода я замѣтилъ трупы и кости лошадей и быковъ въ различныхъ степеняхъ разложенія, а между ними и человѣческія кости. Около же нашего лагеря въ Тупіялакѣ мы нашли между массою подобныхъ остатковъ тѣла двухъ людей — слишкомъ уже разложившіяся, такъ что нельзя было отличить бготы ли это или яркандцы, кашмирцы или пенджабцы.

Я остановился на перевалѣ, чтобы измѣрить высоту, которую опредѣлилъ въ 14,550 футовъ. Въ то время какъ я наблюдалъ за гипсометромъ, проводникъ мой указалъ мнѣ на орла, парившаго надъ нами, и такъ какъ винтовка моя была у меня подъ рукой, прислоненная къ утесу, то я взялъ ее, и въ то время какъ орелъ взгля-

нулъ на оружіе, я прицѣлился — и въ тотъ же мигъ пораженный пулею, онъ упалъ съ страшною быстротою.

Кроткіе покорные бготы, остались совершенно безучастными, и принявъ удачный выстрѣлъ за счастливую случайность, не выразили ни малѣйшаго удивленія; подобный выстрѣлъ привелъ бы въ восторгъ афганца. Разница въ ихъ характерахъ такъ велика, что тамъ, гдѣ бготъ стоитъ спокойно и смотритъ тупо, афганецъ восторгается и не успокоится до тѣхъ поръ, пока не осмотритъ оружія со всѣхъ сторонъ, и кончитъ непремѣнно тѣмъ, что попроситъ его себѣ. Убитый орелъ въ размахѣ крыльевъ имѣлъ 106 дюймовъ и 49 дюймовъ отъ клюва до хвоста.

Съ вершины хребта дорога шла по крутому скату по разсыпанному гравію къ глубокому и скалистому ложу, по которому съ грохотомъ катился притокъ рѣки Нубры, наканунѣ перейденный нами у его впаденія. Теперь мы снова перебрались черезъ него по вѣтхому деревянному мосту и, перейдя на другой берегъ, расположились лагеремъ на небольшой равнинѣ подъ самыми глетчерами, изъ которыхъ и вытекалъ потокъ.

Тупіялакъ — по бготски, или Турди Айлакъ т. е. «сносное пастбище», по тюркски — есть просто лагерная станція на небольшой болотистой лужайкѣ посреди дикихъ горъ, которыя по своей суровости предвѣщаютъ безлѣсный характеръ дальнѣйшей мѣстности. Бготы называютъ это мѣсто Пангдонгтса, что, на сколько я понимаю, значитъ «пріятное мѣсто для яка», и если это вѣрно, то конечно вкусъ его далеко не похожъ на вкусъ большей части людей.

Волнистая поверхность глетчера была сплошь покрыта оконечностями камней и скалъ замерзшихъ во льду, и когда луна освѣтила эту уединенную ложбину серебрянымъ блескомъ, то ложбина такъ и выдалась оттѣненная окружавшими ее темными утесами и показалась еще эфектнѣе отъ стоящихъ какъ бы на стражѣ снѣжныхъ пиковъ.

Вещи наши пришли только послѣ пяти часовъ, и когда прибыла слѣдующая партія быковъ, то съ первыхъ былъ снятъ грузъ и они были пущены на пастбище, на ихъ «любимое мѣсто». Утромъ, когда я всталъ, чтобы записать показанія инструментовъ, то термометръ въ палаткѣ доходилъ только до 11° по Фаренгейту. Я видѣлъ тутъ бготовъ съ лассо въ рукахъ, взбиравшихся на горы за своими разбѣжавшимися животными, и смотрѣлъ какъ они искусно ловили ихъ, набрасывая лассо. Лассо было совершенно достаточно для яка. Онъ тотчасъ же останавливался, связанный веревкой за рога, а концомъ веревки притянутый къ носовому кольцу, и шелъ плѣнникомъ на дневной трудъ.

Отсюда мы отправились за восемнадцать миль въ Брангтса. Это небольшая, изъ камней сложенная стѣна для защиты путешественника и его лошади отъ холоднаго вѣтра, дующаго сверху изъ ледянаго прохода, и господствующаго надъ широкимъ ложемъ рѣки Шайокъ, черезъ которую мы тутъ снова перешли, такъ какъ здѣсь она течетъ къ востоку, широко огибая массы горъ, пройденныя нами по пути изъ Чанглунга.

Вещи наши отправлены были въ шесть часовъ утра, а сами мы вышли черезъ два часа. Дорога шла отъ сѣвера къ востоку и затѣмъ снова поворачивала къ сѣверу черезъ узкое ущелье, окаймленное гранитными горами, отягощенными вѣчнымъ снѣгомъ. Многочисленные ледники, спускавшіеся съ двухъ сторонъ въ проходъ, дополняли собою суровую и величественную картину.

Неровная поверхность по обѣ стороны нашей дикой дороги была покрыта въ безпорядкѣ разбросанными грудами скалъ и острыхъ камней, совершенно занесенныхъ снѣгомъ, а непрерывный шумъ потоковъ, несущихся по нимъ со всѣхъ сторонъ, производилъ такое смѣшеніе звуковъ, которое заглушало крики нашихъ проводниковъ и ржаніе лошадей.

По прошествіи двухъ съ половиною часовъ мы пришли на небольшую площадку, гдѣ ущелье расходится. Здѣсь на мѣстности, называющейся Сартангъ, съ водоемомъ, въ то время совершенно замерзшимъ, мы разбили нашъ лагерь. Въ этомъ мѣстѣ м-ръ Джонсонъ весьма предусмотрительно распорядился оставить запасы на тотъ случай, если бы отрядъ нашъ не могъ перейти, и мы, пользуясь остановкою, расположились для завтрака. Капитанъ Чапманъ тоже воспользовался этимъ, снялъ фотографическій видъ, и картина, не смотря на то, что замерзаніе химическихъ матерьяловъ затрудняло его работу, оказалась не менѣе интересною чѣмъ другія, привезенныя имъ изъ этого путешествія. Высота этого мѣста превышала 15,725 футовъ; холодъ былъ невыносимъ, хотя термометръ указывалъ 24° Ф. Воздухъ былъ чистъ, хотя нѣсколько облачковъ носилось около горныхъ вершинъ, и ледяной вѣтеръ страшной силой дулъ на насъ; но мы запаслись разнаго рода одѣялами, а открытыя мѣста лица намазали глицериновою мазью, оказавшеюся очень по-

лезною, предохраняющею кожу отъ растрескиванія. Бѣлизна снѣга во время прохода была ослѣпительна и невозможно было смотрѣть на него невооруженнымъ глазомъ. У насъ у всѣхъ были очки, точно также какъ и у большой части спутниковъ нашего отряда, но несчастные бготы и лошади ихъ должны были сами позаботиться о себѣ.

У нѣкоторыхъ бготовъ были наглазники, формою похожіе на наши, и довольно красиво сдѣланные изъ чернаго волоса, съ отверстіемъ противъ зрачка, прикрытымъ газомъ. У большинства же очковъ не было, и они довольствовались тѣмъ, что выдергивали волосы изъ хвоста своихъ яковъ, и ими заслоняли себѣ глаза. Ниже Сартанга дорога извивается между острыми утесами и берегами, подъ тѣнью отвѣснаго ледника, круто спускающагося къ горѣ и ежеминутно грозящаго обрушиться; потомъ проходя по узкой выемкѣ между стѣною громаднаго глетчера съ одной стороны, и острыми гнейсовыми утесами, покрывающими подножіе горы съ другой, она спускается къ мѣстечку мимо громадной трещины въ ледникѣ, занятой небольшимъ, совершенно замерзшимъ озеромъ.

За трещиной дорога поднимается до вершины самаго ледника, и мили на три идетъ вдоль ея краевъ. На половинѣ дороги на ледникѣ я измѣрилъ высоту подъ прикрытіемъ громадной скалы, скатившейся сюда съ вершины, и нашелъ 17,270 футовъ.

Переѣздъ въ этой части прохода всегда опасенъ, вслѣдствіе трещинъ и проваловъ во льду, скрытыхъ подъ снѣгомъ. Мы нашли ледникъ совершенно прикрытымъ волнообразнымъ слоемъ мягкаго снѣга въ футъ и въ два толщиною. Но г. Джонсонъ проложилъ безопасную, хотя и узенькую тропинку вдоль края, при помощи своихъ бготовъ и ихъ животныхъ.

Онъ сообщилъ мнѣ интересныя свѣденія о замѣчательномъ инстинктѣ яковъ, который въ этомъ случаѣ оказывается полезнѣе разума ихъ хозяевъ бготовъ. Прежде чѣмъ пускаться въ путь по леднику обыкновенно прогоняютъ черезъ него штукъ десять, двѣнадцать яковъ, чтобы они проложили путь. Эти, въ своемъ родѣ, умныя животныя, пригнанныя къ леднику, собираются въ кучу у края ледника, какъ бы для совѣщанія, и, похрюкавъ нѣкоторое время, одинъ изъ нихъ идетъ впередъ, а всѣ другіе слѣдуютъ за нимъ по одиночкѣ. Предводитель, вытянувъ морду, осторожно обнюхиваетъ путь и хрюкаетъ; когда же утомится, то ложиться, предоставляя слѣдовавшему за нимъ предводительствовать, и такимъ образомъ переходятъ ледникъ и достигается твердая земля другаго берега. Бготы идутъ за своими животными по дорожкѣ и ставятъ мѣстами невысокіе столбики изъ снѣгу въ видѣ указаній на тотъ случай, если бы туманъ или снѣгъ заслонилъ путь.

Этимъ простымъ способомъ мы перешли благополучно, хотя множество нашихъ лошадей попадали въ овраги по обѣимъ сторонамъ дороги. Уложивъ свой барометръ и другіе инструменты, я хотѣлъ догнать своихъ товарищей, уже уѣхавшихъ впередъ, и, обгоняя вереницу нашихъ проводниковъ, завернутыхъ въ одѣяла и сидѣвшихъ на лошадяхъ какъ какія нибудь связки съ платьями, сбился съ дороги и свалился въ оврагъ съ мягкимъ снѣгомъ. Мое внезапное паденіе произвело такое волненіе по всей линіи, что когда я выкарабкался, то оказалось, что трое или четверо путниковъ, желая спасти меня, сами попадали съ своими лошадьми въ рыхлый снѣгъ, гдѣ не могли держаться на ногахъ.

Пройдя глетчеры, мы спустились и, миновавъ снѣгъ, вступили на твердый скатъ горы, который привелъ насъ изъ ущелья къ лачугамъ Брангтса, на берегу, господствующемъ надъ рѣкою Шайокъ. Высота около этихъ лачугъ достигаетъ 14,330 футовъ. Послѣднія вещи наши пришли въ Брангтса послѣ девяти часовъ вечера, и тогда мы узнали, что переходъ былъ совершенъ безъ потерь или какихъ нибудь серьезныхъ приключеній.

Этотъ труднѣйшій изъ горныхъ проходовъ называемый Саверскимъ, тотъ самый Сакрійскій проходъ, который упомянутъ въ *Тарихи Рашиди*. Лѣтомъ проходъ этотъ опасенъ вслѣдствіе лавинъ и обломковъ скалъ, скатывающихся съ горъ по обѣимъ сторонамъ, точно также какъ и вслѣдствіе внезапнаго накопленія воды въ безчисленныхъ потокахъ, вдругъ разливающихся отъ случайнаго удаленія утеса или льда, прежде преграждавшаго имъ путь. Зимою онъ безопасенъ, такъ какъ и утесы, и ледники неподвижно прикованы къ мѣсту крѣпкимъ морозомъ. Удачнымъ же переходомъ нашего отряда какъ въ этотъ разъ, такъ и на возвратномъ пути, мы несомнѣнно обязаны распорядительности кашмирскихъ властей и неустанной заботливости м-ра Джонсона. Для настоящаго случая онъ приготовилъ 250 вьючныхъ лошадей и 60 верховыхъ и около 400 быковъ съ небольшой кучкой бготскихъ носильщиковъ для переноски нашего лагеря и припасовъ, что сильно облегчило нашихъ

лошадей. Хорошимъ же снаряженіемъ нашихъ людей и лошадей, о которой предусмотрительно позаботился посланникъ, мы обязаны тѣмъ, что никто изъ насъ не терпѣлъ въ матеріальномъ отношеніи во время страшнаго перехода, гдѣ трупы и скелеты на всякомъ поворотѣ дороги зловѣще глядѣли на путешественника. Между ними было найдено тѣло человѣка повидимому яркандца, но я не слыхалъ, чтобы кто нибудь изъ нашего отряда остался въ видѣ прибавленія къ этимъ грустнымъ указаніямъ дороги по проходу. Тѣмъ не менѣе наши лошади дошли оцѣпенѣлыя и обвѣшанныя сосульками, отягощавшими ихъ хвосты и гривы, и отъ которыхъ они старались отдѣлатся. Наши же крѣпкіе и выносливые носильщики въ своей плохой и дырявой одеждѣ, молча, переносили холодъ изъ за своего *cammy* (ячменной муки). Прибывъ въ лагерь, они совершенно довольные подкрѣпляли себя на трудъ слѣдующаго дня питьемъ освѣжающаго чая и, весело болтая, садились вокругъ своихъ лагерныхъ костровъ. Болтали они до тѣхъ поръ, пока дозволяло это ограниченное количество топлива, а потомъ, закутавшись, при температурѣ въ 6° Ф., они ложились спать около горячей золы, подъ яснымъ небомъ вмѣсто кровли и при шумномъ журчаніи рѣчки Сазеръ вмѣсто колыбельной пѣсни.

Въ этомъ мѣстѣ лагерь нашъ раздѣлился. Вещи подъ конвоемъ м-ра Джонсона отправились прямымъ путемъ по Дапсангскому плато къ Даулатъ-Бегъ-Ульди, гдѣ мы должны были соединиться съ ними, направляясь по Кумданской дорогѣ. Нашъ отрядъ состоялъ только изъ посланника, его офицеровъ и небольшаго числа провожатыхъ для постановки палатокъ, такъ какъ дорога совершенно справедливо считалась непроходимою для всего отряда.

Такимъ образомъ мы прошли десять миль до слѣдующей станціи въ Кумданъ. Спустившись къ рѣкѣ Шайокъ, мы пошли по ея теченію, извивающемуся въ ущельѣ по широкому каменистому ложу, и въ продолженіи двухъ часовъ перейдя рѣку разъ восемъ или десять, дошли до глетчера, лежащаго поперегъ долины въ сѣверозападномъ направленіи. Тутъ мы вошли въ узкое ущелье между вертикальныхъ стѣнъ изъ бѣлыхъ мраморныхъ утесовъ съ одной стороны и ледника бутылочно-зеленаго цвѣта съ другой, и шли цѣлый часъ по этому направленію, переходя постоянно съ одной стороны на другую по узкимъ окраинамъ льда, и черезъ воду, входя въ нее, то огибая утесы, то скользя по гладкому льду, пока наконецъ не перешли долины. По-

слѣ того, пройдя еще около мили, мы остановились на высокомъ берегу подъ отвѣсной стѣной изъ бѣлаго мрамора, и въ виду другаго большаго ледника, лежащаго на нѣсколько сотъ ярдовъ повыше.

Мѣсто это было очевидно глухое, такъ какъ на немъ совершенно не было видно валяющихся скелетовъ, обозначающихъ станціи въ этихъ окраинахъ; а почва была такъ рыхла, что нельзя было воткнуть колышка, и наши палатки держались только тѣмъ, что средніе шесты ихъ укрѣплялись большими камнями.

Верхній ледникъ идетъ извиваясь вдоль долины, впадину которой онъ наполняетъ на подобіе большой рѣки, и на вершинѣ его, за нѣсколько миль къ западу, возвышается замѣчательный пикъ — самый высокій въ странѣ. Движеніе этого ледника вкось, поперегъ долины, загородило всѣ выходы изъ нея и причинило въ 1842 то разлитіе Инда, которое произвело опустошеніе по всему его теченію до самаго Аттока. Другой ледникъ, оставшійся позади насъ и пересѣкающій долину подъ прямымъ угломъ, должно быть напиралъ съ страшной силой на противуположную сторону, такъ какъ я замѣтилъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ утесы были переломаны и перемѣшаны съ массами льда, приставшими къ нимъ—вѣроятно во время отдѣленія ихъ отъ главной массы потокомъ спертыхъ водъ. Спускъ ледника въ долину и внезапное уничтоженіе преградъ и произвело наводненіе Инда въ 1859 году, наводненіе, погубившее поселеніе Наушера, обратнымъ теченіемъ водъ рѣки Кабула у Аттока—несчастіе, которое мнѣ случилось видѣть самому съ противуположнаго берега.

Наша ближайшая станція была въ Гіаптангѣ за восемь миль. Проходъ по верхнему леднику и шире, и легче прохода, пройденнаго наканунѣ; онъ ведетъ въ широкое, мелкое, каменистое русло, идущее на сѣверъ къ волнообразной равнинѣ, воды которой имѣютъ въ него истокъ по множеству рукавовъ. Дорога этимъ путемъ непроходима лѣтомъ вслѣдствіе внезапныхъ потоковъ отъ таящихъ ледниковъ. Далѣе у истоковъ Шайока мы перешли его нѣсколько разъ по поясъ въ водѣ, къ немалому горю лошадей, которымъ плывшій по рѣкѣ ледъ ушибалъ ноги. Въ Гіаптангѣ мы стали лагеремъ посреди множества труповъ и остововъ лошадей,ословъ и быковъ въ разныхъ степеняхъ разложенія. Они наполняли прикрытые овраги у береговъ—овраги въ которые мы были загнаны вреднымъ южнымъ вѣтромъ, дувшимъ съ непреодолимой силой. Поваръ нашъ установилъ свои горшки и сковороды подъ прикрытіемъ трехъ или четырехъ остововъ, и

когда я ему замѣтилъ отчего онъ не постарался выбрать болѣе подходящаго мѣста, онъ въ отчаніи отвѣтилъ мнѣ: «Да гдѣ же найти лучшее? Вся мѣстность покрыта ими». И дѣйствительно, онъ говорилъ правду, такъ какъ, обойдя кругомъ, я не нашелъ мѣста не заваленнаго костями. Къ счастію для путешественниковъ, воздухъ тутъ такъ сухъ, что трупы не гніютъ, а просто высыхаютъ безъ скверпаго запаха, и вслѣдствіе этого, какъ бы ни была вредна эта мѣстность, она все таки избавлена отъ зловредныхъ міазмовъ.

Эти остатки можно считать тысячами по этой дорогѣ; они громко вопіютъ о бѣдственной утратѣ жизней. Это свидѣтели многихъ лѣтъ; тутъ рядомъ видна старая побѣлѣвшая кожа, неизвѣстно чья, и свѣжій вчерашній трупъ, и другіе остатки различныхъ періодовъ отъ одного года до двѣнадцати лѣтъ или болѣе.

Въ этомъ мѣстѣ мы напали на слѣды дикаго *яка*; полковникъ отправился на развѣдку, но безъ успѣха. Въ этомъ же мѣстѣ Мирза Хидаръ (авторъ «Тарихи Рашиди») разстался съ своимъ товарищемъ, княземъ Искандеромъ яркандскимъ, какъ я уже говорилъ ранѣе, и отправился въ свое путешествіе по неизвѣстному пути къ Вохану. Преданіе говоритъ, что здѣсь, вѣроятно у источниковъ Шайока, онъ убилъ громаднаго дикаго яка, которымъ въ продолженіи трехъ дней питался весь его отрядъ, во время ихъ опаснаго путешествія по необитаемой долинѣ Рашгумъ, долинѣ, которая подъ названіемъ Варшгумъ имѣетъ теперь для насъ особенное значеніе, какъ мѣсто смерти отважнаго, и умнаго изслѣдователя Хейварда.

Гіаптангъ имѣетъ 15,150 футовъ высоты и вредно дѣйствуетъ на легкія, какъ у человѣка, такъ и у животныхъ. Мы болѣе или менѣе чувствовали дурное вліяніе рѣдкой атмосферы всю дорогу отъ Каравалъ Давана, но тутъ оно стало ощутительнѣе, и сильно подѣйствовало на многихъ изъ нашего отряда. Воспользовавшись совѣтомъ доктора Ж. Гендерсона, во время путешествія его въ этихъ мѣстахъ въ 1870 году, я сдѣлалъ большой запасъ солей, которыя онъ нашелъ столь полезными, и результаты были весьма благопріятны, что еще болѣе подтвердило дальнѣйшее путешествіе. Я роздалъ маленькія стекляночки хлористаго поташа членамъ посольства и тѣмъ изъ проводниковъ, которые нуждались въ немъ, и по своему собственному опыту могу засвидѣтельствовать о его свойствѣ облегчать мучительные симптомы, происходящіе отъ постояннаго недостатка необходимаго кислорода въ атмосферѣ. Большое количество кислорода, содержимаго въ соляхъ, вѣроятно доставляетъ крови то, чего въ этихъ мѣстахъ недостаетъ для нея въ воздухѣ и черезъ желудокъ пополняетъ потерю легкихъ. Какъ ни объяснять дѣйствіе солей, тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что онѣ имѣютъ свойство прекращать странную тошноту и головную боль, производимыя обращеніемъ недостаточно окисленной крови, и ни одинъ путешественникъ не долженъ пускаться по этимъ проходамъ, не взявъ съ собою запаса этого простаго средства.

Изъ Гіаптанга мы проѣхали пятнадцать миль въ Даулатъ-Бегъ-Ульди. Дорога немного поднимается по рѣкѣ и потомъ, пересѣкая глухой путь по травянымъ холмамъ, входитъ въ русло притока. Отсюда она поднимается къ широкой и открытой равнинѣ, образующей открытое плато Каракорумскаго хребта. На этой площадкѣ мы стали лагеремъ подъ прикрытіемъ высокаго песчанаго берега рѣки, вытекающей изъ Каракорумскаго прохода, хребетъ котораго, изъ чернаго хряща и шифера, возвышается въ полной своей наготѣ и пустынности прямо противъ насъ.

Повернувъ отъ главнаго потока Шайока, мы оставили за собою роскошную панораму вида на глетчеры; въ эту миниту порывъ холоднаго вѣтра, вырвавшійся съ той стороны, заставилъ насъ вздрогнуть, и подумать каково здѣсь зимою. Тѣмъ не менѣе путь этотъ вскорѣ будетъ предпочитаться отважными путешественниками, вслѣдствіе суровости Дапсангской дороги. Влѣво, миль за шесть Шайокъ теряется въ громадномъ ледяномъ полѣ, изъ котораго онъ и вытекаетъ. Эти ледники идутъ тремя широкими линіями съ сѣверо-запада, и юго-запада и соединяются въ одну громадную массу, наполняющую широкую долину, въ которую расширяется здѣсь ложе рѣки. Они походятъ на рѣки, покрывающія долину чистымъ бѣлымъ слоемъ, и спускающіяся на двѣнадцать или на тринадцать миль отъ подножія высокихъ снѣговыхъ пиковъ, откуда и берутъ начало. Тамъ же, гдѣ встрѣчаются, онѣ представляютъ обширное замерзшее озеро, точно рѣки эти внезапно застигнуты во время сильныхъ волнъ. Такъ какъ тутъ ледникъ представляетъ неровную поверхность, то слѣдуетъ думать, что онъ образовался подъ давленіемъ боковаго натиска спускавшихся ледяныхъ потоковъ, встрѣтившихся съ противуположныхъ направленій.

Въ Даулатъ-Бегъ-Ульди насъ настигъ м-ръ Джонсонъ съ главнымъ отрядомъ. Онъ лишился двухъ лошадей при переходѣ по Дап-

сангской равнинѣ.—Это была наша первая потеря—но онъ привелъ всѣхъ своихъ проводниковъ въ добромъ здравіи.—Дапсангская долина есть высшее мѣсто этой равнины и расширяется къ югу отъ того мѣста, гдѣ мы находились, замыкая видъ съ этой стороны. Мы перешли ее на возвратномъ пути, какъ я и сообщу о томъ въ своемъ мѣстѣ.

Высота въ Даулатъ-Бегъ-Ульди равняется 16,000 футамъ. Эта сильно пустынная и холодная плоскость, въ это время года свободна отъ снѣга, за исключеніемъ находящихся здѣсь нѣкоторыхъ высокихъ горъ изъ шифера, достигающихъ отъ 18,000 до 20,000 ф. вышины, на которыхъ лежитъ еще мѣстами прошлогодній снѣгъ. Говорятъ, что временами тутъ дуютъ страшные вѣтры. Къ счастью, мы ихъ избѣжали, и намъ пришлось только страдать отъ недостатка необходимаго кислорода.

Нѣкоторые изъ нашего отряда совершенно падали, и просили моей помощи. «Добрый человѣкъ», говорилъ я каждому, кто предавался отчаянію, — вамъ не хуже чѣмъ мнѣ, или другимъ. Вотъ, возьмите эту соль и кладите по щепоткѣ въ ротъ, а теперь положите голову на камень и спокойно лежите, пока рожокъ не затрубитъ выступленія». Больше дѣлать было нечего. Полный покой духа и тѣла я находилъ лучшимъ средствомъ, хотя не всегда достижимымъ. Даже, когда я спокойно сидѣлъ и писалъ, у меня по временамъ подергивало перо отъ невольнаго внезапнаго замиранія духа, ощущаемаго въ груди точно отъ тяжести, которую хочется сбросить. Когда же я хотѣлъ идти спать въ надеждѣ забыть боль, отягощающую мою голову, и тошноту, почти сваливавшую меня съ ногъ, я долженъ былъ вскочить съ мѣста, потому что сталъ задыхаться. Нѣсколько глубокихъ, но неудовлетворящихъ, вдыханій и головокруженіе, снова заставили меня положить голову на подушку и немного вздремнуть, но для того, чтобы вскорѣ опять вскочить и переживать ту же самую пытку до тѣхъ поръ, пока рожокъ не возвѣстилъ, что пора вставать. Процессъ одѣванья—роскошь, въ которой я сталъ отказывать себѣ пока мы не спустились въ болѣе удобныя мѣста—почти доканалъ меня, и я едва только могъ взобраться на лошадь. Дорогою я съѣлъ почти три драхмы хлористаго поташа, и на хребтѣ Каракорума, чувствуя себя почти хорошо, остановился, чтобы измѣрить высоту. Вотъ какимъ образомъ я и многіе другіе изъ нашего отряда провели это непріятное время на Каракарумскимъ плато.

Посреди всѣхъ этихъ крайне непріятныхъ симптомовъ болѣзни, меня очень забавляло сердитое ворчаніе одного отважнаго афганца, потерявшаго самообладаніе отъ страданій. Онъ присоединился къ намъ въ Кашмирѣ какъ погонщикъ муловъ и пришелъ ко мнѣ удрученный горестью, жалуясь на голову, на желудокъ, на члены и дѣйствительно недовольный всѣми и всѣмъ,—состояніе духа, извинительное при подобныхъ обстоятельствахъ. «Я всегда считалъ васъ народомъ несомнѣнно умнымъ, говорилъ онъ, но что могло привести васъ въ эту проклятую страну, въ которой не живутъ даже подлые бготы?»

—Послушайте! сказалъ я, вамъ нечего жаловаться, такъ какъ вы привыкли къ горамъ у себя на родинѣ, и здѣсь вамъ будетъ совсѣмъ хорошо.

—Вы правы, сударь, отвѣчалъ онъ; у насъ дома есть горы, и даже настоящія горы, съ деревьями, по милости Провидѣнія. Онѣ въ десять разъ выше этихъ жалкихъ кучъ хряща; но мы всходимъ на нихъ и спускаемся съ нихъ безъ всякаго труда и вреда.

—Хорошо, любезный другъ, отвѣчалъ я, тѣмъ болѣе причинъ, чтобы вы поднялись и спустились съ этихъ небольшихъ высотъ безъ всякихъ затрудненій.

—Я жалуюсь не на высоту, продолжалъ онъ, а на проклятый воздухъ здѣшняго мѣста. Всѣмъ извѣстно, что онъ отравленъ, и я прошу васъ только лекарства. Въ этихъ стклянкахъ (онъ указалъ на ящикъ съ медикаментами) должно быть что нибудь помогающее.

Я далъ ему соли, и посовѣтовалъ успокоиться; онъ пошелъ на свое мѣсто, говоря: «да! я приму это и дай Богъ, чтобы оно помогло мнѣ. Но этотъ *дамъ*, съ отравленнымъ воздухомъ поднимается всюду. Стоитъ сдѣлать десять шаговъ, и вамъ сдѣлается дурно; стоитъ вамъ привязать тутъ лошадь, она вырветъ колышекъ, вколоченный вами, и безъ чувствъ повалится на землю. Чего же ждать отъ такого мѣста? Развѣ Даулутъ Бегъ не умеръ здѣсь?»

У яркандцевъ есть обыкновеніе обозначать самыя дикія мѣстности занимаемой ими страны именами знатныхъ лицъ, погибшихъ въ этихъ мѣстахъ. Такъ напримѣръ кромѣ Даулутъ-Бегъ-Ульди мы встрѣчаемъ Рахманъ Ульди, Маріанъ Ульди, Куланъ Ульди и другіе.

Даулутъ Бегъ, давшій имя свое этому мѣсту, былъ Султанъ Саидъ Ханъ пріобрѣвшій почетный титулъ Газы.

Изъ интересной и чрезвычайно достовѣрной лѣтописи исторіи Кашгарскаго Моголъ Хана, я извлекаю слѣдующее краткое извѣ-

стіе объ этомъ Султанѣ Саидѣ, который, пройдя Сакрійскіе или Сазерскіе ледники, былъ на возвратномъ пути, перенесенъ въ бѣдственномъ положеніи черезъ Дапсангскую долину и умеръ на мѣстѣ, названнымъ царскимъ титуломъ Муголъ Хана. Этотъ титулъ, который и теперь еще носитъ настоящій кипчакскій правитель страны, нынѣ измѣненъ подъ персидскимъ вліяніемъ въ титулъ Бедолата. Исторія этого мѣста не лишена для насъ интереса уже потому, что на возвратномъ пути здѣсь погибъ одинъ изъ новѣйшихъ европейскихъ ученыхъ. Докторъ Ф. Столичка, переходя по Дапсангской долинѣ, не перенесъ вліянія высокаго мѣста, и въ Мургхи, на самомъ высокомъ пунктѣ, слишкомъ рано кончилъ жизнь, полную неоцѣненныхъ трудовъ на поприщѣ естественной исторіи и геологіи.

Когда Ваисъ Ханъ былъ убитъ гдѣ-то около Иссыкъ Куля, на верховьяхъ рѣки Чуи, во время дѣйствія противъ войскъ Мирзы Улухъ Бега самаркандскаго, онъ оставилъ послѣ себя двухъ малолѣтнихъ сыновей, по имени Юнусъ и Эшанъ Богкха. Они тотчасъ же сдѣлались непримиримыми соперниками на тронъ подъ вліяніемъ двухъ противныхъ партій дворянъ. Лица, принявшія сторону двѣнадцатилѣтняго Юнуса, увезли его къ Улухъ Бегу, чтобы пріобрѣсти его милость, но тотъ послалъ молодаго могольскаго принца, къ своему отцу Шахъ Руку въ Хератъ, гдѣ онъ былъ отданъ подъ надзоръ извѣстному ученому того времени—нѣкоему Шарифуддину Али Язди—чтобы получить образованіе. Онъ оставался тамъ двѣнадцать лѣтъ до смерти своего опекуна, и потомъ отправился жить въ Ширазъ въ Персію, гдѣ и пробылъ до призыва его на родину, еще черезъ двѣнадцать лѣтъ.

Эшанъ Богха, между тѣмъ, послѣ долгой анархіи, наконецъ былъ изгнанъ къ киргизамъ и калмыкамъ на сѣверо-восточныя окраины страны. Во время правленія его въ Кашгарѣ, онъ постоянно дѣлалъ набѣги на Ташкентскую и Ферганскую территоріи, такъ что Абу Саидъ Мирза вызвалъ Юнуса изъ ссылки и назначилъ его управлять государствомъ вмѣсто брата, съ цѣлью водворить порядокъ.

Юнусъ нашелъ въ странѣ многихъ соперничавшихъ между собою правителей, съ которыми онъ въ первое время не могъ сладить. Послѣ нѣсколькихъ стычекъ, однако, ему наконецъ удалось водвориться въ Ташкентѣ подъ покровительствомъ Самарканда, но съ весьма сомнительнымъ значеніемъ въ Кашгарѣ, находившемся въ рукахъ нѣсколькихъ соперничавшихъ между собою правителей.

По смерти своей Юнусъ оставилъ двухъ сыновей, по имени Махмудъ и Ахмедъ. Махмудъ наслѣдовалъ отцу своему въ Ташкентѣ, гдѣ онъ выросъ при его дворѣ, а Ахмедъ, отдѣлившись отъ отца, поселился на берегахъ Иссыкъ Куля предводителемъ кочующихъ киргизовъ, и своею безпощадною кровожадностью пріобрѣлъ историческое прозваніе «Убійцы».

Онъ сдѣлалъ неудачную попытку отнять Яркандъ отъ Абабакара, и потомъ отправился въ Ташкентъ, на помощь Махмуду сильно тѣснимому узбеками подъ начальствомъ Шахибега Хана или Шаибана. Но оба брата были разбиты и Ахмедъ, отступивъ къ Аксу, умеръ тамъ въ ту же зиму 1453—54 года, а Махмудъ отправился въ степи, надѣясь спасти кочевую орду. Тамъ онъ былъ побѣжденъ и, послѣ пяти лѣтъ перемѣннаго счастья вернулся съ своимъ семействомъ въ Ташкентъ просить покровительства Шаибана. Но Шаибанъ, считая его причиною всего бѣдствія, казнилъ его и все его семейство, утопивъ всѣхъ въ рѣкѣ.

Ахмедъ оставилъ семнадцать сыновей, изъ которыхъ Мансуръ былъ старшимъ, и вмѣстѣ съ Саидомъ, Кхалиломъ, Айманомъ и Бабаякомъ сильно вліялъ на событія страны, тогда какъ Чинъ Тимуръ, Босунъ Тимуръ, и Токхта Бока и другіе сыновья отправились къ Бабуру въ Индію и навсегда исчезли изъ своей родины.

Таково предисловіе къ исторіи жизни Султана Саида. Четырнадцати лѣтъ онъ сопровождалъ отца, когда тотъ ходилъ на помощь къ Махмуду. Въ битвѣ онъ былъ раненъ въ бедро и взятъ въ плѣнъ въ Акхси; но на слѣдующій годъ былъ освобожденъ и увезенъ Шахибегомъ въ Самаркандъ, какъ дворянинъ служащій при его дворѣ. Вскорѣ послѣ того, когда начальникъ узбековъ двинулся войною противъ Хивы, Саидъ бѣжалъ въ Муголистанъ и соединился съ своимъ дядей Махмудомъ, бывшимъ тогда въ Ятакандѣ. Отсюда ему удалось соединиться съ своимъ братомъ Кхалиломъ, правившимъ кочевыми киргизами, и онъ пробылъ съ нимъ четыре года. Въ этотъ періодъ времени Махмудъ съ одной стороны, а Мансуръ съ другой спорили изъ за власти въ степяхъ съ другими двумя братьями. Наконецъ Махмудъ бросилъ игру, и отправился въ Ташкентъ гдѣ подвергся вышеупомянутой участи. Мансуръ же, найдя поле свободнымъ, изгналъ младшихъ братьевъ изъ страны и поко-

рилъ киргизовъ своему владычеству, перенеся главный лагерь ихъ въ Ялишъ и Турфанъ.

Тутъ Калилъ и Саидъ отправились по слѣдамъ своего дяди, но прибыли въ Акхси только для того, чтобы услышать о его смерти, и самимъ попасть въ плѣнъ. Калилъ былъ казненъ Яни Бегомъ, дядею Шахибега, за попытку бѣжать. Вслѣдъ за этимъ Яни Бегъ былъ сброшенъ съ лошади и повредилъ себѣ голову. Въ эту минуту къ нему былъ приведенъ Саидъ, и онъ даровалъ ему свободу.

Саидъ тотчасъ же собралъ своихъ немногихъ приверженцевъ, дервишей, ученыхъ и купцовъ, и выступилъ съ ними изъ Андижана черезъ горы въ Каратегинъ и Бадакшанъ, гдѣ онъ просилъ пріюта въ маленькомъ фортѣ Зафаръ около теперешняго Панья, и былъ принятъ на столько гостепріимно, на сколько могъ его принять владѣтель форта Мирза Ханъ. Такъ какъ съ запада онъ былъ лишенъ плодородныхъ долинъ узбеками, съ востока въ горахъ тѣснимъ Абабакаромъ, то теперь онъ велъ одинокую жизнь посреди мѣстныхъ еретическихъ шіитовъ, борясь изъ за простыхъ потребностей жизни.

Послѣ остановки на восемь или десять дней, Саидъ и его пятнадцать товарищей выѣхали въ самомъ жалкомъ положеніи,— имѣя только по одѣялу, чтобы прикрыться,—въ Кабулъ, гдѣ по прибытіи были хорошо приняты и взяты на службу къ Бабуру. Тутъ онъ остался три года и по смерти Шахибега въ Мервѣ во время войны противъ шаха Измаила персидскаго, онъ сопровождалъ Бабура, пытавшагося спасти Самаркандъ.

Лишь только Бабуръ взялъ Кундузъ, онъ послалъ Саида съ нѣсколькими другими дворянами спасать Фергану, которая послѣ паденія Шахибега была взята Саидомъ Мухамедомъ Ханомъ, губернаторомъ, назначеннымъ Юнусомъ. По прибытіи туда въ 1510-мъ году онъ отнялъ власть отъ Саида Мухамеда. Послѣ пораженія и бѣгства Бабура изъ Самарканда, Саидъ все еще держался въ Ферганѣ, а весною слѣдующаго года выступилъ, чтобы посѣтить Казимъ Хана (сына Яни Бега), начальника кочующихъ киргизовъ, съ цѣлью заключить съ нимъ союзъ. Но попытка его была неудачна, и, воспользовавшись только позволеніемъ *in cumis* свободнаго кочевья по своимъ роднымъ степямъ, онъ вернулся въ Фергану выжидать событій. Въ это время, онъ отразилъ попытку Абабакара присоединить провинцію къ своимъ владѣніямъ. А когда черезъ два года возвратились узбеки и Ташкентъ попалъ во власть ихъ ордъ,

Саидъ выѣхалъ изъ Ферганы въ Муголистанъ, и въ то время какъ узбеки подъ предводительствомъ Суюнюка опустошали Андижанъ, онъ сдѣлалъ набѣгъ на Кашгаръ, гдѣ Абабакаръ не былъ любимъ за свой страшный деспотизмъ.

Саидъ изгналъ Абабакара изъ страны, и послѣ трехмѣсячнаго похода вступилъ на престолъ Ярканда въ 1513 г. Слѣдующей зимой онъ встрѣтилъ брата своего Мансура въ Аксу и, признавъ права его первородства, согласился раздѣлить съ нимъ страну, вслѣдствіе чего Мансуръ правилъ восточной половиной отъ Аксу до Кхамила или Камола, а Саидъ—западной половиной до Андижана.

На слѣдующую зиму Саидъ хотѣлъ попытать овладѣть Андижаномъ, но, прибывъ на границу и найдя, что задача эта не подъ силу его войску, онъ измѣнилъ свое намѣреніе, и ограничился охотою у истоковъ Нарына, а лѣтомъ вернулся къ себѣ въ столицу. Вслѣдъ за этимъ онъ обратилъ взоры на южную границу, и отправился въ походъ, чтобы обратить въ исламъ уйгуровъ занимавшихъ страну между Хотаномъ и Кхитою. Но его невоздержность разрушила всѣ его благочестивыя намѣренія, и онъ былъ привезенъ обратно изъ Хотана въ безсмысленномъ пьяномъ состояніи, а войско его бродило по странѣ язычниковъ цѣлые два мѣсяца, не встрѣтивъ ни одного жителя.

Послѣ того, въ 1518 г. онъ пошелъ походомъ въ Бадакшанъ, чтобы поддержать власть своего губернатора, котораго онъ послалъ править этой страной, какъ частью владѣній, завоеванныхъ имъ отъ Абабакара. Вернувшись оттуда лѣтомъ слѣдующаго года, онъ отправился въ Аксу на встрѣчу своему брату Мансуру, чтобы привести страну въ порядокъ послѣ раззоренія, какому она подверглась вслѣдствіе грабежей Абабакара. При этомъ онъ назначилъ Мансура губернаторомъ.

Въ 1523 г. онъ снова отправился походомъ въ Бадакшанъ, чтобы отнять страну отъ возвратившихся узбековъ, и найдя ее уже занятою однимъ изъ сыновей Бабура, замкнувшаго за собою всѣ проходы, онъ остался тамъ зимовать, а весною вернулся домой, присоединивъ «на вѣки» восточную половину страны къ Кашгару.

Тогда Саидъ вернулся въ Кашгаръ чтобы отдохнуть отъ трудовъ своихъ и въ этотъ промежутокъ, въ 1527 г., послалъ Рашида и Хидара на *газу* противъ *кафиристанъ* Болора между Бадакшаномъ и Кашмиромъ. Войска повидимому нашли, что дикіе невѣрные

были гораздо сильнѣе ихъ и возвратились ничего не достигнувъ. Мирза Хидаръ сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о ихъ обычаяхъ и странѣ, вынесенныя имъ изъ этого похода.

Возвратясь изъ этой экспедиціи, Рашидъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Аксу, а шесть мѣсяцевъ спустя Саидъ отправился въ походъ противъ Тибета, о чемъ я прежде уже упоминалъ.

Его біографъ (Хидаръ) говоритъ, что онъ былъ кроткій и справедливый князь, и въ послѣдніе годы своего царствованія велъ строго благочестивую жизнь.

Изъ Даулатъ Бегъ Ульди мы прошли въ Брангтза, отстоящую на двадцать двѣ мили. Дорога идетъ къ сѣверо-западу вверхъ по теченію рѣки, у которой мы остановились, и тянется вдоль подножія Каракорумскаго хребта, по песчаной почвѣ до прохода, куда мы пришли часа въ три. Подъемъ очень хорошъ за исключеніемъ самаго прохода, гдѣ онъ вдругъ становится крутымъ по обѣ стороны. У подножія прохода по сю сторону находится источникъ, текущій поперегъ долины, между двумя притоками Шайока — восточнымъ, орошающимъ равнину Даулатъ Бегъ, и западнымъ, соединяющимъ два ледника, пройденные нами наканунѣ, по выходѣ изъ Гіаптана.

Высота прохода доходитъ до 18,300 футовъ, и сильно вліяла на нашихъ людей и лошадей. Многіе изъ людей свалились съ лошадей отъ головокруженія, а нѣкоторые даже попадали въ обморокъ. Мой слуга былъ въ обморокѣ три раза, а госпитальнаго прислужника привезли въ безчувственномъ состояніи; но всѣ оправились, спустившись на болѣе низкое мѣсто по другую сторону прохода. Двѣ изъ нашихъ вьючныхъ лошадей околѣли во время перехода, а двѣ другія вскорѣ по прибытіи въ лагерь. Прежде чѣмъ выйти изъ Леха, весь грузъ былъ свѣшанъ и раздѣленъ на равныя части, по 160 фунтовъ на каждое животное; этотъ вѣсъ былъ благоразумно начначенъ предѣломъ груза; верховые же ѣхали на другихъ лошадяхъ.

Даже при такомъ легкомъ грузѣ наши нанятыя лошади медленно двигались и скоро уставали; мулы же, хотя и шли не навьюченные, но сильно страдали отъ холода и возвышенности мѣста. Моя собственная лошадь, сильный кабульскій клеперъ, хотя шла, не будучи понукаема, но выражала знаки сильнаго безпокойства. Все тѣло ея тряслось подо мной отъ сильнаго біенія сердца, и она такъ

шаталась изъ стороны въ сторону, что близъ самой вершины я долженъ былъ сойти изъ боязни, чтобы она не упала и не убила меня.

По другую сторону прохода мы спустились по рыхлому высыхающему рву, такому же какъ на южной сторонѣ, и остановились на станціи Брангтза—кучка каменныхъ оградъ и хижинъ, находящихся по другую сторону Сазерскаго прохода. Земля вездѣ была покрыта скелетами животныхъ и брошеннымъ грузомъ, а далѣе по дорогѣ намъ попались два человѣческіе трупа. Голова одного изъ нихъ была принесена мнѣ, но я нашелъ, что она слишкомъ свѣжа, чтобы сохранять ее.

Каракорумскій хребетъ можно назвать здѣсь настоящимъ водораздѣломъ между притоками Тарима на сѣверѣ и Инда на югѣ; съ него спускаются на плоскія открытыя равнины одинаково возвышенныя и вполнѣ безплодныя.

Палатки наши прибыли только къ 6 часамъ и были поставлены нашими неоцѣненными бготами-носильщиками во время сильнаго снѣга, который началъ падать вскорѣ послѣ нашего прихода.

На слѣдующій день мы пришли въ Актагъ, оставивъ за собою двадцать пять миль. Дорога спускается по широкому ложу рѣки Актагъ, боковому притоку, или лучше сказать, одному изъ истоковъ рѣки Яркандъ. Она омываетъ долину между двумя горными хребтами, а въ Актагѣ, небольшой станціи у подножія горы изъ бѣлой глины, сливается въ одинъ потокъ

Въ 9 часовъ утра, когда пересталъ снѣгъ, мы отправились далѣе и нашли, что всѣ неровности страны, всѣ нагорныя долины, въ такомъ привлекательномъ видѣ показавшіеся намъ на обратномъ пути, были совершенно закрыты подъ ярко блестящимъ слоемъ только что выпавшаго снѣга. На половинѣ дороги мы остановились завтракать на станціи Вахабилга, гдѣ были приготовлены для насъ припасы на тотъ случай, если бы мы тутъ остались. Но вслѣдствіе суровой погоды было рѣшено идти далѣе и какъ можно скорѣе выйти изъ этой негостепріимной мѣстности, такъ что, пока мы отдыхали подъ кровлей станціи, обнесенной стѣною, вещи наши уже были отправлены далѣе на слѣдующую станцію.

Въ Вахабилгѣ рѣка идетъ по узкому ущелью въ сланцевыхъ утесахъ и потомъ снова течетъ по широкому мелкому руслу какъ и до ущелья. Тутъ мы нашли много «чернорогихъ жаворонковъ» отъискивающихъ пріютъ въ стѣнахъ, и спугнули зайца, спрятавша-

гося за однимъ изъ безчисленныхъ камней; нѣсколько далѣе, м-ръ Джонсонъ застрѣлилъ антилопу, прогуливавшуюся около нашей колонны.

Близъ слѣдующей станціи мы были встрѣчены нашими товарищами изъ опередившей насъ партіи, прибывшей сюда, чтобы соединиться съ посланникомъ. Капитанъ Биддельфъ изъ этой партіи отправился изслѣдовать истоки рѣки Каракашъ, прежде чѣмъ соединиться съ нами въ Шахидуллѣ.

Капитанъ Троттеръ и докторъ Столичка такъ измѣнились въ своихъ дорожныхъ одѣялахъ, что мы съ перваго взгляда не могли ихъ узнать, а такъ какъ мы еще не ждали ихъ, то затруднялись угадать, кто такіе могли быть два всадника, показавшіеся изъ за скалистаго берега, и такъ смѣло скакавшіе къ намъ, пока голоса ихъ, кричавшіе намъ привѣтствія, не заставили насъ ихъ узнать. Это приключеніе послужило поводомъ къ сринагарскимъ сплетнямъ, что будто бы на этомъ самомъ мѣстѣ на насъ напали канджудскіе бандиты, которые потребовали отъ насъ выкупъ въ такую сумму, на какую можно было бы купить всю ихъ страну.

Нашъ нарядъ должно быть показался не менѣе страннымъ нашимъ пріятелямъ, иначе они не обратились бы къ нашему сержанту съ вопросомъ на индусскомъ языкѣ, на что тотъ отвѣтилъ: «я не туземецъ, сэръ; всѣ туземцы ѣдутъ дальше».

Насъ радостно встрѣтили, и мы въ свою очередь были рады, что достойный товарищъ нашъ и другъ, впослѣдствіи оплакиваемый, оправился отъ своихъ страшныхъ страданій на Дапсангскихъ высотахъ. Мы сравнили наши замѣтки и поздравили другъ друга съ бодрымъ видомъ и румянцемъ на щекахъ; неестественно свѣжій цвѣтъ лица, смѣшанный съ темнымъ отливомъ, вовсе не похожій на здоровый румянецъ, былъ мнѣ совершенно понятенъ и ясно говорилъ о вліяніи холода и рѣдкаго воздуха. Высота въ Актахѣ равнялась 14,450 футамъ, а минимумъ термометра помѣщеннаго на открытомъ воздухѣ, показывалъ, какъ сообщилъ мнѣ капитанъ Троттеръ, температуру въ 24° по Ф. ниже нуля, или 56 градусовъ мороза. А другой минимумъ термометра, поставленнаго подъ крышей въ палаткѣ, показывалъ въ ночь нашего прибытія, 9, а на слѣдующую ночь 15° по Ф. ниже нуля.

Въ этомъ мѣстѣ, въ то время какъ мы стояли у костра, у ногъ появился барахтавшійся полевой коростель, пытавшійся доскакать

до горячей золы, жаръ отъ которой вызвалъ его изъ подъ сосѣднихъ камней. Несчастный маленькій путешественникъ, пойманный докторомъ Столичкой у самаго края огня, и спасенный отъ самоубійства въ этой пустынѣ, вмѣстѣ съ другими экземплярами естественно-исторической коллекціи нашего посольства украсилъ полки Калькутскаго музея.

Мы на одинъ день остановились въ Актахѣ съ небольшимъ отрядомъ, намѣреваясь двѣ слѣдующія станціи проѣхать безъ остановки, въ то время какъ багажъ нашъ и главный лагерь двигался обыкновеннымъ шагомъ. Предсказанные канджуды вопреки сринагарскимъ сплетнямъ, не только не безпокоили насъ, но объ нихъ даже нигдѣ не было слышно въ окрестностяхъ. На слѣдующій день мы продолжали путь нашъ и нашли смѣнныхъ лошадей въ лагерѣ Чибра, куда утромъ прибылъ нашъ багажъ, оставивъ на дорогѣ нѣсколько заболѣвшихъ лошадей. Мы остановились тутъ завтракать на небольшой каменистой площадкѣ, неровная поверхность которой была въ изобиліи покрыта скелетами и трупами.

Высота тутъ доходитъ до 16,610 футовъ, и мѣсто это—одно изъ самыхъ негостепріимныхъ среди громадной пустынной равнины. Весь путь изъ Актаха отмѣченъ на каждомъ шагу остатками павшихъ лошадей, и вслѣдствіе холода и *дама*, его можно было назвать нашимъ самымъ утомительнымъ путемъ. Я благословлялъ здравый смыслъ нашего посланника, спасшаго насъ отъ бѣдственной ночи въ этомъ несчастномъ мѣстѣ.

Пройдя немного за Чибру мы снова вступили въ снѣгъ — оставили мы его за собою на полъ пути между Вахабилга и Актахомъ— и пройдя довольно отлогій ровъ, легко поднялись къ хребту Сугатъ Давана или «Ивоваго прохода» хотя тутъ нѣтъ ни кустика ивы на цѣлую милю кругомъ. Высота на этомъ проходѣ равняется 17,500 футамъ. По дорогѣ я нашелъ бекаса на снѣгу, а во рву по другую сторону другаго; они замерзли какъ каменные въ сидячемъ положеніи и замершая въ глазахъ влага походила на жемчугъ. Спускъ былъ крутой и шелъ сначала по глубокому снѣгу, а потомъ по обломкамъ аспида, въ ущелье, извивающееся между скалами изъ горнаго шифера. Отсюда проходъ шелъ чрезъ высокія гранитные валы, и, пересѣкая откосъ горы изъ сланца пепельно-сѣраго цвѣта, приводилъ къ берегу рѣки Сугатъ, гдѣ мы стали лагеремъ въ

ивовыхъ кустарникахъ миль на тридцать выше соединенія рѣки Сугатъ съ рѣкою Каракалъ.

Тутъ одно смѣшное обстоятельство въ первый разъ познакомило меня съ нашими яркандскими союзниками, которыхъ мы узнали такъ хорошо во время пребыванія нашего въ странѣ. Я замѣшкался въ проходѣ съ своими инструментами и отсталъ отъ отряда мили на три. Въ потьмахъ я сбился съ дороги и попалъ между валунами рѣки. Лошадь моя споткнулась объ одинъ изъ нихъ и носомъ ударилась о другой, такъ что я сошелъ съ нее и груму своему приказалъ сдѣлать тоже самое, и идти пѣшкомъ.

Между тѣмъ я сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ одинъ за другимъ, чтобы вызвать отвѣтные выстрѣлы изъ лагеря, но все было безполезно, вслѣдствіе страшнаго шума потока. Наконецъ посланный мой вернулся, не найдя дороги, и объявилъ, что видѣлъ лагерный огонь не много далѣе по рѣкѣ. Мы тотчасъ же отправились туда, и послѣ весьма медленнаго пути между валунами очутились рядомъ съ нимъ по другую сторону рѣки. Бѣлые круглые валуны то блестѣли обманчивымъ блескомъ въ окружающей темнотѣ, то казались совершенно подъ ногами, и даже ниже въ ямѣ въ два, въ три фута, то опять виднѣлись точно вдали, или же вдругъ являлись у самаго подбородка. Мелькавшее пламя освѣщало висѣвшую надъ нимъ скалу, но не было видно ни палатки, ни человѣка, и всѣ мои выстрѣлы не вызвали отвѣта. Такимъ образомъ мы опять двинулись по утомительному пути, спотыкаясь то тамъ, то сямъ пока наконецъ не добрели до луговаго берега. По этому берегу мы отыскали дорогу и весело пошли между камышами и кустарникомъ, какъ неожиданно четыре всадника показались впереди и быстро подъѣхали къ намъ въ узкомъ проходѣ.

«Не видѣли ли вы нашего лагеря, тамъ впереди? И туда ли ведетъ эта дорога?» спросилъ я по индусски, въ надеждѣ, что это кто нибудь изъ нашего отряда, посланные отыскивать затерявшійся багажъ. Въ отвѣтъ мнѣ они что то быстро всѣ заразъ пробормотали по тюркски. Изъ этого отвѣта я не понялъ ничего, но только поймалъ слова «Докторъ сахибъ» и тотчасъ же отвѣтилъ «я и есть докторъ сахибъ; покажите мнѣ дорогу въ лагерь».

Они стали держать между собою совѣтъ, который я прерывалъ и по индусски, и по персидски увѣряя ихъ въ томъ, что я и есть тотъ,

котораго они ищутъ, но все напрасно; они ударили своихъ лошадей и поѣхали, бормоча на какомъ то непонятномъ языкѣ.

Встрѣча съ этими незнакомцами ни на волосъ не пояснила мнѣ гдѣ находится нашъ лагерь, и я, видя, что они уѣзжаютъ отъ предмета своихъ поисковъ, собралъ все, что могъ припомнить по тюркски и прокричалъ имъ въ слѣдъ. Слова эти имѣли магическое дѣйствіе; наѣздники тотчасъ же вернулись, соскочили съ своихъ лошадей, подвели мнѣ лошадь, приведенную для меня, и извинились, что не узнали меня въ темнотѣ.

Когда запасъ мой тюркскаго языка изсякъ, я снова принялся за персидскій, и нашелъ, что двое изъ нихъ хорошо его понимали, хотя моя смѣсь языковъ сначала совершенно спутала ихъ. Тутъ они достали факелъ, чтобы освѣтить путь, но не могли зажечъ его отъ своего трута, такъ что я помогъ имъ спичкой. Это заставило ихъ убѣдиться, что они нашли дѣйствительно, «Доктора сахиба», въ чемъ они сомнѣвались, видя на мнѣ тюрбанъ, и мы, сѣвъ на нашихъ лошадей, сново пустились въ путь. Дорогой я узналъ, что они пріѣхали изъ Шахидулла, чтобы отъ имени Аталика Гази привѣтствовать посланника на яркандской территоріи, и послѣ засвидѣтельствованія своего почтенія по прибытіи въ лагерь, они были имъ посланы отъискивать меня. Подъ ихъ руководствомъ я вскорѣ очутился въ столовой палаткѣ посреди нашего общества, гдѣ посланникъ согласно этикету представилъ меня юсбаши Зарифу и юсбаши Бахауддину. Ибрахимъ ханъ высланный впередъ изъ Индіи, соединился тутъ съ нашимъ отрядомъ, чтобы явиться посланнику и отдать ему отчетъ. Лагерь не снялся и на слѣдующей день (16-го октября), а затѣмъ на утро отправился въ Шахидулла, гдѣ капитанъ Троттеръ, докторъ Столичка и я догнали его 18-го октября вмѣстѣ съ капитаномъ Биддельфомъ, котораго встрѣтили въ Каракорумской долинѣ. Вышина въ Шахидулла равняется 11,200 футамъ.

Нефритовыя копи у подножія Куэнлуньскаго хребта, образующаго здѣсь правый или сѣверный берегъ рѣки Каракашъ, находятся миль на двѣнадцать отъ Шахидулла, выше по рѣкѣ. Ломки тянутся на нѣсколькихъ небольшихъ буграхъ или холмахъ, выступающихъ у подножія высокаго хребта гнейсовыхъ утесовъ, и всѣ производятся не шахтами. Бугры покрыты мелкими обломками камня, подъ которыми и скрываются скалистыя горы, содержащія драгоцѣнный минералъ, находимый въ видѣ жилъ различной толщины, цвѣта

и качества. Ломки видны по кучамъ выброшеннымъ около нихъ, и производятся самымъ первобытнымъ способомъ. Онѣ были брошены со времени низверженія китайскаго владычества надъ Кашгаромъ въ 1863 году.

Въ Баликчи мы наткнулись на стадо изъ шести *кіанговъ* или *кулановъ* (дикихъ лошадей), пасшихся на противуположномъ берегу рѣки, которую мы перешли съ тѣмъ, чтобы поймать ихъ, но онѣ убѣжали, прежде чѣмъ мы успѣли перейти. Въ Каракорумской долинѣ обиліе пастбищъ и кустарниковъ и естественная растительность походятъ на растительность Нубры, но эта долина не обработана, и населяется одними только кочевыми киргизами во времена удобныя для пастбищъ. Рѣки ея значительны, но по камнямъ ихъ можно перейти въ бродъ въ разныхъ мѣстахъ въ это время года.

ГЛАВА VI.

Посѣщеніе раки. — Отъѣздъ изъ Шахидулла. — Путь внизъ по Каракашской долинѣ. — Рѣка Абабакара. — Приближеніе къ проходу Санджу. — Внезапная вьюга. — Паденіе лавины. — Прибытіе въ Санджу.

Посланникъ остановился на нѣсколько дней въ Шахидулла, выжидать прибытія Саидъ Якубъ Хана, который спѣшилъ съ своей свитой черезъ Кашмиръ, чтобы догнать насъ, такъ какъ для него было чрезвычайно важно, чтобы мы въѣхали въ страну вмѣстѣ съ ними.

Между тѣмъ два юзбаша и Мирза Якубъ, послѣдній исправлявшій должность *умара* или «коменданта» при дворѣ Аталыка Гхази, посланные сюда яркандскимъ дадхвахомъ, чтобы встрѣтить и привѣтствовать насъ, чрезвычайно любезно исполнили свою обязанность и выказали такое гостепріимство, какое только можно было ожидать въ этой отдаленной и ненаселенной мѣстности. Національное учрежденіе *дастуржхванъ* или «подносъ церемоніи» (метафорически «скатерть», но только всегда посланная на землѣ) было конечно самымъ важнымъ выраженіемъ привѣтствія; присланные къ намъ туземцы всякій разъ передъ полдневною молитвою являлись въ палатку посланника съ ихъ аттрибутами церемоніи и приглашали насъ раздѣлить приготовленное угощеніе.

Мы, съ своей стороны, цѣня дружеское вниманіе, отвѣчали имъ тою же любезностью, весьма естественною при восхитительномъ запахѣ дынь и пріятномъ видѣ ячменнаго сахара «козаки», съ русскими надписями на оберткѣ, не обращая даже вниманія на непривлекательность устарѣвшихъ подносовъ и плохо приготовленныхъ яствъ.

Передніе подносы были обыкновенные наши чайные подносы: своимъ испорченнымъ лакомъ и множествомъ царапинъ они свидѣтельствовали о продолжительной и тяжкой службѣ во время часто повторяемыхъ пріемовъ; на заднихъ же лежали фрукты и сласти, которые, судя по виду, были сильно попорчены, переходя поперемѣнно изъ вьюка на подносъ, и изъ подноса въ вьюкъ, и не могли соблазнить даже голоднаго гостя. Того же вида были орѣхи и фисташки, грязныя грядныя ягоды черносливъ и изюмъ, и, какъ исключеніе, тутъ же лежалъ мелкій зеленый виноградъ безъ косточекъ и сладкій миндаль. Мало отличались свѣжестью и различныя сахарныя яства домашняго приготовленія — завитые «собачьи хвосты», ноздреватые «сахарные пузыри», миндаль въ сахарѣ и т. п., вынесшія дальній путь для того, чтобы фигурировать здѣсь передъ нами, тогда какъ сахарныя конфекты стояли между ними въ хорошенькихъ деревянныхъ ящичкахъ, какъ бы гордясь своими русскими этикетами и надписями.

Вокругъ этихъ лакомствъ мы ежедневно садились на коверъ и, вмѣстѣ съ *бизмиллахомъ*, хвалили дыни, но къ прочимъ предложеннымъ яствамъ относились очень осторожно, пока наконецъ *аллахъ акбаръ* не освобождалъ насъ отъ риска разстроить желудки.

Разговаривая съ туземцами во время этихъ ежедневныхъ пріемовъ, мы убѣдились, что наши андижанскіе и коканскіе хозяева совершенно не знали своей страны, и менѣе насъ были знакомы съ ея топографіей и населеніемъ. А смѣлость, съ какой они ѣздятъ въ одиночку, вдвоемъ или втроемъ по ней, доказываетъ, что они крѣпко владѣютъ ею, и что имя ихъ государя внушаетъ необыкновенный страхъ на тихое и беззащитное сельское населеніе.

Шахидулла Кхойя, которая и дала свое названіе мѣстности, есть священная могила на вершинѣ обрыва, спускающагося въ узкій бассейнъ, образуемый соединеніемъ рѣкъ Сугатъ и Киргизъ — съ рѣкою Каракашъ у того мѣста, гдѣ она огибаетъ западный конецъ Куэнлуньскаго хребта. Это ничто иное, какъ куча камней и роговъ дикихъ барановъ и антилопъ, сложенныхъ надъ могилою какого нибудь бѣглаго Кхоія изъ Ярканда, убитаго китайскими воинами во время покоренія ими страны, около ста лѣтъ тому назадъ. Хотя имя его неизвѣстно, но память о немъ почитается мѣстными кочующими киргизами.

Мусульманскіе путешественники, проѣзжая по этой дорогѣ, поднимаются на вершину обрыва, чтобы прочесть молитву надъ могилой и попросить безъимяннаго мученника — исходатайствовать покровительство Бога на ихъ дальнѣйшій путь. Видъ этой могилы, совершенно похожей на могилы ихъ родины, привелъ въ такой восторгъ нашихъ проводниковъ, не видавшихъ столь близкаго сердцу ихъ предмета, съ тѣхъ поръ, какъ они оставили родину свою на границѣ Пешавара, что всѣ они поднялись, чтобы совершить свой *зіаратъ*, вовсе не вѣдая о комъ они молятся, или какимъ образомъ похороненный Кхоія освятилъ это пустынное мѣсто въ горахъ своей мученическою кровью. Имъ было достаточно знать, что указанное мѣсто хранитъ бренные остатки «жертвы за вѣру», и они, не задумываясь, шли исполнить свой благочестивый долгъ.

На каменистомъ берегу подъ этимъ обрывомъ находится небольшой фортъ, названный тѣмъ же именемъ и сооруженный для защиты мѣстности отъ набѣговъ Ладакскимъ визиремъ Кашмирскаго хана во время безпорядковъ, раздиравшихъ Кашгаръ. Послѣ сверженія тамъ китайскаго владычества, фортъ этотъ былъ занятъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ небольшимъ отрядомъ кашмирскихъ войскъ, когда наконецъ, послѣ водворенія Аталыка Гразы, онъ былъ покинутъ и занятъ новыми правителями страны. Теперь въ немъ помѣщается гарнизонъ человѣкъ въ двадцать пять для охраны дороги, для надзора за сосѣдними киргизами и для перевозки продовольствія изъ Санджу

На этой границѣ Кашгара считается около трехсотъ киргизовъ разсѣянныхъ въ различныхъ ущельяхъ и ложбинахъ, между рѣкою Какіарою съ запада и р. Саригхіарою съ востока. Они имѣютъ нѣсколько верблюдовъ и лошадей, но главное ихъ богатство заключается въ якахъ или *кутасахъ*, какъ они ихъ называютъ, которыхъ они употребляютъ для перевозки каравановъ по проходамъ Санджу даванъ, Киліанъ даванъ и Джанги даванъ, болѣе или менѣе недоступнымъ для обыкновенныхъ лошадей.

Мы насмотрѣлись на этихъ свободныхъ и независимыхъ гражданъ въ продолженіи пребыванія нашего въ Шахидулла, и тутъ въ первый разъ получили понятіе о ихъ *акоэ* или «бѣломъ домѣ» — кибиткахъ вовсе не того цвѣта, какъ обозначаетъ ихъ названіе. Это такія переломанныя и изношенныя кибитки, какія только можно было ожидать въ такомъ суровомъ мѣстѣ и въ такое время года. Жители и насъ снабжали провизіей сколько намъ требовалось, но повсюду замѣтна была крайняя бѣдность страны; и если мы все время пути нашего

не нуждались въ продовольствіи, то очевидно, что для доставки его кашмирскія власти принимали невѣроятныя усилія. Во время нашего пути мы уже слышали о восьми стахъ вьючныхъ лошадяхъ, ожидавшихъ насъ въ Шахидулла, и о важныхъ сановникахъ, которые прибудутъ для встрѣчи насъ съ разными роскошными подарками. Ожиданія наши превзошли дѣйствительность, хотя пріемъ, не смотря на простоту свою, былъ тѣмъ не менѣе дружественный и мы съумѣли оцѣнить его.

21-го октября. Вслѣдствіе скудости провизіи, часть нашего отряда, подъ начальствомъ полковника Гордона, въ сопровожденіи капитановъ Бидделфа и Троттера и доктора Столичка, отправилась въ Санджу подъ предводительствомъ юзбашей Бахауддина и Рази Баи, начальниковъ здѣшнихъ киргизовъ; а на слѣдующій день, прибылъ въ лагерь съ множествомъ лошадей Мухамедъ Аминъ, одинъ изъ служителей Саидъ Якубъ хана, сопровождавшихъ его въ Индію, и возвратившійся оттуда въ Кашгаръ въ теченіи лѣта. Онъ подтвердилъ свѣдѣніе, полученное нами еще ранѣе, о постройкѣ помѣщенія подъ квартиры посольства, какъ въ Каргалыкѣ, такъ и въ Яркандѣ.

Въ концѣ слѣдующаго дня самъ Саидъ Якубъ ханъ—или Хаджи Тора, какъ называетъ его народъ—прибылъ въ лагерь и былъ принятъ посланникомъ, въ свитѣ котораго находился капитанъ Чазпманъ. Въ этотъ вечеръ онъ обѣдалъ съ нами, и былъ помѣщенъ въ одну изъ нашихъ палатокъ, такъ какъ его палатка еще не прибыла. Это довольно образованный уроженецъ Ташкента, который во время четырехлѣтняго пребыванія своего въ столицѣ Турціи пріобрѣлъ болѣе широкіе взгляды на цивилизацію Европы, чѣмъ какими обладаетъ большинство его соотечественниковъ въ центральной Азіи; кромѣ того, изъятый повидимому отъ предразсудковъ, онъ рѣзко отличался отъ своихъ сородичей и единовѣрцевъ.

Онъ выѣхалъ изъ Константинополя 14-го августа черезъ Египетъ, Бомбей, Лагоръ и Мюри, и проѣхалъ это растояніе до границы своей родины въ семдесять дней, включая и остановки. Онъ самъ удивлялся, что могъ совершить такой подвигъ, посредствомъ способовъ передвиженія, принятыхъ въ цивилизованныхъ странахъ, и съ благодарностью разсказывалъ о любезности британскаго правительства, объ услугахъ кашмирскаго и о вниманіи капитана Моллоя, сопровождавшаго его до Нубры для того, чтобы ускорить переѣздъ его

черезъ горы. Затѣмъ онъ крайне сожалѣлъ о бѣдности и варварствѣ страны, по которой ему придется сопровождать насъ, и просилъ насъ терпѣливо отнестись къ всѣмъ неудобствамъ, какія мы встрѣтимъ на пути.

Онъ сдѣлалъ намъ нѣсколько полезныхъ указаній, которыя посланникъ тотчасъ же принялъ къ свѣдѣнію, и которыя принесли громаднѣйшую пользу нашему отряду и послужили къ чести британскаго имени. Въ свитѣ его было нѣсколько европейскихъ турокъ, въ томъ числѣ, четыре офицера военной службы и одинъ гражданскій чиновникъ.

На слѣдующее утро, 24 октября, мы распрощались съ нашими добрыми пріятелями м-ромъ У. Джонсономъ, губернаторомъ Ладака и Мехтомъ Шеръ Сингомъ, губернаторомъ Исламабада, посланными магараджей проводить отрядъ нашъ до границы. Какъ они исполнили свое порученіе, мы разскажемъ это на слѣдующихъ страницахъ, а какъ оцѣнило ихъ услуги индійское правительство, предоставляемъ имъ самимъ судить о томъ. Намъ остается только искренно благодарить за оказанныя намъ услуги и за постоянныя попеченія, облегчавшія намъ путь черезъ высочайшія и самыя неудобовсходимыя горы въ мірѣ, и за то, что они даже въ пустынѣ исполняли наши малѣйшія желанія. Здѣсь же мы разстались съ частью отряда бготскихъ кули, которые, услужливымъ исполненіемъ своихъ обязанностей и кротостью, сдѣлались почти товарищами нашихъ спутниковъ. Изъ всего отряда мы оставили человѣкъ сорокъ или пятдесятъ, чтобы помочь спуститься намъ на ту сторону долины. До сихъ поръ мы берегли нашъ обозъ, а теперь онъ былъ употребленъ въ дѣло въ такомъ хорошемъ состояніи, какого нельзя было бы ожидать если бы мулы и погоньщики не несли тяжестей на всемъ пути отъ Леха.

Чтобы дать понятіе о томъ, какого рода была помощь кашмирскихъ властей при переѣздѣ нашего посольства отъ Мюри до Шахидулла, я упомяну здѣсь только число лошадей и носильщиковъ, выставленныхъ для насъ мѣстными властями. Всего было выставлено 1621 лошадей и упряжныхъ быковъ и 6,476 кули, изъ которыхъ 1236 было крѣпкихъ носильщиковъ. Эти люди и лошади, разставленные на различныхъ станціяхъ, стояли тутъ два мѣсяца, ожидая прибытія изъ Мюри и проѣзда Хаджи Тора и его свиты. Круглымъ числомъ на каждую станцію отъ Мюри до Сринагара полагалось по

сорока двѣ лошади и по девяноста два человѣка, отъ Сринагара до Леха по 54 лошади и 324 человѣка, до Мюри по 135 и 140 и до Шахидулла по 145 и 140.

Нашъ отрядъ шелъ впереди. Мы выступили изъ Шахидулла не задолго до полудня вмѣстѣ съ Хаджи Тора и его свитой, и къ вечеру прошли четырнадцать миль до Пиллатагхахъ. Дорога шла вдоль рѣки Каракашъ по узкому, извилистому ущелью, имѣющему шероховатое и каменистое дно, и черезъ цѣлый рядъ овраговъ, прерывающихъ лѣвый берегъ, поросшій мелкими кустами.

Здѣсь мы убѣдились, что ни кашмирскіе, ни бготскіе кули не ходятъ этою дорогою и не поддерживаютъ ее, такъ какъ, по прибытіи въ лагерь, нашимъ кузнецамъ пришлось почти всѣмъ лошадямъ поставить новыя подковы, вмѣсто потерянныхъ по дорогѣ. Въ теченіи трехъ часовъ мы переправлялись черезъ Тохра Су, называемую тоже «Прямою Рѣкою», и текущую влѣво отъ дороги. Лѣтомъ переходъ этотъ вообще очень труденъ, вслѣдствіе массы воды, скатывающейся съ находящихся на верху снѣговъ, иногда же путь этотъ вовсе непроходимъ. Тутъ естъ другая дорога вверхъ по рѣкѣ близь прохода Куликъ, лежащаго на разстояніи трехъ дней пути отсюда. По трудности его сравниваютъ съ перевалами Киліана и Санджу на томъ же хребтѣ, и переправляются черезъ него на быкахъ, которыхъ доставляютъ сосѣдніе киргизы. По ту сторону проходъ соединяется съ дорогой отъ Киліана до Ярканда.

Отойдя на часъ за Тохра-Су, мы пришли къ Корхану или «форту». Это—одинокая грязная хижина, обнесенная стѣнами съ бойницами и стоящая около дороги подъ прикрытіемъ обвалившагося утеса, близь соединенія рѣки Киліанъ съ Каракашемъ, и на верху которой находятся слѣды древняго замка. По одну сторону дороги виднѣются поля, засѣянныя хлѣбомъ. Нѣсколько далѣе мы перебрались черезъ Киліанъ-Су, спускающую слѣва въ глубокую ложбину, по которой идетъ лѣтній путь въ Яркандъ. Проходъ Киліанъ мы перешли на третій день, и по другую сторону его наткнулись на Китай-Тамъ—бывшій китайскій передовой постъ, находящійся въ началѣ долины, спускающейся къ Киліану. Въ немъ находится пятдесятъ домовъ вакхи, которые первоначально пришли изъ Памира и Вохана и, какъ говорятъ, поселились тутъ сорокъ лѣтъ тому назадъ. Они мусульмане шіиты, говорятъ на своемъ особенномъ нарѣчіи и по персидски и не знаются съ киргизами.

Еще черезъ часъ мы дошли до мѣста нашего лагеря, разбитаго посреди разбросанныхъ по берегу кустарниковъ. По дорогѣ намъ случилось спугнуть маленькаго зайца, какъ намъ сначала показалось, но поймавъ его, мы увидѣли, что это просто крыса изъ породы *lycomis*.

Слѣдующій переходъ нашъ былъ въ Каракорумъ, лежащій за десять миль. На полтора часа пути отъ лагеря мы подошли къ извилинѣ рѣки, огибающей здѣсь утесъ, и должны были перейти ее взадъ и впередъ, чтобы добраться до дороги. Переходъ былъ труденъ, такъ что многія лошади падали подъ тяжестью вьюковъ. Для спасенія ихъ отъ гибели въ водѣ, потребовалось не мало усилій. Рѣка имѣетъ быстрое теченіе по неровному каменистому ложу, и кромѣ того, почти всегда покрыта небольшими льдинами, что еще болѣе мѣшало нашимъ лошадямъ удерживаться на ногахъ, и нерѣдко опрокидывало ихъ. Нашимъ погоньщикамъ и бготскимъ кули также не легко было предохранять грузъ свой отъ подмочки.

Лѣтомъ переходъ этотъ часто непроходимъ, вслѣдствіе разлива водъ. Тогда несчастнымъ кули приходится переносить тяжести черезъ утесъ, а лошадей переправляютъ далеко въ обходъ, такъ какъ дорога для нихъ здѣсь слишкомъ крута и неудобна. На милю ниже дорога отходитъ отъ Каракашской долины, и огибаетъ слѣва узкую ложбину тотъ часъ за мазаромъ мирзы Абабакара.

Это небольшая кучка скромныхъ киргизскихъ могилъ, окружающихъ болѣе богатыя могилы, точно также устроенныя изъ глины и камней. *Мазаръ*, или могила, убрана бараньими рогами и бычачьими хвостами, привѣшанными на шесты, и киргизы ей поклоняются въ память князя, погибшаго изгнанникомъ среди ихъ кочевьевъ.

Въ Мазарѣ дорога покидаетъ Каракашскую долину и поворачиваетъ влѣво по извилистому ущелью, которое извивается съ сѣвера вмѣстѣ съ протоками холмовъ къ южнымъ скатамъ Санджу Давана. Дорога эта оказалась очень крутой, узкой, неровной и трудно проходимой, вслѣдствіе постоянно пересѣкающихъ ее потоковъ, въ настоящее время крѣпко замерзшихъ, и гладкихъ и скользкихъ, какъ обыкновенно бываетъ ледъ. Поднимаясь въ продолженіи двухъ часовъ мы подошли къ мѣсту гдѣ земля завалила ущелье, и, перебравшись черезъ громадную угловатую массу и отвѣсные края, мы вошли въ проходъ, казавшійся темнымъ и мрачнымъ между высокими стѣнами перпендикулярныхъ утесовъ. Это узкое ущелье между горъ въ двѣ-

сти или триста ярдовъ длины и пятидесяти или шестидесяти ярдовъ ширины. Мы поставили наши палатки въ узкомъ мѣстечкѣ на лужайкахъ, окаймлявшихъ небольшой потокъ, извивающійся по скату, и, въ продолженіи нашего недолгаго пребыванія тутъ, испытали въ новой формѣ неудобства и случайности путешествія въ этихъ горахъ.

Характеръ подъема отъ рѣки до этого мѣста особенно дикъ и непріятенъ. А между тѣмъ это только слабое представленіе того, что намъ показалъ слѣдующій день. Горы возвышаются на страшную высоту совершенно голыя, неровные утесы хмурятся надъ узкими ущельями, извивающимися между ними, и смотрятъ съ угрозой, вполнѣ объяснимой массами осколковъ, тамъ и сямъ заслоняющихъ проходъ и всюду завалившихъ его. Не смягченная дикость, которую глазъ постоянно встрѣчаетъ, утомительна своимъ однообразіемъ. Нѣтъ тутъ никакого разнообразія въ видахъ, нѣтъ дали, которая бы открывалась и избавляла бы взоръ отъ утомленія. Со всѣхъ сторонъ сланецъ и шиферъ, и со всѣхъ сторонъ одинаково обнаженъ и отвратителенъ. Чувство замкнутости, ощущаемое путешественникомъ отъ громадныхъ горъ, окружающихъ его на каждомъ шагу, не допускаетъ его останавливаться у сыпучихъ пропастей, въ то время какъ потоки, почти уже замерзшіе на неровномъ ложѣ, говорятъ ему о приближеніи времени года, уничтожающемъ и ту щедушную растительность, которая пустила тутъ ростки, и, наконецъ, говорятъ и о причинѣ страданій караванныхъ лошадей, тутъ проходившихъ.

Замерзаніе потоковъ на этихъ высокихъ мѣстностяхъ нельзя причислить къ послѣднимъ причинамъ, убивающимъ въ такомъ количествѣ лошадей по этой дорогѣ. Кромѣ утомленія, этимъ приговореннымъ животнымъ приходится иногда идти цѣлый день безъ воды, такъ какъ хотя погоньщики и оттаиваютъ себѣ немного льда на чай, но все таки не имѣютъ возможности оттаивать ледъ для своихъ лошадей, пока не приходятъ къ болѣе обширнымъ рѣкамъ, около которыхъ обыкновенно и становятся лагеремъ. Въ этомъ проходѣ Санджу станціи помѣщаются по обоимъ хребтамъ, и въ серединѣ зимы поэтому тутъ не бываетъ воды для лошадей.

Наши лошади были очень утомлены въ этотъ день, и, хотя разстояніе было всего въ десять миль, онѣ не всѣ прибыли въ лагерь къ семи часамъ, когда начало смеркаться и мѣстность покрылась обычнымъ мракомъ. Наше пребываніе въ Шахидулла истощило средства этой мало населенной мѣстности, и проѣздъ нашего передоваго отряда по этой дорогѣ за нѣсколько дней передъ нами уменьшилъ запасъ топлива и кормъ припасенный тутъ до крайне умѣреннаго количества. Вслѣдствіе этого, въ первый разъ, въ продолженіи нашего продолжительнаго путешествія, мы были доведены до «уменьшеннаго пайка». Къ счастью, лошади у насъ были хорошія, и мы ихъ по возможности берегли по пути къ границѣ, и потому теперь онѣ могли вынести временную невзгоду, хотя она обезсиливала ихъ для невзгодъ слѣдующаго дня.

Высота этого мѣста равнялась 12,050 футамъ, и холодъ былъ жестокій, хотя термометръ показывалъ подъ верандою моей палатки только 10° Ф. Ночью насъ безпокоили и морозъ, и вѣтеръ, дувшій въ просѣкѣ, нами занимаемой. Мрачныя и совершенно отвѣсныя стѣны утесовъ, возвышавшихся съ обѣихъ сторонъ, трещали и раскалывались съ трескомъ, непріятно дѣйствовавшимъ на слухъ, и вслѣдъ за которымъ слышался грохотъ падавшихъ осколковъ, срываемыхъ съ своихъ мѣстъ силою вѣтра. Нѣкоторые изъ этихъ осколковъ, отскочивъ отъ верхнихъ скалъ, ушибли нашихъ проводниковъ и лошадей и въ числѣ первыхъ — моего грума, который ходилъ послѣ этого дней восемь или десять хромая.

Въ этомъ мѣстѣ Хаджи Тора получилъ письмо отъ дадхваха яркандскаго, и вмѣстѣ съ письмомъ подарокъ посланнику, хорошенькую, подбитую мѣхомъ, *джубу* или *тильпакъ*, въ которую, согласно обычаю страны, какъ отвѣтъ на любезность, начальникъ нашъ и былъ немедленно облеченъ. Хотя яркій цвѣтъ шелковой съ цвѣтами шубы, съ широкими складками, и зеленая бархатная шапка по своей внѣшности годились скорѣе для наряда татарскаго двора, но все таки шуба эта отлично предохраняла отъ суровости зимняго воздуха Татаріи, и дадхвахъ въ выборѣ такого доказательства своего расположенія выказалъ предусмотрительность, соединивъ приличіе съ практическимъ употребленіемъ.

Наша слѣдующая станція вела черезъ Санджу Давань въ Гачака — за восемнадцать миль. Мы вышли въ 9 часовъ утра, и пошли по сѣверо-восточному направленію, по узкому ущелью, извивающемуся какъ глубокая выемка между горными стѣнами изъ голаго камня — высокими, зубчатыми, изломанными и неправильными, совершенно дикаго характера, безъ малѣйшихъ признаковъ, смягчающихъ суровость ихъ. Въ три четверти перваго мы подошли къ

большой массѣ земли, заслонявшей ущелье въ видѣ барикады. Это была цѣлая скала, скатившаяся съ сосѣдней горы, которая массой своей, какъ громадная плотина, завалила проходъ.

Дорога наша—если только можно назвать дорогой мѣсто, по которому мы вели своихъ лошадей, карабкаясь, перелѣзая и перескакивая черезъ груды утесовъ, то попадая въ разщелину между камнями, то шагая черезъ трупъ вьючной лошади, которая, не въ силахъ будучи служить, заполняла тѣломъ своимъ яму и улучшала путь для слѣдующихъ товарищей по труду, или лежала поперегъ откосной скалы, представляя своей неподвижностью опасный переходъ—въ этомъ мѣстѣ сдѣлалась совершенно непроходима, и множество скелетовъ, лежавшихъ по ней, говорило о трудностяхъ ея.

Къ счастью, она не длинна, и примыкаетъ къ хорошей дорогѣ, извивающейся по теченію рѣки, въ это время года покрытой крѣпкимъ льдомъ, скользкой и ведущей къ мѣсту, гдѣ она раздѣляется, принимая въ себя ручьи двухъ округленныхъ скатовъ горы Санджу, здѣсь встрѣчающихъ выходъ и образующихъ узкую, небольшую ложбину. Мѣсто это называется Законгра киргизами — по названію ручья; также называется она и Каракорумомъ—по темному цвѣту осколковъ скалъ, и образуетъ первую станцію у подножія прохода по сю сторону. Мы остановились тутъ завтракать и застали караванъ афганцевъ, навьючивавшихъ своихъ лошадей и прогонявшихъ ихъ одну вслѣдъ за другой для отысканія пути по ущелью, только-что нами пройденному. У нихъ было около шестидесяти лошадей, навьюченныхъ *чаррасомъ* «смолой изъ индѣйской конопли», которую они перевозили изъ Ярканда въ Ладахъ, и на ночь останавливались подъ нависшимъ утесомъ изъ конгломерата, заслоняющаго тутъ путь на гору Санджу Даванъ.

Наши вещи и лагерь тронулся двумя часами ранѣе насъ, и отправился на лошадяхъ и якахъ, приготовленныхъ нашими яркандскими союзниками; наши же мулы, въ количествѣ ста десяти штукъ, сберегались на крайній случай. Во время остановки нашей для завтрака, пѣшеходы и отставшіе отъ лагеря прибыли и прошли милю, такъ что мы радовались, что путь нашъ очищенъ.

Въ полдень мы сѣли на быковъ, припасенныхъ намъ, и продолжали нашъ путь. Пройдя нѣсколько шаговъ черезъ малое Каракорумское ущелье, мы дошли до глубокой просѣки между утесами, по которой могло идти только по одному вьючному мулу врядъ, а затѣмъ дорога пошла вверхъ по болѣе широкому проходу между высокими стѣнами изъ шифера къ большому скату, на вершинѣ котораго находится проходъ Санджу.

Видъ представившійся нашимъ взорамъ не легко описать, и не легко забыть. Какъ разъ по обѣ стороны, въ родѣ портала дверей, стояли голыя стѣны изъ сѣро-серебристаго шифера, красиво упиравшіяся по обѣимъ сторонамъ въ горы, наклоненныя и образующія театръ зрѣлища, границей котораго онѣ служили. Спереди тотчасъ же начинался красивый подъемъ по плитамъ изъ шифера, естественный темный отливъ котораго терялся отъ яркаго блеска множества глиммера—и велъ на сколько видѣлъ глазъ.

Тутъ, у подножія подъема, мы сразу избавились отъ утомительнаго однообразія голыхъ скалъ, оставшихся за нами со всѣми ихъ мрачными оттѣнками, и перешли къ снѣгу, покрывавшему все передъ нами бѣлымъ покровомъ самой ослѣпительной бѣлизны. Слѣва и справа онъ покрывалъ все съ однообразной правильностью до гребней граничащихъ хребтовъ по всѣмъ направленіямъ; а спереди онъ возвышался громадной стѣной, вершина которой разрѣзала небеса цѣлымъ рядомъ острыхъ пиковъ, поразительно ясно очерченныхъ.

И надъ всѣмъ этимъ широко разстилалось глубокое, непроницаемое, совершенно чистое, голубое небо, такое спокойное, какимъ оно часто бываетъ передъ бурей. Это была дивная картина!

Я остановился на минуту, чтобы полюбоваться ею, но въ то время какъ я переводилъ глаза въ разныя стороны, наблюдая за бѣлыми орлами, величественно кружившимися надъ проходомъ, точно парусные корабли по широкому синему морю,—вниманіе мое привлекло нѣчто, давшее тотчасъ другой оборотъ моимъ мыслямъ. Въ верху прохода въ узкой тѣснинѣ, между двухъ острыхъ пиковъ, я увидѣлъ нѣсколько, безпокойно двигавшихся на одномъ мѣстѣ, черныхъ фигуръ, отъ которыхъ тянулась до самой крутизны длинная, темная, извивающаяся, недвижимая и спокойная линія. Въ нѣсколько минутъ я былъ у хвоста колонны и узналъ, что наша партія и скотъ были остановлены здѣсь; никто не зналъ почему, знали только, что наверху прохода голова колонны встрѣтила караванъ, шедшій съ противоположной стороны. Предпринявъ трудное и скучное восхожденіе, то пѣшкомъ, то на якѣ, мимо длиннаго

ряда стоящаго скота, я добрался до вершины. Здѣсь посланникъ и Хаджи Тора наблюдали за проходомъ нашего каравана съ узкаго выступа скалы на самомъ гребнѣ. Сейчасъ же надъ ними, на выдающейся скалѣ, я нашелъ шестъ и, измѣривъ при помощи гипсометра высоту, узналъ, что она равна приблизительно 16,300 футамъ. Небо было чрезвычайно чисто, воздухъ прозраченъ, тихъ и морозенъ, а видъ снѣжныхъ цѣпей со множествомъ острозубчатыхъ вершинъ очень красивъ. Но тутъ одно обстоятельство привлекло наше вниманіе на довольно продолжительное время. Шаговъ на тридцать отъ вершины прохода скалы были покрыты слоемъ льда, который былъ до того скользокъ и лежалъ на такомъ крутомъ склонѣ, что ни одно животное не могло перейти этого мѣста безъ помощи. При помощи ломовъ были высѣчены во льду ступени и покрыты одѣялами и войлоками; затѣмъ стали вводить скотъ штуку за штукой, при чемъ одинъ киргизъ велъ спереди, а другой погонялъ кнутомъ сзади, и, проведя такимъ образомъ черезъ узкій проходъ гребня, пускали на волю, чтобы скотъ спускался по другой сторонѣ, какъ самъ знаетъ. Это дѣло было трудно и сопряжено со многими препятствіями, такъ какъ, простоявъ нѣсколько часовъ кряду въ снѣгу, скотъ до того окоченѣлъ, что ноги у него двигались далеко не свободно. Одинъ изъ нашихъ муловъ, соскользнувъ съ узкой тропинки, покатился внизъ по склону до самаго поворота прохода, и такъ разбился, что его пришлось застрѣлить на мѣстѣ. Другой при переходѣ по льду упалъ съ такою силою, что киргизъ не могъ удержать повода, и мулъ покатился кувыркомъ въ пропасть самымъ оригинальнымъ образомъ, прыгая по встрѣчавшимся на пути камнямъ и отскакивая отъ нихъ съ силою, совершенно достаточною, чтобы раздробить всѣ кости. Мы собственно такъ и подумали, видя, какъ махались его ноги, словно цѣпы, и какъ подвертывалась шея подъ его катившееся тѣло. Но къ удивленію нашему, задержанный въ своемъ страшномъ паденіи небольшимъ выступомъ склона футовъ на четыреста ниже, онъ побарахтался съ минуту, чтобы повернуться на снѣгу, затѣмъ всталъ на ноги, встряхнулся, поглядѣлъ вокругъ, и инстинктивно пошелъ по снѣгу, чтобы присоединиться къ ряду своихъ товарищей, которые уже успѣли перейти. Впрочемъ, бѣдное животное было такъ изцарапано и изкорежено, что околѣло черезъ нѣсколько дней.

Черезъ два часа такой работы было переведено около ста штукъ скота, но еще вдвое большее число его стояло въ ожиданіи очереди. Вдругъ съ сѣверной стороны подулъ внезапный вѣтеръ, надвинулись тучи, и мелкій снѣгъ, словно мерзлый песокъ, сталъ бить намъ прямо въ лицо съ такою силою, что мы не могли смотрѣть. Было около четырехъ часовъ и Хаджи Тора, вставъ съ своего мѣста на льду, торопилъ посланника оставить свой постъ и поскорѣе выбраться изъ снѣга на другую сторону, такъ какъ иначе всѣ мы могли заночевать на мѣстѣ.

Колебаться или откладывать было некогда, и мы послѣдовали за Хаджи. Проходъ въ гребнѣ былъ очень не длиненъ и узокъ, такъ что въ немъ навьюченные мулы могли проходить только по одиночкѣ, и когда мы прошли его, то передъ нами открылся спускъ, по которому шла дорога. Онъ походилъ на бѣлую доску, приставленную подъ острымъ угломъ къ стѣнѣ, и по обѣимъ сторонамъ тропинки былъ усѣянъ слѣдами крушеній нашего отряда. Самая тропинка, шедшая крутыми, острыми зигзагами, была тверда, мерзла и такъ скользка, что скотъ, спускавшійся уже безъ вожаковъ, сбивался у поворотовъ въ кучу, которую напирающіе сверху толкали въ снѣгъ или гнали по тропинкѣ до слѣдующаго поворота.

Сначала мы хотѣли-было пользоваться при спускѣ услугами нашихъ яковъ, но отъ смятенія и шума бури они стали до того упрямиться, что были на льду ничуть не устойчивѣе другаго скота, а потому мы предпочли довѣриться своимъ собственнымъ силамъ, пока не достигнемъ менѣе крутаго спуска. Какъ спускались другіе, я не знаю, но весьма живо помню способъ своего собственнаго спуска. У меня были надѣты охотничьи сапоги съ тройною подошвою, подбитые гвоздями, которые я находилъ обыкновенно весьма устойчивыми на скользкихъ скалахъ и на льду и потому пошелъ по тропинкѣ осторожно на ногахъ. Но едва успѣлъ я пройти первый поворотъ, какъ одинъ погоняемый сверху мулъ покатился позади меня и сшибъ меня съ тропинки. Тутъ уже я зашагалъ по крутизнѣ гигантскими шагами, пока не увидѣлъ впереди себя опрокинутаго мула, неистово махавшаго въ воздухѣ ногами и усиливавшагося встать, что заставило меня инстинктивно упасть на спину, и я тотчасъ же остановился, упершись ногами въ его ребра. Но безцеремонность имѣла взаимную пользу, такъ какъ помогла животному подняться на ноги въ то самое время, когда на помощь ко мнѣ пришло нѣсколько нашихъ ладакскихъ носильщиковъ, оставившихъ дру-

гаго упавшаго мула, котораго они развьючивали по близости отъ того мѣста. Я опять пошелъ потихоньку своимъ путемъ среди валявшагося умирающаго, или безумно барахтающагося скота, который старался освободиться отъ запутавшихся веревокъ упавшей клади и среди разбросанныхъ всюду палатокъ, ящиковъ и одежды, остановленныхъ въ своемъ паденіи какимъ нибудь попавшимся на пути камнемъ. При этомъ я то проваливался по колѣно въ какую нибудь западню, то спотыкался о какой нибудь скрытый подъ снѣгомъ камень, пока наконецъ не дошелъ до широкаго откоса, гдѣ въ пещерѣ, подъ защитой большой наклонной скалы, я нашелъ партію афганскихъ купцовъ, остановившихся здѣсь, вслѣдствіе занятія нами прохода. Съ ними отдыхали нѣсколько ихъ соотечественниковъ, принадлежавшихъ къ нашему отряду, дружески покуривая трубки. Я остановился около нихъ, чтобы узнать послѣднія новости изъ Ярканда. Въ эту самую минуту ужасный трескъ заставилъ насъ оглянуться къ проходу, и глазамъ нашимъ представилась сцена, которую описать невозможно. Верхняя часть прохода была одѣта густымъ туманомъ, изъ-подъ котораго по краямъ виднѣлись люди и скотъ, стремившіеся смѣшанной массой, кто какъ могъ, къ тому откосу, на которомъ стояли мы. Пока мы смотрѣли на нихъ, другой обвалъ обрушился на сто или на полтораста ярдовъ вправо отъ прохода и покатился въ бездну тотчасъ же за тѣмъ мѣстомъ, съ котораго мы смотрѣли на проходъ.

Между спускавшимися въ это время по крутизнѣ, были три турецкіе офицера, прибывшіе съ Хаджи Торою изъ Константинополя. Окоченѣлые, голодные и напуганные, они высматривали своихъ лошадей, которыхъ потеряли въ проходѣ. Они сказали, что видѣли мимоходомъ мою лошадь и яка, шедшихъ вмѣстѣ у самаго подножія крутизны. По этому, въ ожиданіи ихъ, я пошелъ внизъ по откосу, въ надеждѣ застрѣлить снѣжнаго фазана, которыхъ, какъ говорятъ, много въ этой мѣстности. Но я не открылъ слѣдовъ ихъ, и пріобрѣлъ дорогою лишь нѣсколько видовъ нѣжнаго золотаго подорожника.

У подножія крутизны наклонъ почвы слабъ и по обѣимъ сторонамъ она волнообразно поднимается до холмовъ. Здѣсь я вернулся на тропинку, чтобы опять сѣсть на моего яка, и встрѣтилъ одного изъ турокъ, оставленныхъ мною у подножія крутизны. Онъ взялъ было чужаго яка, и когда хозяинъ заявилъ претензію на свою собственность, то онъ принужденъ былъ плестись пѣшкомъ. Когда я подошелъ къ нему, онъ сидѣлъ на снѣгу, ломая себѣ руки, и кричалъ въ безпомощномъ отчаяніи: *Іа Аллахъ, Іа Аллахъ.* Его носъ, щеки и суставы пальцевъ были покрыты глубокими, кровавыми трещинами, точно насѣченными ножемъ, и вообще онъ имѣлъ чрезвычайно жалкій видъ. Онъ былъ до того разстроенъ, что не обращалъ вниманія на развѣвающееся по вѣтру свое широкое платье. Взглянувъ на меня съ печальнымъ видомъ, онъ проговорилъ: *Іа Аллахъ!* и затѣмъ, уныло качая головой изъ стороны въ сторону, сталъ монотонно повторять: *Фана чокъ фана!* «Страшно! очень страшно!»

Я не могъ удержаться отъ смѣха при его забавномъ выраженіи горя и весьма живыхъ, хотя и непонятныхъ, упоминаніяхъ Стамбула, которыми, какъ я растолковалъ себѣ, онъ хотѣлъ сказать, «что Константинополь несравненно лучше этого мѣста, и онъ поступилъ сумасбродно, оставивъ его». Я ободрилъ его и, давъ ему глонуть водки изъ своей мѣдной фляжки, что онъ сдѣлалъ не хуже христіанина, посадилъ его на своего пони, ловкое и бойкое маленькое животное, выбранное мною изъ всѣхъ приготовленныхъ для насъ г. Джонсономъ въ Нубрѣ.

Рѣзвое и плохо выѣзженное маленькое созданіе замѣтило, что имъ управляетъ новая рука только тогда, когда начало играть и, испуганное развѣвающимся платьемъ всадника, помчалось во весь опоръ по направленію къ холмамъ на лѣво. Турокъ крѣпко прижался къ дикому маленькому животному, бѣшено скакавшему по неровностямъ почвы, пока наконецъ оно не попало въ кучу снѣга и не перекувырнуло своего всадника черезъ голову. Сначала была видна только темная куча платья, но затѣмъ показались голова и руки, воздѣтыя къ небу, и, конечно, раздалось многократно *Іа Аллахъ!* хотя я былъ слишкомъ далеко, чтобы слышать это.

Пони мой, между тѣмъ, помчался внизъ по долинѣ, сбросивъ съ себя въ одномъ мѣстѣ сѣдло, въ другомъ узду, и затѣмъ присоединился по привычкѣ къ стаду вьючныхъ лошадей яркандскаго каравана, который мы вскорѣ нашли остановившимся въ Карамликъ-джильгѣ—мѣстѣ стоянки, мили на полторы ниже.

Здѣсь я нашелъ посланника, Хаджи Тора, капитана Чэпмэна и съ полдюжины другихъ людей, принадлежавшихъ къ нашей партіи. Всѣ были невредимы и освѣжали себя предложеннымъ яркандцами чаемъ. Мы остановились здѣсь на нѣсколько минутъ, чтобы посмо-

трѣть на страшный, оставшійся позади насъ проходъ, но ничего не было видно, кромѣ тучъ и снѣгу, да темныхъ тѣней отъ быстро наступавшей ночи; затѣмъ мы отправились далѣе по круто понижающемуся ущелью съ извилистой тропинкой среди лабиринта земляныхъ валовъ, спѣша въ Гачаку, на разстояніи семи или восьми миль.

Тропинка, благодаря сильному морозу, была очень скользка, и послѣдняя часть пути была пройдена въ потьмахъ. Было восемь часовъ, когда мы достигли Гачаки, гдѣ узнали, что ни одной части нашего отряда еще не прибыло. Хаджи Тора устроилъ для насъ обѣдъ въ поставленной для него киргизской кибиткѣ, и пока мы были заняты этимъ пріятнымъ дѣломъ, другая такая же кибитка была поставлена для насъ. Это была единственная кибитка, какую могли достать, и хотя видъ ея былъ весьма жалокъ, тѣмъ не менѣе мы были ей очень рады. Между тѣмъ стали понемногу сходиться наши товарищи по одному, по два, но палатокъ, кромѣ палатки посланника, не было принесено въ эту ночь ни одной.

Впрочемъ, я уже достаточно сказалъ о нашемъ переходѣ чрезъ Санджу Даванъ, о которомъ мы слышали уже отъ нашихъ друзей, называвшихъ его «Ужаснымъ проходомъ». Названіе это не извѣстно туземцамъ, но какого бы происхожденія оно ни было, мы по опыту убѣдились, что оно вполнѣ подходитъ къ нему.

Слѣдующій день мы оставались въ Гачакѣ, поджидая товарищей, заночевавшихъ въ проходѣ. Это—простое мѣсто стоянки при рѣкѣ Саригіарѣ на высотѣ около 10,000 футовъ; здѣсь есть нѣсколько киргизскихъ юртъ по проходамъ и закоулкамъ и нѣсколько клочковъ полей зерноваго хлѣба, но нѣтъ ни одного дома, ни одной хижины.

Утромъ были посланы къ проходу отряды киргизовъ со всѣмъ ихъ годнымъ въ дѣло скотомъ, въ помощь нашимъ отставшимъ людямъ и для перевозки багажа, и вотъ около десяти часовъ вечера всѣ наши спутники собрались со всѣми мулами, исключая восьми, погибшихъ въ проходѣ. Только верховыя пони нѣкоторыхъ изъ нашихъ спутниковъ настигли насъ лишь на слѣдующій день въ Тамѣ, причемъ объѣденные хвосты и обглоданная кожа показывали намъ до какой крайности они были доведены голодомъ. У Хаджи Торы пало въ проходѣ двѣнадцать лошадей а у нашихъ спутниковъ три лошади сильно познобили себѣ ноги, такъ что потеряли по нѣсколько копытъ и въ теченіе трехъ или четырехъ мѣсяцевъ не

могли ступать; но и другія лошади болѣе или менѣе пострадали отъ ночевки въ снѣгу. Если бы не тщательныя приготовленія посланника въ Ладакѣ, гдѣ каждый человѣкъ былъ снабженъ надлежащимъ теплымъ платьемъ и мѣхомъ, то я увѣренъ, что мы потеряли бы и нѣсколькихъ людей. Въ данномъ же случаѣ они перенесли тяжелое испытаніе легче, чѣмъ можно было разсчитывать. Въ Гачакѣ мы разсчитали своихъ приведенныхъ изъ Шахидула бготскихъ кули, такъ какъ они стали со слезами просить насъ объ этомъ, желая возвратиться домой до окончательнаго наступленія зимы. Мы напутствовали бѣднягъ самыми искренними пожеланіями, которыя они, конечно, вполнѣ заслужили.

Вечеромъ Хаджи Тора простился съ посланникомъ, такъ какъ его ожидали въ Тамѣ, на десять миль ниже по долинѣ, по одному деликатному дѣлу, въ которомъ, по обычаю страны, принимала вмѣстѣ съ нимъ участіе киргизская дѣвушка. На слѣдующій день мы снова сошлись съ нимъ въ Тамѣ, и прежде чѣмъ оставили эту деревушку, состоящую изъ шести, восьми хижинъ, скучившихся подъ двумя крышами, къ намъ присоединились остальные наши спутники и доставленные киргизами багажъ и скотъ изъ прохода.

Тамъ значитъ «стѣна» или «мазанка», что вполнѣ характеризуетъ это мѣстечко, первое встрѣченное нами осѣдлое поселеніе съ воздѣланными полями, съ тѣхъ поръ какъ мы оставили Шанглунгъ. Онъ стоитъ на пескѣ на самомъ берегу рѣки Саригіаръ или «Желтаго рва», названной такъ по преобладающему цвѣту скалъ, точно также, какъ далѣе къ западу Кокіаръ или «Синій ровъ» названъ этимъ именемъ благодаря темному оттѣнку скалъ.

Изъ Тама мы направились къ Кивацу, отстоящему на шестнадцать миль. Дорога спускается туда по узкому и извилистому ущелью, пересѣкая нѣсколько разъ рѣку среди постепенно густѣющаго хворостника. На пути мы встрѣтили три или четыре каравана изъ Ярканда, поднимавшіеся къ проходу. Отъ Гачака до этого мѣста рѣку приходится переходить двадцать восемь разъ, отчего лѣтомъ, вслѣдствіе разлива, дорога непроходима втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и тогда пользуются проходами Куликскимъ и Киліанскимъ..

Въ Кивоцѣ долина расширяется въ плоскую песчаную равнину, на которой разбросано нѣсколько хижинъ и довольно много воздѣланныхъ полей, но я не видалъ здѣсь хлопка, какъ слѣдовало бы ожидать, судя по названію мѣста. Что касается кустарника, расту-

щаго вдоль береговъ рѣки, то онъ весьма сходенъ съ кустарникомъ долины Нубра.

Когда мы прибыли сюда, посланникъ былъ принятъ Муллою Хидаромъ, Хакимомъ-Беемъ-Гумы, привезшимъ съ собою нѣсколько фазановъ, пойманныхъ соколами близъ его столицы. Это былъ старикъ съ весьма мягкими чертами лица и весьма тихими и незаносчивыми манерами. Онъ привлекъ наше вниманіе размѣрами своей татарской шапки и ея лисьей опушкой, первымъ явнымъ признакомъ новыхъ обычаевъ новаго народа, къ которому мы пришли.

На слѣдующій день мы отправились въ Санджу, за двѣнадцать миль и настигли передовую партію подъ предводительствомъ полковника Гордона. Вскорѣ по выходѣ изъ мѣста стоянки мы перешли рѣку Саригіаръ, текущую по широкому каменистому ложу, и идя по расширяющейся долинѣ, вдоль подножія высокихъ валовъ краснаго песку и гравія, прибыли черезъ полтора часа къ полямъ и садамъ Санджу, между которыми мы шли еще почти полтора часа, и лишь затѣмъ достигли мѣста стоянки, близъ котораго среди деревьевъ показались знакомые мундиры нашихъ товарищей, вышедшихъ на встрѣчу своему начальнику. Отвлеченные на время отъ необыкновенной и внезапной перемѣны вида, мы вдались въ болѣе интересныя темы взаимныхъ разспросовъ о состояніи здоровья и перенесенныхъ испытаніяхъ. Оказалось, что друзья наши перешли проходъ до наступленія мороза и сопровождавшихъ его снѣжныхъ мятелей, и такимъ образомъ счастливо избѣжали тѣхъ затрудненій, которымъ подверглись мы.

Мы пробыли здѣсь три дня, чтобы дождаться отставшихъ отъ нашей собственной партіи и отъ партіи Хаджи Торы съ багажемъ и пр., оставленнымъ по ту сторону прохода. И во всей этой области не могло быть болѣе пріятнаго мѣста для отдыха. Остановка дала намъ случай испытать такое же удивленіе отъ перемѣны вида, какое испыталъ болѣе трехсотъ лѣтъ тому назадъ императоръ Бабуръ, при его гораздо болѣе внезапномъ переходѣ съ сѣвернаго склона Гинду-Куша на южный въ Кабулъ, что весьма интересно описано въ его мемуарахъ. Онъ нашелъ тамъ точно такъ же, какъ мы нашли здѣсь, совершенную перемѣну въ характерѣ сцены. Климатъ, страна и почва—все было другое; люди, ихъ языкъ и нравы были другаго рода, растенія, животныя и птицы также были не тѣ.

ГЛАВА VII.

Пріемъ и *дастарханъ*.—Характеръ страны.—Миръ Санджу.—Письмо Аталыка. — Характеръ деревенской жизни. — Помѣщеніе въ Каргалыкѣ. — Зобъ. — Военный салютъ.—Входъ въ Яркандъ.—Пріемъ въ городѣ.—Визитъ къ дадкваху.—Пріемъ посланника.—Турецкія бани.—Авганцы въ Кашгарѣ.

Санджу восхитительное мѣсто. Для насъ, вышедшихъ изъ горъ послѣ недѣльнаго труднаго пути по обширнымъ пустынямъ, съ необитаемыми плоскогорьями, ледяными проходами и не имѣющими мостовъ потоками, онъ показался настоящимъ раемъ, приглашающимъ къ отдыху при самомъ входѣ въ плоскія, широко разстилающіяся надъ нами равнины Татаріи. Послѣ угрюмыхъ скалъ и преградъ мрачнаго ущелья, оставшагося позади насъ, глазъ наслаждался просторомъ. Утомленные видомъ голой безплодной почвы, мы ожили, взглянувъ на фруктовые сады, плантаціи, нивы и скирды хлѣбовъ. Жестокіе морозы и проницательные вѣтры забылись въ пріятномъ, мягкомъ климатѣ, гдѣ дышать было уже легко, и главное—ужасное уединеніе пустыни смѣнилось людскимъ обществомъ; это было чрезвычайно пріятно. Ко всему этому нужно прибавить еще радушный пріемъ и интересъ, возбужденный новымъ племенемъ, съ его незнакомымъ типомъ и языкомъ, странной одеждой и странными обычаями.

Вскорѣ послѣ нашего прибытія на мѣсто, у палатки посланника показался Али Мурадъ, Бегъ или «губернаторъ» Санджу, сопровождаемый длинной вереницей людей, несшихъ подносы съ богатымъ *дастурханомъ*. Тутъ были и супы, и пилавы (здѣсь они называются *ашъ*), и жаркія, и рагу, а также сушеные и свѣжіе плоды, хлѣбъ въ разнообразномъ видѣ, и различныя сладости, болѣе въ европейскомъ вкусѣ, чѣмъ въ азіатскомъ. Пряностей почти не употребляется, а

жиръ, тамъ, гдѣ онъ употребителенъ, пропитываетъ обыкновенно все кушанье; фрукты европейскіе, чай подаются также на европейскій ладъ. Изъ сладостей замѣчателенъ былъ мармеладъ изъ мелконарѣзанной моркови въ сиропѣ (называемый *мурабба*) и кремъ изъ толченаго бѣлаго сахару, взбитаго на яичномъ бѣлкѣ (называемый *нашалла*). Между яблоками былъ одинъ сортъ, называемый *музалма*, т. е. «ледяное яблоко», который, будучи разрѣзанъ, просвѣчиваетъ, какъ будто онъ изо льда. Однако, не смотря на искреннее желаніе быть признательными за любезность и гостепріимство, наши совмѣстныя усилія были ничтожны для того, чтобы сдѣлать замѣтнымъ наше прикосновеніе къ грудамъ съѣстнаго, которыя, согласно съ обычаями страны, должны были бы исчезнуть отъ нашего вниманія. Но когда мы попробовали то и другое и похвалили все по очередно словами *аллахъ акбаръ*, хозяинъ избавилъ насъ отъ дальнѣйшей отвѣтственности, и блюда были переданы нашимъ слугамъ, которые, примѣняясь къ мѣстнымъ требованіямъ, съ удивительною живостью окончили начатое нами дѣло. При этомъ ими были совершенно отброшены въ сторону индійскія предубѣжденія, заставлявшія ихъ всего нѣсколько недѣль тому назадъ или даже наканунѣ, въ проходахъ, выкидывать кушанья ихъ господъ, какъ нечистыя.

Дастурканъ, встрѣченный нами здѣсь съ такимъ огорчающимъ хозяевъ неумѣньемъ справляться съ разнообразіемъ и обиліемъ блюдъ, является передъ нами на каждой станціи, при каждой остановкѣ, ежедневно возрастая въ размѣрахъ и изысканности, пока въ Яркандѣ не дошелъ до ста подносовъ, а въ Кашгарѣ, гдѣ богатство и разнообразіе его достигло высшей степени, ихъ было невѣдомо сколько. Ничто не дѣлалось безъ *дастуркана*, такъ что наконецъ, когда исчезла новизна его, даже самое упоминаніе о немъ сталонепріятно для уха. Отправлялись ли мы въ лавки въ городѣ, насъ непремѣнно заманивали въ какой нибудь домъ и угощали. Предпринимали ли мы экскурсію къ какимъ нибудь развалинамъ, мы были увѣрены найти тамъ ряды подносовъ, ожидавшихъ насъ въ тѣни развалившихся стѣнъ: посѣщали ли мы мавзолей какого нибудь святаго мученика, тотъ же строй подносовъ приглашалъ насъ профанировать священное мѣсто; наконецъ при церемоніальныхъ посѣщеніяхъ магнатовъ страны главную роль игралъ тотъ же неизмѣнный обычай.

Санджу довольно людное и цвѣтущее поселеніе, состоящее приблизительно изъ тысячи двухсотъ домовъ или семействъ, на рѣкѣ Саригіарѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ послѣдняя выходитъ изъ горъ на равнину. Оно тянется вверхъ и внизъ по обоимъ берегамъ на десять или на двѣнадцать миль непрерывнымъ рядомъ фермъ. Фермы эти состоятъ изъ трехъ или четырехъ хижинъ, скученныхъ среди своихъ фруктовыхъ садовъ, полей и плантацій, и окруженныхъ обыкновенно стѣной, но безъ всякихъ укрѣпленій.

Вообще мѣсто это имѣетъ видъ цвѣтущій и богатый, въ чемъ мы убѣдились и послѣ нашихъ прогулокъ по его полямъ, и можетъ служить образцомъ всѣхъ другихъ деревенскихъ поселеній, видѣнныхъ нами въ этой странѣ, какъ относительно общаго плана, характера обработки, такъ и относительно людей и окружающей ихъ среды. Оно расположено на рѣкѣ и орошается множествомъ проведенныхъ отъ нея каналовъ. Дома стоятъ болѣе или менѣе далеко одинъ отъ другаго, раздѣлены между собою полями и фруктовыми садами, виноградниками и плантаціями или лугами. Центромъ всего служитъ мѣсто резиденціи губернатора и улица шалашей и лавокъ для еженедѣльнаго рынка, на которомъ собираются крестьяне всѣхъ кварталовъ для мѣновой торговли произведеніями своихъ фермъ и мелкой промышленности.

Воздѣлываются здѣсь пшеница, маисъ, рисъ и ячмень въ различныхъ пропорціяхъ, смотря по почвѣ; конопля воздѣлывается изъ-за смолы, составляющей главный предметъ вывоза изъ Индіи; ленъ—изъ-за сѣмени, изъ котораго добывается употребляемое въ странѣ масло, хлопокъ, какъ матерьялъ для ежедневной одежды жителей, а также и для вывоза. Затѣмъ садовыя произведенія—тѣ же, что и въ Европѣ, и кромѣ того дыни и табакъ. Изъ плодовъ обыкновенны яблоки, груши, абрикосы, сливы и персики. Виноградъ воздѣлывается всюду, но вино неизвѣстно и спиртные напитки воспрещены. Гранатовыя, миндальныя и орѣховыя деревья, ююба и elocagnus встрѣчаются всюду; тутовое же дерево, ива, тополь двухъ породъ, а мѣстами и вязъ, растущіе на плантаціяхъ и по берегамъ текучихъ водъ, составляютъ строевой лѣсъ и топливо.

Шелкъ тоже производится въ нѣкоторомъ количествѣ, но низкаго сорта, и употребляется для грубыхъ домашнихъ тканей, хотя нѣкоторая часть его идетъ въ Коканъ, куда сбывается преимущественно и хлопокъ.

Скотъ составляютъ коровы, лучшей во всей странѣ породы; овцы

съ толстыми хвостами, превосходящія англійскихъ, какъ по величинѣ, такъ и по шерсти; крѣпкія лошади некрупной, коренастой татарской породы; нѣкоторое количество муловъ, сила которыхъ незначительна, такъ какъ они меньше ростомъ, нежели довольно многочисленные въ странѣ ослы.

Населеніе состоитъ изъ турокъ болѣе чистаго типа, чѣмъ смѣшанное населеніе Ярканда и Кашгара, и составляетъ миролюбивыя промышленныя общины, занимающіяся воздѣлываніемъ почвы и связанными съ земледѣліемъ ремеслами. Въ предѣлахъ своихъ поселеній они производятъ все нужное для ихъ независимаго существованія, какъ въ отношеніи пищи, такъ и въ отношеніи одежды. Вѣроятно—это слѣдствіе изолированнаго положенія нѣкоторыхъ поселеній и прекращенія сношеній съ сосѣдями во времена анархіи и войнъ. Вокругъ Санджу, какъ и вокругъ всѣхъ поселеній этой замѣчательной области, разстилается голая песчаная пустыня.

Одежда здѣсь лѣтомъ состоитъ изъ широкой рубахи и штановъ изъ грубой бумажной матеріи домашняго производства, а зимой къ этому прибавляется длинное, стеганое на ватѣ, широкое платье въ видѣ шлафрока и сверху надѣвается обыкновенно еще длинное платье изъ овчины, затѣмъ татарская мѣховая шапка и сапоги, подбитые войлокомъ. Такова одежда крестьянъ, весьма сходная у мужчинъ и у женщинъ; только у послѣднихъ она лучшаго качества, нѣсколько иного покроя и кромѣ того къ ней прибавляется еще одна, свойственная женскому полу, принадлежность, именно покрывало.

Въ городахъ, правда, замѣтно болѣе разнообразія, но описанная мною одежда жителей Санджу свойственна вообще всѣмъ крестьянамъ и показываетъ, какъ легко они могутъ удовлетворять свои потребности безъ иноземныхъ источниковъ и какъ они далеки отъ роскоши, являющейся при твердомъ правительствѣ и справедливомъ управленіи — этихъ великихъ благахъ, которыя между прочимъ приносятъ и ту пользу, что покровительствуютъ промышленности и усиливаютъ торговлю.

Наше прибытіе въ Санджу не возбудило повидимому большаго любопытства, и за исключеніемъ пятидесяти или шестидесяти человѣкъ, смотрѣвшихъ на нашъ лагерь изъ сосѣднихъ домовъ, не было вовсе толпы зрителей, которая глазѣла бы на иностранцевъ. Не было также и сторожей, которые не дозволяли бы ей этого или разогнали ее, еслибъ она сошлась. Здѣсь было вовсе не то, что въ

Авганистанѣ, гдѣ путешествующаго европейца окружаетъ военная стража для охраненія отъ насилія или оскорбленія со стороны фанатическаго народа, который обыкновенно ходитъ вооруженнымъ и нападаетъ на иностранца какъ на дикаго звѣря, который долженъ быть прогнанъ или затравленъ до смерти за то, что забрался къ врагамъ, или покрайней мѣрѣ смотрятъ на него какъ на отличную добычу для грабительства. Здѣсь народъ не былъ вооруженъ, и мы шли по его землѣ совершенно свободно, безъ провожатыхъ, не возбуждая никакого волненія. Даже мальчишки не выказывали своего вошедшаго въ пословицу любопытства. И вслѣдъ за нами не бѣжали шалуны, потѣшающіеся надъ иностранцами, какъ это было бы, непремѣнно, если бы мы показались въ своихъ дорожныхъ костюмахъ на улицахъ одного изъ нашихъ городовъ.

Куда мы ни приходили, мы всюду встрѣчали снисходительную вѣжливость и скромность, какой не ожидали. Мнѣ случалось проходить мимо усадебъ, мужчины которыхъ работали въ полѣ, а женщины на дворѣ передъ своими домами, и не замѣтить, чтобы кто нибудь изъ нихъ прервалъ свое занятіе или поднялся, чтобы взглянуть на меня. Я даже останавливался посмотрѣть, какъ они работали и ни чуть не мѣшалъ имъ этимъ. Они точно боялись поднять глаза или выказать какой либо интересъ. Я стрѣлялъ мелкихъ птицъ по живымъ изгородямъ и собиралъ виды еще не увядшихъ растеній, причемъ свободно входилъ въ фруктовые сады и выходилъ изъ нихъ, не замѣчая, чтобы кто нибудь выражалъ неодобреніе, кромѣ злыхъ собакъ, которыхъ тотчасъ же останавливали хозяева. И такъ было вездѣ, исключая городовъ.

Мѣстный бей Али Мурадъ пришелъ посовѣтоваться со мною на счетъ глубокой трещины на нижней губѣ, и я похвалилъ ему достаточное положеніе и тихій нравъ его народа.

«Да, сказалъ онъ, Бадолатъ привелъ ихъ въ надлежащій порядокъ. Но они всѣ негодяи и разбойники, и постоянно ссорятся между собою. Я держу ихъ въ рукахъ помощію *«шаріата»* (магометанскій законъ).

Быть можетъ это было и такъ, но я скорѣе думаю, что онъ хотѣлъ преувеличить значеніе своей должности и своихъ личныхъ способностей, ибо это былъ человѣкъ съ претензіями и вовсе не обладалъ скромностью своихъ подчиненныхъ.

«Знаете ли вы Шау сагиба?» спросилъ онъ вдругъ.

—Да, знаю. Я видѣлъ его въ Лехѣ на пути сюда, —отвѣчалъ я.

«Значитъ правда, что онъ *миръ* (губернаторъ) Ладака?»

—Нѣтъ, онъ вовсе не то, что вы разумѣете подъ этимъ названіемъ (самъ онъ былъ миръ Санджу). Онъ, какъ называется у насъ, союзный коммиссіонеръ или должностное лицо, служащее для защиты интересовъ путешественниковъ на этомъ пути.

«Значитъ онъ служитъ правительству?»

«Да, онъ назначенъ отъ правительства на эту спеціальную должность.

«А вѣдь онъ говорилъ намъ, когда былъ здѣсь нѣсколько лѣтъ тому назадъ, что онъ простой *содагаръ* (купецъ) и не имѣетъ никакого дѣла съ правительствомъ»

«Совершенно вѣрно. Тогда онъ еще не служилъ правительству».

«А теперь служитъ», сказалъ онъ съ вопросительнымъ взглядомъ, выражающимъ сомнѣніе.

«Да, потому что онъ знаетъ вашъ народъ, былъ другомъ этого народа и въ то же время онъ самый подходящій человѣкъ для этой обязанности.

«Понимаю, понимаю. Онъ нашъ другъ», сказалъ онъ затѣмъ; задумчиво опустивъ голову и потупивъ глаза, прибавилъ: «онъ очень умный человѣкъ». Послѣ этихъ словъ онъ вдругъ попрощался со мною и вышелъ, смѣясь самъ съ собою.

Я прижегъ ему губу и далъ ему мази, но послѣ этого онъ ловилъ меня всюду втеченіи четырехъ или пяти дней, которые онъ былъ съ нами, чтобы сказать, что не чувствуетъ лучше. Въ сущности же онъ думалъ, что его губѣ было хуже, чѣмъ когда я до нея не дотрогивался.

«Вы говорите, что у васъ эта болѣзнь продолжается пять лѣтъ», сказалъ я, «какъ же вы хотите, чтобы васъ вылечить въ пять минутъ».

«Если бы вы обратили на меня все ваше вниманіе, то я увѣренъ, что вы могли бы вылечить меня; вашъ народъ можетъ сдѣлать все».

«Хорошо, вы попробуете употреблять мое лекарство втеченіи пяти недѣль, и если за это время не выздоровѣете, то пріѣзжайте ко мнѣ въ Яркандъ, и я вырѣжу вамъ больную часть.

Этого было совершенно довольно для моего словоохотливаго друга, и онъ пересталъ надоѣдать мнѣ показываньемъ язвы на своей губѣ.

Между обращавшимися здѣсь ко мнѣ за помощью былъ торговецъ изъ Пенджаба, взбиравшійся въ горы въ прошломъ году и доходившій до Кокана, а теперь направлявшійся обратно въ Лагоръ. У него были отморожены концы пальцевъ на обѣихъ рукахъ. На одной изъ рукъ раны давно зажили, а на другой все еще болѣли. Онъ по силъ эту руку въ мѣшкѣ изъ овечьей шкуры, смазанной внутри саломъ. По словамъ его, онъ получилъ прибыли до тридцати процентовъ на сто и онъ былъ по видимому совершенно доволенъ купленнымъ такой дорогой цѣной успѣхомъ.

1-го ноября въ лагерь къ намъ прибылъ съ послѣдними нашими спутниками Ибрагимъ Ханъ, остававшійся позади по ту сторону прохода съ оставленнымъ тамъ багажемъ. Онъ сообщилъ намъ, что киргизы добровольно помогли ему, иначе онъ не перебрался бы такъ скоро. Очевидно, что прекрасные подарки посланника, сдѣланные имъ въ Гачакѣ, за услуги, оказанныя ими нашей партіи 26 октября, принесли свои плоды и склонили благорасположеніе людей въ нашу сторону, не взирая на искательство каравановъ, ждавшихъ пока имъ можно будетъ пройти. Иные купцы, видя предстоящія трудности, продавали свои товары у подножія прохода своимъ болѣе отважнымъ товарищамъ и возвращались съ нашей партіей по домамъ.

На слѣдующее утро, въ то самое время, какъ мы готовились сѣсть на лошадей, чтобы отправиться далѣе, прибылъ изъ Кашгара Мулла Артокъ, догонявшій насъ, какъ я уже говорилъ ранѣе, въ долинѣ Нубры, съ депешами къ Хаджи Торѣ и съ пригласительнымъ письмомъ отъ Аталыка Газы къ посланнику. Письмо это было вручено по адресу Хаджи Торою съ соблюденіемъ обычныхъ церемоній, и посланникъ, хорошо знакомый съ обычаями страны, принялъ его съ надлежащимъ почтеніемъ въ обѣ руки, затѣмъ, обратясь въ ту сторону, откуда оно было прислано, прижалъ его къ сердцу и къ глазамъ, прежде чѣмъ распечатать его, чтобы прочесть его содержаніе. Когда же прочиталъ его, то сложилъ снова и спряталъ на головѣ въ складкахъ своего тюрбана изъ шали. Въ противуположность богато окрашеннымъ листкамъ съ огромною двойною оберткою изъ парчи и кисеи, на которыхъ ведется корреспонденція принцевъ по ту сторону проходовъ, это былъ листокъ простой бѣлой бумаги въ такой же бумажной оберткѣ. Точно также вмѣсто хвастовства и глупыхъ комплиментовъ, употребляемыхъ въ индійской

корреспонденціи, слогъ этого письма былъ такъ же простъ, какъ и его бумага; то и другое было практично и согласовалось съ радушнымъ и дружескимъ письмомъ и съ обычаемъ, введеннымъ впервые между монголами основателемъ ихъ могущества, великимъ Чингисомъ.

Изъ Санджу мы отправились въ Коштакъ, отстоящій на двадцать пять миль. Перейдя рѣку по твердому каменистому ложу, мы взобрались на высокій песчаный валъ и тотчасъ же оказались среди пустыни, разстилавшейся передъ нами огромной дугой, ограниченной горизонтомъ, и представлявшей волнообразную поверхность гравія, перерѣзанную въ юговосточномъ направленіи неправильными линіями песчаныхъ дюнъ. Растительность была чрезвычайно скудная и тощая, а представителями животнаго міра являлись только немногочисленные *жаворонки «чернорогой»* породы; но слѣды антилопъ, да тамъ и сямъ норы *тушканчиковъ* свидѣтельствовали о присутствіи въ пустынѣ и другихъ животныхъ.

На половинѣ пути мы пришли къ широкому и неглубокому рву, сошли съ лошадей къ мѣсту отдыха у *дастурквана*, который нашли разставленнымъ около замерзшаго водоема, подъ вѣтвями росшихъ вокругъ него тополей. Это мѣсто называется Лангаръ, и состоитъ изъ трехъ или четырехъ хижинъ, среди группы ивъ и elocagnus, вокругъ которыхъ были маленькіе клочки пахатной земли.

Далѣе нашъ путь шелъ все тою же пустынею до Коштака, который весьма похожъ на Санджу, хотя гораздо меньше послѣдняго. Онъ расположенъ въ обширной ямѣ на берегу рѣки Киліянъ, соединяющейся съ рѣкою Санджу близъ Гумы далѣе къ юговостоку. Соединившись, рѣки теряются впослѣдствіи въ пустынѣ Токла, представляющей обширное пространство песку, въ сыпучихъ грудахъ котораго погребены древніе города Хотана. На слѣдующій день мы шли опять такой же пустынной полосой къ отстоящему отсюда на двадцать миль Этограку—«тополевому дому», названному отъ множества тополевыхъ деревьевъ. Это небольшая кучка усадебъ въ оврагѣ маленькой рѣки, начинающейся у подножія нѣсколькихъ гравіевыхъ утесовъ вдѣво или къ востоку отъ нашего пути.

Слѣдующая наша стоянка была на двѣнадцать миль далѣе въ Боріи, представляющей такую же группу фермъ, въ такой же впадинѣ, куда мы пришли 4-го ноября черезъ такую же пустыню. Кромѣ маленькаго каравана, вскорѣ по выходѣ изъ Санджу, намъ не было

на пути никакой встрѣчи, не представилось въ пустынѣ ничего, достойнаго замѣчанія; на западѣ она ограничивалась низкими горами изъ глины и гравія, скрывавшимися вверху во мракѣ густаго тумана, на востокъ же она тянулась до самаго далекаго горизонта, покрытаго такимъ же туманомъ, сливающимся по цвѣту съ землею. Каштаново-свѣтло-желтый цвѣтъ и земли, и неба былъ до такой степени сходенъ, что на нѣкоторомъ разстояніи не возможно было отличить одно отъ другаго. Вечеромъ намъ удалось впрочемъ развлечься послѣ скучнаго однообразія вида зрѣлищемъ полнаго затмѣнія луны, которое мы могли отлично наблюдать на безоблачномъ небѣ приблизительно часовъ до одиннацати ночи по нашему времени.

Мы не замѣтили, чтобы жители фермъ, среди которыхъ мы остановились лагеремъ, обратили какое нибудь вниманіе на это небесное явленіе, и если они замѣтили его, то ничѣмъ не выказали этого. Кромѣ людей нашей партіи не было видно ни одной души, не слышно ни одного голоса кромѣ лая сторожевыхъ собакъ.

Вообще тишина, обнимавшая эти уединенныя маленкія поселенія, еще и раньше обращала на себя наше вниманіе и во все послѣдующее время нашего путешествія составляла самую рѣзкую черту крестьянскаго быта этой страны. Мы никогда не слышали звуковъ музыки или пѣсни, или веселаго смѣха, которыми утѣшаются по вечерамъ въ деревняхъ всякой другой страны послѣ дневныхъ трудовъ. Мы не замѣчали даже, чтобы народъ собирался когда нибудь поболтать или порѣзвиться, какъ слѣдовало бы ожидать въ подобныхъ обществахъ, по крайней мѣрѣ отъ молодежи. Тѣмъ не менѣе, насъ увѣряли, что народъ этотъ имѣетъ свои собранія и увеселенія и по своему пользуется удовольствіями, точно также какъ и другіе люди. Это очень возможно, и вѣроятно такъ и есть на самомъ дѣлѣ, но мы не замѣчали никакихъ признаковъ всего этого, вѣроятно вслѣдствіе особыхъ условій ихъ положенія: отрѣзанные отъ сосѣдей пустынею, они изолированы и другъ отъ друга вслѣдствіе разбросанности ихъ жилищъ, или быть можетъ строгой дисциплины новой формы правленія, не терпящей сборищъ между побѣжденными подданными.

Изъ Боріи мы отправились въ Каргаликъ, отстоящій онъ нея на двадцать двѣ мили, гдѣ пробыли одинъ день. Первыя пятнадцать миль дорога шла по песчаной пустынѣ, а затѣмъ постепенно спускаясь обширной разстилающейся отъ востока къ западу низ-

менности, покрытой на нѣсколько миль въ ту и въ другую сторону полями Бешъ Арикъ. Это богатое и людное поселеніе, расположенное, какъ показываетъ его названіе, по пяти каналамъ, проведеннымъ изъ рѣки Тезнафъ (*тезнафи*—значитъ быстрый и полезный) или Тезабъ (быстрая рѣка), какъ она называется въ «Тарики Рашиди». Она орошаетъ всю половину до Лакгофа на востокъ, за которымъ опять идетъ пустыня.

Мы сошли съ коней у нѣсколькихъ палатокъ, раскинутыхъ для насъ въ центрѣ поселенія, гдѣ нашли обычный *дастурканъ*, затѣмъ прошли еще узкую полосу песчаной пустыни, гдѣ нашли дикую руту или *pergapum*, дикій солодковатый корень, верблюжій тернъ, тамаринскъ и пр. и въ часъ достигли Каргалика, гдѣ расположились въ нарочно для насъ устроенномъ домѣ. Это былъ первый домъ, занятый нами съ тѣхъ поръ, какъ мы оставили Мури, и въ отношеніи комфорта онъ былъ не хуже, чѣмъ въ оставшихся позади насъ нашихъ цивилизованныхъ странахъ, хотя и въ другомъ стилѣ.

Онъ былъ только что оконченъ, и имѣлъ чистенькій и привѣтливый видъ, а внутренняя обстановка показывала, какъ заботливо старались хозяева согласовать ее съ нашими привычками и потребностями. Планъ постройки былъ вообще туземный, и, подобно всѣмъ другимъ домамъ страны, нашъ домъ былъ сдѣланъ изъ сыраго кирпича на фундаментѣ изъ булыжника, взятаго въ рѣкѣ, и обмазанъ глиной. Постройка эта находилась по срединѣ города и имѣла видъ четыреугольной ограды съ большими воротами, въ которыхъ была поставлена наша стража. На противуположной сторонѣ была открытая веранда, поднимавшаяся надъ землей на два или на три фута и сообщавшаяся посредствомъ двери съ маленькимъ дворомъ, раздѣленнымъ на части, назначеннымъ для кухни, погреба и другихъ службъ.

Изъ двухъ другихъ сторонъ одна была занята большой комнатой, выходившей въ скверъ, со спальнями по бокамъ, имѣвшими съ одной стороны дверь въ эту комнату, а съ другой въ скверъ; четвертую же сторону занималъ рядъ въ шесть или въ семь маленькихъ спалень, защищенныхъ съ наружной стороны верандою. Въ каждой комнатѣ былъ каминъ, какъ и въ нашей родной странѣ, и створчатая дверь, состоящая изъ досокъ, вертящихся на стержнѣ. Полы были устланы прекрасными хотанскими коврами, а стѣны до высоты трехъ футовъ

обтянуты бумажной тканью или плисомъ, чтобы не пачкалось платье, когда прислонишься къ стѣнѣ.

Таковы были всѣ комнаты. Меблировка ихъ состояла изъ нѣсколькихъ стульевъ и кроватей, назначенныхъ исключительно для насъ и устроенныхъ такъ же, какъ и въ нашихъ странахъ. Они вышли не дурно и дѣлали честь изобрѣтательности китайскаго плотника, предоставленнаго своимъ собственнымъ средствамъ и не имѣвшаго никакого образца въ странѣ, гдѣ всѣ сидятъ и спятъ не иначе, какъ на полу.

Кромѣ этого помѣщенія для насъ самихъ, былъ другой четыреугольникъ, черезъ дорогу, для нашихъ слугъ и скота, съ крытыми конюшнями для нѣсколькихъ десятковъ лошадей. Отдыхъ въ такомъ убѣжищѣ былъ весьма кстати, такъ какъ мулы наши, не смотря на уходъ и легкость работы, начинали, повидимому, сильно чувствовать перемѣну климата; они не такъ легко выносили погоду, какъ лошади отряда нашихъ проводниковъ. Лошади послѣднихъ были тепло покрыты и проведены черезъ проходы отъ Нубры до Санджу, гдѣ всадники ихъ, оставивъ крѣпкихъ маленькихъ животныхъ, перевезшихъ ихъ черезъ горы, снова взяли своихъ кавалерійскихъ лошадей. Лошади эти весьма скоро примѣнились къ обстоятельствамъ и ихъ крупный ростъ и горделивый видъ среди мелкаго и неуклюжаго туземнаго скота составляли диво для народа и вмѣстѣ съ всадниками внушали не малое уваженіе къ достойнымъ представителямъ нашей индѣйской арміи. Дѣйствительно, къ двумъ ординарцамъ, ѣхавшимъ впереди нашей кавалькады, обращались обыкновенно всѣ привѣтствія зрителей, которые любовались ихъ прекрасной формой и воинственнымъ видомъ, а насъ пропускали незамѣченными.

Мулы, напротивъ, вовсе не были такъ бодры, пока они не отдохнули хорошенько на хорошей пищѣ, такъ что приходилось брать въ помощь имъ мѣстный скотъ. Но такъ какъ караваны, направлявшіеся въ Лехъ, забрали уже большую часть лошадей на нашемъ пути, то хозяева наши могли дать намъ въ дорогу отъ Санджу до-сюда только быковъ. Животныя эти, повидимому, часто употребляются для переправы черезъ горы, такъ какъ по проходамъ я замѣтилъ много ихъ скелетовъ. Но по моему мнѣнію, для караваннаго дѣла въ этой области всего лучше тибетскіе пони, а затѣмъ кашгарскія лошади; индійскій же скотъ не годенъ для этой работы.

Каргаликъ — самое большое изъ видѣнныхъ нами до сихъ поръ по-

селеній и представляетъ торговый городъ. Онъ производитъ много хорошаго хлопка, значительная доля котораго идетъ въ Коканъ въ видѣ грубой ткани, называемой *камъ*. Народъ здѣсь, видѣнный нами въ толпѣ до трехсотъ человѣкъ, имѣетъ весьма смѣшанный типъ, сходный то съ турецкимъ, то съ китайскимъ, причемъ всѣ эти типы встрѣчаются то отдѣльно, то въ видѣ не особенно привлекательныхъ комбинацій, въ которыхъ бородатый типъ борется съ безбородымъ.

Я измѣрилъ высоту и окружность головы надъ ушами у тридцати праздношатавшихся около нашихъ воротъ людей. У самаго высокаго изъ нихъ ростъ былъ $70^1/_2$ дюймовъ, а окружность головы 21 дюймъ, у самаго же малорослаго ростъ $61^5/_8$ дюйма, а окружность головы $21^1/_2$ дюймовъ. Среднее дало $66^7/_8$ дюйма для перваго измѣренія и $21^3/_4$ для втораго. Наибольшая окружность головы дала $22^1/_2$ дюйма, а наименьшая $20^3/_4$ дюйма. У всѣхъ мужчинъ на ногахъ были сапоги, а головы бритыя.

Изъ Каргалика мы отправились въ Посгамъ, отстоящій отъ него на двадцать пять миль, гдѣ расположились лагеремъ въ садахъ около рынка. Дорога туда шла по довольно людной и хорошо обработанной мѣстности; тамъ и сямъ попадались поросшія тростникомъ болота, чащи тамарисковъ и пустыни, покрытыя солянымъ налетомъ и растеніемъ изъ рода salsola. Приблизительно на половинѣ пути мы перешли вбродъ рѣку Тезнафъ и на каналахъ видѣли остроумное приспособленіе шелушить рисъ помощію водяной силы. Это была водяная мельница съ наливнымъ колесомъ, ось котораго помощію двухъ, прикрѣпленныхъ близъ ея концевъ, планокъ приводила въ движеніе рычагъ. Къ длинному плечу этого рычага прикрѣпленъ былъ подъ острымъ угломъ толкачъ, который съ каждымъ взмахомъ планокъ поднимался и падалъ. Вся эта машина грубо сдѣлана изъ дерева и недорога вслѣдствіе своей простоты. Она съ успѣхомъ можетъ быть примѣнена въ Кашмирѣ. Нѣсколько далѣе мы въѣхали въ Якшамба Базаръ, т. е. «Воскресный Рынокъ», и сошли съ лошадей у вновь выстроеннаго дома, передъ *дастурханомъ*. Изъ двадцати человѣкъ, державшихъ подносы, у девяти были зобы, а изъ одиннадцати другихъ, стоявшихъ за воротами, было съ зобами пятеро. Мы замѣчали эту болѣзнь на всемъ пути отъ Санджу, но здѣсь, равно какъ и дальше на нашемъ пути, она была повидимому всеобщею, и даже въ самомъ Яркандѣ три четверти населенія страдало зобами, достигавшими иногда громадныхъ размѣровъ. Здѣсь турец-

кіе офицеры изъ свиты Хаджи Торы явились, на удивленіе туземцевъ, въ полной формѣ и породили множество разнорѣчивыхъ мнѣній о томъ, кто такіе они были. Хотя на головѣ у нихъ и была красная феска съ черной шелковой кистью, составлявшая признакъ ихъ національности, тѣмъ не менѣе ихъ одежда и весь общій видъ былъ совершенно европейскій, такъ что единовѣрцамъ ихъ было совершенно простительно не узнать своихъ давно не видавшихся съ ними братьевъ безъ формальнаго представленія, тѣмъ болѣе, что западная форма языка была едва ли понятнѣе для жителей, чѣмъ тотъ странный жаргонъ, на которомъ говорили мы.

Продолжая нашъ путь къ Посгаму, мы проѣхали нѣсколько пустынныхъ и болотистыхъ полосъ и въ часъ съ половиною достигли лагерной стоянки близъ Шаршамба Базара или «Рынка по середамъ». На слѣдующій день 8-го ноября мы вступили въ Яркандъ, гдѣ и остановились на три недѣли. Дорога туда, на протяженіи двѣнадцати миль, шла по предмѣстьямъ города, который по характеру своему походилъ на описанныя уже деревенскія поселенія, и мили за три до него мы перешли рѣку Яркандъ по широкому и мелкому броду съ твердымъ каменистымъ днемъ. Рѣка называется здѣсь Зарявшанъ, т. е. «разсыпающая золото», не потому чтобы какой либо драгоцѣнный металлъ скрывался подъ ея волнами, но вслѣдствіе того благосостоянія, которое распространяютъ ея воды орошеніемъ этой мѣстности. Самый городъ со всѣми его южными предмѣстьями получаетъ воду изъ этой рѣки посредствомъ запутанной сѣти маленькихъ каналовъ, покрывающихъ землю и наполняющихъ ее жизнью и плодородіемъ, которые кажутся тѣмъ богаче и обильнѣе, что составляетъ противуположность съ безмолвными песчаными и болотистыми пустынями окружающихъ мѣстностей. Рѣка глубока и течетъ двумя большими каналами по широкому каменистому ложу, имѣющему поперегъ около мили, между низкими песчаными валами. Позднѣе воды бываетъ меньше, такъ что можно пройти по камнямъ не замочивъ ногъ. Но въ лѣтній жаръ, отъ таянія снѣговъ и ледниковъ у истоковъ, рѣка наполняется водою, и тогда ее переѣзжаютъ въ лодкахъ, которыхъ двѣ или три стоятъ для этого у перевоза Айгачи на нѣсколько миль ниже того мѣста, гдѣ мы переправлялись.

Мы сошли съ лошадей у нѣсколькихъ палатокъ, раскинутыхъ около дороги близъ Лангаръ Зильчака, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ

города, для утомительной церемоніи *дастуркана*, и воспользовались случаемъ, чтобы снять свое дорожное платье и надѣть форменное, которое мы носили въ подобныхъ случаяхъ. Пока мы стояли здѣсь, явился эсаулъ-баши Ніаматулла, «главный жезлоносецъ» при дворѣ дадкваха, чтобы отъ имени своего господина встрѣтить и привѣтствовать посланника. Въ рукѣ у него была эмблема его должности, длинный бѣлый ивовый жезлъ, съ которымъ онъ повидимому не разставался, ибо мы всегда видѣли его съ этимъ жезломъ. Его сопровождала стража человѣкъ въ двадцать солдатъ, которые всѣ были одѣты и вооружены подобно ему, какъ андижанцы.

Онъ былъ представленъ посланнику Хаджи Торою и, послѣ обычныхъ взаимныхъ привѣтствій, передавъ свои сообщенія, подвелъ къ нему свою стражу для выраженія почтенія. Она стояла до этого времени выстроившись въ рядъ по одну сторону площади передъ нашей палаткой, теперь же раздѣлилась на группы по пяти и по шести человѣкъ, которыя поочередно стали подходить для привѣтствія къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ посланникъ и свита. Они дѣлали это, падая на одно колѣно и быстро взмахивая передъ собою обѣими руками, при чемъ бормотали какія-то слова, смыслъ которыхъ мы не могли понять; затѣмъ они вставали, поглаживая бороды, и отступали назадъ на свои мѣста, послѣ чего подходила другая группа и продѣлывала ту же самую церемонію. Вся процедура продолжалась нѣсколько минутъ. Люди эти были красивы, и по типу своему совершенно отличались отъ остального народа страны; въ широкихъ складкахъ своего платья они казались чрезвычайно высокими.

У нихъ были надѣты высокіе сапоги, подбитые мѣхомъ, которые отчасти прикрывались широкими штанами. Послѣдніе были чрезвычайныхъ размѣровъ и надѣты по двѣ, по три и даже болѣе паръ — одни сверхъ другихъ. Сверхъ всего надѣты были одна на другую длинныя одежды въ видѣ халата, числомъ четыре, пять или шесть. Они были изъ набивной бумажной ткани или коканскаго шелку всевозможныхъ яркихъ цвѣтовъ и крупныхъ пестрыхъ рисунковъ. Рукава были необычайной длины, вверху широкіе, а внизу узкіе, такъ что топырились выше кисти въ видѣ буффы, расширяющейся кверху. У пояса, складки длиннаго шарфа перятягивали все платье въ два огромные узла, верхній и нижній, которые въ особенности топырились при сидячемъ положеніи. Къ шарфу этому была прицѣплена кожаная перевязь, на которой висѣлъ мечъ и множество приборовъ

для длиннаго ружья, стрѣляющаго съ сошки, которая висѣла на плечѣ и поддерживалась рукою, и всякія другія необходимыя для солдата вещи. Здѣсь были кожаные мѣшечки для пороху и пуль, футляры изъ выдѣланной кожи для молотка, шила, ножа и пр; здѣсь были также кремень и огниво, маленькій ящичекъ для нюхательнаго или курительнаго табаку, и чего чего только тутъ не было. Сверхъ же всего, какъ бы вѣнецъ всей одежды, былъ бѣлоснѣжный тюрбанъ, гордый знакъ преданности исламу.

Когда эта церемонія была окончена, мы сѣли снова на лошадей и отправились въ городъ. Эсаулъ-баши и его стража, верхомъ, на крѣпкихъ маленькихъ туземныхъ лошадяхъ, ѣхали впереди. За ними слѣдовалъ верховой отрядъ нашихъ проводниковъ, затѣмъ посланникъ съ Хаджи-Торою — каждый въ сопровожденіи своихъ офицеровъ и наконецъ наши верховые спутники. Приблизительно въ милѣ отъ города мы были встрѣчены главнѣйшими купцами и гражданами. Они стояли около дороги, и, привѣтствуя насъ, присоединились къ нашей партіи и увеличили процессію всадниковъ до двухсотъ пятидесяти человѣкъ. Никто изъ нихъ не былъ хорошо одѣтъ и не имѣлъ оружія, исключая нѣсколькихъ примѣшавшихся къ нимъ оффиціальныхъ лицъ отъ правительства. Общій видъ ихъ былъ оборванный и тѣмъ болѣе выдѣлялъ наше собственное *grande tenue*.

Близъ города дорога, какъ мы замѣтили, была только наскоро очищена, лужи засыпаны, кучи навозу разровнены, и по обѣимъ сторонамъ ея стояли толпы гражданъ, которые при проѣздѣ нашемъ хранили полное спокойствіе и смотрѣли на насъ съ почтительнымъ молчаніемъ. Они не выказывали ни удивленія, ни любопытства, не произносили ни одного звука. Они были одѣты въ овчины и подбитые ватой туземные халаты изъ бумажной ткани, на ногахъ были высокіе сапоги, а на головѣ татарскія мерлушковыя шапки, опушенныя выдрою. Люди были хорошо расположены къ намъ, на сколько можно было судить по ихъ безобразнымъ лицамъ и невыразительному взгляду.

Я никогда не видывалъ болѣе смирной толпы и болѣе покорно смотрѣвшаго народа, чѣмъ тотъ, среди котораго мы въѣзжали въ Яркандъ. Въ то же время я никогда не видывалъ такого собранія отталкивающихъ и хилыхъ лицъ. Я не въ состояніи дать точное понятіе о томъ смѣшеніи физіономій, которое представляла эта толпа, хотя надъ всѣмъ разнообразіемъ формъ и преобладалъ одинъ глав-

ный типъ. Сухощавое, безбородое лицо и толстое сложеніе манджуровъ со впалами глазами и высокими скуловыми костями представляли крайность въ одномъ направленіи, а толстое, совершенно гладкое лицо красновато-желтаго калмыцкаго цвѣта съ косыми глазами и плоскими щеками—въ другомъ.

Между этими какъ бы фамильными типами были и бородатый блѣдно-желтый мѣстный турокъ, и угловатый румяный киргизъ степей; затѣмъ дунганъ, съ его грубыми, рѣзкими чертами лица, и толстогубый китаецъ, съ его четыреугольной физіономіей; какъ тѣ такъ и другіе изъ западнаго Китая; наконецъ еще цѣлое множество разнообразныхъ монгольскихъ формъ, въ которыхъ отличительныя черты другихъ типовъ сдѣлались неопредѣленными вслѣдствіе смѣшенія ихъ или же утратились вслѣдствіе сильной посторонней примѣси, слѣды и послѣдствія которой были замѣтны въ бывшей передъ нами толпѣ. Привлекательны своею оригинальностью высокій ростъ и красивое лицо кавказца, чистый типъ котораго можно было видѣть отъ времени до времени въ бѣлокожемъ кашмирцѣ и его болѣе смугломъ родственникѣ бадакшанцѣ; главнѣйшія черты ихъ совершенно сохранились въ «оргунахъ», происшедшихъ отъ ихъ браковъ съ туземными женщинами. Точно также достойны замѣчанія крѣпкое сложеніе и умный взглядъ господствующаго нынѣ въ странѣ народа—узбектатаръ Андижана и «чалуртовъ»,—происшедшихъ отъ прежнихъ смѣшеній андижанъ съ мѣстнымъ народомъ, при чемъ прекрасная комбинація племенныхъ типовъ, вслѣдствіе смѣшенія съ таджиками, ничуть не потеряла отъ возвращенія къ первоначальному турецкому типу.

Таковы были главнѣйшія фамильныя различія въ лицахъ видѣнной нами здѣсь толпы, если принимать за образецъ лучшія изъ нихъ, ибо цѣлая половина всѣхъ людей были обезображены въ большей или меньшей степени зобами и болѣзненнымъ выраженіемъ лица, происходившимъ, какъ я узналъ впослѣдствіи, болѣе отъ чрезмѣрнаго употребленія опіума и *банги*, чѣмъ отъ природной блѣдности кожи.

Мы въѣхали въ городъ черезъ Алтунъ Дабза, т. е. «Золотыя Ворота», съ южной его стороны, затѣмъ, проѣхавъ налѣво нѣсколько улицъ, тамъ и сямъ занятыхъ рядами лавокъ или частныхъ домовъ, выѣхали черезъ Кавугатъ Дабза, т. е. «Дынныя Ворота», на западной сторонѣ, на *тсингай*, т. е. «общественный рынокъ», китайскихъ

временъ. Это былъ родъ военнаго базара между городомъ и его фортомъ, или *мангшиномъ*, нынѣшнимъ Янгишагаромъ, въ четырехъ стахъ ярдахъ или около того, къ западу. Въ дни своего процвѣтанія онъ былъ, какъ намъ разсказывали, чрезвычайно оживленъ и главная его улица все еще представляетъ веселый видъ, съ своими раскрашенными флагами и вывѣсками лавокъ китайскихъ купцевъ, пріѣзжавшихъ сюда для продажи и закупки товаровъ; трактиры же и шалаши постоянныхъ жителей были всегда полны посѣтителями и искателями удовольствій изъ города и форта.

О прежнемъ движеніи и дѣятельности свидѣтельствуютъ нынѣ жалкія развалившіяся хижины suttlers близъ воротъ. Направо за ними находятся разрушившаяся палата суда и сохранившаяся мечеть—оба эти зданія выдаются по своимъ размѣрамъ. Позади ихъ есть открытое пространство, служащее скотнымъ рынкомъ и мѣстомъ казней, для которыхъ на возвышеніи, въ верхнемъ концѣ площади, стоитъ висилица съ тремя глаголями; но снаружи, черезъ дорогу, зданія эти имѣютъ видъ разломанныхъ стѣнъ и груды развалинъ.

Мы не видѣли стражи ни у однихъ изъ городскихъ воротъ, черезъ которыя мы проѣзжали, исключая двухъ-трехъ сидящихъ на землѣ человѣкъ, съ лежавшими возлѣ нихъ ружьями. Но, въѣзжая въ фортъ по перекинутому черезъ ровъ подъемному мосту, мы проѣхали мимо караульни между наружными и внутренними воротами, на верандѣ которой сидѣло человѣкъ тридцать, вооруженныхъ подобно описаннымъ выше. Покрой платья у нихъ былъ самый разнообразный, но у всѣхъ были надѣты одинаковые бѣлые тюрбаны. Всѣ они сидѣли на пяткахъ скрещенныхъ ногъ, безмолвно и недвижимо, какъ статуи, съ положенными передъ собою въ рядъ большими ружьями, дуломъ впередъ, съ мечами на колѣняхъ. Руки у нихъ были сложены вмѣстѣ и скрыты спускавшимися рукавами, чрезвычайная длина которыхъ устраняла необходимость перчатокъ. Когда мы проѣзжали мимо, то нѣкоторые изъ нихъ подняли глаза, чтобы взглянуть на насъ, но у большей части они остались по прежнему устремленными въ землю съ почтительнымъ наклоненіемъ головы. Когда мы проѣзжали внутреннія ворота, то вправо отъ насъ видѣнъ былъ сарай съ пушечными лафетами и старыми пушками, остатками отъ китайскаго управленія. Около этого сарая было человѣкъ тридцать артилеристовъ, одѣтыхъ въ красную турецкую

форму—штаны, куртy и шапку; все было изъ одного матеріала, но плохаго качества и дурно сшито. Всѣ они сидѣли, и когда мы проѣзжали мимо, то только повернули къ намъ свои удивленныя лица.

Далѣе мы проѣхали еще немного между стѣнъ съ солдатскими помѣщеніями по обѣимъ сторонамъ, и затѣмъ сошли съ лошадей на дворѣ приготовленной для насъ резиденціи, той самой, которую занималъ съ своей партіей м-ръ Форситъ, когда былъ здѣсь въ 1870 г., но увеличенной нѣсколькими комнатами, такъ какъ насъ было больше. Помѣщеніе было снабжено коврами и пр. почти въ томъ же родѣ, какъ въ Каргаликѣ.

Тотчасъ же по нашемъ прибытіи, не смотря на то, что мы не болѣе часу тому назадъ исполнили уже обычный долгъ въ Зильчакѣ, былъ принесенъ *достурканъ* изъ девяносто двухъ подносовъ съ плодами и сладостями, такимъ же числомъ солдатъ, которые заняли почти весь дворъ, между тѣмъ какъ на верандѣ, передъ помѣщеніемъ посланника, было разставлено множество вареныхъ кушаньевъ. Въ то же самое время одинъ изъ главныхъ приближенныхъ ко двору дадквага явился къ посланнику отъ имени своего господина для *ачманъ харманъ* («не голодны ли вы, и не устали ли вы»), т. е. церемоніальнаго освѣдомленія о здоровьѣ и пр., и черезъ него было условлено, что посланникъ посѣтитъ дадквага на слѣдующій день.

Между тѣмъ, оставаясь пока дома, мы устроились въ своихъ помѣщеніяхъ и осмотрѣли ихъ. Мы имѣли полное основаніе остаться довольными заботливостью объ насъ, какъ о гостяхъ Аталыка Хазы. Во все время нашего пребыванія здѣсь, мы пользовались всевозможнымъ вниманіемъ со стороны оффиціальныхъ лицъ, назначенныхъ услуживать намъ, и полною свободою осматривать городъ и его окрестности.

На слѣдующій день въ два часа, какъ было назначено, явился эсаулъ-баши, чтобы проводить посланника, который въ сопровожденіи своей свиты, въ вицъ-мундирѣ, отдалъ оффиціальный визитъ дадквагу. Резиденція его составляла нѣчто въ родѣ внутренняго форта или цитадели, неподалеку отъ насъ, на концѣ той же улицы. Около самой цитадели стояла артилерійская стража передъ шестью, восемью ружьями. Она была одѣта въ красную, уже описанную, форму и стояла у ружей; когда мы проходили мимо открытое мѣсто передъ воротами, для чего то было только-что отгорожено и

поперегъ входа положена перекладина. Впрочемъ послѣдняя была принята, когда мы представлялись, такъ что мы проѣхали на лошадяхъ до самыхъ воротъ. Стража встала, когда мы проѣзжали мимо, и Мухаммедъ Али, старшій сынъ дадквага и махрамбаши т. е. «главный пажъ» при его дворѣ, принявъ посланника на внѣшнемъ дворѣ, провелъ его къ залѣ аудіенціи черезъ два другіе двора, изъ которыхъ въ каждомъ стояла стража. Здѣсь дадквагъ вышелъ на веранду и принялъ самъ посланника весьма радушно. Мы всѣ были также поочередно представлены, послѣ чего онъ сѣлъ съ своимъ гостемъ на подушкахъ, на возвышеніи въ залѣ, мы же расположились въ рядъ также на подушкахъ пониже ихъ.

Зала аудіенціи была веселая комната въ шестьдесятъ или семдесятъ футовъ длины и въ двадцать пять футовъ ширины, съ четырмя или пятью окнами, выходившими на веранду. Потолокъ былъ росписанъ яркими красками и изукрашенъ персидскими стихами. Полъ покрывали хотанскіе ковры, и кромѣ ихъ никакой меблировки не было. Когда нашими людьми были поднесены подарки, явился *дастурканъ* изъ чаю, сладостей, печенья и плодовъ, какой подается гостямъ при всякомъ обыкновенномъ случаѣ. Вареная пища, какъ прежде, подается лишь въ необыкновенныхъ случаяхъ, напр. на пути, и служитъ вмѣсто обѣда. Чай былъ превосходный и имѣлъ особенный прекрасный и совершенно новый для насъ ароматъ. Онъ былъ приготовленъ безъ молока, въ какомъ видѣ конечно и слѣдуетъ употреблять этотъ напитокъ. Дадквагъ сказалъ намъ, что чай этотъ получается черезъ русскихъ купцовъ изъ Альматы. Въ настоящее время онъ весьма рѣдокъ въ странѣ и продается, какъ мнѣ помнится, по шестнадцати или восемнадцати шиллинговъ за фунтъ. Здѣсь нашли себѣ сбытъ и нѣкоторые индійскіе чаи, но едва ли успѣли пріобрѣсть особенное расположеніе, такъ какъ запахъ ихъ совершенно не похожъ на тотъ, къ которому привыкъ здѣшній народъ. Во время нашего пребыванія въ Кашгарѣ, посланникъ подарилъ Аталыку-Хазы нѣсколько тюковъ гималайскаго чаю, привезеннаго имъ изъ Индіи, но его высочество такъ плохо оцѣнилъ его качество, что раздѣлилъ весь между своими офицерами и слугами, прежде даже чѣмъ мы успѣли выѣхать отъ него. Дадквагъ принималъ насъ однихъ, ординарцы же посланника вмѣстѣ съ нѣсколькими придворными и нашимъ лагернымъ сержантомъ стояли въ дверяхъ. Послѣдній былъ въ полномъ шотландскомъ костюмѣ, со знаменемъ, и лентами своихъ

трубъ довершалъ великолѣпіе своей наружности. Хозяинъ нашъ разъ или два взглянулъ на него, но къ удивленію нашему не сдѣлалъ никакого замѣчанія. Впослѣдствіи мы узнали, что деликатность подавила въ немъ естественное любопытство, которое, по нашему мнѣнію, долженъ былъ возбудить этотъ странный нарядъ; дадквагъ былъ такъ скандализованъ видомъ голыхъ колѣнъ, что сдѣлалъ выговоръ своему *эсаулъ-баши* за то, что тотъ «слишкомъ торопилъ насъ, отчего одинъ изъ членовъ нашей свиты явился передъ нимъ безъ штановъ».

Обширное чтеніе не познакомило дадквага съ особенностями «Одежды Галла» и изъ нашего визита онъ узналъ нѣчто новое. Мухамедъ Юнусъ, хотя и не имѣлъ такой опытности, какъ Хаджи Тора, тѣмъ не менѣе слылъ за самаго ученаго человѣка между властителями страны андижанцами, и конечно былъ самымъ лучшимъ изъ управителей. Родомъ онъ изъ Ташкента, гдѣ жили его братья, когда мы были въ Яркандѣ, и былъ писцомъ Аталыка Хазы, когда послѣдній занималъ должность *мира* (соотвѣтствующую посту бея въ Санджу, т. е. губернатора маленькаго деревенскаго округа) подъ управленіемъ Маллахъ Хана.

Когда Аталыкъ Хазы, бывшій въ то время *кушбеги* Якубъ Бекомъ, сталъ на сторону кипчакскаго предводителя Алимъ Кула, то секретарь его получилъ назначеніе къ двору новаго хана въ качествѣ *шахавалъ-баши* или «главнаго контролера» офицеровъ, обязанныхъ принимать гостей и иностранцевъ. По смерти Алимъ Кули въ дѣлѣ противъ русскихъ въ Ташкентѣ и возвращеніи Худояръ Хана къ управленію Коканомъ, онъ бѣжалъ изъ страны съ нѣкоторымъ числомъ другихъ лицъ, бывшихъ во время предшествовавшей возвышенію Алимъ Кула революціи, и противъ русскихъ, и противъ Худояра и вмѣстѣ съ ними явился къ Аталыку Хазы въ Кашгаръ вскорѣ послѣ того, какъ послѣдній, низвергнувъ своего господина, Ходжу Бузургъ Хана, захватилъ управленіе въ свои руки.

Старый господинъ охотно принялъ его снова къ себѣ въ службу и, полагаясь на него, какъ на самаго вѣрнаго и умнаго своего совѣтника, назначилъ его во вновь пріобрѣтенной области Ярканда, занимающей приблизительно такое же пространство, хотя и не столь населенной, какъ пешеварскій округъ, на должность *дадквага*, или «первокласснаго» губернатора, въ родѣ нашего коммиссара округа въ Пенджабѣ. Репутація, пріобрѣтенная имъ на его первой должности, не оставила его и здѣсь, отчего соотечественники обыкновенно именуютъ его шахавалъ-дадквагъ. Въ первые годы правленіе его было чрезвычайно строгое, и если вѣрить молвѣ, то на висѣлицахъ постоянно качались преступники, пока мѣстность дѣйствительно не была очищена отъ злодѣевъ. Во всякомъ случаѣ теперь граждане не выказываютъ особенныхъ признаковъ обыкновенно приписываемаго имъ буйнаго и задорнаго нрава, хотя все еще находятся подъ весьма строгимъ полицейскимъ надзоромъ. Впрочемъ намъ дадквагъ былъ извѣстенъ съ хорошей стороны, благодаря его гостепріимству въ отношеніи къ нашимъ путешественникамъ изъ Индіи; онъ много способствовалъ торговлѣ съ Индіей миролюбивымъ обхожденіемъ съ нашими купцами безъ всякаго примѣненія требованій *шаріата* и религіозныхъ стѣсненій, каковы двойной размѣръ пошлины съ индусовъ и другихъ не-мусульманъ, воспрещеніе тюрбану въѣзда въ городъ, если онъ ѣдетъ на осѣдланной лошади и т. д.

Послѣ этого визита мы сдѣлали визитъ Хаджи Торѣ, занимавшему домъ какъ разъ противъ нашего помѣщенія, а вечеромъ отправились вмѣстѣ съ нимъ въ городъ, гдѣ долженъ былъ быть приготовленъ для насъ *хаммамъ*. Нѣкоторые изъ чиновниковъ дадквага попробовали-было отговариваться, не желая повидимому, чтобы мы входили въ ихъ баню, но препятствіе это было скоро устранено Хаджи Торою,—пославшимъ одного изъ своихъ собственныхъ слугъ устроить все дѣло и затѣмъ присоединившимся къ нашей партіи, чтобы насладиться вмѣстѣ съ нами. Мы были особенно обязаны нашему другу за этотъ поступокъ, такъ какъ затѣмъ мы уже пользовались полной свободой дѣйствій во все время нашего пребыванія въ этой странѣ шпіонства и полицейскихъ стѣсненій, тяжесть которыхъ испытали Гайвардъ, Шау и русскіе посѣтители, хотя и въ самой легкой формѣ въ сравненіи съ участью, которая навѣрное постигла бы ихъ въ Кабулѣ.

Гаммамъ конечно не обошелся безъ обычнаго *дастурквана* и мы вернулись въ свои квартиры совершенно довольные успѣхами дня, хотя, вслѣдствіе вышеупомянутаго недоразумѣнія, баня не была натоплена такъ хорошо, какъ бы слѣдовало для того, чтобы вполнѣ наслаждаться ею. Она походила во всѣхъ отношеніяхъ на бани Пешавара и между банщиками ея довольно интересны были два афганца. Одинъ изъ нихъ завязалъ со мной знакомство и разсказалъ

мнѣ всю мою жизнь съ изумившею меня вѣрностью. Изъ его болтовни я узналъ, что онъ родомъ изъ Кандагара, былъ въ Пешаварѣ и два года тому назадъ пробрался сюда черезъ Кабулъ и Бадакшанъ. Замѣчательно, какъ странствуютъ всюду эти афганцы. Въ качествѣ торговцевъ и солдатъ они проходятъ всю Индію до Декана, встрѣчаются въ Турціи и Египтѣ, Нижнемъ Новгородѣ, равно какъ и на рынкахъ Тегерана и Бухары. О многочисленности же ихъ здѣсь даетъ понятіе тотъ фактъ, что когда Аталыкъ Хазы прибылъ въ Кашгаръ, къ нему присоединилось ихъ болѣе ста человѣкъ. Люди эти, подобно и другимъ ихъ соотечественникамъ, служащимъ въ арміи управителя Хотана, во время дунганскаго мятежа были, повидимому, разсѣяны по городамъ страны въ качествѣ торговцевъ, и при появленіи Хазы промѣняли денежныя спекуляціи на военные грабежи и выгоды, которые, помимо естественныхъ склонностей, были обязательны для нихъ, какъ для ревнителей ислама.

Въ пылу религіознаго и воинственнаго рвенія они становились подъ знамя Аталыка Хазы и не мало способствовали успѣху его походовъ; но сами они при этомъ попали въ тенета, на которыя въ то время не обращали вниманія. Втеченіе ряда своихъ побѣдъ, всѣ они потѣшились на мѣстныхъ женщинахъ, большею частью военноплѣнныхъ, когда же начальникъ ихъ шайки сталъ независимымъ господиномъ мѣста своихъ побѣдъ, они оказались подданными короля-деспота, а вовсе не благородными воителями за вѣру, или свободными кочевниками по владѣніямъ невѣрныхъ, какъ они разсчитывали. По окончаніи войны многіе изъ нихъ пытались получить позволеніе вернуться домой, но оказалось, что Кашгарія, семейныя узы привязали ихъ къ землѣ слишкомъ сильно, и они не были въ состояніи освободиться. Оказалось, что новый управитель не позволялъ ни одной женщинѣ оставить пріобрѣтенной имъ страны, со столь порѣдѣвшимъ, вслѣдствіе послѣднихъ убійствъ и войнъ, мужскимъ населеніемъ, точно такъ же, какъ не позволялъ мужьямъ ихъ и законнымъ покровителямъ оставлять ихъ на шею другимъ. Такимъ образомъ афганскіе авантюристы имѣютъ дѣйствительно весьма мало шансовъ хоть когда нибудь выйти изъ насильственно присвоившей ихъ страны, ибо управитель ея на столько же не терпитъ, чтобы мужчина оставлялъ его владѣнія, на сколько строго запрещаетъ это женщинѣ. Въ то же время быстрая расправа съ пойманными бѣглецами достаточна для того, чтобы удерживать даже

самыхъ предпріимчивыхъ людей отъ попытокъ обезпечить свою свободу черезъ уклоненіе отъ закона.

Еще до нашего вступленія въ страну, Хаджи Тора сообщилъ между прочимъ посланнику и то мѣстное правило, чтобы имъ могли руководствоваться тѣ изъ нашихъ спутниковъ, которые вздумали бы подарить свои сердца мѣстнымъ красавицамъ, и такимъ образомъ потерять свою свободу. «Они могутъ жениться здѣсь, если пожелаютъ, сказалъ онъ, — это не запрещается, но, если уже женятся, то должны оставаться здѣсь. Они не могутъ тогда оставить страну вмѣстѣ съ вами». Не возьмусь рѣшать вопроса, прелести ли татарскихъ красавицъ имѣли мало привлекательности, или же слишкомъ страшно было правило Аталыка Хазы, но фактъ тотъ, что болѣе чѣмъ изъ ста подданныхъ Индіи—ни одинъ не захотѣлъ измѣнить вѣрноподданство даже для такихъ бережливыхъ женъ и такихъ правовѣрныхъ правилъ, какими славится Кашгаръ.

Я открылъ при резиденціи какъ здѣсь, такъ и впослѣдствіи въ Кашгарѣ, безплатную аптеку для бѣдныхъ, и между посѣщавшими ее видѣлъ много афганцевъ, служащихъ у Аталыка Хазы. Изъ разговоровъ съ ними на ихъ языкѣ, котораго не понимали окружающіе, мнѣ удалось познакомиться съ положеніемъ дѣлъ страны, чего нельзя было сдѣлать ни черезъ андижанцевъ, назначенныхъ служить намъ, ни черезъ народъ, который былъ старательно отдаляемъ отъ насъ, такъ что мы имѣли возможность видѣть его лишь въ присутствіи его опекуновъ.

Полицейская система здѣсь, какъ мы вскорѣ открыли, представляетъ самую запутанную сѣть, которой никто не понимаетъ и всякій боится. Вслѣдствіе этого народъ молчаливъ и подозрителенъ. Визиты изъ дома въ домъ не одобряются правительствомъ и за частными разговорами наблюдаютъ его агенты. Народъ видитъ шпіона во всякомъ встрѣчномъ и потому здѣсь всѣ, вмѣсто всякаго разговора, обращаются другъ къ другу лишь съ учтивыми общими фразами и вѣжливыми поклонами. Всѣ знаютъ, что всякое слово, всякій поступокъ будутъ извѣстны и потому ведутъ себя соотвѣтственнымъ образомъ. Ни одинъ путешественникъ или купецъ не можетъ тронуться съ мѣста, или оставить страну, не имѣя на то разрѣшенія, и ни одинъ подданный не можетъ отправиться изъ одного города въ другой безъ паспорта, а чтобы оставить страну для торговли, богомолья или другой какой надобности, долженъ пред-

ставить обезпеченіе. Вся система вообще такъ же хорошо организована, какъ и въ болѣе цивилизованныхъ странахъ Европы, гдѣ только она существуетъ, и при томъ она устроена почти по тому же образцу, что много говоритъ въ пользу административныхъ талантовъ Аталыка Хазы и его главнаго совѣтника, яркандскаго дадквага. Намъ пришлось испытать дѣйствіе этой системы вскорѣ послѣ того, какъ мы встали подъ ея покровительство, и случай этотъ открылъ намъ всю таинственную сѣть ея агентовъ, заставивъ насъ быть осторожнѣе среди нашихъ хозяевъ и друзей.

ГЛАВА VIII.

Исторія города Ярканда.—Политическія партіи въ странѣ.—Времена китайскаго владычества. — Дунганское возстаніе. — Внутренность города. — Разноплеменность его жителей.—Внутренность ресторана.—Торговый и будничный день.—Прогулка по лавкамъ. — Колибельная жизнь татарскихъ дѣтей.—Русскія покрышки и англійское содержимое.—Лавка съ желѣзнымъ товаромъ.—Городскія учрежденія.—Остатки китайскаго владычества.—Андижанскій караванъ-сарай.—Городской магистратъ.—Упадокъ процвѣтанія.

Во время нашего пребыванія въ Янгишахарѣ или «Новомъ Городѣ» Ярканда мы пользовались предоставленной намъ свободой посѣщать смежный Кухна Сахаръ, т. е. «Старый Городъ», съ цѣлью изучить его особенности и познакомиться, по возможности, съ его исторіей. Мы видѣли его суетливость и людность въ рыночные дни, а также пустынность и бездѣятельность его улицъ въ обыкновенное время, и имѣли полную возможность судить о его размѣрахъ, населеніи, торговлѣ и промышленности.

Яркандъ одинъ изъ древнихъ городовъ Татаріи; въ отдаленныя времена онъ былъ резиденціей турецкихъ князей афразіабской династіи. Мнѣ не удалось встрѣтить объясненія относительно происхожденія его названія, но слѣдуя Ремюза, который производитъ Хотанъ отъ санскритскаго Кустана, я осмѣливаюсь предполагать, что оно происходитъ изъ того же источника вмѣстѣ съ нѣсколькими другими мѣстными названіями, хотя нынѣшняя орографія ихъ и не ясно выдастъ ихъ происхожденіе отъ санскритскихъ формъ, какъ въ вышеприведенномъ примѣрѣ. Но этимологія ихъ не можетъ быть произведена ни отъ какого мѣстнаго корня, въ то время какъ легко и безъ натяжки передѣлывается изъ санскритскихъ формъ, что, вмѣстѣ съ древнею историческою связью страны, говоритъ, повидимому, въ

пользу вышеприведеннаго мнѣнія. Такимъ образомъ Яркандъ есть татарская форма Гари Канд'а, что значитъ «жилище Гари»; въ другихъ мѣстахъ его называютъ Гератъ и Гари близъ Пешавара — Гари Чандъ, а близъ Дели—Гаріана. Гражданами своими это мѣсто называется Гіарканъ, но пишется Яркандъ. Городъ не показываетъ слѣдовъ того, чтобы когда нибудь онъ занималъ большее пространство, чѣмъ занимаетъ въ настоящее время. Повидимому, онъ былъ столицею лишь маленькаго, окруженнаго песками, округа, среди котораго онъ находится, и только иногда во время революцій, въ качествѣ мѣстопребыванія властей, возвышался надъ другими подобными же маленькими государствами, составляющими его естественную географическую территорію въ бассейнѣ рѣки Таримъ.

Уэллсъ Уилльямсъ въ своей «Срединной Имперіи» приписываетъ, какъ мнѣ помнится, стѣнамъ Ярканда окружность въ семнадцать миль. Но невѣроятно, чтобы городъ когда нибудь достигалъ подобныхъ размѣровъ, ибо страна не въ состояніи была бы пропитывать его населеніе, если только характеръ его не былъ прежде совершенно иной, чѣмъ въ настоящее время. Гораздо возможнѣе, что при измѣреніи были включены и окрестности, изъ которыхъ получались городомъ средства для пропитанія, такъ какъ и въ настоящее время Яркандъ, какъ городской округъ, отдѣльно отъ территоріи, находящейся въ его непосредственномъ вѣдѣніи, имѣетъ пожалуй именно такую окружность.

Благодаря своему положенію на линіи древнихъ караванныхъ путей изъ Китая въ Турцію, черезъ Каратегинъ и Бадакшанъ въ Балкъ, онъ имѣлъ прежде довольно большое значеніе,и долго оспаривалъ у Кашгара честь быть столицею страны. Но лучшее положеніе послѣдняго на болѣе прямомъ и легкомъ пути черезъ Андижанъ, вмѣстѣ съ его стратегическимъ значеніемъ, уже давно обезпечило за нимъ первенство, удерживавшееся имъ болѣе или менѣе непрерывно отъ времени возвышенія арабовъ до паденія моголовъ. Яркандъ между тѣмъ имѣлъ второстепенное значеніе, и лишь отъ времени до времени, когда анархія давала къ тому случай, достигалъ кратковременной независимости, какъ отдѣльное государство, но, повидимому, не былъ мѣстопребываніемъ правительства, пока Абабакръ Мирза не сдѣлалъ его столицею своего царства, границами котораго были Аксу и Хотанъ на востокѣ, Атбаши и Исыкъ-Кулъ на сѣверѣ, Узкандъ (нынѣ въ развалинахъ), Ушъ и Мади, Жагракъ

и Болорскія или Памирскія степи до Вакхана на западѣ, и Тибетское плоскогорье до Каракорума на югѣ.

Абабакръ значительно украсилъ городъ большими домами и садами и усилилъ его укрѣпленія такими затѣями, которыя авторъ «Тарики Рашиди» описываетъ какъ новость страны. Онъ снабдилъ каждыя городскія ворота наружнымъ укрѣпленіемъ, выдающимся впередъ шаговъ на сто. Въ ста шагахъ отъ воротъ снаружи были выстроены двѣ круглыя башни для стрѣлковъ, соединявшіяся съ воротами параллельными, крытыми ходами, откуда защищавшіеся могли сыпать свои стрѣлы на осаждающаго ворота непріятеля.

Укрѣпленія эти оказывались весьма дѣйствительными при прежнемъ оружіи, такъ что Юнусъ два раза потерпѣлъ неудачу, пытаясь взять городъ, хотя силы его были оба раза несравненно превосходнѣе, чѣмъ у осаждаемыхъ. Нынѣ уже ничего не осталось отъ этихъ укрѣпленій, хотя мѣста ихъ у каждыхъ воротъ обозначены параллельными рядами шалашей и хижинъ, почти такой же длины, какъ и прежнія укрѣпленія. О городѣ во времена Абабакра въ упомянутомъ выше сочиненіи говорится слѣдующее: стѣны, перестроенныя Абабакромъ,заключали пространство въ 200 кв. *мэновъ*, и имѣли шесть воротъ, защищенныхъ вышеописаннымъ образомъ. Часть внутренняго пространства была окружена другой стѣной, какъ *аргъ* или цитадель, гдѣ находился дворецъ, а остальное раздѣлялось на двѣнадцать парковъ или садовъ, изъ которыхъ въ каждомъ были дворцы богатыхъ жителей и до ста простыхъ домовъ. При копаніи и выравниваніи земли во время этихъ усовершенствованій одинъ *казюкъ*, т. е. толпа арестантовъ, нашелъ колодецъ со скрытыми богатствами. Стоимость найденныхъ тамъ драгоцѣнностей и монетъ была такъ велика, что Абабакръ предпринялъ систематическую раскопку всѣхъ древнихъ развалинъ въ своихъ владѣніяхъ, и въ развалинахъ Хотана добылъ огромное количество драгоцѣнныхъ камней и металловъ. Большая часть этихъ богатствъ была расхищена войсками Саида, но самыя дорогія сокровища были захвачены Абабакромъ при его побѣгѣ въ горы и въ концѣ концовъ были погребены въ потокахъ рѣкъ Юрангкаша и Каракаша. Эта то жадность къ неизвѣстнымъ богатствамъ и была причиною всѣхъ его жестокостей и страданій его жертвъ въ «шайкахъ искателей сокровищъ», названныхъ *казюками* по сходству ихъ съ толпами галерниковъ въ Европѣ. Какъ самые ужасные преступники, такъ и невинныя жертвы его гнѣва—всѣ, безъ различія

степени преступленія и пола, приговаривались въ *казюки* для увеличенія числа работниковъ.

Городъ снабжался водою посредствомъ каналовъ, проведенныхъ Абабакромъ изъ рѣки Яркандъ. Качество этой воды чрезвычайно восхваляется, и народъ считаетъ ее лучшею во всемъ мірѣ. Ей вовсе не приписывается дѣйствія производить зобъ, столь распространенный здѣсь, и во всей книгѣ я не встрѣтилъ ни одного упоминанія объ этой болѣзни. Не думаю, чтобы я могъ пропустить что либо касательно этого и потому нахожу это весьма страннымъ, такъ какъ Мирза Хидаръ всюду даетъ весьма полныя и вѣрныя описанія страны вообще. Между тѣмъ распространенность этой болѣзни въ Яркандѣ Марко Поло нашелъ характеристической чертой мѣстнаго климата еще за триста лѣтъ до Мирзы Хидара.

Абабакръ, какъ это сказано въ названномъ сочиненіи, развелъ въ Яркандѣ двѣнадцать тысячъ садовъ, но такъ какъ въ счетъ этотъ вошелъ и Соголокъ близъ Кашгара, то нужно полагать, что число это относится ко всему государству, а не къ одной столицѣ. Въ отчетѣ прославляется благоденствіе страны подъ грозной тираніей его управленія, зависѣвшаго исключительно отъ его деспотической воли. Далѣе, при описаніи Кашгара, я приведу замѣчательный примѣръ силы этой воли.

Когда страна была завоевана Саидомъ, Яркандъ продолжалъ оставаться столицею, но сынъ и пріемникъ Саида, Рашидъ, перевелъ свой дворъ въ Кашгаръ, возвративъ ему, такимъ образомъ, снова значеніе столичнаго города страны. Такъ было до тѣхъ поръ, пока во время анархіи, послѣдовавшей за его смертью, Яркандъ не вздумалъ оспаривать у него это положеніе. Періодъ этотъ извѣстенъ подъ названіемъ узурпаціи Ходжи и взаимныхъ войнъ партій Каратахлукъ и Актахлукъ, т. е. «Черныхъ Горцевъ» и «Бѣлыхъ Горцевъ».

Вскорѣ по своемъ вступленіи на престолъ въ 1533 г., Рашидъ вошелъ въ союзъ съ узбекскими правителями страны къ западу отъ горъ и былъ посѣщенъ знаменитымъ духовнымъ лицемъ Самарканда Маулана Ходжа Казани («нашъ преподобный владыка Казани»), болѣе извѣстнымъ подъ титуломъ Махдуми аль Азимъ («мой верховный Господинъ»). Этотъ святой отецъ былъ принятъ съ надлежащимъ почтеніемъ, въ знакъ котораго получилъ въ Кашгарѣ большое имѣніе. Онъ женился въ Кашгарѣ и оставилъ въ немъ двухъ сыновей: Ходжу Колана и Ходжу Ишака. По смерти отца въ 1542 году въ

Самаркандѣ эти два сына искусились въ дѣлѣ управленія, и образовали двѣ соперничествующія партіи. Старшаго сына, мать котораго была родомъ изъ Самарканда, поддерживали въ его претензіяхъ яркандцы и каратахцы на западѣ, а младшаго, бывшаго мѣстнымъ урожденцемъ—жители Кашгара и Актаха на сѣверѣ.

Ихъ взаимныя зависть и споры повергли страну въ безпорядки и раздробили ее между сыновьями Рашида, которые, сдѣлавшись независимыми въ своихъ отдѣльныхъ маленькихъ владѣніяхъ, начали войны между собою изъ-за первенства. Среди этой анархіи Ходжа Гадайтулла, обыкновенно называемый Хазратъ Афакъ, сдѣлавшійся предводителемъ актахлукской партіи, попытался было завладѣть Кашгаромъ, но получилъ отпоръ и былъ прогнанъ изъ страны; въ концѣ же концовъ, пробравшись на Или, онъ нашелъ себѣ помощь со стороны Халдана, т. е. «управителя» Джунгаріи, чтобы захватить управленіе, которое ему не удалось забрать одному.

Халданъ отправилъ въ Кашгаръ армію и въ 1678 году присоединилъ страну къ своимъ владѣніямъ, сдѣлавъ Ходжу своимъ управителемъ въ столицѣ Ярканда, и размѣстивъ свои калмыцкія войска и чиновниковъ по всѣмъ городамъ. Въ такомъ положеніи страна оставалась почти сто лѣтъ. Занятіе ея калмыками было для нея чисто военною зависимостью, такъ какъ администрація была отдана въ руки мусульманскихъ чиновниковъ, избранныхъ Ходжею и подчиненныхъ калмыцкимъ чиновникамъ, назначеннымъ изъ Джунгаріи. Все это, какъ можно было бы сказать напередъ, повело къ безконечнымъ спорамъ между Ходжами, число которыхъ, съ годами, повидимому возрастало, и наслѣдниками хановъ, у которыхъ были похищены ихъ права, и слѣдовательно правленіе калмыковъ охарактеризовалось цѣлымъ рядомъ войнъ, имѣвшихъ цѣлью возстановить порядокъ въ странѣ, захваченной у ея воюющихъ владѣтелей.

По завоеваніи Джунгаріи китайцами, послѣдніе завладѣли и Кашгаромъ, какъ принадлежностью Халданскихъ владѣній, при чемъ они сохранили ту же систему управленія, какъ и предшественники. Они оставили Яркандъ столицею и резиденціею Хана амбаня, т. е. «главнаго управителя», подчиненнаго вице-королю Или, къ которой Кашгаръ и Джунгарія относились уже какъ провинціи. Они держали страну въ своихъ рукахъ при помощи сильныхъ гарнизоновъ, размѣщенныхъ по городамъ различныхъ, составляющихъ территорію, государствъ, внутреннее управленіе было оставлено въ рукахъ му-

сульманскихъ чиновниковъ, избираемыхъ народомъ или назначенныхъ вицекоролемъ, сами же они только защищали границы и наблюдали за доходами, поддерживая порядокъ въ странѣ и поощряя торговлю. Впрочемъ правленіе ихъ черезъ мусульманъ не оказалось болѣе мирнымъ или выгоднымъ, чѣмъ правленіе ихъ единовѣрцевъ и предшественниковъ калмыковъ при томъ же посредничествѣ, и гордый духъ ислама, находившійся въ броженіи во все время господства иновѣрнаго ига, воспользовался снисходительностью язычниковъ къ своимъ подданнымъ, какого бы вѣроисповѣданія они ни были, чтобы произвести не менѣе четырехъ серьезныхъ возстаній менѣе чѣмъ въ четыре десятилѣтія, съ цѣлью низвергнуть ихъ ненавистное управленіе. Но оно было ненавистно, пока не было утрачено, а затѣмъ мятежники уже жалѣли о немъ, промѣнявъ его на худшее.

Послѣднее изъ этихъ возстаній было подъ предводительствомъ бѣжавшаго въ Коканъ Хаджи Вали Хана, о которомъ я буду еще говорить ниже; варварства его были такъ ужасны, что вѣроятно оно было бы послѣднимъ, если бы даже китайское владычество и не было низвергнуто, благодаря дѣйствію совершенно иныхъ причинъ. Въ эти возстанія вовлечены были Хотанъ, Яркандъ и Кашгаръ, подстрекаемые ходжами, и только они и пострадали отъ мѣръ, явившихся необходимыми для подавленія этихъ возстаній, и едва ли менѣе варварскихъ, чѣмъ вызвавшее ихъ явленіе.

Подъ китайскимъ управленіемъ Яркандъ былъ повидимому самымъ цвѣтущимъ городомъ въ Кашгарской территоріи, но со времени завоеванія страны Аталыкомъ Газы и избранія имъ своею столицею Кашгара, онъ значительно понизился въ отношеніи значенія и благосостоянія. Много лѣтъ должно пройти, чтобы онъ могъ снова возвратить себѣ свое цвѣтущее состояніе, если только нетерпимость нынѣшняго исламскаго закона не ослабѣетъ значительно въ пользу невѣрующихъ въ его совершенство. Къ счастью, политика, принятая нынѣшнимъ управителемъ, даетъ надежду на это, и благодаря британскимъ купцамъ съ одной стороны, и русскимъ съ другой страна его должна сдѣлаться свободнымъ рынкомъ для европейцевъ и образцемъ просвѣщеннаго государства для своихъ невѣжественныхъ и уединенныхъ собратій въ Центральной Азіи. Съ этимъ горячимъ пожеланіемъ оставимъ сомнительное будущее и обратимся снова къ прошедшему.

Яркандъ привлекаетъ къ себѣ наше любопытство и симпатію уже какъ мѣстопребываніе христіанскаго епископства, какъ резиденція Марко Поло въ тринадцатомъ столѣтіи и какъ убѣжище Венедикта Госа въ семнадцатомъ, о чемъ написаны прекрасныя страницы въ книгѣ «Китай и дорога туда». Но въ настоящее время онъ пріобрѣлъ для насъ еще новый интересъ, благодаря дунганскому возстанію и отдѣленію страны отъ Китая, окончившемуся завоеваніемъ ея сосѣднимъ племенемъ и замѣною отчужденности прежнихъ ея владѣльцевъ дружескими сношеніями настоящаго времени.

Объ истинныхъ причинахъ и точномъ ходѣ этого возстанія, столь несчастнаго для обаянія Китайской имперіи, весьма мало извѣстно достовѣрнаго. Движеніе началось въ Саларѣ или Гачовѣ въ провинціи Кансу, въ то время, когда такія же военныя дѣйствія были начаты тайпингами на сѣверѣ и пантеями на югѣ имперіи, и подобно имъ это была, какъ кажется, религіозная война изъ-за ниспроверженія буддистскаго правленія въ пользу ислама.

Въ Канзу мусульманскіе китайцы, называемые дунганами, возстали противъ своихъ братьевъ буддистовъ, называемыхъ китайцами, и, перебивъ ихъ, захватили правленіе въ свои руки, послѣ чего начали успѣшную войну противъ императорскихъ войскъ. Этихъ дунганей было нѣсколько тысячъ въ различныхъ гарнизонахъ Джунгаріи и Кашгара, въ перемежку съ китайцами. Успѣшныя дѣйствія собратій въ средоточіи ихъ силы тотчасъ же пробудили въ нихъ тотъ же духъ недовольства, и пламя быстро распространилось по всей занятой ими территоріи.

Что касается собственно Кашгара, то волны революціи направлялись здѣсь отъ Камила и Турфана на сѣверъ къ Урумчи и Манасу, и на западъ вдоль караваннаго пути къ Кучѣ и Аксу. Всюду мятежники дѣлали одно и то же, т. е. убивали и грабили буддистовъ, и затѣмъ подпадали подъ власть мусульманскаго духовенства, совершенно другой секты, презиравшаго ихъ, какъ еретиковъ. Такъ къ сѣверу и къ востоку отъ Карашара до Турфана включительно они подпали подъ временное управленіе Дауда Халифа, пожилаго Хаджи изъ Урумчи, на западѣ же, включая и Яркандъ, но исключая Кашгаръ и Хотанъ—подъ управленіе Рашуддина или Рашидуддина Хаджи изъ Аксу, который онъ сдѣлалъ столицею своего кратковременнаго царства.

Какъ только Рашуддинъ, въ концѣ 1862 г., взялъ въ свои руки

контроль надъ дѣлами въ Аксу, такъ китайскіе амбани или управители западныхъ городовъ, видя себя отрѣзанными отъ своей главной квартиры въ Или, тотчасъ же заперлись въ своихъ фортахъ и отдѣлились отъ своихъ дунганскихъ товарищей, за которыми они надзирали; яркандскій же амбань, въ качествѣ главнаго управителя столицы измышлялъ между тѣмъ средства, какъ бы обезоружить ихъ. Но онъ опоздалъ, и подозрительные дунгане, узнавъ о его планѣ, предупредили его намѣреніе, напали ночью на фортъ и убили до 2,000 своихъ прежнихъ товарищей съ ихъ семьями. Утромъ они кинулись въ городъ, подняли народъ, и къ вечеру всѣ улицы были покрыты трупами китайцевъ, а лавки ихъ ограблены. Многіе бѣжали въ предмѣстья, а нѣкоторые, преимущественно женщины и дѣти, нашли себѣ убѣжища въ погребахъ добрыхъ мусульманъ-сосѣдей. Черезъ нѣсколько дней примѣру Ярканда послѣдовали Хотанъ и Кашгаръ. Въ Хотанѣ предводителемъ явился старый, только что вернувшійся съ богомолья священникъ, по имени Хаджи Хабибулла со своимъ сыномъ Абдурахманомъ Хаджею; по смерти послѣдняго въ дѣлѣ противъ аксусскихъ войскъ, онъ достигъ независимой власти царя подъ титуломъ Хаджи Хабибуллы Паши. Въ Кашгарѣ городъ былъ защищаемъ китайскимъ мусульманскимъ губернаторомъ, призвавшимъ на помощь киргизскаго предводителя Садикъ Бея, который оказался вмѣстѣ со своей шайкой такимъ негодяемъ, что былъ прогнанъ, и тогда, не будучи въ состояніи снова завладѣть городомъ, Садикъ призвалъ Хаджу изъ Кокана, какъ объ этомъ будетъ говориться впослѣдствіи. Между тѣмъ въ Яркандѣ, оправившись отъ потрясеній кроваваго возстанія, поднятаго дунганцами, народъ сдѣлалъ своего главнаго священника Хозрата Абдуррахмана царемъ, а одного изъ согражданъ, Ніаза Бея, первымъ министромъ, для поддержанія порядка и организованія военной силы съ дунганцами во главѣ, чтобы завладѣть Янгишаромъ, который былъ въ рукахъ у китайцевъ.

Они осаждали и штурмовали его въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, но успѣхъ былъ плохъ; послѣ этого прибыло нѣсколько хаджей изъ Кучи и Аксу съ большой арміей и осада была возобновлена съ удвоенной энергіей. Однако прошло еще три мѣсяца, пока они довели гарнизонъ до крайности. Въ концѣ концовъ амбань, видя, что подъ внѣшнія стѣны сдѣланы подкопы, взорвалъ себя и всю свою семью на воздухъ вмѣстѣ со своимъ дворцомъ, послѣ чего солдаты

тотчасъ же подожгли пороховые магазины и такимъ образомъ погибъ въ развалинахъ весь гарнизонъ.

Аксусскіе хаджи приписали побѣду себѣ и изъявили притязаніе на управленіе мѣстностью въ качествѣ служащихъ у Рашуддина. Граждане протестовали и правленіе раздѣлилось между Абдуррахманомъ—въ городѣ и хаджею Бурхануддимомъ съ дунганскими и аксусскими войсками—въ фортѣ. Это положеніе продолжалось до тѣхъ поръ пока не явился Аталыкъ Газы и не потребовалъ отъ хаджи подданства своему господину Бузургу, какъ Хану ходжѣ, т. е. «верховному владыкѣ». Но попытка его—взять крѣпость хитростью не удалась, и онъ принужденъ былъ отступить. Вторая попытка была болѣе удачна и Ніазъ Бей, помогшій ему завладѣть мѣстностью, попалъ къ нему въ милость; впослѣдствіи онъ назначилъ его дадквахомъ Хотана, который вскорѣ попалъ въ руки Аталыка Газы, благодаря измѣнѣ и неумолимой рѣзнѣ, являющимся вовсе не единственнымъ пятномъ въ характерѣ его побѣдъ въ этой мѣстности, какъ могутъ засвидѣтельствовать и Аксу, и Куча, и Турфанъ.

Съ водвореніемъ новаго правительства насталъ миръ, и каковы бы ни были употребленныя средства, порядокъ былъ установленъ удивительно прочно. При нынѣшнемъ дадквахѣ крупныя преступленія почти неизвѣстны, и торговля, ищущая себѣ новыхъ путей послѣ закрытія старыхъ, поощряется и считается абсолютно необходимою, если не для народа, то по крайней мѣрѣ для ея управителей.

Городъ построенъ, подобно всѣмъ городамъ Центральной Азіи, изъ необоженныхъ кирпичей и глины и со своими неисправленными укрѣпленіями имѣетъ довольно неопрятный видъ. Онъ расположенъ внизу равнины среди лѣсистыхъ окрестностей и не представляетъ ничего привлекательнаго для приближающагося къ нему иностранца. Стѣны составляютъ неправильную трапецію, длинныя стороны которой идутъ отъ сѣвера къ югу, и имѣютъ пятеро воротъ, а именно: Алтунъ Дабза, т. е. «Золотыя ворота»—на югѣ; Кавухатъ, или «Дынныя»—на западѣ; Терабахъ, или «Паркъ» на сѣверо-западѣ; Мусци или «Отравитель», получившія свое названіе отъ того, что здѣсь былъ отравленъ одинъ предводитель,—на сѣверо-востокѣ, и Ханкагъ или «Монастырь», на востокѣ. Онѣ чрезвычайно массивны и поддерживаются мѣстами укрѣпленіями въ родѣ башень, между тѣмъ какъ по верху идетъ парапетъ стѣнъ съ бойницами. Рва нѣтъ, и высота стѣнъ значительно скрадывается грудами мусору, образую-

щими мѣстами скатъ, начинающійся отъ самаго верху, такъ что взобраться на стѣну вовсе не трудно.

Что касается внутренняго устройства города, то улицы и дома въ немъ кривы и неправильны, какъ и всюду въ городахъ востока, но имѣютъ одну особенность, не встрѣченную мною нигдѣ болѣе въ Центральной Азіи, а именно—маленькіе скверы съ водоемами, въ тѣни прекрасныхъ серебристыхъ тополей и ивъ. Эти водоемы снабжаютъ водой горожанъ и ничѣмъ не защищены отъ уличныхъ нечистотъ и пыли. Такъ, съ одной стороны можно бываетъ видѣть женщину, моющую грязное бѣлье, а съ другой—мужчину, наполняющаго свой *капакъ* (пустую тыкву), дно же совершенно черно отъ опавшихъ листьевъ, которыхъ множество плаваетъ по поверхности, и отъ слоя пыли и отъ всего нанесеннаго вѣтромъ. Говорятъ, что водоемовъ этихъ въ городѣ болѣе ста. Нѣкоторые изъ нихъ снабжаются водою посредствомъ постоянно текущихъ каналовъ, но большая часть ихъ наполняется свѣжею водою лишь черезъ каждые три-четыре дня. Зимою, когда каналы замерзаютъ, вода не перемѣняется по три и по четыре недѣли къ ряду. Въ городѣ есть также нѣсколько колодцевъ, но вода ихъ считается весьма нездоровою, и потому ими пользуются рѣдко.

Частныя жилища имѣютъ снаружи такой видъ, какъ будто они оставлены въ полномъ небреженіи, а лавки на базарахъ и въ улицахъ хуже, чѣмъ въ подобныхъ же городахъ Индіи, вѣроятно вслѣдствіе худшаго строительнаго матеріала. По общему виду внутренняго устройства Яркандъ можно сравнить съ Кондагаромъ, хотя онъ и не имѣетъ такой правильной формы укрѣпленій, какъ послѣдній, и ни одного базара, подобнаго Чарсу. Они сходны тѣмъ, что оба построены изъ глины, стоятъ на равнинѣ, снабжаются водою посредствомъ каналовъ и окружены предмѣстьями со множествомъ садовъ. Въ этихъ отношеніяхъ Яркандъ похожъ и на Мешгедъ, хотя не можетъ сравниться съ нимъ по размѣру, изяществу, богатству и населенію.

Относительно населенія я разумѣю только численность, такъ какъ по наружному виду различіе между населеніемъ Ярканда и Мешгеда не такъ велико, какъ между населеніемъ Ярканда и Кандагара, гдѣ татарская шапка и сапоги, и татарская физіономія не встрѣчаются среди красивыхъ аріанскихъ типовъ и изящныхъ тюрбановъ, снующихъ по его базарамъ людей.

Впрочемъ, сходство этимъ и ограничивается, ибо въ нравахъ и домашней жизни, равно какъ въ языкѣ и религіи различіе уже гораздо значительнѣе, хотя все-таки между ними есть нѣкоторое фамильное сродство. Грубость татарской физіономіи, которая въ Мешгедѣ смягчается почти до европейскаго склада, является здѣсь въ разнообразныхъ формахъ—отъ чистокровнаго манчу до помѣсей турка.

Послѣдніе составляютъ деревенское населеніе страны и въ рыночные дни положительно наводняютъ городъ, совершенно преобразуя его внѣшній видъ на десять или на двѣнадцать часовъ. Для путешественника, явившагося изъ Индіи, сцена перемѣняется вполнѣ, и ему кажется, будто онъ находится въ какомъ нибудь провинціальномъ городѣ Восточной Европы. Вмѣсто темной кожи, гибкихъ формъ и легкой драпировки, видѣнныхъ имъ къ югу отъ проходовъ, онъ находитъ народъ съ такимъ свѣтлымъ цвѣтомъ лица, что индіецъ въ его толпѣ похожъ на черную овцу въ стадѣ; онъ видитъ здѣсь крупныя фигуры, высота которыхъ не теряется отъ ихъ ширины, вмѣсто же мягкихъ складокъ кисеи и газа и тѣснаго платья изъ каленкора и набойки, глазамъ его представляются широкія одежды изъ клеенки и фриза, или изъ яркихъ шелковыхъ тканей и тяжелаго мѣха.

Онъ можетъ замѣтить на рынкѣ группы женщинъ съ розовымъ цвѣтомъ лица и привлекательными чертами, которыя напомнятъ ему нѣчто видѣнное имъ ближе къ дому, если онъ изъ средней Европы, какъ мнѣ онѣ напомнили рыночную сцену, видѣнную нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Буда Пештѣ. Онъ непремѣнно замѣтитъ, какъ ихъ походка и поступь похожа на европейскую, а пожалуй найдетъ даже нѣчто знакомое въ ихъ одеждѣ. Во всякомъ случаѣ, глубокій реверансъ проходящему мимо другу и его низкій поклонъ въ отвѣтъ на него будутъ не единственною чертою сходства съ знакомыми родными нравами.

Если онъ согласится на громкій, рѣзкій, какъ бы озабоченный призывъ трактирнаго «хозяина», то онъ войдетъ въ маленькую харчевню, въ которой будетъ все, кромѣ напитковъ. Здѣсь онъ сядетъ за столъ вмѣстѣ съ другими на скамью, сдѣланную быть можетъ и англійскимъ плотникомъ, такъ какъ она ничѣмъ особенно не отличается, и прежде чѣмъ онъ будетъ имѣть время полюбоваться прекрасными китайскими чашами, тарелками и новыми фарфоровыми

ложками, разглядѣть содержаніе стоящихъ передъ нимъ кушаньевъ или замѣтить ненарушимое спокойствіе, съ которымъ его сосѣди выхлебываютъ чаши супу и уничтожаютъ свои порціи пилава, къ нему явится настоящій половой, съ салфеткой на рукѣ и такой же проворный со своимъ «таксиръ», какъ его англійскій собратъ со своимъ «yes sir». Здѣсь есть супы съ вермишелью, макароны и другіе виды тѣста, которые можно ожидать за французскимъ или итальянскимъ столомъ, а никакъ не здѣсь. Здѣсь есть душеное мясо, рагу, кушанья изъ рису, баранины и зелени, вареныхъ вмѣстѣ въ творогѣ и сывороткѣ или въ своемъ собственномъ соку. Есть баранина, воловье мясо и конина, жареныя и вареныя, и нерваныя пальцами, какъ въ Авганистанѣ, а рѣзанныя ножемъ. Есть всевозможное печенье, мясные паштеты, паштеты съ вареньемъ, пироги съ мясною начинкою. Есть также различные пуддинги, хотя нѣтъ ни одного такого сытнаго, какъ простые пироги изъ тѣста и жира, но за то есть *занбоза*, т. е. женскій поцѣлуй, свидѣтельствующій о татарскихъ вкусахъ въ Андижанѣ, откуда онъ происходитъ —это пирожки, съ запахомъ лука и чесноку, начиненные концами хрящей и саломъ. Затѣмъ есть еще *манту*, т. е. «ты и я», пирожки вареные на парѣ, въ особенности любимые андижанцами, какъ и предъидущіе. Наконецъ здѣсь есть также салады изъ тонко нарѣзанной моркови, редиса, луку и креса съ горчицею.

Наѣвшись, онъ заплатитъ за прекрасный обѣдъ всего пять-шесть пенсовъ, которые будутъ приняты безъ всякаго возраженія съ чьей бы то ни было стороны, и затѣмъ, протолкавшись сквозь тѣснящуюся толпу, можетъ отправиться искать новыхъ сюрпризовъ. Онъ найдетъ подобныя же, но маленькія заведенія, гдѣ кухня и столовая—все въ одной комнатѣ, наполненной мужиками, окончившими свой мѣновой торгъ, или явившимися единственно для праздничнаго обѣда. Изъ разспросовъ онъ узнаетъ, что эти оживленныя сцены повторяются каждый понедѣльникъ и четвергъ, когда поселяне являются въ городъ. Ему разскажутъ также, что прежде въ этихъ лавкахъ бывали совершенно иного рода блюда, изъ кошекъ, собакъ, и крысъ, приготовленныхъ въ китайскомъ вкусѣ, но кушанья эти, равно какъ и свиное и ослиное мясо, были изгнаны исламомъ, вмѣстѣ съ тою религіей, приверженцы которой могли бы предпочесть подобный столъ, даже при полномъ довольствѣ. Вмѣстѣ со всѣмъ этимъ исчезли также спиртные и всякіе другіе напитки, которые составляли прежде главнѣйшую привлекательность этихъ съѣстныхъ лавокъ, и которыхъ не могли замѣнить *чайгунъ* и то что нынѣ называется здѣсь чаемъ.

Проходя по базарамъ, онъ найдетъ лавки мясниковъ и пекарей, столь же набитыя деревенскими покупателями, какъ и лавки суконщиковъ, и тѣ, въ которыхъ выставлены для продажи сапоги, шляпы, готовые мѣха и другое платье. При этомъ онъ увидитъ, что хлопокъ (въ видѣ пряжи и въ видѣ ткани), куры, зерновой хлѣбъ и живой скотъ являются столь же легкимъ предметомъ мѣны, какъ и деньги.

Выйдя изъ толпы и направившись по менѣе люднымъ улицамъ къ скотному рынку, по ту сторону Кавуготскихъ воротъ, онъ найдетъ и тамъ толкающуюся толпу, подобную той, которую онъ оставилъ; и здѣсь, какъ и въ городѣ, будетъ столько же верховыхъ, сколько и пѣшихъ, и зрителей не менѣе, чѣмъ покупателей. Онъ увидитъ, какъ лошадей мѣняютъ на коровъ, коровъ на овецъ, калмыцкаго юношу на мѣховую одежду, а китайскую дѣвушку на шелковую или наоборотъ, и затѣмъ, какъ все это въ свою очередь продаютъ на деньги. На свободномъ мѣстѣ среди этой волнующейся по неровной почвѣ толпы, или у угла какого нибудь дома, онъ встрѣтитъ также *бокси* т. е. «музыканта», съ гитарой въ рукѣ, акомпанирующаго нѣжнымъ звукомъ своего голоса и занимающаго своей музыкой собравшуюся около него группу восхищенныхъ деревенскихъ слушателей. Или же увидитъ какого нибудь мудраго, стараго гадальщика, который, сидя въ уединеномъ углу, бросаетъ кости и съ каждымъ разомъ усиливаетъ напряженное вниманіе своихъ кліентокъ; онъ торжественно справляется со своимъ астрологическимъ календаремъ, который открываетъ съ размышленіемъ, поправляя предварительно очки и держа одинъ палецъ постояно между тѣми страницами, гдѣ была послѣдняя ссылка.

И среди всей этой тѣсной толпы, состоящей быть можетъ изъ восемнадцати или двадцати тысячъ мужчинъ и женщинъ, пѣшихъ и верхами, онъ будетъ слышать только гулъ голосовъ, но не замѣтитъ никакого несогласія или разлада. Передъ закатомъ солнца, улицы сдѣлаются пусты и останутся такими до слѣдующаго рыночнаго дня. Если читатель желаетъ сопровождать меня, то мы посѣтимъ вмѣстѣ съ нимъ городъ въ одинъ изъ его спокойныхъ дней, впрочемъ не иначе, какъ въ сопровожденіи чичероне, назначеннаго дадквахомъ,

т. е. чиновника, который выказывалъ преданность своему господину тѣмъ, что постоянно торчалъ у нашей двери и сопровождалъ насъ, какъ только мы изъ нея выйдемъ: онъ походилъ бы на тѣнь, если бы только его голосъ и присутствіе не были досадною дѣйствительностью.

Посдѣ завтрака мы садимся на лошадей, ибо здѣсь всякій, желающій быть сколько нибудь благопристойнымъ не идетъ, а ѣдетъ, и выѣзжаемъ изъ стѣнъ нашей резиденціи на главную улицу, ведущую отъ воротъ форта къ *Ордѣ*, т. е. «дворцу» дадкваха. Затѣмъ поворачиваемъ на лѣво и направляемся къ воротамъ, находящимся въ нѣсколькихъ стахъ ярдахъ впереди насъ. Дорогою мы встрѣчаемъ группу всадниковъ, соддатъ, какъ сообщаетъ нашъ проводникъ, только что вернувшихся со службы съ турфанской границы и шедшихъ теперь представиться губернатору, который долженъ былъ принять ихъ въ полдень.

Это кипчакскіе и узбекскіе воины изъ Андижана, красивые, бравые молодцы, смотрятъ съ видомъ сознанія своего достоинства. Проходя мимо насъ, они глядятъ намъ прямо въ лицо съ выраженіемъ любопытства и благосклонности. Мы же разсматриваемъ ихъ пестрыя одежды, подаренныя имъ въ счетъ жалованья при отпускѣ, и богато вышитые шелковые чапраки нѣкоторыхъ изъ нихъ, награбленные на границѣ.

Затѣмъ мы выѣзжаемъ изъ воротъ форта, стража которыхъ сидитъ на верандѣ гауптвахты совершенно такъ же, какъ мы привыкли видѣть ее, т. е. безмолвно и неподвижно, на подобіе деревянныхъ обрубковъ, и оказываемся на открытомъ пространствѣ, съ котораго широкая улица лавокъ ведетъ къ городскимъ воротамъ, находящимся впереди насъ приблизительно въ пяти-стахъ ярдахъ, по направленію къ востоку. Здѣсь мы находимъ множество оборванныхъ китайцевъ—нынѣ они янги, т. е. мусульмане, а нѣсколько лѣтъ тому назадъ были китайцами. Они снуютъ здѣсь и оказываютъ мелкія услуги солдатамъ или проѣзжимъ, то подержатъ лошадь, то сходятъ куда-нибудь, то принесутъ что-нибудь. Они не всѣ мѣстные жители, и между ними много военноплѣнныхъ изъ разныхъ восточныхъ городовъ до Урумчи и Манаса включительно. Какъ они живутъ, никто не знаетъ,—извѣстно только, что они спятъ въ хлѣвахъ и баракахъ переходятъ какъ рабы изъ подъ власти одного солдата подъ власть другого.

Вотъ одинъ изъ нихъ носитъ передъ собой лотокъ со сладостями и сухарями, висящими на перекинутой чрезъ шею веревкѣ и продаетъ свой товаръ отъ нанявшаго его пекаря. Главные его покупатели—его же братія; онъ собираетъ ея только что заработанные мѣдяки, изъ которыхъ и составляется его касса. Послѣ него наше вниманіе привлекается длинными волосами женщины, которую мы догнали на дорогѣ. Они заплетены въ двѣ тугія, блестящія, черныя косы, висящія вдоль спины и достигающія своими заостренными концами почти до пятъ. Она взглядываетъ на насъ, когда мы проѣзжаемъ мимо нея, и видимъ ея незакрытую покрываломъ совершенно красную физіономію съ рѣзкими татарскими чертами безъ особенной претензіи на привлекательность. У ней надѣта круглая шапка изъ шелковой парчи съ темной опушкой изъ выдроваго мѣха, и хотя воздухъ морозенъ, тѣмъ не менѣе поверхъ ея стеганаго платья, покрывающаго нижнюю рубашку, красуется бѣлое кисейное покрывало. На ногахъ у нея шагреневые сапоги, которые украшены шелковымъ желтымъ и краснымъ шитьемъ, и верхняя часть которыхъ скрыта подъ такими же расшитыми широкими панталонами. Это мѣстная урожденка, жена андижанскаго солдата, идущая въ полномъ нарядѣ въ гости къ живущему по близости сосѣду. Далѣе, въѣзжая въ ворота, мы встрѣчаемъ двухъ пожилыхъ дамъ верхомъ на ослахъ. Онѣ закутаны въ широкія верхнія одежды изъ лощеной индиговосиней бумажной ткани и сидятъ на своихъ ослахъ чрезвычайно не крѣпко, такъ что походили бы на узлы съ платьемъ, если бы не висѣли по обѣимъ сторонамъ ихъ длинные бурые сапоги, да не видно было сверху ихъ лицъ съ откинутыми назадъ черезъ ихъ круглыя шапки вуалями.

Достойныя дамы очевидно близоруки, ибо не замѣчаютъ насъ, пока мы не подъѣзжаемъ совершенно близко. Чувство приличія вызываетъ въ нихъ внезапное усиліе скрыть подъ вуалемъ увядшую красоту, при чемъ это чувство такъ велико, что опрокидываетъ одну изъ нихъ на землю. Торговецъ нюхательнаго табаку, сидящій съ одной стороны прохода съ своимъ грубымъ зеленымъ порошкомъ, насыпаннымъ маленькими кучками на стоящемъ возлѣ него лоткѣ, вскакиваетъ съ своего мѣста, и, поднявъ упавшую къ его ногамъ даму, толкаетъ ее въ одинъ изъ боковыхъ проходовъ, попрекая ее за недостатокъ свойственной ея полу скромности, доходящій до того,

что она осмѣлилась ѣхать проходомъ, занятымъ иностранными мужчинами.

Мы продолжаемъ путь и, миновавъ рядъ изъ шести или семи открытыхъ по обѣимъ сторонамъ улицы лавокъ колоніальныхъ, фруктовыхъ, слесарныхъ, табачныхъ и др., поворачиваемъ на право, чтобы посѣтить сапожный и шапочный рынокъ. Крайнія постройки представляютъ открытые шалаши для продажи мяса, зелени, плодовъ и пр., лавку пекаря и лавку пирожника. Позади ихъ видны бѣлыя мазанковыя стѣны и двери частныхъ жилищъ. Улица почти пуста и теперь видна вся ея грязь, скрываемая въ рыночные дни толпою.

Двери почти всѣ открыты и около нихъ внутри или снаружи сидитъ обыкновенно женщина со своими дѣтьми. Она или тачаетъ рубашку или вышиваетъ что нибудь, а дѣти возятся около нея въ сапогахъ такихъ же размѣровъ, какъ они сами. Въ нѣкоторыхъ дверяхъ видны молодыя дѣвушки съ иголкой въ рукѣ, а въ другихъ даже вывѣшены *бешики*, т. е. «люльки» съ ихъ маленькими хозяевами, завитыми въ свивальники и скрученными на подобіе мумій. Дѣти такимъ образомъ вывѣшиваются спать на открытомъ воздухѣ; они лежатъ на матрасахъ, но не покрыты одѣялами. Въ матрасѣ бываетъ обыкновенно круглая дыра по серединѣ и посредствомъ весьма остроумнаго приспособленія ребенокъ предохраняется отъ того, чтобы мокрое бѣлье не замерзало вокругъ него. Инструментъ назначенный для этого называется *шумакъ* и дѣлается изъ дерева на подобіе обыкновенной курительной трубки; его можно видѣть вывѣшеннымъ для продажи въ лавкахъ по нѣскольку штукъ вмѣстѣ на одномъ шнуркѣ. Проѣзжая мимо однихъ дверей, мы видимъ въ нихъ двухъ лошадей, вертящихъ маслобойку, и останавливаемся посмотрѣть. Маслобойка эта совершенно въ томъ же родѣ, какія употребляются въ Пенджабѣ, и занимаетъ нѣчто въ родѣ сарая. Изъ словъ работавшаго тамъ человѣка, которому помогали поочередно три мальчика, мы узнали, что льняное сѣмя воздѣлывается въ странѣ и составляетъ единственный матеріалъ для добыванія масла, выжимки же составляютъ питательное прибавленіе къ зимнему корму скота. Немного далѣе мы поворачиваемъ изъ этой малолюдной улицы въ другую на лѣво, и на самомъ перекресткѣ видимъ стоящаго въ караулѣ пѣшаго солдата, вооруженнаго длиннымъ мѣстнымъ ружьемъ. Повернувъ, мы вскорѣ подъѣзжаемъ къ одному изъ многочисленныхъ *колодъ* или водоемовъ. По двумъ сторонамъ его идетъ дорога, а съ другихъ сторонъ находятся частные дома, съ выходящими къ нему дворами. Поверхность его замерзла на глубину двухъ или трехъ дюймовъ, но по краямъ сдѣланы прорубки, чтобы доставать воду для ежедневной потребы. Сквозь отворенныя ворота мы видимъ на одномъ изъ дворовъ привязанную лошадь и двухъ коровъ, а въ другомъ цѣлую семью, занятую очисткою хлопка отъ сѣмени посредствомъ *чихрика*. Онъ состоитъ изъ двухъ валовъ, прикрѣпленныхъ плотно одинъ надъ другимъ надъ деревянной рамкой, которая бываетъ двухъ различныхъ сортовъ. Въ обоихъ случаяхъ верхній валъ бываетъ деревянный, а нижній желѣзный и вращаются вмѣстѣ въ одномъ направленіи посредствомъ трезубца, который у одного приводится въ движеніе помощію изогнутой ручки, а у другаго—посредствомъ эксцентрическаго колеса, движимаго педалью. Старикъ, сидя на высокомъ стулѣ, приводилъ въ движеніе послѣдній, а его молодой товарищъ сидѣлъ скорчившись на землѣ и двигалъ первую. Хлопокъ держится между валами съ одной стороны и вслѣдствіе ихъ движенія выходитъ съ другой уже освобожденный отъ сѣмени. Далѣе мы видимъ группу людей около кузницы. Кузнецъ подковываетъ лошадь, принадлежащую одному изъ его посѣтителей, и три или четыре другихъ ждутъ очереди. Кузнецъ родомъ китаецъ, силою обращенный въ мусульманство; онъ лишился косы вмѣстѣ съ своею свободой и перемѣнилъ свой національный костюмъ на мѣстный татарскій. Но къ счастію для него, очки не включены въ длинный перечень предметовъ, запрещаемыхъ исламомъ нынѣшняго правительства, и потому ихъ большіе круглые стеклянные диски красуются на обѣихъ щекахъ по обѣимъ сторонамъ носа, соединенные между собою мѣднымъ перехватомъ. Его инструменты и аппараты, подобно ему самому, китайскаго происхожденія и привлекаютъ вниманіе своею оригинальностью; поэтому мы останавливаемся посмотрѣть на его работу.

Упрямое животное приводится въ спокойное состояніе, тѣмъ, что его валятъ на землю, между двумя параллельными брусьями, находящимися передъ кузницей со стороны улицы, и тогда съ его копытами управляются свободно. Старыя подковы и гвозди устраняются посредствомъ клещей, а копыта подчищаются и выравниваются грубымъ напилкомъ. Ни ножа, ни какого другаго рѣжущаго инструмента при этомъ не употребляется. Новыя подковы прибиваются гвоздями помощію молотка, наконецъ нога кладется на каменъ и выдающіеся гвозди уравниваются посредствомъ длинной палки съ желѣзнымъ

наконечникомъ. Палку эту употребляютъ стоя и колотятъ по верхнему ея концу молоткомъ. Затѣмъ лошадь освобождаютъ, и мѣсто ея занимаетъ другая.

Мы отправляемся далѣе, и выѣзжаемъ на базаръ. Видъ его спокоенъ, народу мало, и нѣкоторыя лавки заперты. Шалаши, которые въ рыночный день были такъ набиты мѣхами, шапками, сапогами и въ высшей степени оживлены, сегодня совершенно пусты; пирожныя печи не топятся. Сойдя съ лошадей, мы передаемъ ихъ ѣдущимъ позади слугамъ, и поворачиваемъ назадъ, чтобы пройти вдоль базара, дорога черезъ который покрыта тростникомъ и ивою, для защиты отъ лѣтняго зноя. По обѣимъ сторонамъ ея идетъ длинная возвышенная платформа, въ отдѣленіяхъ которой выставлены въ корзинахъ и на деревянныхъ лоткахъ товары находящихся позади ихъ лавокъ. Лавки теперь открыты на улицу, но съ закатомъ солнца закроются широкими ставнями, и проходная дверь съ одной стороны будетъ служить входомъ въ находящійся за нею домъ. Впродолженіе дня хозяинъ сидитъ среди своего имущества, погрузившись въ широкія складки своего просторнаго платья и задумчиво склонивъ на бокъ голову подъ тяжестію тюрбана, пока его не пробудитъ отъ задумчивости какой нибудь посѣтитель.

Вотъ обыкновенный торговецъ, одѣтый во множество чогаевъ или *джуба*, какъ ихъ здѣсь называютъ, отъ которыхъ онъ принимаетъ размѣры страждущаго водяною болѣзнью гиганта. У него цѣлый складъ дешевыхъ ручныхъ зеркалецъ, складныхъ ножей, флаконовъ съ духами, разрисованныхъ коробочекъ съ бусами, и пуговицами изъ цвѣтнаго стекла всевозможныхъ формъ и размѣровъ, пакетиковъ съ иголками, которые, подобно всему остальному его товару, завернуты въ русскія обертки, снабженныя русскимъ клеймомъ, между тѣмъ какъ, въ особенности въ отношеніи къ иголкамъ, внутренняя обертка нерѣдко указываетъ на англійское происхожденіе. У него есть также *шумаки*, подвѣшенные дюжинами на шнуркѣ, есть также готовыя волосяныя косы, достигающія такой же длины, какъ косы прекрасной татарки, встрѣченной нами вскорѣ по выѣздѣ. Есть у него также и бумажные набойчатые платки пестрыхъ рисунковъ или же болѣе практическаго свойства, съ картами Россіи и ея желѣзныхъ дорогъ, проведенныхъ яркими линіями.

Сосѣдъ его москательщикъ, и платформа передъ его лавкой покрыта сплошнымъ рядомъ корзинъ и мѣшковъ, съ закрученными наружу краями, вслѣдствіе чего содержимое ихъ открыто. Оно состоитъ преимущественно изъ индійскихъ аптечныхъ снадобій и пряностей, каковы тминъ, кардамонъ, корица, имбирь, а между аптечными снадобьями александринскій листъ, длинный перецъ, орѣшки emblie и водяной лиліи, а также strychnos nux vomica. Послѣдній можно видѣть во множествѣ во всѣхъ подобныхъ лавкахъ; онъ во всеобщемъ употребленіи въ видѣ декокта, какъ крѣпительное средство въ случаяхъ диспепсіи, вызываемой злоупотребленіемъ опіума и банга. Мѣстные продукты представляютъ цвѣточныя почки одного вида артемизіи, называемой *тукмъ* и употребляемой для мытья волосъ, и *тограху*, грибовидное образованіе на корѣ тополя пустыни, употребляемое какъ закваска при печеньѣ и какъ катаплазма при ранахъ и чирьяхъ.

Москательщикъ впрочемъ, отпуская свои снадобья, сообщаетъ и ихъ употребленіе, если того пожелаетъ покупатель, ибо въ этой странѣ медицинская наука не имѣетъ профессіональныхъ служителей и всякій докторъ самъ для себя. Его вѣсы и гири китайскаго происхожденія и носятъ китайскія названія. Гири представляютъ хорошенькіе мѣдные кубики съ китайскимъ штемпелемъ, обозначающимъ ихъ вѣсъ, а вѣсы состоятъ изъ обыкновенныхъ двухъ чашечекъ. Впрочемъ для менѣе тяжелыхъ веществъ онъ употребляетъ обыкновенно вѣсы другой формы, также китайскаго происхожденія. Они состоятъ, какъ безмѣнъ, изъ одной чашечки и горизонтальнаго коромысла. Равновѣсіе достигается помощію снурка, прикрѣпленнаго ближе къ коромыслу нѣсколько въ сторону прикрѣпленія чашки, а грузъ передвигается назадъ и впередъ по отмѣткамъ дѣленій на коромыслѣ.

Пройдя мимо этихъ лавокъ, мы останавливаемся посмотрѣть на желѣзную лавку. Товаръ ея состоитъ изъ заступовъ, мотыкъ, замковъ, желѣзныхъ палокъ, цѣпей, крючковъ, наконечниковъ всякаго рода, удилъ и стремянъ. Есть здѣсь также собранія необдѣланныхъ минераловъ на деревянныхъ лоткахъ. Есть соль плоскими плитками, находимая въ такомъ видѣ въ высохшихъ солончакахъ пустыни. Она грязна до такой степени, что ее можно узнать только тогда, когда она будетъ названа.

Есть масивные кристаллы квасцовъ, сѣрная окись мѣди и амміаковая соль, добываемые въ вулканической области Аксу, а также куски желтой охры, добываемые тамъ же. Есть и куски сурьмы изъ Китая,

завернутые въ бумажные пакетики; вмѣсто яркаго металическаго блеска мѣстной руды она разложена по маленькимъ литымъ формамъ какъ бы для немедленнаго употребленія; годность ея узнается потому, что она маретъ пальцы при дотрогиваньи и покрывающую ее бумагу.

Хозяина лавки зовутъ именемъ его товара тимурчи, «Торгующій желѣзомъ». Онъ такъ же грубъ и жестокъ по манерамъ и по виду, какъ и тотъ ржавый товаръ и необдѣланные матеріалы, передъ которыми онъ засѣдаетъ. Онъ отвѣчаетъ на наши вопросы, постоянно поглядывая черезъ наши плечи на чичероне, стоящаго позади насъ и съ видимою нерѣшительностью. «Вы говорите, что эти квасцы привозятся изъ Бадакшана? А намъ сказали въ одной изъ предъидущихъ лавокъ, что ихъ привозятъ изъ Аксу?» Мое замѣчаніе было неожиданно, и тимурчи торопливо отвѣтилъ: «Это такъ. Всякій знаетъ, что они привозятся изъ Аксу». Но смущеніе его было скрыто ловкимъ вмѣшательствомъ того, кто былъ его причиною. Выступая впередъ и какъ бы разсматривая взятый въ руку кусокъ, нашъ чичероне воскликнулъ: «Да; но лучшій сортъ получается изъ Бадакшана, и онъ то именно употребляется всѣми кожевниками и красильщиками».

Послѣ такого примѣра двуличности нашего проводника, мы оставляемъ этотъ базаръ и направляемся къ суконному рынку. Мы проходимъ двѣ три извилистыя аллеи съ одинокими прохожими, идущими тамъ и сямъ посреди улицы, и не замѣчаемъ ничего достойнаго вниманія, кромѣ ворчащихъ на насъ паршивыхъ, голодныхъ собакъ, обнюхивающихъ кучи мусору, да дѣтей, играющихъ съ дѣтскимъ увлеченіемъ въ грязи передъ дверями домовъ. Въ болѣе широкомъ мѣстѣ дороги, среди мазаночныхъ стѣнъ, возвышаются высокіе порталы древняго зданія въ арабскомъ стилѣ, выдающагося среди всѣхъ окружающихъ его построекъ и привлекающаго вниманіе своею архитектурою и черепицею. Это *медрассе* или «коллегія», одно изъ дватцати восьми или тридцати подобныхъ учрежденій въ городѣ. По ту сторону двора противъ воротъ находится мечеть, а по обѣимъ сторонамъ ея идетъ рядъ въ восемь или десять комнатъ, служащихъ помѣщеніемъ для студентовъ богословія, ибо въ стѣнахъ этихъ преподаются только доктрины ислама. Студенты выходятъ изъ своихъ келій посмотрѣть на незванныхъ гостей, но проводникъ служитъ достаточной гарантіей протекціи и мы не замѣчаемъ никакого признака протеста. Числомъ ихъ около тридцати; многіе уже зрѣлыхъ лѣтъ, но, не смотря на свои быть можетъ богатыя теологическія познанія, они весьма бѣдны въ отношеніи мірскихъ благъ. Находя себѣ здѣсь счастливый пріютъ, они вмѣстѣ съ своими семьями имѣютъ возможность бороться съ нищетой, будучи пансіонерами заведенія, имѣющаго вкладъ отъ какого нибудь набожнаго мусульманина прежнихъ временъ, жертвующаго на содержаніе нуждающихся студентовъ. Маленькая золотая монета принимается шехомъ и его учениками съ благодарностью, они повторяютъ за нимъ благословеніе подателю и, произнося «аминь», поглаживаютъ бороды; мы же выходимъ вонъ и продолжаемъ свой путь.

Идя вдоль безмолвной улицы, гдѣ мѣстами только одна или двѣ лавки прерываютъ рядъ стѣнъ частныхъ жилищъ, мы невольно удивляемся, услыхавъ въ одномъ изъ нихъ оживленные голоса. Это «*мактабъ*», говоритъ нашъ проводникъ. Мы толкаемъ дверь, которую находимъ полуотворенною, и входимъ, чтобы посмотрѣть школу. Это нѣчто въ родѣ низкой залы, уставленной скамейками по обѣ стороны срединнаго прохода, по которому ходитъ взадъ и впередъ помощникъ учителя съ камышевкой въ рукѣ и хлещетъ лѣнивыхъ учениковъ, то по ту, то по другую сторону прохода. На низкомъ помостѣ, къ одной сторонѣ отъ двери сидѣлъ самъ учитель съ важнымъ взглядомъ и въ очкахъ, а вокругъ него—наиболѣе успѣвшіе ученики, всего шесть или восемь, возрастомъ между четырнадцатью и восемнадцатью годами. Они читали персидскія книги и писали подъ диктовку.

Комната была биткомъ набита дѣтьми, и атмосфера въ ней была душная: она имѣла въ длину всего двадцать четыре фута, а въ ширину шестнадцать и, не смотря на это, содержала въ себѣ болѣе пятидесяти учениковъ (мы насчитали пятдесятъ восемь), размѣщенныхъ по скамейкамъ и на двухъ маленькихъ галлереяхъ подъ крышей по обѣимъ сторонамъ комнаты. Нашъ приходъ ничуть не прекратилъ гама голосовъ, повторявшихъ символъ и первыя правила магометанской вѣры; напротивъ, поощренные нашимъ вниманіемъ, прилежныя маленькія созданія, наклонивъ туловище, вопили съ усиленной энергіей, и потребовалось нѣсколько сильныхъ взмаховъ трости, чтобы остановить механическое повтореніе разъ начатаго урока.

Дѣти большею частью были маленькія, отъ шести или восьми, до десяти лѣтъ, и со своими хорошенькими розовыми личиками

имѣли видъ весьма сходный съ европейскимъ. По одну сторону двѣ скамейки и галлерея были заняты приблизительно двадцатью маленькими дѣвочками. Нѣкоторыя изъ нихъ были очень миленькія малютки, съ невинными чертами и съ самымъ прекраснымъ цвѣтомъ лица. Онѣ казались особенно хорошенькими въ своихъ круглыхъ шапочкахъ, бѣлыхъ кафтанахъ и чистыхъ сапогахъ. Нѣсколько мѣдныхъ монетъ, розданныхъ ученикамъ, вызвали такія же изъявленія восторга, какъ и въ нашихъ школахъ.

Продолжая путь, мы встрѣчаемъ точильщика, катящаго свое колесо и возвѣщающаго о своемъ ремеслѣ совершенно такимъ же голосомъ, какъ и въ Англіи. Повидимому, это то же самое существо, машина у него почти та же и крикъ положительно такой же. По всему же остальному, васъ окружающему, вы можете подумать, что вы гдѣ нибудь по сосѣдству съ Лондономъ. И вотъ какъ бы въ довершенію иллюзіи идетъ пирожникъ; онъ катитъ свою тачку и призываетъ покупателей совершенно такъ, какъ будто говоритъ: «Купите! Купите! Пирожки горячіе, пирожки холодные, пирожки свѣжіе, пирожки старые!» Весь его общій видъ, телѣжка и все вообще удивительно напоминаетъ домашнія сцены; даже пирожки, продаваемые имъ, вовсе не такъ отличаются отъ нашихъ.

Наконецъ мы приходимъ на суконный рынокъ, представляющій длинный рядъ лавокъ по обѣ стороны извилистой улицы, покрытой для тѣни тростниковою и мансовою соломою, и находимъ, что это самый лучшій и самый богатый базаръ въ городѣ. Здѣсь есть всевозможныя лавки и всякаго рода купцы.

Вотъ напримѣръ андижанскій ножевщикъ. Прилавокъ у него покрытъ сотнями ножей въ ножнахъ, и всѣ ножи одинаково блестящи и остры какъ бритвы. Полки его полны обдѣланныхъ въ мѣдь и желѣзо кремней и футляровъ съ огнивами, кожи которыхъ почти не видно подъ металическими украшеніями. Стѣны же увѣшаны цѣлыми связками ноженъ и ремней изъ буйловой кожи.

Затѣмъ мы останавливаемся передъ суконной лавкой. Хозяинъ ея кашмирскій эмигрантъ или аргунъ, т. е. потомокъ его отъ мѣстной женщины. У него богатый выборъ бумажныхъ набивныхъ тканей, каленкоровъ, ситцевъ, а также цвѣтныхъ шелковыхъ матерій изъ Кокана и Хотана, разложенныхъ по столамъ или развѣшанныхъ кусками на веревкахъ, протянутыхъ между столбами, поддерживающими веранду его лавки. Въ нѣсколько минутъ онъ можетъ показать вамъ и кисеи съ цвѣтами, и шелковую и золотую парчу, и атласъ, и бархатъ, и грубый суконный товаръ, причемъ укажетъ на англійскія мѣтки на тканяхъ для доказательства ихъ хорошаго качества.

Здѣсь есть нѣсколько подобныхъ лавокъ, и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ встрѣчаются русскіе торговые знаки, хотя фабрики этой страны доставляютъ сюда преимущественно грубыя бумажныя ткани, такихъ рисунковъ, какіе здѣсь въ модѣ. Нашъ кашмирецъ или аргунъ раскланивается съ нами съ улыбающейся физіономіей и со свойственнымъ этому народу выговоромъ объясняетъ намъ на бойкомъ индустанскомъ нарѣчіи все, что намъ нужно, и кромѣ того все, что онъ самъ желаетъ высказать намъ о своихъ вѣрноподданническихъ чувствахъ и своемъ особенномъ удовольствіи видѣть насъ здѣсь.

Даже грубые афганцы, слонявшіеся въ его лавкѣ, чтобы какъ нибудь провести скучное время, пока ихъ караванъ получитъ позволеніе двинуться въ путь, присоединились къ нему, чтобы привѣтствовать насъ, какъ предвѣстниковъ лучшихъ временъ, предстоящихъ для всѣхъ въ будущемъ, между тѣмъ какъ сейкъ изъ Пенджаба, перешедшій проходы, считаетъ себя своимъ человѣкомъ относительно насъ, и, переодѣтый въ мѣстный костюмъ, привѣтствуетъ насъ какъ старыхъ друзей на вѣжливомъ языкѣ своего народа, и въ мѣстѣ своего ежедневнаго торга чрезвычайно гордится знакомствомъ съ царскими гостями.

Между прочимъ мы останавливаемся и передъ средней руки лавкой готоваго платья, представляющей нѣчто въ родѣ помѣщенія закладчика и лавки древностей. Здѣсь собраны всевозможныя вещи, оцѣняемыя повидимому совершенно произвольно живущимъ среди этихъ вещей засыпаннымъ нюхательнымъ табакомъ и забитымъ яркандцемъ. Здѣсь есть заплатанныя овчинныя шубы и стеганные халаты изъ бумажной матеріи, подновленные перекраской. Есть китайскій фарфоръ, разбитыя скрипки и американскіе часы, которые не ходятъ. Есть нефритовые амулеты и мундштуки для трубокъ изъ того же минерала, а также крупныя бусы изъ агата и хрусталя, но все весьма низкаго достоинства и соотвѣтствующей цѣны. Есть китайскія палочки для ѣды, вѣера, очки, кошельки. Есть также богатыя китайскія одежды изъ дорогихъ мѣховъ или шелковой матеріи съ вышитыми драконами и цвѣтами, покрывала изъ льняного газа,

искусно вытканныя различными рисунками, разные другіе остатки прежнихъ управителей, отошедшіе нынѣ въ разрядъ рѣдкостей и исчезающіе отъ революціи, отдавшей ихъ на расхищеніе черни, отъ которой они разными путями дошли до осматриваемой нами лавки, болѣе или менѣе запятнанные, изношенные и попорченные, смотря по тому, какой участи они подвергались.

Выйдя съ базара, мы поворачиваемъ назадъ по направленію къ дому, но предварительно останавливаемся передъ книжной лавкой. Книги оказываются большею частью турецкими рукописями на религіозныя темы, но между ними есть также нѣсколько литографированыхъ книгъ по медицинѣ, исторіи и теологіи, всѣ на персидскомъ языкѣ, изъ Индіи. Мы тщетно ищемъ записокъ изъ исторіи страны или чего нибудь изъ мѣстной литературы въ стихахъ или прозѣ. Такія сочиненія существуютъ, но хранятся какъ нѣчто священное въ монастыряхъ или составляютъ собственность частныхъ лицъ.

Пройдя немного, мы видимъ на дорогѣ группу мужчинъ и мальчиковъ, собравшихся вокругъ нѣсколькихъ пляшущихъ дервишей. Одѣтые въ лохмотья, дервиши презираютъ холодъ и топятъ заботы въ дикихъ пѣсняхъ своего ремесла и избранной ими свободной жизни. Они носятъ высокую коническую шапку съ мохнатой мѣховой опушкой и леопардовую, антилоповую или другую какую нибудь шкуру, закинутую за спину. Спереди виситъ на шеѣ нищенское корытце, а въ рукѣ толстая дубина или желѣзная палка съ бренчащими кольцами. Это брянчанье составляетъ аккомпаниментъ къ ихъ пѣснямъ и служитъ для отбиванія такта при пляскѣ. Это лѣнивый и негодный народъ, но здѣсь покровительствуютъ имъ охотно. Въ данную минуту они сдерживали обычный фанатизмъ, свойственный ихъ сословію, чтобы получить отъ насъ подачку со всевозможными выраженіями благодарности.

Далѣе намъ попадается на пути красивое новое каменное строеніе, правильныя линіи котораго и квадраты кирпичей и мергеля среди окружающихъ его развалившихся стѣнъ и мазаночныхъ хижинъ даютъ ему видъ новой заплаты на старой одеждѣ. Это андижанскій построенный нынѣшнимъ управителемъ серай, для помѣщенія посѣщающихъ его страну купцовъ.

Мы входимъ въ него и находимъ, что его удобныя квартиры заняты купцами изъ Оренбурга, Ташкента, Вѣрнаго и другихъ русскихъ городовъ. Они мусульмане, и весьма вѣжливо приглашаютъ насъ къ чаю, который они пьютъ. Тюки ихъ наполнены мареною, полосовымъ желѣзомъ, желѣзными котлами, мѣдными подсвѣчниками, сахаромъ, чаемъ и бумажными набивными тканями. Тюками загроможденъ весь дворъ и завалены, какъ видно сквозь рѣшетку, погреба. Хозяева ихъ берутъ въ промѣнъ хотанскіе войлоки и ковры, а также шелкъ и хлопокъ. Одѣты они красивѣе и лучше, чѣмъ туземцы, и между ними есть нѣсколько человѣкъ совершенно чуждыхъ странѣ — быть можетъ купцовъ, пріѣхавшихъ изъ Москвы; повидимому всѣ они живутъ въ сераѣ каждый самъ по себѣ. У одного изъ нихъ въ рукахъ *щеты*, то есть машинка для вычисленій. Это нѣчто въ родѣ ready-reckoner, и состоитъ изъ продолговатой деревянной рамки, въ которой набраны на проволокахъ шарики различныхъ цвѣтовъ для единицъ, десятковъ и т. д. Шарики эти передвигаются по проволокамъ изъ стороны въ сторону, согласно съ правилами употребленія инструмента, и даютъ возможность легко считать большія суммы.

Пройдя городъ, мы снова садимся на лошадей и на обратномъ пути подводимъ итогъ всему нами видѣнному и выводимъ изъ него свои заключенія, не забывая впрочемъ замѣчать дорогою такіе предметы, которые могутъ на время прервать ходъ нашихъ мыслей.

Самый интересный результатъ нашего посѣщенія города, это тотъ новый видъ, въ которомъ представился намъ народъ въ своей обыденной жизни, и мы весьма довольны, замѣтивъ, что неблагопріятное впечатлѣніе, произведенное безобразіемъ толпы, возбудившемъ наше любопытство и вниманіе въ день нашего пріѣзда, значительно ослабѣваетъ, ибо видѣнныя нами тогда отталкивающія физіономіи перемѣшиваются съ болѣе мягкими чертами женщинъ и болѣе привлекательными лицами юношей. Однако оно далеко не изглаживается, ибо безобразный зобъ встрѣчается намъ на всякой улицѣ и во всякомъ переулкѣ. Его громадная масса червеобразныхъ извилистыхъ сосудовъ иногда совершенно вытягиваетъ черты лица, а глаза выпячиваетъ впередъ, такъ что иногда они оказываются почти на щекахъ, конечно, вовсе не привлекательной физіономіи. Въ меньшей степени развитія эти безобразныя опухоли часто уродуютъ иную красивую женскую физіономію, и даже въ самомъ началѣ уменьшаютъ прелесть дѣтской красоты.

Распространенность этого непривлекательнаго уродства, вмѣстѣ съ блѣдножелтымъ цвѣтомъ лица и болѣзненнымъ взглядомъ, такъ

часто встрѣчаемыми по улицамъ и базарамъ города, значительно уменьшаетъ даже то пріятное впечатлѣніе, которое производитъ деревенское населеніе, стекающееся въ праздничной одеждѣ по рыночнымъ днямъ. Сегодня нигдѣ незамѣтно оживленности и дѣятельности, разнообразныхъ татарскихъ костюмовъ и румяныхъ отъ избытка здоровья лицъ. Горожане спрятали свое хорошее платье и каждый тихо занимается въ своей лавкѣ и мастерской своимъ обычнымъ дѣломъ: на базарахъ всякій наблюдаетъ за своей лавкой, а въ домахъ кто краситъ платье, которое выставитъ на продажу въ рыночный день, кто шьетъ сапоги, кто отдѣлываетъ шапки, которыя вмѣстѣ съ мѣховыми одеждами, вышитыми шелкомъ рубахами и пр., будутъ промѣняны крестьянамъ или, еще лучше, проданы за деньги, только что полученныя ими за ихъ деревенскіе продукты.

Сегодня должны господствовать трудъ и покой: вотъ изъ боковой улицы показывается и чиновникъ, обязанность котораго смотрѣть за соблюденіемъ этого правила. Это Кази Раисъ, или главный начальникъ города, совершающій свой ежедневной обходъ базаровъ для предостереженія игроковъ, гулякъ и людей не слушающихъ призыва къ молитвѣ, а также для осмотра вѣсовъ и мѣръ и предохраненія народа отъ обмановъ мясниковъ и лавочниковъ. Онъ ѣдетъ верхомъ въ сопровожденіи секретаря, а впереди идутъ ровнымъ медленнымъ шагомъ еще шесть человѣкъ по три врядъ. Каждый изъ нихъ держитъ въ рукахъ знакъ своей должности—*диру*. Это широкая коженая плеть, которая держится за деревяную ручку, а сама перекинута черезъ плечо. Они поворачиваютъ на дорогу, по которой ѣдемъ мы, и потому мы отступаемъ назадъ, чтобы слѣдовать за процессіей. Народъ, проходящій по обѣимъ сторонамъ, дѣлаетъ Кази почтительный поклонъ, складывая руки на животѣ и быстро сгибаясь при этомъ, какъ бы отъ внезапной судороги. Женщины, которыя не покрыты покрываломъ, какъ того требуетъ строгое соблюденіе *шара*, поспѣшно спускаютъ эти квадратные сѣтчатые лоскутки, которые, если цензора нѣтъ на дорогѣ, часто бываютъ откинуты черезъ шапку назадъ, и, отбѣжавъ въ сторону, становятся лицемъ къ стѣнѣ, а если можно, то скрываются въ какую нибудь отпертую дверь или въ переулокъ. Но вотъ одна изъ нихъ такъ занята своими мыслями, что не только забыла о покрывалѣ, а даже не замѣчаетъ цензоровъ, пока они не оказываются совершенно близко. Она быстро поворачивается къ стѣнѣ, однако пренебреженіе долга, налагаемаго исламомъ, не ускользаетъ отъ зоркихъ глазъ Кази Раиса, который мимоходомъ произноситъ нѣсколько словъ упрека и увѣщанія, которыя подкрѣпляются четырьмя или пятью быстрыми ударами *диры* по головѣ виновницы и по плечамъ, когда та наклонила голову.

Миновавъ нѣсколько лавокъ, партія останавливается передъ лавкой колоніальныхъ товаровъ для осмотра вѣсовъ. Со словъ носильщиковъ *диры* и по полученіи «Кази-Раисскихъ» доходовъ, секретарь объявляетъ все вѣрнымъ, послѣ чего переходятъ къ одной изъ пекарень. Въ мукѣ оказывается примѣсь земли, и пекарь безъ дальнѣйшихъ околичностей приговаривается къ побоямъ, а испорченная мука конфискуется. Его раскладываютъ на улицѣ передъ лавкой и бьютъ по чемъ попало безъ пощады.

Мясникъ отдѣлался отъ подобной же кары, объяснивъ, что испортившееся мясо, у него найденное, держится имъ для собакъ, осаждающихъ его лавку. Затѣмъ процессія сворачиваетъ съ нашей дороги, мы же продолжаемъ свой путь и, проѣхавъ мимо гнѣзда нищихъ, самыхъ презрѣнныхъ и по-истинѣ отвратительныхъ созданій, какихъ я когда либо видѣлъ, — слѣпыхъ, прокаженныхъ, зобатыхъ, ползающихъ въ грязи нѣсколькихъ низкихъ лачугъ, построенныхъ при основаніи высокой стѣны близъ воротъ, въ которыя мы въѣхали и живущихъ и размножающихся на подаянія проѣзжихъ,—мы оставляемъ городъ и возвращаемся домой тою же дорогой, которой выѣхали. Мы довольны проведеннымъ днемъ, хотя и не вполнѣ удовлетворены въ отношеніи напередъ составленнаго нами представленія о населеніи города и его благосостояніи, основаннаго на свѣдѣніяхъ, доходившихъ до насъ въ Индіи. Базары его положительно бѣдны въ сравненіи съ базарами какого нибудь индійскаго города такого же разряда, и не представляли такого множества цѣнныхъ вещей, какое мы видѣли на обратномъ пути въ Индію на туземномъ базарѣ въ Симлѣ. Обычная торговля въ улицахъ также не можетъ быть сравниваема съ обыденною жизнью индійскаго города. Народъ одѣтъ тепло и удобно, какъ того требуетъ климатъ, но въ платьѣ его никогда нѣтъ ничего роскошнаго. Золотыя и серебряныя украшенія и драгоцѣнные камни встрѣчаются рѣдко, даже никогда или только въ нѣкоторыхъ лавкахъ въ качествѣ китайскихъ рѣдкостей. О роскоши частныхъ гаремовъ можно догадываться только по видѣннымъ нами въ продажѣ вышитымъ покрываламъ, украшен-

нымъ рубинами и жемчугомъ по краю золотой бахромы, золотымъ серьгамъ съ красными кораллами, браслетамъ съ простыми чеканными узорами, изумрудами и бирюзой и другимъ вещамъ турецкаго будуара. Въ сущности украшенія не въ модѣ, по крайней мѣрѣ въ народѣ, и лавки ювелировъ такъ же рѣдки на базарахъ, какъ и книжныя. Городъ не имѣетъ никакой сколько нибудь значительной спеціальной промышленности, хотя въ своемъ околодкѣ славится выдѣлкой кожъ, а также сапогами и башмаками, которые считаются лучшими во всей странѣ. Этою промышленностью, а также скорняжьимъ и шапочнымъ ремесломъ занято нѣсколько сотъ семействъ, но произведенія ихъ не идутъ далѣе границъ сосѣднихъ городовъ страны до Хотана — въ одномъ направленіи и Аксу — въ другомъ.

При господствѣ китайцевъ особенно поощрялась торговля нефритомъ и промыселъ добыванія его занималъ нѣсколько тысячъ семействъ какъ здѣсь, такъ и въ Хотанѣ, и также въ каменоломняхъ долины Каракашъ, какъ въ южныхъ холмахъ золотой промыселъ. Но съ изгнаніемъ ихъ изъ страны, эти занятія, за исключеніемъ одной золотой копи близь Хотана, совершенно прекратились и нефритовый промыселъ можно считать исчезнувшимъ. Даже во времена китайскаго управленія лучшіе экземпляры этого высокоцѣнимаго минерала отправлялись повидимому кусками въ Китай и тамъ уже ввѣрялись искуству художника. Я спеціально искалъ издѣлій изъ этого камня, и лишь случайно досталъ нѣсколько хорошихъ изваяній въ индійскомъ стилѣ и повидимому древняго происхожденія. Объ ихъ существованіи было объявлено подъ большимъ секретомъ, изъ страха, чтобы они не перешли всѣ по номинальной цѣнѣ въ руки правительства, и когда я получилъ ихъ, они были запачканы въ глинѣ, какъ будто были скрываемы въ землѣ.

Въ настоящее время здѣсь нѣтъ больше нефритовыхъ мастеровъ и искателей, и всѣ требованія на минералъ русскихъ торговцевъ, отыскивающихъ его для китайскихъ рынковъ, удовлетворяются тѣмъ, что было оставлено въ странѣ китайцами. Наилучшіе экземпляры какъ бѣлаго, такъ и зеленаго нефрита обыкновенно вырывались въ опустѣвшемъ руслѣ рѣки Хотана, близъ города того же имени.

ГЛАВА IX.

Отъѣздъ изъ Ярканда. — Тѣлохранители Аталыка Газы. — Прибытіе въ Янги Гиссаръ.—Приближеніе къ Кашгару.—Пріемъ сдѣланный Аталыкомъ Газы.—Придворныя церемоніи. — Черты лица Аталыка. — Его характеръ. — Наше пребываніе въ Кашгарѣ. — Оцѣнка телеграфа. — Развалины древняго Кашгара. — Постройки нынѣшняго города. — Его смѣшанное населеніе. — Обученіе китайскихъ войскъ. — Судьба китайскихъ гарнизоновъ.—Обращеніе китайцевъ въ исламъ.—Одежда андижанскаго солдата.

Салютъ изъ семи ружей при закатѣ солнца 23-го ноября возвѣстилъ объ окончаніи *«рамазана»*—праздника, который здѣсь не соблюдается повидимому большинствомъ, также какъ и моленія; обыкновенно всѣ, за исключеніемъ духовенства, уклоняются какъ отъ того, такъ и отъ другаго подъ разными пустыми предлогами. При восходѣ солнца подобный же салютъ предшествовалъ *«айду»*. Впрочемъ въ войскахъ праздникъ этотъ уже вошелъ въ обычай и они веселились въ своихъ баракахъ вокругъ насъ впродолженіе всей ночи подъ звуки своихъ музыкальныхъ инструментовъ.

День этотъ былъ назначенъ для отъѣзда Хаджи Торы въ Кашгаръ, а мы должны были слѣдовать за нимъ черезъ недѣлю. Онъ отправился въ путь со своей свитой, состоявшей изъ турецкихъ офицеровъ, по окончаніи молитвъ «айда». Посланникъ, въ сопровожденіи части своей свиты, сдѣлалъ ему визитъ, чтобы пожелать счастливаго пути, между тѣмъ какъ полковникъ Гордонъ и капитанъ Бидульфъ отправились отъ имени посланника къ дадкваху съ подарками и поздравленіями по поводу «айда».

Послѣ обѣда мы отправились въ городъ, надѣясь увидѣть тамъ праздничную толпу народа, но базары оказались малолюдны, вѣроятно вслѣдствіе того, что наканунѣ только-что былъ обыкновенный

рыночный день. Мы встрѣтили тамъ войска, только-что прибывшія съ манасской и турфанской границъ, и среди ихъ я замѣтилъ нѣсколько человѣкъ съ манчжурскими чертами лица, съ длинными тонкими усами и тонкой полоской на подбородкѣ, какъ это обыкновенно рисуютъ на картинкахъ.

Мы нѣсколько разъ посѣщали городъ и никогда не слыхали звуковъ музыки или пѣсни, исключая неистовства *дервишей* и повѣствованія *бакиси*. Тѣмъ не менѣе въ странѣ есть музыканты съ недюжинными талантами, но только они играютъ лишь въ частныхъ собраніяхъ.

Чтобы не отпустить насъ изъ страны въ убѣжденіи, что безобразный гамъ военныхъ былъ настоящею и единственною музыкою страны, дадквахъ былъ такъ любезенъ, что прислалъ къ намъ настоящихъ музыкантовъ, чтобы показать истинное искуство. Музыкантовъ этихъ было пять человѣкъ. Одинъ изъ нихъ игралъ на камышевой дудкѣ въ родѣ флажолета (*балауанъ*), другой на осьмиструнной скрипкѣ (*рабабъ*); еще два играли на тамбуринахъ (*дафъ*), у которыхъ кругомъ были бренчавшія стальныя кольца, а пятый на инструментѣ въ родѣ арфы (*канунъ*) или фортепіано, состоявшемъ изъ восемнадцати двойныхъ и двухъ одиночныхъ проволокъ, натянутыхъ на резонансную деку. Исполненіе было согласное и акомпанировалось голосами тѣхъ двухъ музыкантовъ, которые играли на струнныхъ инструментахъ. Пѣсни были турецкія, любовныя, а напѣвы чрезвычайно нѣжны и гармоничны. Въ нихъ не было ничего нескладнаго, хотя повидимому они представляли монотонное повтореніе одного и того же мотива. Вообще ихъ музыка произвела пріятное впечатлѣніе и имѣла свои достоинства. Игравшій на *канунѣ* извлекалъ звуки посредствомъ стальной палочки и прекращалъ вибраціи проволокъ легкимъ ударомъ пальцевъ другой руки.

Семдесятъ пять вьюковъ и тяжелый багажъ нашей партіи были отправлены впередъ въ повозкахъ, т. е. въ красивыхъ легкихъ фурахъ похожихъ на европейскія, въ которыя были запряжены по три и по четыре лошади, одна въ оглобляхъ, а другія врядъ спереди. Затѣмъ мы попрощались съ дадквахомъ и поѣхали ко двору Аталыка Газы.

Мухаммедъ Юнусъ, считая положеніе въ странѣ, какъ *дадквaха* Ярканда, соотвѣтствующимъ положенію помощника губернатора провинціи Индіи, не нашелъ нужнымъ отдать визитъ посланнику, а

чтобы избѣжать нѣкотораго затрудненія пригласилъ всѣхъ насъ на завтракъ наканунѣ нашего отъѣзда. Мы воспользовались этимъ случаемъ, чтобы попрощаться съ нимъ и поблагодарить его за гостепріимство и вниманіе.

Мы оставили Янгишаръ 28 ноября, приблизительно въ восемь часовъ по полудни и проѣхали двадцать пять миль до Кокъ Рабата, гдѣ нашли себѣ помѣщеніе въ особенномъ домѣ, который былъ въ родѣ каргашкскаго и, подобно послѣднему, служилъ только для царя и тѣхъ гостей его, которыхъ онъ желалъ особенно почтить.

Дорога наша огибала сѣверную сторону форта и приблизительно миль черезъ пять переходила рѣку Опагъ по только-что выстроенному мосту съ неоконченными еще на концахъ его башнями, служащими для украшенія. Мили черезъ полторы далѣе, проѣхавъ между разбросанныхъ тамъ и сямъ жилищъ, прибыли въ Кара Кумъ, т. е. «Черный Песокъ», гдѣ сошли съ лошадей для *дастурквана*, приготовленнаго въ очищенномъ для нашего пріема домѣ одного крестьянина. Онъ стоялъ на краю песчаной пустыни, по которой намъ пришлось затѣмъ сдѣлать десять миль до Рабачи, который представляетъ длинный рядъ фермъ, растянувшихся къ востоку и западу по теченію узкой рѣки. На половинѣ пути мы проѣхали мимо почтовой станціи или *ортанга* Сугучакъ, гдѣ есть нѣсколько деревьевъ и восемь или десять скученныхъ вмѣстѣ хижинъ. Все остальное пространство по дорогѣ представляло пустыню, испещренную солончаками, кое-гдѣ растущимъ тростникомъ, тамарисками. или верблюжьимъ терномъ, да еще холмами нанесеннаго песку. Тамъ и сямъ, на далекомъ разстояніи другъ отъ друга видны были иногда одинокія пастушьи хижины.

Отъ Рабачи до Кокъ Рабата дорога идетъ по подобной же мѣстности съ разбросанными тамъ и сямъ деревенскими домами. Кокъ Рабатъ есть поселеніе приблизительно въ двѣ сотни домовъ, растянувшееся отъ востока къ западу на значительное пространство. Слѣдующая наша стоянка была за тридцать миль, въ Кизили. Дорога туда шла черезъ песчаную пустыню, которая на горизонтѣ сливалась съ густымъ туманомъ атмосферы. Голая и волнистая поверхность ея представляла легкій склонъ къ западу до нѣсколькихъ большихъ возвышенностей, выступавшихъ изъ-подъ туманнаго покрывала, за которымъ скрывалась вся даль. Воздухъ былъ рѣзкій (когда

мы выступили, термометръ стоялъ на 18° Ф.), а холодный сѣверный вѣтеръ дѣлалъ его еще пронзительнѣе.

На половинѣ пути, немного далѣе развалинъ бывшей почтовой станціи, мы сошли съ лошадей для *дастуркана* въ Акъ- Рабатѣ или «Бѣлой гостинницѣ». Это маленькая, окруженная стѣнами, почтовая станція, при которой есть помѣщеніе для нѣсколькихъ лошадей. Она содержится человѣками пятью и представляетъ единственное обитаемое мѣсто на всемъ переходѣ. Здѣсь есть два колодца солоноватой воды, одинъ на дорогѣ, а другой внутри *рабата*.

Близь этого мѣста мы были встрѣчены Халомъ Мугаммедомъ, довѣреннымъ служителемъ Аталыка Газы въ рангѣ *Пянджи Баши*, или «начальника пятисотъ». Онъ былъ сопровождаемъ двадцатью человѣками *джигитовъ*, какъ называются здѣсь кавалерійскіе солдаты, и посланъ своимъ господиномъ изъ Янги Хисара, чтобы привѣтствовать посланника и провести его партію до города. Его люди такъ же, какъ и онъ самъ, носили весьма странную форму, которая была удивительно приспособлена къ мѣстному климату того времени года.

Все платье было изъ желтой буйволовой кожи; даже коническая шапка съ выдровой опушкой была изъ того же матеріала, и, подобно длиннымъ овчиннымъ шубамъ, была обращена шерстью внутрь. Шаровары, т. е. объемистые мѣшки, называемые *шимъ*, были подбиты вмѣсто шерсти ситцемъ и, подобно кафтану, обшиты по нижнему краю узкой выдровой опушкой. Даже сапоги были изъ дубленой не вычерненной кожи. Вообще матерьялъ шапки и платья былъ тотъ-же, что и у кабульскихъ *постиновъ*; особенный же цвѣтъ и мягкость придавала ему кора гранатнаго дерева. Но только здѣшніе постины были безъ шелковыхъ узоровъ и у простыхъ солдатъ вовсе не имѣли украшеній. На кафтанѣ же Хала Мугамедда было нѣчто въ родѣ драконовой головы, вышитой цвѣтными шелками на спинѣ между плечъ. Впослѣдствіи мы узнали, что этотъ знакъ обозначалъ рангъ и давался только начальникамъ.

Это былъ единственный отрядъ войска, за исключеніемъ артиллеріи, видѣнный нами въ формѣ во все время нашего пребыванія въ странѣ, хотя одѣтыхъ такимъ образомъ вѣроятно много, такъ какъ впослѣдствіи мы встрѣтили въ Кашгарѣ другого пянджибаши въ такомъ же нарядѣ, какъ и Халъ Мугаммедъ, и нѣсколькихъ тѣлохранителей Аталыка Газы, одѣтыхъ одинаково съ сопровождавшей

Хала Мугаммеда свитой. Оружіе послѣдней составляли мечъ и ударная винтовка съ высокой мушкой. Ружья эти выдѣлываются въ Аталыковыхъ мастерскихъ въ Янгисарѣ и Кашгарѣ и имѣютъ видъ хорошаго оружія.

Въ Кизили мы сошли съ лошадей передъ правительственнымъ станціоннымъ домомъ, обширнымъ сераемъ, находящимся противъ деревни, и послѣ полудня посѣтили тамошнія желѣзныя плавильни. Мы нашли восемнадцать или двадцать плавильныхъ печей, скученныхъ вмѣстѣ среди домовъ рабочихъ. Ни одна изъ нихъ не была въ дѣйствіи и потому мы могли осмотрѣть ихъ устройство. Горнило устроивается въ центрѣ круглой ямы съ небрежно сдѣланной крышей и имѣетъ узкую трубу въ четыре или шесть футовъ вышиною съ отдушинами у основанія. Древесный уголь и руда перемѣшиваются въ стволѣ трубы и расплавленный металлъ опадаетъ внизъ въ корыто, въ которое вставляются устья двухъ или трехъ мѣховъ. Горны дѣлаются весьма грубо изъ камней и глины, и судя по лежавшему вокругъ шлаку плавка была несовершенная. Руда добывается въ холмахъ, отстоящихъ на два дня пути къ западу, и каменоломни называются Тамуртагъ, т. е. «Желѣзный холмъ» и Кизилтагъ, или «Красный холмъ». Рудокоповъ и плавильщиковъ насчитывается, говорятъ, до двухсотъ семействъ. Хижины ихъ скучены вмѣстѣ и образуютъ какъ бы деревню, а не разбросаны, какъ фермы, подобно другимъ поселеніямъ, видѣннымъ нами въ этой странѣ. Вода здѣсь солоноватая, а почва красноватаго цвѣта отъ чего и происходитъ названіе мѣстности.

На слѣдующій день мы отправились въ Янги Хиссаръ, отстоящій отсюда на тридцать миль, и пробыли тамъ два дня. Первыя десять миль шли по скуднымъ пажитямъ, на которыхъ было нѣсколько маленькихъ поселеній въ родѣ фермъ: Шамалунгъ (гдѣ китайцы имѣли *ортангъ* или почтовую станцію), Кудукъ и Кошъ Гумбатъ. Слѣдующія же четыре мили шли по пустынной полосѣ песковъ и солончаковъ, которая тянется отъ востока къ западу и скудно покрыта верблюжьимъ терномъ, тимарисками, солянкой и другими растеніями пустыни. Проѣхавъ эту полосу, мы прибыли въ Топалукъ, т. е. «Пыльное мѣсто», поселеніе изъ фермъ, идущихъ къ востоку и западу по теченію узенькой рѣчки. Здѣсь мы сошли съ лошадей для *дастуркана*, приготовленнаго въ домѣ крестьянина около дороги.

Черезъ двѣ мили далѣе мы миновали усадьбы Калпинъ, а еще

немного далѣе развалины деревни того же имени, и затѣмъ выѣхали опять на широкую пустынную полосу съ рядомъ холмовъ и валовъ, протянувшихся отъ востока къ западу и скрывавшихъ впереди даль. Мѣстность здѣсь низменна, покрыта губчатымъ солянымъ налетомъ, солянкой и грубой травой, и непроходима иначе, какъ по торной дорогѣ вслѣдствіе различныхъ западней на ея пузыристой поверхности. Въ иныхъ мѣстахъ, скотъ нашъ, сойдя съ дороги, проваливался по колѣна въ рыхлую пыль, скрытую отъ глаза растеніями, растущими на соляной корѣ поверхности. Видя, что лошади моей слишкомъ трудно, я сошелъ съ нея и пошелъ было за драхвами, замѣченными мною въ сторонѣ направо, но рыхлая земля была такъ глубока, что идти по ней было весьма утомительно и я радъ былъ сѣсть снова въ сѣдло, оставивъ мысль объ охотѣ.

По ту сторону этой пустынной полосы мы нашли почтовый домъ Сугатъ Булакъ, или «Ивовый ключъ» у подножія возвышенностей изъ песку и гравія, которыя тянутся черезъ страну отъ запада къ востоку вдоль теченія рѣки Шагназъ. Дорога извивается между этими возвышенностями на протяженіи нѣсколькихъ миль, а затѣмъ, пройдя сквозь ущелье, выходитъ на бревенчатый мостъ, перекинутый черезъ мутную рѣку. Рѣка запружена выше отъ моста и по берегамъ ея съ обѣихъ сторонъ есть нѣсколько водяныхъ мельницъ, построенныхъ на каналахъ, проведенныхъ отсюда къ полямъ и фермамъ Шахназъ. Рѣка здѣсь течетъ въ глубокомъ песчаномъ руслѣ между высокими перпендикулярными, рыхлыми берегами и не можетъ быть переходима въ бродъ вслѣдствіе ея сыпучихъ песковъ. Она течетъ съ низкихъ холмовъ, находящихся на западѣ, и, протекши по равнинѣ въ юго-восточномъ направленіи около двадцати пяти миль, теряется, истощенная орошеніемъ земель. Далѣе за полями Шагназа, мы перешли голыя песчаныя возвышенности Кайрахъ, и спустились къ населеннымъ предмѣстьямъ Янги Хиссара, который самъ по себѣ представляетъ бѣдный, полуразрушенный маленькій городокъ, защищенный съ сѣвера сильнымъ фортомъ. Мы проѣхали черезъ его базаръ и, повернувъ налѣво, на бѣлыя какъ снѣгъ отъ соляного налета поля, сошли съ лошадей около одного дома, который былъ приготовленъ для нашего пріема и охраняемъ отрядомъ солдатъ. Мы должны были пробыть здѣсь только одинъ день, но поздно вечеромъ 1-го декабря прибылъ посолъ изъ Кашгара съ приказаніемъ Халѣ Мугаммеду задержать нашу партію еще на одинъ день.

Поэтому Мугаммедъ объяснилъ намъ весьма дипломатически, что Аталыкъ приказалъ ему заботиться, чтобы мы не уставали отъ усиленныхъ переходовъ и что онъ поэтому хочетъ устроить насъ здѣсь по возможности удобно еще и назавтра.

Такимъ образомъ мы отправились снова въ путь 3-го декабря и, сдѣлавъ двадцать пять миль, сошли съ лошадей передъ станціоннымъ домомъ Япчангъ. Путь нашъ лежалъ черезъ фортъ или Янгишаръ Янги-Хиссара и затѣмъ по широкой улицѣ мимо казармъ. Здѣсь не было ни парада, ни развода войскъ, но мы видѣли нѣкоторыхъ солдатъ сидящими подъ насаженными передъ дверями деревьями и порой замѣчали ихъ военную добычу—китайскихъ женщинъ, выглядывавшихъ изъ дверей или изъ-за стѣны. Нѣкоторыя были въ цвѣтущихъ годахъ и имѣли замѣчательно хорошій цвѣтъ лица.

Миновавъ казармы, мы направились къ сѣверу черезъ скудно воздѣланную и пропитанную солью равнину, которая пересѣкается здѣсь двумя значительными каналами приблизительно на разстояніи мили одинъ отъ другаго, черезъ которые на дорогѣ перекинуты мосты. Далѣе мы проѣхали мимо фермы Сайдлара, а затѣмъ переѣхали обширную песчаную пустыню, поросшую камышемъ и солянкою, и тамъ и сямъ покрытую стоячими прудами и болотами, среди которыхъ разбросаны на далекомъ разстояніи одна отъ другаго одинокія мызы. Миль черезъ пять мы прибыли въ Сохолукъ, гдѣ сошли съ лошадей передъ хорошенькимъ домикомъ для *дастурквана*.

Погода была прекрасная, но хотя солнце ясно свѣтило и пріятно грѣло, но мало дѣйствовало на ледъ замерзшихъ ручьевъ. Обычный туманъ исчезъ, и воздухъ былъ чистъ и морозенъ, какъ еще не былъ ни разу, такъ что мы могли видѣть весьма далеко. Мѣстность представляла обширную, волнистую и слабо населенную равнину, частію покрытую пескомъ и гравіемъ, частію поросшую тростникомъ, причемъ разнообразіе ея поверхности прерывали мѣстами песчаные валы. Къ югу и югозападу на небѣ рисовалось нѣсколько снѣжныхъ пиковъ и горныя массы группы Тагарма въ Сарыкъ Колѣ («желтомъ ущельѣ»), прямо же на западѣ тянутся болѣе низкія цѣпи Каратага («Черной горы»).

Выйдя изъ Сохолука, мы прошли четыре мили по поросшей тростникомъ мѣстности, гдѣ дорога извивалась между болотами и песчаными валами до самаго Ханъ-Арыка, который мы перешли по мосту,

и, слѣдуя нѣкоторое время по его болотистому изгибу, перешли также по мосту одинъ его притокъ и затѣмъ вышли на поля Япчанга.

На слѣдующее утро, 4-го декабря, мы отправились уже въ Янгишаръ Кашгара, отстоявшій отъ насъ на четырнадцать миль. Дорога наша шла къ сѣверозападу по ровной песчаной мѣстности подобной той, которую мы только-что проѣхали; она была также скудно населенной, хотя ее пересѣкали отъ востока къ западу рѣка Тазхунъ и нѣсколько расходящихся отъ нея каналовъ, черезъ большую часть которыхъ, равно какъ и черезъ самую рѣку, были бревенчатые мосты. Впродолженіе тридцати минутъ послѣ того, какъ мы оставили Япшангъ, мы перешли по мостамъ три такихъ канала (они текли въ низкобережныхъ песчаныхъ руслахъ и были непроходимы инымъ способомъ вслѣдствіе сыпучести песковъ), а затѣмъ и самую рѣку, и пятнадцать минутъ спустя вступили на поля селенія Тазхунъ, за узкой полосой которыхъ шла опять соленая степь, покрытая камышемъ, болотами и лужами. Черезъ два часа десять минутъ по выѣздѣ изъ Япшанга мы сошли съ лошадей передъ маленькой группой хижинъ на Карасунскомъ мосту для *дастурквана*.

Утренній воздухъ былъ рѣзокъ и морозенъ. Лужи, маленькія рѣчки и даже большія рѣки были покрыты льдомъ. За Карасу, отстоящемъ отъ Янгишара миль на пять, мы были встрѣчены партіей въ пятнадцать или шестнадцать всадниковъ, предводительствуемыхъ кушбеги Мирзой Ахмедомъ, который былъ посланъ Аталыкомъ Газы привѣтствовать посланника. Это одинъ изъ самыхъ главныхъ приближенныхъ ко двору лицъ; это былъ первый богато одѣтый человѣкъ, встрѣченный нами въ этой странѣ. Онъ былъ очень красивый собою мужчина, лѣтъ сорока пяти, съ крупными чертами лица и густой бородой и походилъ скорѣе на афганца, чѣмъ на татарина. Онъ былъ однимъ изъ немногихъ лицъ, имѣвшихъ званіе и положеніе, еще до прихода ихъ сюда, и фигурировалъ замѣтнымъ образомъ въ политикѣ Кокана, гдѣ дѣлалъ даже безуспѣшную попытку завладѣть тономъ, а также принималъ дѣятельное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, какъ противъ русскихъ, такъ и противъ Худояра Хана. Когда русскіе завладѣли Ташкентомъ въ 1865 году, онъ сдѣлалъ неудачную попытку предупредить Худояра въ завладѣніи Коканомъ и по возвращеніи хана на престолъ былъ принужденъ бѣжать изъ страны вмѣстѣ со многими другими, дѣйствовавшими противъ обѣ-

ихъ партій въ интересахъ кипчакской партіи. Водворившись въ резиденціи, мы его уже не встрѣчали болѣе.

За Карасу до Янгишара и Кашгара, на протяженіи пяти миль, страна является болѣе населенною и хорошо воздѣланною, такъ что во всѣхъ направленіяхъ видны фермы и поля.

Дорога наша шла мимо нѣсколькихъ артилерійскихъ казармъ, а затѣмъ вдоль восточной стороны форта и заворачивала къ резиденціи, т. е. только что для насъ выстроенному помѣщенію, стоявшему прямо противъ воротъ сѣверной стороны Янгишара, куда мы прибыли въ полдень. Мирза Ахмедъ, введя насъ въ наше помѣщеніе и распорядившись *дастурквановъ*, попрощался съ посланникомъ, чтобы доложить о нашемъ пріѣздѣ своему государю.

Нѣсколько часовъ спустя, явился бывшій прежде въ Индіи и знакомый посланнику Играръ ханъ Тора, чтобы представить насъ передъ лицо Аталыка Газы, ибо по обычаю страны почетные посѣтители получаютъ аудіенцію тотчасъ же по прибытіи. Мы всѣ одѣлись въ полную форму и послѣдовали за посланникомъ, котораго велъ во дворецъ Тора.

Разстояніе черезъ дорогу къ воротамъ было не болѣе выстрѣла изъ лука и мы встрѣтили только небольшую толпу солдатъ, собравшихся въ качествѣ зрителей. Проѣхавъ подъемный мостъ и трое воротъ, изъ которыхъ каждыя имѣли свою стражу, какъ въ Яркандѣ, и сойдя съ лошадей, мы пошли по площади къ воротамъ дворца или *орды*. Это зданіе безъ всякихъ претензій, съ плоскою крышей и съ тремя дворами, которыми надо пройти, чтобъ попасть въ него. Два изъ этихъ дворовъ были заняты королевской стражей человѣкъ въ 400. Всѣ они сидѣли безмолвно и недвижимо длинными рядами вдоль стѣнъ веранды.

Пройдя первые два двора, мы невольно заразились торжественностью и безмолвіемъ, которыми былъ проникнутъ весь воздухъ этого мѣста. Когда мы входили черезъ ворота на третій дворъ, Играръ Ханъ, съ серьезнымъ и важнымъ видомъ, остановилъ насъ, прошелъ потихоньку впередъ, заглянулъ во дворъ и тогда уже сдѣлалъ знакъ намъ. Проходъ былъ всего въ три-четыре шага, и мы оказались на продолговатомъ дворѣ, съ двухъ сторонъ котораго была веранда, а съ двухъ другихъ бѣлыя штукатуреныя глиной стѣны. Подъ верандой противуположной стороны выходилъ рядъ стеклянныхъ, украшенныхъ рѣзьбою дверей, а посрединѣ двора былъ замерзшій прудъ, вокругъ

котораго росло нѣсколько высокихъ тополей. На дворѣ, кромѣ насъ, не было ни души — и безмолвіе было подавляющее. Тора съ наклоненной головою и сложенными руками безмолвно шелъ на шагъ или на два впереди насъ, а мы механически слѣдовали за нимъ на цыпочкахъ, стараясь сколько возможно уменьшить стукъ нашихъ сапоговъ о выложенную кирпичемъ дорожку.

Около ступеньки веранды нашъ проводникъ, все съ тѣмъ же торжественнымъ видомъ, сдѣлалъ намъ знакъ остановиться и, пройдя къ двери, исчезъ въ ней. Мы воспользовались случаемъ пошептаться между собою — говорить инымъ тономъ среди этой ужасной тишины не приходилось. Черезъ двѣ или три весьма длинныя минуты Тора снова показался на верандѣ и, поманивъ посланника, сдѣлалъ намъ знакъ оставаться на мѣстѣ.

Начальникъ нашъ вошелъ въ двери и, какъ мнѣ говорили, почти прошелъ всю залу, когда изъ противоположной двери вышелъ плотно сложенный мужчина лѣтъ пятидесяти, средняго роста и, протянувъ руку посланнику, выразилъ ему удовольствіе, что видитъ его въ Кашгарѣ. Звуки голосовъ долетали къ намъ на дворъ; затѣмъ Тора, стоя на верандѣ, сталъ подзывать и насъ по очереди и пропускать въ залу. Мы проходили каждый отдѣльно всю залу (большую комнату, въ родѣ того, какъ въ *ордѣ* Ярканда) до противоположнаго конца, гдѣ Аталыкъ Газы сидѣлъ потурецки на полу, а рядомъ съ нимъ съ правой стороны сидѣлъ посланникъ. По представленіи нашимъ начальникомъ, мы наклонились, чтобы взять протянутую руку, и, дѣлая почтительный поклонъ на звучное и холодное *«саламатъ»* — привѣтъ Аталыка, отступили назадъ, чтобы садиться въ рядъ на подушку за посланникомъ.

Когда всѣ сѣли, Аталыкъ снова выразилъ посланнику въ краткихъ словахъ, съ чисто восточною торжественностью, удовольствіе видѣть его въ своей странѣ, завертывая при этомъ свои руки въ длинные рукава *джубы*. Посланникъ отвѣчалъ также любезностями и въ знакъ благодарности за пріемъ хозяина приподнесъ ему винтовку. Подарокъ былъ принятъ съ поклономъ, но не было допущено ни любопытнаго осмотра, ни распросовъ, чтобы не нарушить такъ строго соблюдаемаго при этомъ дворѣ этикета. Затѣмъ Аталыкъ Газы бросилъ взглядъ на Тору, стоявшаго по сю сторону двери на противуположномъ концѣ залы, подавъ такимъ образомъ сигналъ для *дастурквана*. Прежде чѣмъ выйти для распоряженій, Тора низко

поклонился и произнесъ *таксиръ*. Онъ сейчасъ же возвратился, но прежде чѣмъ стать въ почтительно-внимательной позѣ на своемъ прежнемъ мѣстѣ, упалъ на одно колѣно и, быстро поглаживая бороду, пробормоталъ благословеніе.

Вслѣдъ за нимъ вошла вереница въ двадцать пять или тридцать солдатъ съ мечами у пояса, несущихъ подносы съ плодами и сладостями, которые были разставлены на разостланной передъ нами однимъ изъ этихъ солдатъ шелковой коканской скатерти. Все это было сдѣлано съ такимъ заученнымъ спокойствіемъ, что безмолвіе комнаты было нарушено развѣ только шумомъ ихъ шелковой одежды, пока не раздался на площади гулъ салюта, состоявшаго изъ пятнадцати медленно слѣдовавшихъ одинъ за другимъ выстрѣловъ. Этотъ военный способъ отдаванія чести былъ нововведеніемъ въ странѣ, и, по словамъ Хаджи Торы, сегодня былъ первый случай его примѣненія: Аталыкъ отплачивалъ намъ за подобный же пріемъ его посланника властями Индіи.

Во все это время Аталыкъ, по обычаю страны, сидя на скрещенныхъ пяткахъ, хранилъ глубокое молчаніе, а мы сидѣли неподвижно, уставивъ глаза на стоявшіе передъ нами подносы, или прямо впередъ въ противуположныя окна, выходившія на дворъ, гдѣ прохаживалось нѣсколько солдатъ съ ружьями, или же кротко обращая ихъ на ту особу, характеръ которой внушалъ такое благоговѣніе.

Послѣ послѣдняго выстрѣла салюта солдатъ внесъ на подносѣ двѣ чашки чаю и сталъ съ ними на колѣни передъ Аталыкомъ, который, смѣнивъ на минуту важное выраженіе лица милой улыбкой, предложилъ его посланнику; затѣмъ, доставъ съ ближайшаго подноса *дастурквана* сухарь, разломилъ его и подалъ кусочекъ посланнику, приглашая въ то же время словомъ *бисмиллагъ* приступить къ дастурквану и насъ.

Ледъ сдержанности былъ теперь сломанъ, и между Аталыкомъ Газы и посланникомъ завязался разговоръ, прерываемый длинными паузами важнаго молчанія. «Вы совершили трудное путешествіе по дурнымъ дорогамъ», замѣтилъ его высочество, «надѣюсь, что мои чиновники исполняли ваши требованія удовлетворительно». Посланникъ отвѣтилъ увѣреніемъ, что мы путешествовали съ комфортомъ и выразилъ полную нашу благодарность за все вниманіе, оказанное намъ его высочествомъ.

«Вамъ должно было показаться холодно на пути отъ Ярканда.

Здѣсь морозъ уже дня четыре былъ довольно силенъ и все будетъ увеличиваться втеченіи слѣдующихъ двухъ мѣсяцевъ». Посланникъ, поблагодаривъ за сдѣланныя для нашего удобства приготовленія, возразилъ, что въ удобномъ помѣщеніи холодъ будетъ только напоминать намъ нашу родную страну.

Послѣ этого Аталыкъ обратился къ прежнему посѣщенію страны посланникомъ, замѣтивъ, что онъ никакъ не могъ встрѣтить его въ тотъ разъ, такъ какъ спѣшныя и важныя дѣла потребовали тогда его присутствія на восточной границѣ, но что онъ весьма чтитъ его теперешній визитъ. «Вы пріѣхали въ свою собственную страну, говорилъ онъ. Вамъ чрезвычайно рады. Располагайтесь, какъ дома. Вы свободны дѣлать на моей территоріи все, что законно».

Наконецъ, съ надлежащей церемоніей былъ поданъ другой кусочекъ хлѣба, и *аллахъ акберъ*, сопровождаемый поглаживаньемъ бороды, былъ знакомъ къ принятію *дастуркана*. Вереница солдатъ появилась снова и, подобравъ все безъ шума, удалилась со своими подносами. Затѣмъ, завертывая руки въ рукава своей *джубы*, Аталыкъ повторилъ свое первое «*саламатъ*», на что мы съ посланникомъ встали, откланялись и вышли изъ залы, кое какъ переступая своими онѣмѣлыми и оцѣпенѣлыми ногами.

Мы вышли тѣмъ же путемъ, какимъ и вошли, и Тора проводилъ насъ до нашихъ квартиръ. Выйдя изъ священныхъ предѣловъ дворца, мы сбросили съ себя торжественность его атмосферы и снова вздохнули и заговорили свободно вмѣстѣ съ Торою, который внутренно былъ доволенъ и гордился впечатлѣніемъ, произведеннымъ на насъ присутствіемъ его августѣйшаго господина.

Аталыкъ имѣетъ замѣчательную физіономію, которую не легко описать. Въ ней нѣтъ ни одной особенно рѣзкой черты, и если бы ее увидѣть въ толпѣ, она осталась бы незамѣченною, какъ весьма обыкновенная. Но она имѣетъ свои особенности и носитъ выраженіе, которое кажется болѣе дѣланнымъ, чѣмъ естественнымъ. Общее очертаніе лица у него татарское, но рѣзкости татарской физіономіи смягчены и округлены узбекскою кровью. Оно широко, полно, безъ всякихъ рубцевъ и морщинъ, и въ выраженіи его менѣе повелительной важности, чѣмъ чувственной страсти. Быть можетъ, это результатъ вліянія превратностей и раболѣпства его жизни при коканскомъ дворѣ, окончившейся только десять лѣтъ тому назадъ. Лобъ его широкій и высокій, безъ всякихъ слѣдовъ морщинъ, выдается во

всей своей красѣ подъ хорошо надѣтымъ тюрбаномъ, чисто бѣлыя складки котораго стоятъ высоко надъ бритымъ черепомъ. Но размѣры лба значительно теряются отъ сильнаго развитія скулъ, скрадывающихъ даже размѣры носа. На всякой другой физіономіи онъ былъ бы великъ и массивенъ, между тѣмъ какъ въ данномъ случаѣ онъ казался коротокъ, не очень широкъ и высокъ, частью благодаря также рту, который вмѣстѣ съ глазами составляетъ самыя поразительныя черты. Онъ великъ, но очерченъ не грубо; губы толсты и мясисты, но въ то же время твердаго склада. Выраженіе его строгое; хотя по временамъ при разговорѣ верхняя губа складывается на минуту въ весьма пріятную улыбку, но все-таки тотчасъ же принимаетъ опять повидимому заученное выраженіе важности. Глаза подъ высокими бровями, большіе, но не мягкіе. Они поворачиваются медленно и смотрятъ съ размышленіемъ, не принимая участія въ мимолетныхъ улыбкахъ губъ. Обыкновенное выраженіе ихъ—задумчивость и меланхолія. Вообще расположеніе чертъ кажется результатомъ заученной важности и сдержанности, и хотя отъ природы физіономія хороша, но выраженіе ея тѣмъ не менѣе не привлекательно.

Во время нашего пребыванія въ Кашгарѣ мы были у его высочества пять разъ и каждый визитъ сопровождался все тою же церемонностью и этикетомъ. Въ предѣлахъ дворца все было пропитано заученной простотой, важной торжественностью и благоговѣйнымъ молчаніемъ, характеризующими строгую дисциплину, соблюдаемую этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ. Здѣсь нѣтъ никакихъ признаковъ любви и довѣрчивости, а всюду выражаются страхъ и себялюбіе. Здѣсь нѣтъ также опредѣленной системы управленія — воля деспота составляетъ законъ. Его собственный народъ и его подданные и думаютъ, и говорятъ, и дѣйствуютъ съ постояннымъ сознаніемъ того, что одна минута можетъ сдѣлать ихъ несчастными; поэтому они всегда покорны и раболѣпны.

Самъ человѣкъ, создавшій и наблюдающій это соціальное положеніе, если есть хотя десятая доля правды въ томъ, что говорится таинственнымъ шопотомъ о его нравѣ и дѣйствіяхъ, не можетъ пользоваться любовью и откровенностью тамъ, гдѣ прямо высказывающихся чувствъ не существуетъ. Вынуждаемая имъ вѣрность есть результатъ страха, а не доброй воли, и выраженіе ея требуется даже въ мелочахъ, какъ мы могли не разъ замѣтить во время нашего пребыванія въ странѣ.

Онъ никому не довѣряетъ, но и ему не довѣряетъ никто. Принципы его управленія—глубокая таинственность и воля повелителя, капризовъ которой не можетъ предугадать ни одинъ человѣкъ, причемъ особенно тяжело недовѣріе къ приближеннымъ. На сколько все это—результатъ особыхъ условій его положенія, рѣшить трудно; но несомнѣнно только, что оно существуетъ и составляетъ новость въ управленіи страны. Говорятъ, что все управленіе устроено по коканскому образцу, и всѣ придворныя званія и чины тѣ же, что и въ Коканѣ, гдѣ съ полстолѣтія тому назадъ Мугаммедъ Али Ханъ при основанномъ имъ дворѣ возстановилъ систему моголскихъ императоровъ.

Впрочемъ, какъ ни строго управленіе и какими бы способами оно ни было установлено, оно дѣйствуетъ совершенно послѣдовательно съ такимъ успѣхомъ, что уже изгнало изъ страны крупныя преступленія. Такое дисциплинированное состояніе народа объясняется частью его покорнымъ нравомъ, частью величіемъ ислама, во имя котораго совершены были перемѣны державнымъ государемъ, управляющимъ здѣсь нынѣ полутора милліонами людей, бывшихъ передъ тѣмъ болѣе ста лѣтъ подданными сравнительно снисходительныхъ китайскихъ правителей.

Втеченіи трехмѣсячнаго пребыванія въ Кашгарѣ мы слышали только объ одномъ убійствѣ, за которое преступникъ былъ публично зарѣзанъ на главномъ базарѣ города, и не слышали ни разу о грабежахъ на большихъ дорогахъ. Повидимому, этотъ родъ преступленія свойственъ только кочующимъ киргизамъ на границахъ страны.

Возвратясь отъ Аталыка, мы стали устраиваться въ приготовленныхъ для насъ квартирахъ и вскорѣ открыли причину нашего задержанія въ Яркандѣ и Янги Хиссарѣ. Строеніе было начато по препровожденному Хаджи Торою плану только тогда, когда догнавшій насъ въ Нубурѣ посолъ его Мулла Артокъ прибылъ въ Кашгаръ, и теперь было только-что окончено. Оно состояло изъ двухъ чистыхъ дворовъ, окруженныхъ комнатами, и двухъ черныхъ для конюшень и для прислуги. Все это окружено было четыреугольными стѣнами, въ которыхъ имѣлись только одни ворота со стороны форта. Комнаты были убраны весьма удобно, подобно тому, какъ въ Каргаликѣ и Яркандѣ, и во все время нашего пребыванія здѣсь мы пользовались самымъ любезнымъ вниманіемъ.

Вокругъ нашей резиденціи была открытая площадь, а за нею съ

одной стороны былъ военный базаръ, а съ другой разбросаны полковыя казармы (маленькіе укрѣпленные скверы). Съ сѣверной стороны между этими казармами, на небольшомъ разстояніи, было красивое зданіе, окруженное высокими тополями и обнесенное стѣнами. Это одинъ изъ гаремовъ Аталыка, въ которомъ, какъ говорятъ, содержится сто двадцать красавицъ изъ различныхъ мѣстъ страны. Другой гаремъ находится внутри форта, а третій въ Янги Хиссарѣ. Общее число ихъ обитательницъ опредѣляется различно, отъ двухсотъ пятидесяти до четырехсотъ. Между этими женщинами есть, говорятъ, представительницы почти всѣхъ народностей отъ городовъ Китая на востокѣ до рынковъ Константинополя на западѣ, и отъ степей Монголіи на сѣверѣ до долинъ Гималаевъ на югѣ. Новый Наполеонъ татарскихъ степей, какъ называютъ его за успѣшныя узурпаціи его поклонники, могъ бы очень хорошо быть названъ и современнымъ Соломономъ, ибо хотя онъ и не обладаетъ вошедшей въ пословицу мудростью этого древняго царя, по крайней мѣрѣ соперничаетъ съ нимъ въ количествѣ женъ и наложницъ. Что касается первыхъ, то Якубъ Бегъ, какъ благочестивый мусульманинъ, запасся полнымъ законнымъ числомъ ихъ еще въ Коканѣ, но теперь эти четыре подруги жизни бывшаго простаго Кушбеги должны дѣлить свое счастіе съ еще въ четыре раза большимъ числомъ женъ, съ которыми ихъ властелину, въ качествѣ Аталыка Газы, угодно было вступить въ законный бракъ, не считая наложницъ, которыхъ онъ пожелаетъ почтить своею благосклонностью. Самая лучшая будущность, которой могутъ ожидать послѣднія, это сдѣлаться женами заслуженныхъ чиновниковъ, которыхъ соблаговолитъ почтить такимъ образомъ ихъ царь и господинъ.

Черезъ нѣсколько дней по прибытіи нашемъ въ Кашгаръ Аталыкъ Газы посѣтилъ гробъ святаго Хазратъ Аѳага, покровителя страны, и возвратился на слѣдующій день въ свой дворъ еще съ титуломъ Эмира Мухаммедъ Якубъ Хана, *Эмира ульмумининъ*, т. е. «Главы Вѣрныхъ», и выпустилъ новыя монеты отъ имени царствующаго султана Турціи. По этому случаю не было ни парада, ни церемоніи; эмиръ принималъ только поздравленія отъ своихъ войскъ съ почетнымъ саномъ, пожалованнымъ ему верховнымъ представителемъ вѣрныхъ.

11 декабря посланникъ со всей своей свитой, въ полной формѣ, сдѣлалъ визитъ эмиру, вручивъ ему при этомъ письмо и

подарки отъ королевы, а также письмо и подарки отъ вице-короля Индіи. Посланникъ соблюдалъ всѣ надлежащіе чины и церемоніи и былъ принятъ эмиромъ съ совершенно такимъ же этикетомъ, какъ и въ первый разъ, а именно, эмиръ встрѣтилъ его стоя и затѣмъ сѣлъ на полу прежде, чѣмъ всѣ остальные вошли. Между подарками всего больше возбудили удивленія и были приняты съ особеннымъ удовольствіемъ швейныя машины, слухъ о которыхъ доходилъ сюда съ московскаго рынка. Онѣ скоро попали въ гаремъ, гдѣ прекрасные пальчики не замедлили ихъ испортить, и вотъ однажды Играръ Ханъ Тора привезъ ихъ назадъ, чтобы исправить и взять урокъ, какъ ими дѣйствовать, и, удовлетворенный, отправился назадъ объяснять, какъ просто было на нихъ работать. Но онъ ли оказался плохимъ учителемъ, или же дамы были слишкомъ поспѣшны въ своихъ опытахъ, только машинки скоро опять явились къ намъ разобранныя, для починки и направленія на истинный путь. На этотъ разъ съ ними явился портной, чтобы изучить тайны ихъ устройства и употребленія, и обученіе его повидимому пошло въ прокъ. Во всякомъ случаѣ мы больше не слыхали уже о машинкахъ.

На телеграфный аппаратъ, для приведенія въ дѣйствіе котораго нѣкоторые изъ нашей партіи употребили много времени, разсчитывая показать его силу передачею сообщеній изъ резиденціи посланника во дворецъ эмира и обратно, очевидно посмотрѣли недовѣрчиво, такъ что его высочество ни разу болѣе не заговаривалъ о немъ, и тѣмъ болѣе не выражалъ желанія видѣть его въ дѣйствіи. То же было и съ моделями паровозовъ и пароходовъ, не столько вслѣдствіе предразсудка, что они измышленія дьявола, сколько вслѣдствіе совершеннаго непониманія ихъ употребленія и силы.

13 декабря мы отправились въ городъ, въ гости къ дадкваху Алишъ Бею, который живетъ въ *ордѣ*, весьма похожей по плану и окрестностямъ на Яркандскую. Въ аудіенцъ-залѣ былъ приготовленъ для насъ самый роскошный *дастурканъ*, андижанской и китайской кухни. Послѣобѣденное время мы провели въ принадлежащемъ къ его дворцу саду, который лѣтомъ долженъ составлять чрезвычайно пріятное убѣжище, но мы видѣли его среди зимы и потому онъ показался намъ только прекраснымъ. Въ немъ было два большихъ пруда, на одномъ изъ которыхъ капитанъ Чэпмэнъ при слѣдующемъ посѣщеніи показалъ хозяину, какъ европейцы катаются на конькахъ. Его быстрыя и ловкія движенія заставляли удивляться

дадкваха и его свиту, и мы не разъ слышали о намѣреніи эмира присутствовать при зрѣлищѣ, но по какимъ-то причинамъ его высочество ни разу не воспользовался случаемъ исполнить свое намѣреніе.

Отъ Янгишара до городскихъ воротъ ѣзды часъ и двадцать минутъ, считая обыкновенную ѣзду по четыре мили въ часъ. Дорога туда идетъ между маленькими, обнесенными стѣнами казармами и черезъ три или четыре оросительные канала, на которыхъ въ различныхъ мѣстахъ перекинуты простые бревенчатые мосты, а затѣмъ вдоль берега низководнаго Кизиль Су, т. е. «Красной рѣки», по плотинѣ, усаженной по краямъ ивами, вплоть до моста черезъ рѣку, которая здѣсь течетъ въ весьма низкихъ берегахъ.

Мостъ этотъ грубо и небрежно выстроенъ изъ дерева и поддерживается двумя быками, поставленными въ руслѣ. Дорога по обѣимъ сторонамъ поднимается къ нему по наклоннымъ земляннымъ насыпямъ. Сейчасъ же за этимъ мостомъ, ближе къ городу, находится то мѣсто, гдѣ Ходжа Вали Ханъ въ 1857 году убилъ Адольфа Шлагинтвейта и присоединилъ его голову къ тому сооруженію изъ череповъ, которое было воздвигнуто имъ здѣсь во время тиранніи его безумнаго господства. Онъ снова появился-было на сценѣ своихъ прежнихъ безобразій въ партіи Ходжи Бузургъ Хана 1864—5 г., но впослѣдствіи, когда мѣсяцевъ шесть спустя Аталыкъ Газы вошелъ въ силу, онъ былъ устраненъ какъ безпокойный характеръ и возможный соперникъ.

За мостомъ по правую руку и немного въ сторону отъ дороги видны развалины стараго Кашгара Аски Шара или Аски Сай, какъ онъ обыкновенно произносится,—того «стараго города», который разрушенъ Мирзой Абабакромъ, какъ я уже упоминалъ выше. Разрушеніе было полное; остались неразрушенными только валы съ трехъ сторонъ цитадели. Восточныя стѣны были совершенно смыты притокомъ рѣки Туманъ, который былъ запруженъ, чтобы затопить городъ и уничтожить всякіе слѣды его мазаночныхъ стѣнъ; его русло нынѣ идетъ по сю сторону форта, бывшая площадь котораго занята теперь нѣсколькими бѣдными деревенскими хижинами и хлѣбными полями. Уцѣлѣвшія стѣны имѣютъ двадцать четыре фута высоты и двѣнадцать шаговъ ширины вверху. Онѣ выстроены изъ твердой глины и гравія и имѣютъ видъ значительной прочности. Черезъ промежутки въ пятьдесятъ или шестьдесятъ шаговъ въ нихъ сдѣланы

высокія круглыя насыпи изъ поперемѣнныхъ пластовъ глины и бута, ясно отдѣляющихся еще и теперь. Съ западной стороны такихъ насыпей четыре и онѣ выдаются впередъ изъ стѣны футовъ на тридцать. Въ нихъ видно по три и по четыре горизонтальныхъ ряда диръ, расположенныхъ одинъ надъ другимъ на разстояніи футовъ шести—это мѣсто гдѣ были вставлены балки, которыя шли въ нѣсколько рядовъ между стѣной и насыпями, и составляли вѣроятно крытые переходы отъ наружныхъ укрѣпленій къ форту, гдѣ прятались стрѣльцы, чтобы открывать боковой огонь на нападающихъ.

Вокругъ по равнинѣ идутъ многолюдныя предмѣстья и есть нѣсколько весьма важныхъ святынь, между которыми главное мѣсто занимаютъ алтари Саидъ Джалалуддинъ Бахдади и Хозратъ Падша. Послѣдній построенъ надъ головою Арсланъ Хана изъ дома Бахра Хановъ, тѣло котораго лежитъ подъ алтаремъ Ордамъ Падша въ Кумъ Шагиданѣ (Пески мучениковъ).

Онъ былъ убитъ, какъ я разскажу впослѣдствіи, въ сраженіи съ китайцами Хотана и генералъ побѣдитель бросилъ его головой въ городскую стѣну въ упрекъ трусливому, запершемуся за ней, гарнизону. Впослѣдствіи, когда непріятель былъ прогнанъ, голова князя-мученика была похоронена на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была найдена за стѣной, и затѣмъ здѣсь былъ построенъ алтарь. Такимъ образомъ мѣстонахожденіе алтаря можетъ служить указаніемъ прежней границы стѣнъ съ этой стороны и отчасти даетъ понятіе о пространствѣ, заключавшемся въ нихъ.

Внутри, по характеру архитектуры Кашгаръ очень похожъ на Яркандъ; только улицы его уже и оживленнѣе. Онъ вообще значительно меньше Ярканда, но торговля его дѣятельнѣе и лавки представляютъ болѣе богатый выборъ товаровъ. Населеніе его имѣетъ видъ гораздо болѣе здоровый и крѣпкій, и не такъ сильно страдаетъ зобомъ. Въ центрѣ города, противъ *орды* дадкваха находится новый выстроенный эмиромъ серай, который, равно какъ и *орда*, представляетъ одно изъ самыхъ приличныхъ видѣнныхъ нами здѣсь зданій. Купцы здѣсь все русскіе и коканскіе, а на базарахъ видно много манджуровъ, китайцевъ и дунганей. Сами горожане имѣютъ болѣе ясныя татарскія черты, чѣмъ въ Яркандѣ, и представляютъ болѣе однородный типъ, не перемѣшанный съ аріанскими формами бадакчей, пенджабцевъ, вакхіевъ и кашмирцевъ, какъ въ южномъ городѣ.

Мы возвратились отъ дадкхаха весьма довольные его радушіемъ;

послѣ этого еще нѣсколько разъ были въ городѣ и остались при томъ же благопріятномъ впечатлѣніи, которое было произведено въ перый разъ. Его улицы и базары всегда представляли дѣятельный и оживленный видъ, какъ въ обыкновенные дни, такъ и въ рыночные, вѣроятно—отъ того, что гарнизонъ находится внѣ города, такъ что омнибусы ежедневно ходятъ между воротами города и форта.

18-го декабря мы присутствовали на смотру служащихъ у эмира китайскихъ войскъ, происходившемъ на обширномъ плацъ-парадѣ, нѣсколько къ сѣверу отъ нашей резиденціи. Этотъ плацъ-парадъ идетъ по правому берегу Кизиль Су и покрытъ разставленными во всѣхъ направленіяхъ мишенями, передъ которыми во время нашего здѣсь пребыванія происходили постоянныя упражненія.

На плацъ-парадѣ было двадцать восемь ротъ по пятидесяти человѣкъ каждая, которыя раздѣлялись на двѣ бригады, дунганцевъ и янги-мусульманъ. Хо Далай послѣдней бригады командовалъ обѣими, и Магъ Далай первой составлялъ какъ бы его помощника. Люди эти мало отличаются другъ отъ друга по платью и нисколько не отличаются по языку и чертамъ лица. У обоихъ у нихъ были надѣты широкіе халаты изъ бумажной ткани, а на головѣ повязаны платки, два конца которыхъ мотались надъ ушами. Маневры шли систематически по знакамъ, подававшимся маленькими флагами колонновожатыми, согласно съ приказаніями Хо Далая, который вмѣстѣ съ Магъ Далаемъ находился посреди поля, гдѣ стояли музыканты.

Въ каждой ротѣ было по два флага треугольной формы и какихъ нибудь двухъ яркихъ цвѣтовъ—краснаго съ бѣлымъ, желтаго съ синимъ, зеленаго съ бѣлымъ и т. д.; солдаты же раздѣлялись на отдѣленія по пяти человѣкъ,—число необходимое для употребленія тифу, ихъ единственнаго оружія. Двое носили на плечахъ это тяжелое оружіе, при чемъ стрѣлялъ всегда задній, и тогда стволъ оставался на плечѣ передняго, который становился на колѣно; трое же другихъ поочередно заряжали и насыпали приводъ въ затравку.

Эволюціи состояли изъ маршировки, составленія колоннъ и рядовъ и стрѣльбы залпомъ. Стычки производились другими солдатами, одѣтыми въ особую форму. Такъ, одинъ отрядъ ихъ носилъ греческіе шлемы и былъ вооруженъ стрѣлами и луками. Они пускали свои стрѣлы въ воображаемаго врага и отступали назадъ, за выстроив-

шихся въ рядъ солдатъ, которые затѣмъ залпомъ стрѣляли въ нихъ. Когда дымъ разсѣявался, выступалъ отрядъ копьеносцевъ и кололъ пиками упавшихъ непріятелей, которые будто бы лежали на землѣ. Затѣмъ весь рядъ отступалъ подъ прикрытіемъ отряда щитоносцевъ, одѣтыхъ въ желтое платье—куртку, штаны и шапку, все изъ одного куска, съ черными полосами, на подобіе тигровъ, при чемъ шапки были съ ушами. Вооружены они ружьями, которыя заряжали и изъ которыхъ стрѣляли чрезвычайно ловко среди своихъ продѣлокъ. Обязанностью ихъ было задерживать кавалерію, для чего они продѣлывали всевозможныя штуки, прыгали, махали своими большими щитами, съ ярко нарисованными головами драконовъ, кричали, затѣмъ вдругъ перекувыркивались, или катились по землѣ и стрѣляли изъ своихъ ружейныхъ стволовъ. Наконецъ, удаляясь, они останавливались по временамъ и рубили своими мечами упавшихъ воиновъ. По окончаніи маневровъ войска составляли колонны и проходили мимо Хо Далая и его свиты, а музыканты играли въ это время военную пьесу. Инструменты были—барабаны, флажоолеты и цимбалы; самый большой барабанъ носили два человѣка на деревянныхъ носилкахъ. Затѣмъ всѣ отправились по своимъ квартирамъ — янги-мусульмане—въ свой собственный фортъ на берегу рѣки, а дунгане въ казармы близъ города.

Послѣ этого мы были приглашены Хо Далаемъ на китайскій завтракъ, приготовленный для насъ въ раскинутой на полѣ палаткѣ, гдѣ вниманіе наше двоилось между разставленными передъ нами вкусными яствами и атлетическими упражненіями мальчиковъ-музыкантовъ, собранныхъ передъ палаткой, чтобы развлекать насъ. Они продѣлывали чрезвычайно ловкія и искусныя штуки съ простыми палками, дрались, размахивали щитами, боролись, пинались и закончили театральнымъ представленіемъ, состоявшимъ въ томъ, что щитоносцы изобразили изъ своихъ щитовъ нѣчто въ родѣ замка, который былъ взятъ приступомъ другой партіей, и на стѣны его было внесено за голову и за ноги окоченѣлое тѣло. Послѣ этого уже все наше вниманіе сосредоточилось на угощеніи Хо Далая, которое восхищало насъ разнообразіемъ блюдъ, собранныхъ вмѣстѣ и быстро смѣнявшихся одно другимъ. Завтракъ былъ поданъ на низенькомъ столѣ, вокругъ котораго были поставлены стулья. Вся поверхность этого стола была заставлена до такой степени, что едва оставалось мѣсто для маленькихъ тарелочекъ, съ которыхъ мы

должны были ѣсть. Тарелочки эти были разставлены по краю кругомъ стола и при каждой была ложка изъ китайскаго фарфора, палочка и бумажная салфетка, красиво сложенная на подобіе книжной обертки. Съ одной стороны была подпись китайскими буквами, которая, какъ говорятъ, значила: «Хорошій аппетитъ, хорошее пищеваренiе», а съ другой была заткнута зубочистка.

Сначала были поданы поджареный миндаль, орѣхи, фисташки, пироги съ крошенымъ мясомъ, сладкіе пироги съ вареньемъ, плоды вареные въ сахарѣ, сиропы и пирожныя; затѣмъ вкусные супы, тушеное мясо, пилавы, жареные гуси, жареное мясо съ вареною зеленью или съ густымъ соусомъ изъ варенья и сладкаго картофеля. Затѣмъ были также разнаго рода хлѣбы и печенья и *ильказанъ*, вродѣ «*pot-au-feu*», въ сосудѣ, похожемъ на самоваръ съ широкой крышкой. Въ центральномъ цилиндрѣ его была красная зола, которая поддерживалась въ этомъ состояніи помощію отверстій внизу (отъ такого устройства происходитъ и названіе посуды), а въ пространствѣ вокругъ цилиндра находилась всякая всячина, овощи, тѣсто и пр., все сваренное вмѣстѣ и составляющее весьма вкусную смѣсь. Казалось, что хозяинъ за одинъ разъ хотѣлъ познакомить насъ со всѣмъ длиннымъ рядомъ полной баттареи своей національной кухни, и, конечно, успѣлъ убѣдить насъ въ чрезвычайномъ искусствѣ главы ея. Не было ни одного блюда, которое не имѣло бы своего спеціальнаго достоинства.

Въ настоящее время здѣсь, на службѣ у эмира, находится всего около трехъ тысячъ старыхъ китайскихъ и дунганскихъ войскъ. Послѣднія составляютъ около трети всего числа и употребляются преимущественно для гарнизоновъ города и пограничныхъ постовъ Чикмака вмѣстѣ съ андижанскими войсками. Первыя же, хотя всѣ они номинально янги-мусульмане, не пользуются довѣріемъ и употребляются только для карауловъ въ Янгишарѣ и различныхъ казармахъ.

Это единственные остатки управлявшей страной китайской арміи. Они пережили всѣ рѣзни и осады революціи и теперь доживаютъ свой вѣкъ подъ покровительствомъ эмира. Исторію ихъ составляетъ странное исключеніе въ ряду событій, слѣдовавшихъ одно за другимъ такъ однообразно во всѣхъ другихъ мѣстахъ территоріи. Якубъ Бегъ, нынѣшній эмиръ, осенью 1865 взялъ Кашгаръ, благодаря Хо Далаю, командовавшему войсками гарнизона. Чрезъ

посредство своего мусульманина — секретаря и переводчика онъ сдать обѣщалъ фортъ и принять исламъ, если только его оставятъ въ живыхъ и позволятъ взять съ собою свою семью и своихъ приверженцевъ. Заключивъ такого рода условіе, онъ сообщилъ о своемъ намѣреніи амбаню, т. е. губернатору, и совѣтовалъ ему сдаться.

Но амбань, пораженный его предложеніемъ и потерявшій надежду на спасеніе, тотчасъ же поджегъ свой дворецъ и погибъ въ его пламени отъ взрыва хранившагося въ немъ пороха. Якубъ Бегъ, узнавъ о положеніи дѣлъ, велѣлъ своимъ войскамъ взять фортъ, отправивъ отрядъ для защиты Хо Далая. Хо Далай съ семьей и приблизительно съ тремя тысячами китайскихъ воиновъ и женщинъ былъ взятъ подъ покровительство, а затѣмъ андижанскіе солдаты, ворвавшись въ фортъ, предали все остальное мечу и втеченіе семи дней грабили жилища.

Наконецъ Якубъ Бегъ водворилъ порядокъ, построилъ на мѣстѣ буддистскаго храма мечеть, а на мѣстѣ дворца амбаня свою *орду* и прежде даже чѣмъ послѣдняя былъ окончена — переселился въ нее, ознаменовавъ принятіе независимой власти рядомъ пировъ, во время которыхъ женился на дочери Хо Далая, помѣщеннаго вмѣстѣ со своими людьми въ маленькой, обнесенной стѣною, казармѣ по другую сторону рѣки Кизиль.

Среди ихъ были поселены мусульманскіе священники, чтобы учить ихъ правиламъ новой вѣры, но въ другихъ отношеніяхъ они сохраняли свои обычаи на столько, по крайней мѣрѣ, на сколько позволяли требованія ислама.

Среди насилій и жестокостей, совершавшихся во имя ислама надъ этимъ народомъ во всѣхъ мѣстахъ страны, этотъ исключительный примѣръ значительно говоритъ въ пользу эмира. Ибо хотя китайцамъ и не довѣряютъ и подозрѣваютъ ихъ въ томъ, что они тайно придерживаются буддистскихъ обрядовъ, принимается во вниманіе одинокое положеніе ихъ, и съ ними обращаются вообще снисходительно, на сколько это, по крайней мѣрѣ, возможно въ данномъ случаѣ.

Послѣ смотра войскъ, мы присутствовали при упражненіяхъ одной артиллерійской батареи, которой командовалъ урожденецъ Пенджаба, служившій у нѣсколькихъ государей въ центральной Азіи со времени сейковъ, когда онъ впервые оставилъ родину. Пушкари были большею частью афганцы или пенджабцы и казались ловкимъ, хотя

и грубымъ народомъ. Самое же лучшее изъ всего были лошади, возившія орудія.

Мы не видѣли въ странѣ пѣхоты и ни одного правильно обученнаго и снаряженнаго полка. Всѣ воины здѣсь верхами и только на полѣ сраженія сходятъ съ лошадей, чтобы драться. Тогда, въ своей странной одеждѣ, они кажутся для непривычнаго глаза чрезвычайно забавными. Все ихъ широкое развѣвающееся платье собирается въ широкіе шаровары, туго завязывающіеся у пояса, и тогда воинъ получаетъ видъ перевязанной по серединѣ подушки, перевалившейся на коротенькихъ подпоркахъ. Впрочемъ, хотя платье это вовсе не воинственно, оно имѣетъ въ этой странѣ свои достоинства. Оно хорошо грѣетъ и даетъ возможность всаднику соскакивать съ сѣдла и вскакивать въ него съ удивительною ловкостью.

ГЛАВА X.

Рака Хазратъ Афака. — Возрожденіе ислама. — Дѣйствіе чудесъ. — Обѣдъ съ Хаджи Тора.—Поѣздка въ резиденцію.—Рака Маріи.—Легенда о ней.—Пріемъ въ Артокѣ.— Исторія Сатокъ Багэра Хана. — Обращеніе въ исламъ. — Смерть Сатока.—Охота съ орломъ.—Охота на дикаго кабана.—По окраинамъ Тіянъ-Шаня.—Лагерь между киргизами. — Башъ Сугунъ. — Исламъ и китайское владычество.

Наканунѣ Рождества эмиръ прислалъ каждому изъ насъ по мерлушковой *джубѣ*, покрытой коканской шелковой матеріей, при чемъ не было двухъ изъ нихъ, одинаковыхъ по рисунку ткани. Завернутые въ роскошныя складки этихъ *джубъ*, мы легко могли быть приняты за тѣлохранителей эмира, если бы только умѣли неподвижно сидѣть на пяткахъ и важно смотрѣть, не говоря ни слова, по цѣлымъ часамъ.

Наканунѣ Новаго года подобное же теплое платье, но только крытое не шелкомъ, было прислано каждому изъ членовъ нашей свиты. Такое выраженіе благосклонности эмира было весьма умѣстно и своевременно, такъ какъ термометръ уже нѣсколько дней стоялъ на нѣсколько градусовъ ниже нуля, показывая maximum температуры дня въ три и четыре градуса ниже точки замерзанія.

Въ Рождество мы отправились посмотрѣть на стрѣльбу китайцевъ изъ *тифу* и на артиллерійскія упражненія батареи, видѣнной нами нѣсколько дней тому назадъ. Изъ *тифу* было сдѣлано нѣсколько очень хорошихъ выстрѣловъ на разстояніи въ двѣсти пятьдесятъ шадовъ. По окончаніи этихъ упражненій наши конвойные показали также свое искусство и ловкость и удивили народъ сколачиваньемъ палатокъ. Впрочемъ, толпа зрителей не знала, повидимому, чему дивиться больше — воинственной ли посадкѣ нашихъ

людей и ихъ прекраснымъ лошадямъ, или же искусству и ловкости ихъ упражненій. Когда мы возвратились въ резиденцію, на дворѣ ея оказался цѣлый звѣринецъ дикихъ и домашнихъ животныхъ, присланныхъ въ подарокъ посланнику Алидъ Беемъ дадквагхомъ. Здѣсь были и два боевыхъ барана, готовые сбить кого нибудь съ ногъ или выбить умъ изъ головы другъ другу, и огромный олень (*маралъ*), расхаживавшій по двору въ то время, какъ двое людей держали привязанныя къ его рогамъ веревки. Были четыре застѣнчивыя газели, ходившія все вокругъ двора, розыскивая себѣ выхода; была лисица, жавшаяся къ стѣнѣ и желавшая укрыться; былъ также снѣжный фазанъ, чувствовавшій себя какъ дома.

Эмиръ раньше присылалъ намъ также дичь и плоды и, между прочимъ, фазановъ, зайцевъ, дикихъ утокъ и куропатокъ, весьма походившихъ на европейскіе виды, а впослѣдствіи мы получили нѣсколько верблюжьихъ вьюковъ ovis Poli и ibex, привозимыхъ по временамъ съ сѣверныхъ и западныхъ холмовъ. Мы обыкновенно получали ихъ окоченѣвшими отъ морозу, въ томъ положеніи, въ какомъ ихъ везли или навьючивали. Все это были прекрасные экземпляры, и мы сохранили ихъ шкуры и рога и привезли съ собою въ Индію.

30-го декабря мы посѣтили могилу Хазратъ Афака, находящуюся въ двухъ или трехъ миляхъ къ сѣверу отъ города. Дорога по ту сторону моста черезъ рѣку Туманъ идетъ по краю обширнаго кладбища, содержимаго въ большомъ порядкѣ. На этомъ кладбищѣ живетъ цѣлая колонія отвратительныхъ нищихъ, которымъ только и жить среди мертвыхъ, и которые требуютъ себѣ подачки у проѣзжихъ довольно наглымъ тономъ. Затѣмъ начинаются сады и поля, составляющія собственность самаго важнаго во всей странѣ священнаго мѣста, гдѣ покоится тѣло патрона, Ходжи Хидайаталлаха, болѣе извѣстнаго подъ своимъ священническимъ именемъ Хазрата Афака, «Высочайшаго Лица», который въ исторіи страны считается установителемъ правленія ходжей.

Мавзолей съ принадлежащимъ къ нему монастыремъ надъ могилою его отца были реставрированы и значительно увеличены имъ самимъ, послѣ разрушенія ихъ во время калмыцкаго нашествія. По окончаніи работъ, сынъ его, бывшій въ то время губернаторомъ Кашгара, приглашалъ его пріѣхать благословить церемонію открытія, но престарѣлый святой, выдерживая свой удивительный характеръ до конца, послалъ сказать на это, что онъ сейчасъ явится сло-

жить тамъ свои кости и черезъ двадцать четыре часа уже везли, говорятъ, изъ Ярканда въ Кашгаръ тѣло его, сопровождаемое родными, слугами и приверженцами, всего до 10,000 человѣкъ. Онъ умеръ въ уединеніи своего дворца въ началѣ прошедшаго столѣтія во время духовной бесѣды съ нѣсколькими своими учениками. По смерти его возникли тѣ семейныя распри, которыя въ нѣсколько лѣтъ привели къ концу не добромъ начатое и не добромъ поддерживавшееся правленіе и даже имѣли послѣдствіемъ совершенное разсѣяніе и изгнаніе изъ страны всего братства, состоявшаго изъ этихъ безстыдныхъ самозванцевъ и гнусныхъ распутниковъ.

Но вліяніе ходжей на умы народа было такъ велико, что въ теченіи двухъ столѣтій калмыцкаго и китайскаго владычества (оба были буддистскія) ихъ интриги и мятежи постоянно поддерживали страну въ состояніи недовольства и безпокойства. Въ концѣ концовъ, по сверженіи китайскаго ига, что случилось однако независимо отъ интригъ ходжей, оказалось, что человѣкъ, явившійся изъ Кокана принять наслѣдство ходжей, былъ потомкомъ этого святаго.

О затишьѣ, наставшемъ непосредственно передъ дунганской революціей послѣ прежней дѣятельности ходжей, изгнанныхъ изъ отчизны въ Коканъ, свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что только черезъ полтора года отъ начала дунганской революціи, претендентомъ на управленіе явился Ходжа Бузургъ Ханъ, да и то лишь по приглашенію не имѣвшаго успѣха киргизскаго претендента, Садыкъ Бея. Причинами такого замедленія со стороны ходжей (я разумѣю потомковъ прежней царственной фамиліи, а не аксусскихъ священниковъ, носившихъ все тотъ же горделивый титулъ и выступившихъ впередъ во время дунганской революціи въ качествѣ контролеровъ хода дѣлъ на ихъ родинѣ) было съ одной стороны то, что, по водвореніи русскихъ въ сѣверной части Тьяншана, уменьшилось ихъ вліяніе, а съ другой—память о тираніи во время послѣдняго нашествія ходжей при Вали Ханѣ еще не изгладилось. Въ особенности же задерживало ихъ стремленіе къ Кашгару положеніе русскихъ по отношенію къ Кокану и успѣшныя дѣйствія ихъ войскъ въ сѣверныхъ частяхъ его.

Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ, вниманіе андижанъ было поглощено защитой собственной родины, а о ходжахъ никто и не думалъ, такъ что когда Бузургъ Ханъ получилъ позволеніе отъ Алимъ Кула оставить его армію, собранную для защиты Ташкента,

и отправиться искать счастія въ Кашгарѣ, онъ не могъ собрать около себя болѣе шестидесяти шести человѣкъ, не смотря на то, что Алимъ Кулъ далъ ему въ качествѣ генерала кушбеги Якубъ Бека.

Когда ходжа прибылъ въ Кашгаръ, городъ былъ тотчасъ же сданъ ему. Онъ водворился въ *ордѣ* какъ царь и, передавъ управленіе дѣлами своему генералу, предался удовольствіямъ, что скоро лишило его уваженія, какъ со стороны послѣдовавшихъ за нимъ, такъ и со стороны народа, сдавшаго ему городъ. Онъ былъ свергнутъ своимъ собственнымъ генераломъ и, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ заточенія, былъ наконецъ высланъ изъ страны въ Мекку, но вмѣсто Мекки онъ возвратился назадъ въ Коканъ. Что касается другихъ ходжей той же фамиліи, явившихся по этому случаю изъ Кокана, каковы Эшанъ Ханъ, Вали Ханъ, Кичикъ Ханъ и прочіе, то всѣ они умерли во время военныхъ дѣйствій, происходившихъ по поводу водворенія въ странѣ господства Якубъ Бека.

Низвергнувъ Бузурга и получивъ титулъ Аталыка Газы и эмира, Якубъ Бекъ реставрировалъ всѣ святилища и монастыри, бывшіе во время китайскаго управленія въ пренебреженіи и упадкѣ, и прежде всего перестроилъ и расширилъ святилища и монастыри Хазратъ Афака, Биби Миріама и Султана Сатока, въ окрестностяхъ Кашгара.

Во всѣхъ этихъ мѣстахъ онъ выстроилъ новыя мечети, коллегіи и богадѣльни и, возстановивъ старые ихъ доходы, пожертвовалъ для поддержанія ихъ еще новыя земли. Всѣ эти зданія весьма красиво и основательно построены изъ кирпича и мертеля и, вмѣстѣ съ новыми сераями для купцовъ, представляютъ единственныя видѣнныя нами въ странѣ прочныя постройки. Всѣхъ этихъ религіозныхъ сооруженій, построенныхъ и подновленныхъ эмиромъ, насчитывается, говорятъ, около шестидесяти.

Коллегія, мечеть и богадѣльня Хазратъ Афака, взятыя вмѣстѣ, составляютъ довольно длинный для этой страны рядъ строеній и вмѣщаютъ до трехсотъ человѣкъ. Преподаваніе въ нихъ ведется въ совершенно религіозномъ духѣ многочисленными священниками.

Самое святилище стоитъ посреди двора, входъ въ который составляетъ высокая арка, покрытая арабскими надписями на синихъ и бѣлыхъ муравленныхъ черепицахъ. Оно представляетъ продолговатое строеніе, которое намъ не было открыто. Стѣны его точно также покрыты муравленными черепицами, крыша же плоская и на ней водружено нѣсколько шестовъ съ мѣдными стрѣлками, подъ

которыми прикрѣплены хвосты яковъ. Вдоль всей верхней части строенія и на выступѣ внизу разставлены рога оленей, дикихъ барановъ и газелей, изъ которыхъ иные представляютъ необыкновенные размѣры. Одинъ громадный оленій рогъ возбудилъ особенное удивленіе посланника, и былъ присланъ ему въ подарокъ начальникомъ учрежденія, *Мутавалли Баши*, султаномъ Махмудъ Эшаномъ.

Онъ встрѣтилъ насъ въ воротахъ, черезъ которыя мы въѣхали въ предѣлы священныхъ владѣній, и провелъ къ *дастурхану*, разставленному въ палаткѣ, раскинутой для насъ на земляномъ возвышеніи близъ замерзшаго пруда, вокругъ котораго росло нѣсколько красивыхъ серебристыхъ тополей. Во дворѣ святилища была цѣлая роща этихъ деревьевъ, а группу строеній окружали большіе фруктовые сады и виноградники, такъ что лѣтомъ мѣсто это должно быть очень пріятно.

Здѣшній настоятель много лѣтъ жилъ въ Константинополѣ, былъ въ Іерусалимѣ и въ Меккѣ. Онъ относился къ намъ съ большимъ почтеніемъ и говорилъ, что по милости Бадоулата (эмира) мы были первые христіане, вступившіе въ священные предѣлы. Мелкія золотыя монеты, раздаваемыя нами дервишамъ и священникамъ, съ которыми намъ приходилось имѣть столкновенія, приносили прекрасные плоды, и мы имѣли свободный доступъ ко всѣмъ даже самымъ святымъ мѣстамъ въ окрестности и въ качествѣ царскихъ гостей всюду находили почтительный пріемъ и были привѣтствуемы *дастурханомъ*. Отсутствіе предразсудковъ,—если только оно не составляло исключенія изъ правилъ ради повиновенія приказаніямъ эмира,—превосходило наши ожиданія, такъ что мы не встрѣчали ничего подобнаго не только въ другихъ могаметанскихъ странахъ, но даже въ Индіи.

Хозратъ Афакъ, гробницу котораго мы имѣли честь посѣтить, описывается однимъ изъ его яркандскихъ современниковъ и учениковъ, какъ второй, послѣ Магомета, пророкъ и чудотворецъ, подобный Іисусу. Слава о немъ была распространена по всей странѣ отъ границъ Россіи до границъ Китая и отъ степей Татаріи до равнинъ Индустана. И на всемъ этомъ протяженіи ученики его были его доброхотными дателями.

Впрочемъ ближайшее населеніе не имѣло повидимому такой единодушной вѣры;—находились люди, которые обвиняли его въ

лицемѣріи и въ томъ, будто бы онъ обиралъ простаковъ, чтобы наряжать своихъ наложницъ и дворцовыхъ юношей въ шелкъ, парчу и золото. А были и такіе, которые отвергали его чудеса на томъ основаніи, что онъ не излечилъ ихъ болѣзней и не изгналъ изъ страны зла.

Халиддудинъ, изъ сочиненія котораго я почерпнулъ эти подробности и который по смерти святаго находился въ монастырѣ при его могилѣ, не принадлежалъ къ числу этихъ невѣрующихъ и въ подтвержденіе святости своего великаго учителя разсказываетъ о томъ, какъ скоро были наказываемы невѣрные. Такъ, одинъ вліятельный яркандецъ подавился до смерти за *дастурханомъ* у ходжи, на котораго онъ дерзко клеветалъ дорогою. Братъ и друзья его тотчасъ же кинулись къ ногамъ хозяина и предложили владѣнія и все свое богатство, умоляя воскресить умершаго грѣшника. Тогда святой съ кроткимъ взглядомъ попросилъ сосѣда умершаго ударить его по горлу; кость выскочила и умершій возвратился къ жизни. Отъ стыда онъ удалился на нѣсколько лѣтъ въ Аксу, а затѣмъ снова появился при дворѣ сторонникомъ сыновей и наслѣдниковъ святаго.

Вотъ одно изъ сотенъ чудесъ, приписываемыхъ этому замѣчательному человѣку, вліяніе котораго на умы народа было необыкновенно. Когда онъ появлялся гдѣ нибудь, то взглядъ его какъ бы магнетизировалъ окружающихъ. Ученики его, при его приближеніи, выходили изъ домовъ, распростирались по землѣ на его пути и подбирали прахъ изъ-подъ его ногъ какъ какое нибудь сокровище. Проѣзжіе останавливались, а изъ толпы слышались восторженные крики, сопровожавшіеся слезами радости. Иные приходили въ такое изступленіе, что принимались плясать, а другіе падали въ обморокъ. Въ мужчинахъ онъ всюду возбуждалъ чувство глубочайшаго благоговѣнія, а на женщинъ имѣлъ какое то таинственное вліяніе, отъ котораго не были свободны даже самыя знатныя фамиліи.

Однако, не смотря на такое огромное приписываемое ему вліяніе, страна была подвержена мятежамъ и бунтамъ во все время его продолжительнаго управленія, распространявшагося на всю территорію отъ Андижана до Турфана и отъ Артока до Хотана. А послѣ его смерти она была раздираема войнами, происходившими между его сыновьями и сыновьями наслѣдственныхъ управителей, которыхъ онъ лишилъ законныхъ правъ, пока наконецъ не присвоили

власти себѣ китайцы и не возстановили порядка среди ея безпокойныхъ элементовъ.

Теперь же, съ новымъ пробужденіемъ здѣсь ислама, слава новаго святаго выходитъ изъ забвенія, въ которое она было погрузилась, и снова начинаетъ блистать для блага будущаго поколѣнія среди славныхъ мучениковъ прошлыхъ вѣковъ, проливавшихъ на полѣ брани свою кровь, за вѣру, которую они пропагандировали.

Въ послѣдній день 1873 года полк. Гордонъ въ сопровожденіи капит. Троттера и д-ра Столичка отправился въ экскурсію въ Чакмакъ, а капит. Биддульфъ—по направленію къ Маральбаши. Первая партія возвратилась 11-го, испытавъ морозъ въ 26° Ф., а послѣдній вернулся 23-го января 1874 г., не видавъ ни одного тигра, хотя говорятъ, что они водятся въ той мѣстности и кожи ихъ продаются въ городѣ. Посланникъ же между тѣмъ вмѣстѣ съ капит. Чэпэномъ и со мною былъ 8-го января на обѣдѣ у нашего друга Ходжи Торы, въ его резиденціи въ Пактахликѣ. Это прекрасная дача, находящаяся въ милѣ или въ двухъ къ сѣверо-западу отъ форта, построенная сначала для эмира во время осады Янгисара.

Обѣдъ былъ поданъ совершенно на европейскій ладъ, и хозяинъ говорилъ, что онъ надѣется ввести европейскій порядокъ въ этомъ отношеніи и среди своихъ соотечественниковъ. Однако, на этотъ разъ не было ни одного соотечественника, чтобы посмотрѣть какъ должны употребляться ложки, ножи, вилки и стаканы, подивиться на бѣлую скатерть и салфетки и попробывать роскошныхъ и вкусныхъ яствъ, приготовленныхъ его константинопольскимъ поваромъ. Хозяинъ нашъ былъ за столомъ одинъ, и мы были этимъ очень довольны, такъ какъ разговоръ шелъ чрезвычайно пріятно.

На столѣ были поставлены блюда съ ростбифомъ и бараниной, а по обѣимъ сторонамъ ихъ—графины съ чѣмъ то въ родѣ разведеннаго водой молока—это былъ *кумысъ*, т. е. приведенный въ броженіе напитокъ, приготовляемый изъ кобыльяго молока и имѣющій пріятный кисловатый вкусъ. Онъ встрѣчается только среди киргизовъ, у которыхъ составляетъ ежедневное питье. Кумысъ считаютъ чрезвычайно здоровымъ и подкрѣпляющимъ напиткомъ, и потому онъ высоко цѣнится богатыми и больными жителями городовъ. Эмиръ очень любитъ его и потому кумысъ ежедневно поставляется въ гаремъ киргизскими подданными, а его высочество уже самъ надѣляетъ имъ тѣхъ, кого захочетъ почтить.

Нѣсколько турецкихъ слугъ безшумно выходили съ восемью слѣдовавшими одно за другимъ кушаньями и, наконецъ, подали уже знакомое намъ *ашъ* и *илъ казанъ дастурквановъ*, которые въ свою очередь уступили мѣсто сырамъ, частью привезеннымъ изъ турецкой столицы, и десерту изъ плодовъ.

27-го января выстрѣлъ изъ ружья на плацъ-парадѣ передъ фортомъ возвѣстилъ о началѣ *Иди Курбана* или «праздника (Авраамова) приношенія», а на слѣдующее утро другой выстрѣлъ возвѣстилъ о томъ, что эмиръ, въ сопровожденіи своего двора, отправился пѣшкомъ на молитву въ находящуюся около плацъ-парада мечеть. Мы смотрѣли на процессію съ крыши нашей резиденціи, находившейся на противуположной сторонѣ плацъ-парада. Характеристическими чертами церемоніи были простота платья, тишина, гораздо меньшее число лицъ, участвовавшихъ въ процессіи, чѣмъ можно было бы ожидать, и полное отсутствіе толпы зрителей. На плацѣ было всего нѣсколько солдатъ и придворныхъ слугъ. На слѣдующій день посланникъ въ сопровожденіи своихъ офицеровъ сдѣлалъ обычный поздравительный визитъ эмиру, и мы возвратились домой въ андижанскихъ шубахъ, подаренныхъ намъ его высочествомъ. Церемоніи были тѣ же, что и всегда, и послѣ нихъ было чрезвычайно пріятно выйти на свѣжій воздухъ, услышать гулъ голосовъ и снова вернуться къ веселому настроенію духа, которое на время было смѣнено важностью, согласно этикету Аталыкова двора.

7-го февраля мы обѣдали и провели день у Играръ Хана Тыро въ его резиденціи, внутри форта. Хозяинъ и на этотъ разъ принималъ насъ одинъ и, для сокращенія долгихъ предобѣденныхъ часовъ, было прибѣгнуто къ дастурквану и нѣсколькимъ послѣдовательнымъ чаямъ. Обѣдъ былъ поданъ по-китайски и представлялъ новинку, которая тотчасъ же привлекла наше вниманіе. Столъ былъ накрытъ и сервированъ китайскими слугами, которыхъ нашъ хозяинъ съ гордостью называлъ янги-мусульманами, и говорилъ какъ нельзя болѣе въ пользу ихъ вкуса и ловкости. Середину стола во всю длину занималъ рядъ китайскихъ вазъ съ искусственными цвѣтами, привезенными очевидно изъ Европы, а между ними стояли блюда, на которыхъ были сложены куски дынь и яблоковъ.

По обѣимъ сторонамъ этихъ блюдъ стояли прекрасные соусники китайскаго фарфора съ обсахаренными плодами, жаренымъ миндалемъ, облитыми сахаромъ орѣхами, обмокнутыми въ сиропъ ломти-

ками дыни и т. д., а также разнаго рода пикулями и саладами изъ молодыхъ побѣговъ чечевицы. При каждой тарелкѣ была китайская ложка, палочка и бумажная салфетка, какія описывались выше; не хватало только бокала или вообще какого либо сосуда для питья. Этой необходимой для насъ принадлежности не было видно нигдѣ, ни за обыкновенными *дастурканами*, ни за настоящими обѣдами. Повидимому, здѣсь нѣтъ обычая пить во время ѣды, но мы замѣчали, что глотокъ воды берется обыкновенно по окончаніи ея.

Чтобы отплатить за радушіе, посланникъ въ свою очередь пригласилъ на обѣдъ Играръ Хана Тору и Алишъ Бея дадкваха. Чтобы угодить на всѣ вкусы, нашъ поваръ, съ помощью константинопольскаго повара Ходжи Торы, приготовилъ обѣдъ. состоявшій изъ англійскихъ, китайскихъ и турецкихъ блюдъ, причемъ тщательно устранилъ такія яства, которыя запрещаетъ *Шара*, такъ что наши гости могли обѣдать спокойно, не боясь рисковать съѣсть что либо запрещенное. Тора, еще во время пребыванія своего въ Индіи, научился употреблять ножикъ и вилку, и потому теперь дѣйствовалъ ими очень хорошо, но дадквахъ употреблялъ ихъ такъ же неловко, какъ маленькій ребенокъ, и въ концѣ концовъ отложилъ ихъ въ сторону, и сталъ расправляться просто-на-просто пальцами. Когда мы налили свои бокалы виномъ, то Тора, не столь свободный въ мысляхъ и дѣйствіяхъ, какъ его товарищи, изъявилъ въ присутствіи послѣдняго свое набожное отвращеніе отъ запрещеннаго напитка и попросилъ, чтобы стоящій у его тарелки сосудъ изъ накладнаго серебра былъ замѣненъ чашкой чаю. Примѣръ его не былъ оставленъ безъ вниманія дадквахомъ, который, съ любопытствомъ осмотрѣвъ золоченую внутренность и полированную наружную сторону назначеннаго для него кубка, спокойно поставилъ его и спросилъ себѣ кубокъ воды. Таинственность содержимаго нѣсколькихъ жестяныхъ коробокъ возбудила серьезныя сомнѣнія о томъ, законна ли эта пища, и, благодаря этимъ сомнѣніямъ, набожные мусульмане отказались, напримѣръ, попробовать *paté de foie gras* и «консерва изъ кулика», боясь съѣсть мясо не по правиламъ убитаго животнаго.

Впрочемъ, даже строго придерживаясь своего исламизма, гости наши имѣли передъ собой множество знакомыхъ, обычныхъ блюдъ, такъ что по окончаніи пиршества отправились домой вполнѣ довольные и подъ сильнымъ впечатлѣніемъ отъ тѣхъ развлеченій, которыя

мы для нихъ приготовили. Модель паровой машины, гальваническая батарея, воздушный насосъ, зоотропъ, гироскопъ и другія ученыя бездѣлки, приведенныя въ дѣйствіе и объясненныя имъ ради развлеченія, звуки волынки, удивившіе ихъ уши, хотя и не вполнѣ отвлекшіе ихъ вниманіе отъ разставленныхъ передъ ними за обѣдомъ блюдъ, наконецъ чудеса волшебнаго фонаря и прочее — все это наполнило ихъ умы бездной матеріала для размышленій и для разсказовъ о невиданныхъ чудесахъ и таинственныхъ агентахъ британской силы.

14-го февраля, оставивъ резиденцію полк. Гордона и кап. Биддульфа, посланникъ со всѣми остальными офицерами предпринялъ интересную маленькую экскурсію въ Артошъ и долины у подножія Тіаншана или Алатау, откуда мы возвратились 27-го того же мѣсяца.

Дорога наша шла къ рѣкѣ Кизиль Су черезъ окопанный рвами и укрѣпленный казарменный дворъ къ востоку отъ резиденціи. Рѣку мы переѣхали въ бродъ по каменистому руслу, не много выше грубаго бревенчатаго моста, затѣмъ миль черезъ десять сошли съ лошадей у гробницы Биби Миріамъ, т. е. «Дѣвы Маріи», для неизбѣжнаго *дастурквана*.

Гробница эта поставлена надъ могилою Аланоры (Элеоноры?) Турканъ, младшей изъ трехъ дочерей царя, мавзолей котораго мы должны были увидѣть въ Алтунѣ т. е. «Нижнемъ» Артошѣ. Старшія ея сестры, Назабъ Турканъ и Хадія Турканъ, были замужемъ за вліятельными духовными лицами Сайидовой фамиліи, жившими въ Ташкентѣ и Самаркандѣ, и сыновья ихъ играли замѣтныя роли въ дѣлахъ страны.

Но сама она никогда не была замужемъ, и исторія ея одна изъ самыхъ замѣчательныхъ, среди множества чудесныхъ преданій о святыхъ мученикахъ, останковъ которыхъ здѣсь такое изобиліе. Она разсказана въ *Тазкира Бахра Ханъ*. Это сочиненіе не представляетъ, согласно со своимъ названіемъ, простую исторію фамиліи Бахра Хана, а повѣствуетъ о всѣхъ наиболѣе замѣчательныхъ жившихъ въ его царствованіе святыхъ мученикахъ страны. Оно было переведено на турецкій языкъ съ персидскаго оригинала, написаннаго Наджуддинъ Аттаромъ, священникомъ одинадцатаго столѣтія. Объ исторіи этой говорится приблизительно такъ:

«Исторія Аланоры похожа на исторію Хазратъ Миріамъ, матери

Іисуса. Она отличалась на столько же красотой и талантами, насколько набожностью и добродѣтелями. Въ цвѣтущихъ годахъ своей жизни, она молилась однажды ночью по обыкновенію въ своей уединенной комнатѣ, какъ вдругъ явился передъ ней архангелъ Гавріилъ и впустилъ ей въ ротъ каплю свѣта. Это привело ее въ такой экстазъ, что она упала безъ чувствъ. Очнувшись, она продолжала свои молитвы и не переставала совершать ихъ съ обычною, предписанною правильностью въ теченіе нѣсколькихъ послѣдующихъ мѣсяцевъ.

«Спустя нѣсколько мѣсяцевъ времени послѣ этого, она вышла однажды ночью къ воротамъ своего жилища и была испугана до обморока появленіемъ въ нихъ тигра. Въ концѣ концовъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и дней, въ пятницу 10-го *Мугаррама* (года не показано), когда царь со своимъ дворомъ былъ на молитвѣ въ мечети, Аланора родила сына, съ румяными щеками, съ глазами газели и съ голосомъ ангела.

«Услыхавъ объ этомъ, весь народъ былъ изумленъ и восклицалъ: «Что это за событіе»? Царь же былъ сильно разгнѣванъ и приказалъ собраться своимъ вельможамъ, сановникамъ, мудрецамъ и духовнымъ лицамъ, чтобы изслѣдовать поведеніе его дочери, принцесы Аланоры, и высказать о немъ свое мнѣніе.

«Она была строго допрошена своими друзьями и, къ ихъ удовольствію, со всѣми подробностями объяснила свою тайну. Ее объявили цѣломудренною дѣвою, любимою слугою Пророка, и священники, принимая появленіе тигра за предсказаніе будущей славы, назвали мальчика Сейдъ Али Арсланъ (т. е. господинъ Высокій Тигръ). Онъ былъ воспитанъ подъ наблюденіемъ своей матери и пяти лѣтъ былъ отправленъ въ школу. Въ шесть мѣсяцевъ ученья онъ одолѣлъ всѣ науки, тайныя и явныя, и семи лѣтъ былъ помолвленъ со своею двоюродною сестрою Токъ Бубу, которая впослѣдствіи родила ему трехъ сыновей и нѣсколькихъ дочерей. Сыновья, когда они выросли, всѣ пріобрѣли извѣстность, а изъ дочерей одна вышла за султана Уйлика, царя Узканда, а другая за Сайида Ялалуддина Шами».

Книга, изъ которой я почерпнулъ эти подробности, даетъ далѣе слѣдующія свѣдѣнія о смерти Аланоры. Когда сынъ ея былъ убитъ въ битвѣ съ китайцами Хотана, близъ Кумъ Шагидана, и побѣдители, осаждая Кашгаръ, бросили его голову въ стѣну, она была приведена въ такое негодованіе, что рѣшила отмстить за его кровь

своими собственными руками. «Въ сопровожденіи своихъ дѣвушекъ (превратившихся на время въ амазонокъ) она оставила свой дворецъ въ Артошѣ и вышла на поле битвы противъ своихъ враговъ. Она уже послала въ адъ двадцать пять невѣрныхъ душъ, когда наконецъ, подавленная ихъ численностью, была принуждена бѣжать со своими спутницами. Земля на ихъ пути чудеснымъ образомъ разверзлась и приняла бѣжавшихъ въ свои пещеры, но преслѣдователи открыли ихъ убѣжище и всѣхъ ихъ убили».

Гробница стоитъ на краю глубокаго рва и, вѣроятно, указываетъ то мѣсто, гдѣ нашли свою смерть эти злосчастныя женщины. Она называется Мазаръ Биби Миріамъ, т. е. «Гробница Дѣвы Маріи», какъ называли обыкновенно Аланору, благодаря событію, которое сдѣлало ее столь извѣстною. Могила ея, вмѣстѣ съ нѣсколькими болѣе скромными могилами, окружена невысокой стѣной.

Легенда, связанная съ именемъ Аланоры, похожа на легенду Аланъ Коа. Послѣднюю сравниваютъ съ исторіею матери Хазратъ Иса т. е. «Господа Іисуса» и съ легендою о «женщинахъ сѣверныхъ острововъ, которыя зачали отъ купанья въ плодотворныхъ ключахъ», но только дѣйствующею силой у Аланъ Коа былъ лучъ свѣта, входившій черезъ отверстіе вверху *Каргаха*, т. е. палатки, и вливавшійся ей въ ротъ ночью, когда она спала. Она была замѣчательная красавица и, конечно, была обвинена въ нецѣломудріи. Однако, она доказала свою невинность передъ всѣмъ собраніемъ вельможъ и предводителей, показавъ избранной ими для изслѣдованія дѣла комиссіи какъ свѣтъ снова проникъ въ ея палатку.

Существованіе такихъ легендъ въ этой мѣстности въ настоящее время представляетъ интересное обстоятельство. Я не буду пытаться рѣшать вопросъ, являются ли онѣ остаткомъ христіанства, которое прежде здѣсь процвѣтало, или же были привиты къ смѣнившему его исламу, или же наконецъ вытекаютъ изъ какого либо другаго мѣстнаго источника, предшествовавшаго и христіанству, и исламу; но такъ какъ онѣ разсказываются въ магометанской исторіи страны,— онѣ вѣроятно обязаны своимъ происхожденіемъ мусульманскому духовенству.

Во время китайскаго господства, гробница Биби Миріамъ оставалась въ небреженіи и начала разрушаться, но при эмирѣ была реставрирована вмѣстѣ со многими другими и теперь является од-

нимъ изъ первоклассныхъ религіозныхъ учрежденій страны, благодаря выстроеннымъ при ней мечети, коллегіи и помѣщенію для четырехъ *Кари*, т. е. «Читателей Корана». Въ связи съ мечетью есть также помѣщеніе для эмира, когда онъ посѣщаетъ гробницу.

Это самое помѣщеніе, благодаря благосклонности его высочества, было приготовлено намъ для предполагаемаго ночлега. Но такъ какъ было еще рано, то мы рѣшили въ тотъ же день отправиться въ Артошъ. Всѣ эти строенія были окончены всего полтора года тому назадъ; они стояли на своей собственной землѣ, и были окружены стѣнами съ двумя воротами.

Мы были встрѣчены здѣсь Муза Ходжей, молодымъ сыномъ владѣтеля Артоша, Махмудъ Хана, который угощалъ насъ *дастурквано*мъ съ искреннимъ радушіемъ. Передъ мечетью, подъ тѣнью нѣсколькихъ тополей, былъ прудъ, на которомъ работали съ топорами нѣсколько человѣкъ. Подойдя къ народу, я нашелъ, что они рубили и носили въ корзинахъ ледъ для сохраненія его на лѣто. Толщина льда равнялась двадцати двумъ дюймамъ. Отъ гробницы дорога наша шла къ сѣверу черезъ глубокій оврагъ, а затѣмъ по голой пустынѣ, покрытой маленькими песчаными холмиками, которые съ сѣверной, надвѣтренной стороны представляли крутой обрывъ, а съ другой спускались отлого. Далѣе мы перешли еще оврагъ, затѣмъ, пройдя по соленой степи, взобрались на гребень ряда песчаныхъ возвышенностей, отдѣляющихъ Артошъ отъ Кашгара.

Махмудъ Ханъ принялъ посланника у внутреннихъ воротъ своего дома, гдѣ была выстроена стража, состоящая человѣкъ изъ сорока солдатъ, у которыхъ однообразны были только бѣлые тюрбаны да ружья, и, проведя его въ свою большую пріемную залу, выразилъ удовольствіе, что видитъ насъ у себя. Мы оставили Кашгаръ въ полдень, а когда прибыли сюда, то уже начинало темнѣть. Тутъ оказалось, что багажъ нашъ по ошибкѣ былъ отправленъ въ Остунъ Артошъ, т. е. «Верхній Артошъ», и прибылъ лишь на слѣдующее утро. Однако хозяинъ устроилъ насъ на ночлегъ по возможности удобно, и, послѣ вечерняго *дастурквана* и обычнаго роббера въ вистъ при свѣтѣ поставленныхъ на полу свѣчей, мы растянулись по татарски на коврахъ по всей комнатѣ.

Махмудъ Ханъ считаетъ себя потомкомъ султана Сатокъ Бухры Хана, мавзолей котораго находится возлѣ самаго его дома, отчего и происходитъ названіе городка Машгадъ, «Мѣсто мученичества».

Его фамилія владѣла Артошемъ втеченіе семи столѣтій и теперь скромнымъ ея представителемъ былъ онъ. Счастье его было разрушено китайцами, когда они подавили возстаніе 1857 года, руководимое Вали Ханомъ. Отецъ его и два брата были взяты въ плѣнъ и варварски казнены китайцами за то, что слишкомъ увлеклись во время революціи. Они пристали къ возставшимъ одни изъ первыхъ, такъ какъ за возмутившимся ходжей была за-мужемъ сестра Махмудъ Хана.

Махмудъ Ханъ, вмѣстѣ съ другими членами семьи, избѣжалъ подобной же участи, благодаря бѣгству въ Ташкентъ, откуда возвратился наконецъ въ партіи Бузуръ Хана. Въ благодарность за его службу при завоеваніи страны, онъ былъ снова водворенъ эмиромъ въ своихъ, правда, значительно урѣзанныхъ, владѣніяхъ, и теперь продолжаетъ служить эмиру въ качествѣ предводителя 400 конныхъ воиновъ, которыхъ онъ содержитъ въ своихъ собственныхъ владѣніяхъ. Онъ—мужчина среднихъ лѣтъ, имѣетъ рѣзкія татарскія черты чистаго уйгурскаго племени и красивый румяный цвѣтъ лица, съ самымъ легкимъ желтоватымъ оттѣнкомъ. Обхожденіе его весьма спокойное, не заносчивое, но выраженіе лица суровое, чего мы не могли не замѣтить, не смотря на его любезность въ отношеніи къ намъ. У него три сына, изъ которыхъ старшій, Абдуррашидъ, хранитъ фамильную гробницу; второй, Муза, служитъ въ числѣ тѣлохранителей и провожалъ насъ по его владѣніямъ, а третій еще восмилѣтній ребенокъ.

На другой день послѣ нашего прибытія мы посѣтили гробницу и въ качествѣ царскихъ гостей свободно расхаживали по ея дворамъ и монастырямъ. Самой могилы мы не видали, такъ какъ дверь въ покрывающее ее зданіе была заперта и охраняема двумя старыми священниками, которые, сидя передъ нею, быстро повторяли молитвы. Мавзолей этотъ состоитъ изъ обширнаго купола, поддерживаемаго четыреугольнымъ строеніемъ, на каждомъ углу котораго находится по маленькой башнѣ въ видѣ колокольни, которыя имѣютъ также куполы. Все зданіе покрыто муравленными синими, зелеными, и желтыми черепицами, которыя расположены косыми рядами. Дверь высокая и помѣщена въ узкой аркѣ съ восточной стороны. Внутреннія стороны этой арки покрыты арабскими надписями, а годъ 1244 Х. (1838 по Р. Х.), выставленный среди надписей съ одной стороны, обозначаетъ обновленіе строенія подъ управленіемъ Зугу-

риддина, бывшаго въ то время мусульманскимъ правителемъ Кашгара отъ китайцевъ.

Сатокъ Бахра Ханъ (родившійся въ 944 г. по Р. Х.) былъ сынъ Тангри Кадиръ Бахра Хана, умершаго во время экспедиціи противъ Бухары. Когда отецъ его умеръ, ему было всего шесть лѣтъ, и потому вмѣстѣ со своей овдовѣвшей матерью онъ былъ взятъ подъ покровительство его дядей Гарунъ Бахра Ханомъ, вошедшимъ на престолъ въ Кашгарѣ. Двѣнадцати лѣтъ онъ принялъ исламъ отъ Абу Назара Самани, который въ качествѣ распространителя ислама пришелъ въ страну съ караваномъ въ 300 человѣкъ изъ Бухары черезъ Андижанъ и остановился въ Артошѣ, бывшемъ въ то время цвѣтущимъ торговымъ рынкомъ.

Въ Тазкири Бахра Хана разсказывается, что Сатокъ отправился однажды на охоту въ сопровожденіи сорока человѣкъ, въ равнину Артоша. Увидѣвъ зайца, онъ погнался за нимъ и отдѣлился отъ своихъ спутниковъ. Вдругъ заяцъ, не отстраняясь отъ направленной на него стрѣлы, остановился, принялъ человѣческій образъ и заговорилъ: «подойди, сынъ мой! Я жду тебя. Слава Богу, что я нашелъ тебя одного. Подойди ко мнѣ. Сойди съ своей лошади. Мнѣ надо сказать тебѣ нѣсколько словъ».

Сатокъ (что значитъ «купецъ»), удивленный этимъ явленіемъ, сошелъ съ лошади и палъ на колѣни передъ человѣкомъ, который обратился къ нему такъ:

«Сынъ мой! Къ чему держаться идолопоклонства? Знаешь ли ты, что имя твоего создателя Магометъ? Иди же по пути его».

Что это за человѣкъ, говорящій такимъ образомъ? подумалъ юноша. Здѣсь нѣтъ такихъ людей. Откуда онъ? Затѣмъ, обратясь къ явившемуся, сказалъ: «что это ты мнѣ говоришь, мудрый человѣкъ»?

«О сынъ мой! О блаженный юноша! возразилъ ему незнакомецъ. Я не хочу, чтобы твое нѣжное тѣло попало въ адскій огонь. Это огорчаетъ меня».

«Что такое адъ»? спрашиваетъ его Сатокъ.

«Адъ, отвѣчаетъ великій мужъ, есть мѣсто, наполненное огнемъ и скорпіонами, куда втаскиваются невѣрующіе и грѣшники и предаются всевозможнымъ мученіямъ».

Страхъ охватилъ сердце юноши, и онъ воскликнулъ: «о, говори, мудрый человѣкъ, и я буду дѣлать то, что ты скажешь».

Тогда незнакомецъ произнесъ символъ вѣры: «Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, а Магометъ пророкъ Его».

«Что это за слова? спросилъ Сатокъ, и что они значатъ»?

«Сынъ мой, отвѣчалъ мудрецъ, повторяя эти слова, ты сдѣлаешься мусульманиномъ и пойдешь въ рай, гдѣ много прекрасныхъ юношей, дѣвушекъ и вина. Отказавшись же повторить ихъ, ты пойдешь въ адъ и подвергнешься всякимъ мученіямъ».

«Сатокъ принялъ исламъ и, повторивъ символъ вѣры, сдѣлался мусульманиномъ. Онъ просилъ мудреца научить его вѣрѣ, но тотъ отвѣтилъ ему, что назначенный для него учитель придетъ въ самомъ скоромъ времени и направитъ его на истинный путь, и затѣмъ исчезъ. Иные говорятъ, что человѣкъ этотъ былъ священникъ Искандера Паши, другіе — что это былъ *Даялъ улъ гаибъ* Ходна Цинда, третьи — что это былъ ангелъ, въ сущности же это былъ пророкъ Кизръ».

Далѣе разсказывается, что нѣсколько дней спустя, Сатокъ снова отправился на охоту съ своими сорока спутниками и, придя въ Баку въ Остунѣ, т. е. «Верхнемъ» Артошѣ, нашелъ тамъ караванъ хорошо одѣтыхъ и весьма привлекательныхъ иностранцевъ, расположившихся на полѣ лагеремъ. Когда онъ приблизился къ нимъ, чтобы посмотрѣть, кто они такіе, къ нему подошелъ ихъ предводитель Абу Назръ Самани, который, узнавъ въ Сатокѣ розыскиваемаго имъ князя, благословилъ Бога, затѣмъ, обратясь къ своимъ спутникамъ, указалъ на предметъ ихъ путешествія и сказалъ, что цѣль ихъ достигнута. Попросивъ ихъ открыть свои тюки и достать подарки, онъ пригласилъ князя въ свою палатку. Въ это время вдругъ раздался призывъ *муэззина*; все было тотчасъ же брошено какъ попало, и весь караванъ собрался на молитву.

Сатокъ былъ пораженъ этой церемоніей и довѣрчивостью незнакомцевъ въ чужой странѣ, оставившихъ свое имущество безъ всякой охраны, для исполненія религіозныхъ обязанностей. Онъ сошелъ съ лошади и, узнавъ по окончаніи молитвы имя предводителя, инстинктивно догадался, что это именно тотъ учитель, котораго обѣщалъ пророкъ Кизръ, и принялъ отъ него исламъ.

Абу Назръ втеченіе шести мѣсяцевъ тайно училъ его доктринамъ религіи, какъ вдругъ дядя его Гарунъ, узнавъ о его вѣроотступничествѣ, рѣшился убить его. Но мать заступилась за него и просила, чтобы сыну ея дали сперва возможность доказать свою вѣр-

ность. Въ это время у царя строился языческій храмъ и Сатоку, въ доказательство своей преданности національной вѣрѣ, велѣно было явиться въ назначенный день передъ собраніемъ вельможъ и заложить основный камень храма ихъ богу.

Сатокъ посовѣтовался съ своимъ учителемъ, который разрѣшилъ ему исполнить приказаніе царя, и только, закладывая камень, держать въ мысли, что закладывается мечеть, а не языческій храмъ. «Ибо, говорилъ наставникъ, если дѣло касается собственной безопасности, то совершеніе нѣкоторыхъ незаконныхъ дѣйствій дозволительно; въ данномъ же случаѣ, если только ты будешь мысленно считать основаніе храма за основаніе мечети, то заложеніе камня будетъ даже дѣломъ богоугоднымъ и похвальнымъ, и дастъ тебѣ возможность избѣжать гоненія невѣрныхъ».

Такимъ образомъ Сатокъ оправдалъ себя къ удовлетворенію Гаруна и его двора и былъ признанъ свободнымъ отъ подозрѣнія. Вскорѣ послѣ этого, съ помощію Абу Назра и его людей, число которыхъ въ теченіе его шестимѣсячнаго пребыванія здѣсь возросло до 600, напалъ внезапно ночью на царскій дворецъ, вооружилъ своихъ людей и, захвативъ 400 лошадей, бѣжалъ въ горы Тава тагъ (Верблюжій холмъ), къ сѣверу отъ города.

Утромъ Гарунъ и его войско, проснувшись отъ глубокаго сна, въ который они были ввергнуты молитвами Абу Назра, открыли измѣну принца и безъ дальнѣйшихъ отлагательствъ выступили противъ него. Много было отчаянныхъ сраженій, тысячи невѣрныхъ были убиты и въ то же время тысячи новообращенныхъ присоединились къ мятежникамъ.

Черезъ нѣсколько дней войско ислама стало сильно нуждаться въ съѣстныхъ припасахъ и начало колебаться. Тогда Абу Назръ, чтобы удовлетворить нетерпѣніе и устранить недовольство своихъ послѣдователей, предпринялъ ночное нападеніе на городъ; дѣло ему удалось, и Гарунъ былъ убитъ своимъ племянникомъ, который затѣмъ вошелъ на кашгарскій престолъ и впредь объявилъ исламъ закономъ страны. Онъ обратилъ въ одинъ день 20,000 гражданъ и установилъ *Шара* по всей территоріи. Много творилъ онъ тогда чудесъ, изъ которыхъ самыя замѣчательныя были слѣдующія. Мечъ его, имѣвшій въ ножнахъ такіе же размѣры, какъ и у другихъ людей, удлинялся противъ невѣрныхъ до сорока ярдовъ, и Сатокъ косилъ ихъ какъ рожь. Второе чудо состояло въ томъ, что среди невѣрныхъ

изо рта Сатока исходило пламя, которое многихъ сожигало, а другихъ приводило въ такой ужасъ, что заставляло бросаться къ ногамъ его и дѣлаться мусульманами.

Онъ жилъ до девяносто шести лѣтъ и во все время своего продолжительнаго царствованія велъ войны для распространенія ислама, и дѣйствительно распространилъ его до Коракорума на сѣверовостокѣ и до Турмиза на рѣкѣ Аму—на юго-западѣ. Онъ отправился одерживать побѣды въ Киту, но захворалъ въ Турфанѣ и возвратился въ Кашгаръ, гдѣ, прохворавъ цѣлый годъ, умеръ въ 1037 г. На смертномъ одрѣ онъ поручилъ правленіе и заботы о своей семьѣ Абулъ Фаттаху, сыну Абу Назра, наставляя его такимъ образомъ: «Вотъ моя послѣдняя воля: «будь твердъ въ вѣрѣ Пророка. Тебѣ поручаю я *шаріатовъ*. Блюди ихъ. Дѣти мои молоды. Воспитай ихъ старательно, чтобы они не могли сдѣлать ни чего такого, что осрамило бы ихъ передъ Богомъ. Подражай мнѣ, Абулъ Фаттахъ! Иди моимъ путемъ—и ты достигнешь славы. Больше я ничего не желаю сказать. Въ молитвахъ своихъ поминай меня. Будь честолюбивъ и мужественъ. Ищи помощи отъ Бога и Пророка Его. Помни меня, всегда и плачь по мнѣ».

Послѣ этого престарѣлый царь простился съ своими друзьями и, сдѣлавъ распоряженія по поводу своихъ похоронъ, увѣрилъ ихъ, что душа его только переселяется изъ одного тѣла въ другое, а не умираетъ». Онъ взялъ со стоявшаго передъ нимъ подноса розу и понюхалъ ее, затѣмъ взялъ бѣлое съ красными полосами яблоко и съѣлъ его; потомъ отпилъ изъ кубка шербету и произнесъ символъ вѣры, всталъ, перевернулся три раза и пропѣлъ персидское двустишіе:

Капля, взятая изъ моря, не уменьшаетъ его объема.
Отходящая душа скидываетъ лишь скрывавшее ее покрывало.

Затѣмъ онъ сѣлъ, протянулъ ноги по направленію къ *кабла* (гробница въ Меккѣ), и съ закатомъ дня испустилъ духъ. Онъ былъ погребенъ въ Машгадѣ въ Алтунъ Артошѣ съ большою торжественностью. Въ погребальной церемоніи участвовали два великіе святые, семнадцать тысячъ ученыхъ, двадцать двѣ тысячи мусульманъ и пятнадцать тысячъ простаго народа. Разсказываютъ, что въ это время совершено было нѣсколько чудесъ, и, между прочимъ, что усопшій монархъ черезъ нѣсколько дней послѣ своего погребенія явился во плоти своимъ вѣрнымъ подданнымъ, чтобы ободрить ихъ и внушить

имъ твердость въ вѣрѣ Пророка и единодушіе для распространенія ея среди язычниковъ.

Четыре года тому назадъ эмиръ посѣтилъ эту гробницу со всѣмъ своимъ дворомъ и совершилъ обычные религіозные обряды надъ гробомъ царственнаго святаго съ величайшею церемоніей, выразивъ такимъ образомъ свою благодарность Богу за успѣхи, ниспосланные его оружію. Онъ просилъ святаго и впредь не оставлять своего смиреннаго ученика благословеніемъ для распространенія ислама и для его умилостивленія принесъ въ жертву его памяти нѣсколько сотъ быковъ, овецъ, лошадей и верблюдовъ, которыми угостились окрестные бѣдняки. Онъ возвратилъ принадлежащему къ могилѣ монастырю его прежнія земли, построилъ вокругъ гробницы коллегію, мечеть и богадѣльню и обнесъ все это стѣною. Въ коллегіи мы нашли около ста мальчиковъ и мужчинъ, по спискамъ же ихъ, говорятъ, считается до двухсотъ. Это такое же обширное заведеніе, какъ и при гробницѣ Хазратъ Афака, и преподаваніе здѣсь точно также имѣетъ почти исключительно религіозный характеръ. Четверо или пятеро учителей, водившіе насъ по заведенію, приняли данныя имъ посланникомъ золотыя монеты или *тила* съ надлежащею признательностью и, воздѣвъ руки къ небу, просили благословенія подателю, а толпа студентовъ заключила ихъ моленіе словомъ *аминь*.

Послѣ полудня охотники Махмудъ Хана принесли пойманную въ камышевыхъ зарослях близъ Колъ Тайлака дикую свинью. Это было огромное, чистое на видъ и сильное животное. Вдоль спины его шла полоса длинной щетины, а подъ болѣе короткой щетиной на остальномъ тѣлѣ росъ густой, короткій, курчавый и мягкій подшерстокъ, который составлялъ какъ бы теплое покрывало въ дюймъ толщиною. Короткіе клыки были сомкнуты на вложенной въ ротъ деревяшкѣ и связаны крѣпкой веревкой, а само животное было систематически привязано такими же крѣпкими веревками къ бревенчатой подножкѣ.

Вскорѣ послѣ этого мы цѣлый день охотились близъ Колъ Тайлака за кабанами и убили одинъ прекрасный экземпляръ при помощи охотничьяго орла. Миляхъ въ восьми отъ населенія мы перешли по льду рѣку Файзабадъ и вошли въ густыя заросли камышу и тамарисковъ. Съ нами было человѣкъ двадцать охотниковъ Махмудъ Хана и два ученыхъ орла. Люди были вооружены дубинами, и какъ только кабанъ былъ замѣченъ, одинъ изъ орловъ полетѣлъ за нимъ, а народъ кинулся за орломъ, поднявъ ужасный крикъ и размахивая дубинами. Птица слѣдовала всѣмъ изворотамъ своей добычи, держась надъ самымъ камышемъ, и тотчасъ же кинулась на нее, какъ только та выбѣжала на открытое мѣсто. Тогда конные люди тотчасъ же окружили животное, ошеломили его ударами по головѣ и затѣмъ застрѣлили. Наши спутники—андижане предавались забавѣ весело и даже беззаботно. Они сообщили намъ интересныя свѣдѣнія о *джиргѣ*, т. е. охотничьемъ кружкѣ, составленіе котораго во времена могольскихъ императоровъ было національнымъ обычаемъ, соблюдаемымъ съ особыми церемоніями. Цѣлые полки употреблялись въ качествѣ охотниковъ въ какомъ нибудь центральномъ мѣстѣ, и цѣлые округа въ сотни квадратныхъ миль служили полемъ ихъ дѣйствій. Весь народъ, захваченный охотниками, былъ принуждаемъ примкнуть къ ихъ рядамъ, и всякое нарушеніе закона охоты наказывалось весьма строго. Возвратясь изъ похода въ Турфанъ, Аталыкъ также организовалъ *джиргу*. Во время этой забавы было настрѣляно множество дичи, но за-то было убито или искалѣчено также много слугъ и офицеровъ.

Мы подняли во время охоты нѣсколько фазановъ, скрывавшихся въ кустарникахъ, но вниманіе наше было занято болѣе важнымъ дѣломъ, и потому мы оставили ихъ наслаждаться жизнью. Золотой орелъ, дрессируемый здѣсь для охоты,—прекрасная птица, обладающая громадной силой. Туземцы называютъ его *кара кушъ* и *буругутъ*. Ихъ клабучатъ и спутываютъ, какъ и соколовъ, но вслѣдствіе ихъ значительнаго вѣса ихъ возятъ на деревянной подставкѣ, которую придерживаютъ рукою, поставивъ на сѣдельную луку. Въ Яркандѣ мы видѣли ихъ весьма часто, и дадквахъ говорилъ намъ, что одинъ такой орелъ жилъ у него почти двадцать пять лѣтъ.

Они употребляются на свиней, антилопъ, оленей и волковъ, а также на болѣе крупныхъ птицъ, какъ напр. гусей, цаплей и т. д., тогда какъ обыкновенные соколы сѣверной Индіи (*базъ, чархъ лачинъ* и т. д.), которыхъ здѣсь также дрессируютъ, употребляются на фазановъ, драхву, дикихъ утокъ и т. д. На пути къ долинѣ Сагунъ съ нами было нѣсколько *чарховъ*, которые очень хорошо охотились на зайцевъ и куропатокъ. Во время нашего пребыванія въ Яркандѣ мы разъ ѣздили на охоту съ орлами дадкваха на гусей и цаплей въ болота, находящіяся къ востоку отъ города. Но орлы были плохи и только одинъ изъ пятнадцати или шестнадцати охотился при насъ

на цаплей, а другой весьма ловко перевернулъ нѣсколько плявшихся по окрестностямъ города собакъ, на которыхъ онъ былъ спущенъ для нашей забавы.

Внутри стѣнъ укрѣпленнаго жилища Махмудъ Хана мы видѣли нѣсколько прекрасныхъ экземпляровъ мѣстнаго двугорбаго верблюда. Это были благородныя животныя, почти бѣлаго цвѣта, небольшія ростомъ съ тонкими высокими ногами и съ пучками мягкихъ шерстистыхъ волосъ на плечахъ, на ляшкахъ и на горлѣ. Голова у нихъ имѣла красивую форму и глаза были большіе и умные. Крикъ у нихъ особенный, рѣзкій, совершенно не похожій на ворчанье тѣхъ неуклюжихъ, но полезныхъ животныхъ, къ которымъ мы привыкли въ Индіи. Дикій верблюдъ водится въ пустыняхъ къ востоку отъ этой мѣстности, около Лоба, между Турфаномъ и Хотаномъ, гдѣ на него охотятся и теперь. Животное это, говорятъ, весьма злобно и проворно, но маленькаго роста, не многимъ больше большой лошади. Одинъ киргизскій пастухъ, жившій нѣсколько лѣтъ на Лобѣ, разсказывалъ мнѣ, что онъ часто видалъ дикихъ верблюдовъ на паствѣ, и участвовалъ во многихъ охотничьихъ на ихъ экспедиціяхъ, ради ихъ весьма высоко цѣнимой шерсти, изъ которой выдѣлывается самый лучшій камлотъ.

Мы оставили Артошъ 17-го и направились къ сѣверу черезъ брешь въ грядѣ валовъ, состоящихъ изъ глины и гравія и отдѣляющихъ Артошъ отъ Аргу (долины, подобно Артошской, но гораздо уже), и, перейдя поля послѣдней близъ деревни того же имени, миль черезъ восемь пришли къ маленькому китайскому форту, занятому нынѣ артошской стражей въ двѣнадцать человѣкъ.

Онъ стоитъ на маленькой площадкѣ при входѣ въ Тангитарское ущелье и окруженъ нѣсколькими хлѣбными полями, составляющими послѣдніе признаки земледѣлія въ этомъ направленіи. Дѣйствительно, за Аргу нѣтъ опредѣленнаго земледѣльческаго населенія и никакихъ признаковъ земледѣлія, за исключеніемъ этого клочка. Тотчасъ же за этимъ постомъ мы вошли въ длинное ущелье, которое извивается между возвышающимися на известнякѣ холмами глины и гравія и, слѣдуя теченію его быстраго ручья по отлогому, густо поросшему тростникомъ и тамарисками берегу, миль черезъ десять прибыли въ Корганъ Тангитаръ.

Это маленькій, обнесенный стѣною фортъ, построенный на вершинѣ скалы у входа въ самое ущелье, и сообщающій свое названіе

всей мѣстности. Въ немъ находится гарнизонъ въ двадцать два человѣка, а выше на скалахъ по обѣимъ сторонамъ входа расположены четыре маленькіе, обращенные къ ущелью и господствующіе надъ его проходомъ, редута. Они почти недоступны какъ со стороны форта, такъ и со стороны ущелья, и могутъ вмѣщать въ себѣ не болѣе какъ по пяти-шести человѣкъ.

На маленькомъ выступѣ противъ форта находится группа ивъ и тополей, называемая Мазаръ Сугатъ Каравалъ,—указываетъ, какъ говорятъ, то мѣсто, гдѣ Сатокъ, во время одного изъ своихъ многочисленныхъ походовъ для распространенія ислама, дивнымъ образомъ извлекъ источникъ воды для своихъ жаждущихъ солдатъ, ударивъ о скалу мечемъ. Это весьма дикое мѣстечко, и мы видѣли его въ самомъ мрачномъ видѣ. Темная щель прохода, между высокими, нависшими известковыми утесами, представлялась нашимъ глазамъ во всей своей суровой дѣйствительности, и при наступившей темнотѣ ночи казалось чѣмъ-то особенно мрачнымъ среди всего окружающаго и дѣйствительно походила на жилище привидѣній и духовъ, которыми населяетъ ея темныя и безмолвныя убѣжища народное суевѣріе.

Корганъ былъ приготовленъ для нашего помѣщенія и кромѣ того ниже, на уединенномъ валу, раскинуто было пять киргизскихъ палатокъ для нашихъ спутниковъ. Но маленькія хижины оказались такъ грязны и вонючи, что мы съ радостью промѣняли ихъ на нестоль грязныя киргизскія жилища. Вечеръ насталъ темный и холодный; морозный сѣверный вѣтеръ, дуя изъ ущелья, пронизывалъ насквозь войлочныя лохмотья *окое* (кибитка), что весьма скоро разсѣяло всѣ наши представленія о прелестяхъ киргизской жизни. Теперь мы попробовали настоящую жизнь въ *окое* и въ теченіе слѣдующихъ немногихъ дней странствованія видѣли на практикѣ бытъ бѣдныхъ номадовъ, при чемъ конечно не позавидовали имъ. Не буду пытаться отгадывать въ чемъ именно состоятъ прелести свободной жизни среди безграничныхъ степей, но убѣжденъ, что, во всякомъ случаѣ, надо быть спеціально подготовленнымъ, чтобы умѣть оцѣнить ихъ. Жгучее солнце, ослѣпительный блескъ и удушающая пыль лѣтомъ, рѣзкій вѣтеръ, холодъ, снѣгъ и бездѣятельность зимой—вотъ что видитъ и съ чѣмъ долженъ бороться номадъ. Единственную помощь въ борьбѣ представляетъ оборванная и истрепанная *окое*, да притупляющая *кумысовая* водка.

*

Утромъ мы оставили Корганъ, обойдя нависшую скалу, спустились къ проходу Тангитаръ, какъ разъ по ту сторону его южнаго конца, заваленнаго поперечными бревнами, пучками терна и крупными каменьями. Тангитаръ, т. е. «Темный Проходъ», извилистъ и узокъ; ширина его между высокими известковыми утесами составляетъ всего отъ десяти до тринадцати шаговъ. Рѣка его была покрыта крѣпкимъ льдомъ и, проѣхавъ минутъ десять по ея извилистой скользкой поверхности, мы выѣхали въ бассейнъ, въ которомъ встрѣчались три большіе осушительные канала.

Мы избрали средній и вскорѣ выѣхали изъ его русла на обширную луговую долину въ восемь или десять миль шириною и въ двадцать длиною, простиравшуюся отъ востока къ западу. За нею на сѣверѣ видѣнъ рядъ холмовъ, отдѣляющихъ это плоскогорье, называемое Ялгузъ Сай, отъ Сая, расположеннаго нѣсколько выше и составляющаго любимое лѣтнее rendezvous киргизовъ, а частью и зимнее убѣжище нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Холмы эти имѣютъ весьма скучный видъ и сверху слегка прикрыты снѣгомъ. Говорятъ, что на нихъ много медвѣдей, которые въ случаѣ нужды питаются сурками, вырывая ихъ изъ норъ. Но главные ихъ обитатели въ настоящее время—это большія стада дикихъ барановъ и ibex'овъ.

Сначала мы прошли немного вдоль Сая, т. е. «Каменистаго Луга», а затѣмъ повернули къ востоку и при помощи соколовъ убили въ зарослях у подножія холмовъ значительное число зайцевъ и куропатокъ. Отъѣхавъ миль двадцать отъ Тангитара, мы сошли съ лошадей передъ группой шести или семи *акое*, приготовленныхъ для насъ близъ киргизской стоянки, на открытой равнинѣ, по сосѣдству съ ихъ кладбищемъ, называемымъ тигарматти. Кладбища эти имѣютъ обыкновенно пять или шесть большихъ куполообразныхъ могилъ, или *гумбазъ*, которыя издали кажутся иностранцу жилищами живыхъ людей, а не мертвыхъ, какими онѣ оказываются въ дѣйствительности.

Среди разсѣяннаго вокругъ лагеря рогатаго скота и овецъ, было также нѣсколько верблюдовъ и лошадей. Лагерь состоялъ всего изъ двѣнадцати или пятнадцати палатокъ, остальное же пространство обширнаго плоскогорья не представляло никакихъ признаковъ человѣческой жизни. Палатки наши здѣсь были такія же несчастныя, какъ и въ предъидущій разъ, и могли служить убѣжищемъ отъ непогоды развѣ только тѣмъ насѣкомымъ, которыя гнѣздились въ войлочныхъ лохмотьяхъ ихъ стѣнъ, половъ и потолковъ. Это были истинныя ловушки для доставленія свѣжей крови населяющимъ ихъ прожорливымъ тварямъ.

Ночь была свѣтлая и звѣздная съ рѣзкимъ сѣвернымъ вѣтромъ, который содралъ съ занимаемой мною *окое* войлокъ, покрывавшій дымовое отверстіе посреди крыши (крыша представляла слегка выпуклый куполъ, образуемый ивовыми жердями, сходившимися отъ стѣнъ къ деревянному поддерживаемому ими кольцу, и была покрыта большими войлоками, утвержденными у окружности закрѣпками). Въ отверстіе это тотчасъ же ворвался холодный, какъ ледяная вода, воздухъ и охолодилъ на всю ночь палатку, въ которой у насъ не было огня; хотя верхняя дыра и была кое-какъ закрыта вновь сорваннымъ войлокомъ, но холодъ врывался черезъ другія безчисленныя дыры оборванныхъ стѣнъ. Спать или даже отдыхать было невозможно вслѣдствіе острой боли отъ холода въ рукахъ и ногахъ, которая пожалуй превосходитъ даже мученіе отъ злыхъ насѣкомыхъ. Между тѣмъ я былъ одѣтъ чрезвычайно тепло, ибо сверхъ обыкновеннаго англійскаго зимняго платья былъ закутанъ въ огромный овчинный тулупъ, а на ногахъ сверхъ теплыхъ носковъ были надѣты просторные овчинные мѣшки. Утромъ термометръ, вывѣшенный съ наружной стороны палатки, показалъ 20° холода.

Кочующихъ киргизовъ въ Артошскомъ округѣ насчитываютъ до ста семей. Они находятся въ зависимости отъ хана, который называетъ ихъ своими *фукаро*, т. е. «бѣдными». И дѣйствительно наружность ихъ вполнѣ согласуется съ ихъ названіемъ, ибо изъ видѣнной нами здѣсь партіи человѣкъ въ тридцать ни одинъ не имѣлъ независимаго или почтеннаго вида. Впрочемъ это были не лучшіе представители народа, а все бѣдные изгнанники изъ различныхъ людей бурутскихъ киргизовъ, которые нынѣ находятся подъ русскимъ владычествомъ, каковы чонгъ богиши, саригъ богиши, сайаки, чирики, кочины и пр., степи которыхъ разстилаются къ сѣверу отъ Алатау.

Кашгарскихъ же киргизовъ насчитываютъ до тридцати тысячъ палатокъ, но изъ этого числа не болѣе трети признаются подданными эмира; остальные же дѣлятся между Россіей на сѣверѣ и коканскимъ ханомъ на западѣ *). Самыя главныя стоянки изъ принадлежащихъ

*) Писано до присоединенія Кокана къ нашимъ владѣніямъ. *Ред.*

Кашгару чонгъ богиши Актага и Сайаки Каратага, а затѣмъ слѣдуютъ найманы Сарикула и Каракаша. Найманы, которыхъ насчитываютъ здѣсь тысячи палатокъ, были прежде несторіанскіе христіане и пришли сюда съ сѣверовостока Или въ началѣ тринадцатаго столѣтія со своимъ княземъ Кашлукомъ, который былъ прогнанъ со своихъ собственныхъ наслѣдственныхъ пастбищъ побѣдителемъ Чингисомъ. Кашлукъ отнялъ правленіе Кара Китаемъ у престарѣлаго царя Горкана, водворился со своими найманами въ Кашгарѣ и началъ войну съ народомъ для подавленія ислама. Но онъ былъ вскорѣ изгнанъ изъ страны и бѣжалъ въ долины Сарыкула и Вахана, гдѣ былъ настигнутъ и убитъ своими преслѣдователями.

Отъ Тигарматти мы отправились въ Башъ Сугунъ, т. е. «Голова Сугуна», отстоящій на пятнадцать миль, а на слѣдующій день въ Лягъ Сугунъ, т. е. «Нога Сугуна», отстоящій на двадцать миль. Около Башъ Сугуна мы перешли съ плоскогорья въ узкую долину рѣки Сугунъ, текущей къ востоку, и расположились на ночлегъ въ нѣсколькихъ киргизскихъ палаткахъ, заимствованныхъ въ находившейся тутъ же рядомъ киргизской стоянкѣ. Она состояла изъ шестнадцати палатокъ и имѣла большія стада лошадей, которыя паслись на равнинѣ около лагеря. Рѣка была болѣе или менѣе замерзши; она течетъ по покрытому голышами руслу въ низкихъ, отлогихъ глинистыхъ и песчаныхъ берегахъ, покрытыхъ соляной корой и тамъ и сямъ поросшихъ тростникомъ и тамарисками. Мѣстами были также рѣдкіе лѣса ивъ и тополей, tygicaria и eloeagnus, дикихъ розъ и ephoedra, а также были и нѣкоторые слѣды киргизскаго земледѣлія.

Въ Лягъ Сугунѣ мы нашли стоянку изъ двѣнадцати палатокъ. Здѣсь капитанъ Троттеръ и д-ръ Столичка съ маленькимъ отрядомъ андижанъ отдѣлились отъ насъ для экскурсій къ грядѣ холмовъ Балоти, отдѣляющихъ эту долину отъ долины Аксай Ушъ Турфана; посланникъ же, съ остальною частью нашей партіи, направился вдоль теченія рѣки по извилистой долинѣ, которая была покрыта снѣгомъ. Мы оставили рѣку нѣсколько ниже маленькаго аванпостнаго форта, и не много далѣе, выйдя изъ холмовъ, спустились по *сирту* или склону, который тянется вдоль ихъ основанія, постепенно спускаясь къ равнинѣ, а затѣмъ, перейдя большую пустыню, покрытую пескомъ и солончаками, вышли на поля Колъ Тайлака уже на Кашгарской равнинѣ. Здѣсь мы пробыли два дня, и затѣмъ возвратились черезъ Артошъ въ Кашгаръ. Въ Артошѣ мы снова повидались со

своимъ вѣжливымъ хозяиномъ и поблагодарили его за радушіе. Его сынъ Муза, сопровождавшій насъ во время нашей поѣздки по странѣ, былъ на столько внимателенъ, что проводилъ насъ до Биби Миріамъ, гдѣ посланникъ, прощаясь съ нимъ, въ знакъ благодарности за его услугу нарядилъ его въ прекрасный шелковый *халатъ*.

Это былъ очень умный молодой человѣкъ лѣтъ двадцати двухъ и весьма пріятный товарищъ. Онъ разсказалъ мнѣ о звѣрствахъ китайцевъ при подавленіи возстанія ходжей при Вали Ханѣ и описалъ, какъ были казнены его собственные дѣдъ и дяди. Имъ былъ распоротъ животъ и еще у живыхъ вырвано сердце и брошено уличнымъ собакамъ. Затѣмъ имъ были отсѣчены головы и вставлены въ клѣтки, которыя рядомъ съ дюжинами другихъ подобныхъ же клѣтокъ были выставлены вдоль дорогъ передъ городскими воротами въ назиданіе другимъ злодѣямъ. Когда я выразилъ свой ужасъ передъ такимъ варварствомъ, онъ отвѣчалъ, что это ничего не значило: очередь была за ними, и они дѣлали намъ то же, что и мы дѣлали имъ. Во время войны мы почти одинаковы.

—Въ чемъ же вы различны? спросилъ я.

—Мы мусульмане, а они идолопоклонники, вотъ и все.

—Развѣ нѣтъ другаго различія? спросилъ я. Развѣ вы не стоите гораздо выше китайцевъ?

—Въ религіи да. Но больше ни въ чемъ.

—Но вѣдь вы говорите разными языками и принадлежите къ разнымъ племенамъ, возразилъ я.

—Это правда; но мы всѣ татары, какъ бы мы ни назывались, турками ли, монголами, манджурами или китайцами, и различныхъ языковъ у насъ столько же, сколько различныхъ націй. Во времена китайцевъ въ этой странѣ говорили языкахъ на семи.

—Я полагаю, что это въ средѣ ихъ войскъ и чиновниковъ.

—Да, а также въ средѣ торговцевъ, съѣзжавшихся со всѣхъ частей Монголіи. Вѣдь у насъ и теперь еще все китайское. Одежда у насъ китайская, пища, домашняя утварь, даже промышленность—все китайское. Нравы у насъ китайскіе, и торговля была также китайская.

—Вы вѣрно говорите о томъ времени, когда китайцы были вашими управителями. Теперь совсѣмъ не то.

—Все осталось почти такимъ же, какъ было, за исключеніемъ *Шаріата*. Впрочемъ положеніе вещей измѣняется день ото дня;

такъ теперь мы не замѣчаемъ никакихъ признаковъ китайской торговли, а слѣдовательно и приносившагося ею богатства.

—Вы говорите такъ, какъ будто бы вы сами китаецъ.

—Нѣтъ, я ненавижу ихъ. Но они не были дурными управителями. Тогда у насъ было все, теперь же у насъ нѣтъ ничего.

И это былъ не единственный, встрѣченный мною въ этой странѣ человѣкъ, который держался такого мнѣнія. Напротивъ, многіе говорили и мнѣ, и другимъ изъ нашей партіи, что прежнее правленіе было сравнительно вовсе не дурно.

ГЛАВА XI.

Визитъ къ наслѣднику.—Кроткій характеръ туземцевъ.—Отъѣздъ изъ Кашгара.—Внезапная перемѣна погоды.—Монастырь въ пустынѣ.—Пески пустыни.—Города, засыпанные пескомъ.—Рака Ордама падшаха.—Исторія Alu Арслана хана.—Его смерть и погребеніе.—Внезапная перемѣна времени года.—Польза нашего пребыванія въ Кашгарѣ.—Курильщики опіума.—Опытъ пенджабскаго купца.—Будущность торговли.

Экскурсія наша къ подножію Тіаншана или Алатау, какъ онъ здѣсь называется, если не говорить о сильномъ холодѣ и о пустынности страны, была весьма пріятна, и дала намъ возможность получить понятіе о характерѣ мѣстности, находящейся тотчасъ же за заселенными и воздѣланными предмѣстьями города. Здѣсь какъ и вездѣ, гдѣ только мы проѣзжали, была голая степь, въ которой, вмѣсто только что видѣнной нами населенности, довольства и промышленности, мы нашли безмолвіе, бѣдность и варварство.

Мы видѣли страну среди зимы и встрѣтили нѣсколько стоянокъ кочевниковъ, находившихъ себѣ въ долинахъ пастбища, которыхъ на болѣе высокихъ мѣстахъ въ это время года не было. Но нигдѣ не встрѣтили мы указанія на то, чтобы населеніе здѣсь когда нибудь бывало гуще, чѣмъ въ настоящее время. Весною на свѣжія пастбища здѣшнихъ плоскогорій и склоновъ перекочевываютъ киргизы, укрывающіеся или зимующіе, какъ здѣсь говорятъ, въ закоулкахъ и убѣжищахъ низкихъ холмовъ изъ голаго камня и гравія, заслоняющихъ ихъ отъ равнины; лѣтомъ же они покидаютъ ихъ и переселяются въ верхнія части пограничныхъ цѣпей, по другую сторону которыхъ кочуетъ тотъ же народъ, но уже подчиненный Россіи.

7-го марта, посланникъ, въ сопровожденіи своихъ офицеровъ въ вицмундирахъ, сдѣлалъ визитъ Бей Кули Бею или Бей Бачѣ, какъ

его обыкновенно называютъ. Это старшій сынъ и вѣроятный наслѣдникъ эмира, пользующійся нынѣ титуломъ Шахзадэ. Онъ прибылъ сюда мѣсяцъ тому назадъ изъ Аксу, куда въ то же время его второй братъ, Гакъ Кули Бей, отправился вмѣсто него на границу. Мы сошли съ лошадей у воротъ двора его резиденціи въ фортѣ и были встрѣчены на верандѣ его пріемной залы нашимъ другомъ Хаджи Торою, который былъ тутъ для соблюденія церемоній.

Онъ провелъ нашего начальника въ комнату и представилъ его князю, вставшему съ своего сидѣнья въ противуположномъ углу и протянувшему посланнику руку. Мы также были представлены по очереди и, пожавъ протянутую руку, почтительно кланялись на небрежно вопросительное *саламатъ?*, затѣмъ отступали назадъ и садились на коверъ вдоль стѣны, въ углу которой по одну сторону выходившаго на веранду окна сидѣлъ хозяинъ, между тѣмъ какъ Хаджи Тора сѣлъ противъ его по другую сторону того же окна. Посланникъ обмѣнялся съ княземъ обычными привѣтствіями, и приподнесъ ему двустволку, между тѣмъ какъ мимо окна прошла цѣлая вереница людей съ разными другими подарками, которые всѣ были приняты съ надлежащимъ равнодушіемъ. Затѣмъ послѣдовала истинно восточная, по своей продолжительности и важности, пауза молчанія, которая наконецъ была прервана появленіемъ *дастурквана*; въ данномъ случаѣ мы поняли, что обычай этотъ имѣетъ и другія достоинства, не относящіяся къ ѣдѣ.

Князь былъ чрезвычайно сдержанъ и держалъ себя съ видомъ собственнаго достоинства, котораго онъ не покидалъ во все время свиданія. Онъ говорилъ большею частью односложно, кратко и умѣстно, но на наше выраженіе признательности эмиру за его гостепріимство, любезность и заботы о нашемъ комфортѣ онъ не отвѣтилъ ничего. Впрочемъ, намъ помогъ Хаджи Тора, который завязалъ наконецъ разговоръ и втянулъ въ него хозяина, чрезвычайно почтительно обращаясь къ нему съ своими замѣчаніями.

Когда *дастурканъ* былъ убранъ, мы всѣ встали, и князь, завертывая руки въ рукава своей *джубы*, отвѣтилъ на наши поклоны только легкимъ наклоненіемъ головы посланнику. Это крѣпко сложенный молодой человѣкъ лѣтъ 26, съ болѣе темнымъ цвѣтомъ лица, чѣмъ у другихъ, такъ какъ мать его—кипчачка изъ Акъ-Масджидскаго Джуелика, и въ чертахъ его замѣтенъ болѣе грубый складъ этого племени, отличающійся дебелостью и тяжеловатостью. Губы

его толсты, и ротъ выдается впередъ, но нѣсколько горбатый носъ имѣетъ красивую форму. Обычное выраженіе его лица—гордость и строгость. Даже въ разговорахъ съ Хаджи Торою, говорившимъ въ покорно почтительномъ тонѣ, глаза его глядѣли сурово.

Онъ весьма популяренъ въ средѣ андижанскихъ войскъ и пользуется славою храбраго и воинственнаго человѣка. Много разсказываютъ о его подвигахъ на границахъ Урумчи и Манаса, и если въ разсказахъ этихъ есть хотя доля правды, то натурѣ его не знакомо чувство состраданія. Изъ всѣхъ этихъ разсказовъ видно, что страна эта, нѣкогда населенная и достаточная, превращена его войскомъ въ безотрадную, покрытую развалинами, пустыню.

При дворѣ его соблюдается такая же строгая дисциплина, какъ и у эмира, и всѣ боятся строгости его наказаній, но въ войскѣ онъ славится щедростью при раздачѣ награбленнаго и радѣніемъ объ исламѣ. Разсказываютъ про него также, что онъ необразованъ, надменъ и недалекъ, но, принимая въ соображеніе его внезапное превращеніе изъ человѣка темнаго въ наслѣдника вновь пріобрѣтенной страны, въ покореніи восточныхъ частей которой онъ принималъ такое дѣятельное участіе, то это вовсе не удивительно, и сомнительно, чтобы эта царственная гордость, такъ ревностно поддерживаемая въ своемъ началѣ, могла со временемъ принять болѣе утѣшительную форму. Впрочемъ, будемъ надѣяться, что ко благу подданныхъ перемѣна эта когда нибудь совершится.

Во все время нашихъ сношеній со дворомъ и оффиціальными лицами этого государства, мы всюду встрѣчали одинаковую вѣжливость. Однако, хотя наши посѣщенія магнатовъ считались необходимымъ выраженіемъ почтенія, но не обязывали ихъ отплачивать намъ тѣмъ же. Впрочемъ, это вполнѣ согласовалось съ принятою правительствомъ важностью; вообще же съ нами обращались чрезвычайно либерально, и куда мы ни являлись, всегда могли замѣтить, что для принятія царскихъ гостей были сдѣланы самыя подробныя распоряженія, съ которыми согласовалось поведеніе правительственныхъ чиновниковъ даже въ самыхъ ничтожныхъ мелочахъ.

Что касается народа, то, на сколько мы могли судить о немъ, онъ положительно свободенъ отъ предразсудковъ въ отношеніи иностранцевъ и совершенно безразличенъ къ ихъ присутствію у себя, не взирая на ихъ національность и религію, лишь бы только они не оскорбляли явно мѣстныхъ обычаевъ. Разъ случилось, напримѣръ,

слѣдующее. Вскорѣ по нашемъ пріѣздѣ въ Яркандъ я и кап. Чапмэнъ отправились въ городъ, и когда мы пришли на хлѣбный рынокъ, нашъ обычный чичероне отсталъ позади въ какомъ-то переулкѣ. Мы переходили изъ лавки въ лавку, осматривали вѣсы и мѣры, разспрашивали въ иныхъ лавкахъ о томъ и о другомъ, ничуть не собирая этимъ около себя толпы зѣвакъ, хотя праздношатающійся *дервишъ* по другую сторону сквера употреблялъ всѣ усилія, чтобы обратить на насъ вниманіе, обзывая насъ во все горло невѣрными, и, тряся своею дубиною, грозно приказывалъ намъ удалиться. Но его разглагольствованія пропадали втунѣ, такъ какъ толпа, въ отвѣтъ на его чувства, только глазѣла на него самого и смѣялась, мы же не ускоряли шагу, и потому негодяй пошелъ отъ насъ самъ, прискакивая, жестикулируя и крича, какъ они обыкновенно дѣлаютъ. Если бы онъ зналъ только, какъ много *тилей* соберутъ его собратія во время нашихъ странствованій, онъ, конечно, скрылъ бы свои чувства и лишилъ бы меня возможности привести даже этотъ единственный случай такого поведенія, тогда какъ въ другихъ странахъ,—и вовсе не такъ далеко отсюда,—бранить и поносить *франги*, т. е. франковъ, европейцевъ,—вещь гораздо болѣе обыкновенная.

Во все время нашего пребыванія въ странѣ это былъ единственный, видѣнный мною, примѣръ, чтобы мусульманскій фанатизмъ прорвался сквозь облекающую его оболочку, и свобода, съ которою мы посѣщали здѣшнія святыя мѣста, была незнакома намъ даже въ нашихъ собственныхъ владѣніяхъ въ Индіи. Будемъ надѣяться, что либерализмъ въ отношеніи къ намъ будетъ служить задаткомъ той просвѣщенной политики, которой намѣренъ держаться эмиръ въ отношеніи ко всѣмъ иностранцамъ, какой бы національности и вѣры они ни были.

Когда дѣла посланника съ эмиромъ были окончены и предполагавшаяся поѣздка по его владѣніямъ найдена неудобовыполнимою, то было рѣшено, что мы отправимся въ Янги Хиссаръ, гдѣ подождемъ извѣстія изъ Кабула, не удобнѣе ли намъ направиться въ Индію тѣмъ путемъ, тогда какъ часть нашей партіи отправится изслѣдовать путь черезъ Сари Кулъ и Вохань на границахъ территоріи кашгарскаго эмира.

9-го марта, когда все это было уже рѣшено, явились къ намъ изъ дворца Хаджи Тора и Игараръ Ханъ Тора съ напутственными подарками отъ эмира, между которыми было для каждаго изъ насъ

по лошади, и стали толковать о приготовленіяхъ къ путешествію. Приготовленія эти продолжались два дня или три и, наконецъ, 16 число было назначено для прощальнаго визита эмиру.

Между тѣмъ, были отправлены послы съ приказами Хузенъ Шаху Токсабаю, губернатору Сари Кула, снабдить путь, которымъ мы должны идти, необходимыми припасами и повозками, что и было сдѣлано; имъ были доставлены и лошади, и повозки для перевозки нашего тяжелаго лагеря.

Погода въ то время была весьма измѣнчивая, хотя сильные зимніе морозы уже прекратились. Снѣгъ и тяжелыя тучи, висѣвшія надъ нами 8-го и 9-го, исчезли на прекрасномъ голубомъ небѣ; 10-го ясно свѣтило солнце, и въ первый разъ со времени нашего прибытія открылся дѣйствительно хорошій видъ на сѣверныя и западныя горы—великолѣпный снѣжный баррьеръ, воздвигающій въ точкѣ соединенія массъ Тиракъ Девана, «Топольнаго прохода».

На слѣдующій день все снова скрылось изъ виду за густыми тучами, и снѣгъ, шедшій всю ночь и до полудня 12-го числа, покрылъ землю слоемъ толщиною отъ восьми до десяти дюймовъ. Небо же оставалось пасмурнымъ вплоть до нашего отъѣзда.

Въ условленное время, т. е. 16-го марта въ 3 часа по полудни, посланникъ въ сопровожденіи всей своей свиты, въ полной формѣ, сдѣлалъ визитъ эмиру, чтобы попрощаться въ нимъ и поблагодарить его за оказанное посольству гостепріимство. Хаджи Тора и Игараръ Ханъ Тора явились изъ дворца сопровождать насъ. Церемоніи были соблюдаемы все тѣ же, что и въ предъидущіе разы, только Хаджи Тора былъ тутъ же съ нами и занималъ мѣсто на полу противъ насъ, нѣсколько лѣвѣе эмира. Посланникъ, черезъ одного изъ членовъ своей свиты, поблагодарилъ эмира за его безграничное гостепріимство и многочисленныя любезности, увѣривъ его въ нашей благодарности за столь добрый пріемъ, который мы видѣли всюду съ того дня, какъ вступили на его территорію. Онъ благодарилъ также за вниманіе со стороны оффиціальныхъ лицъ, какъ на пути, такъ и при экскурсіяхъ въ Чикмакъ, Маральбаши и Артошъ, выразивъ надежду, что ни одинъ членъ его партіи ни какимъ дѣйствіемъ не оскорбилъ скромности его подданныхъ. Что же касается цѣли посольства, то онъ надѣялся, что коммерческій трактатъ принесетъ взаимныя выгоды обѣимъ странамъ. Все это онъ закончилъ молитвой о долголѣтіи и благоденствіи его высочества. Эмиръ

былъ чрезвычайно доволенъ и, отбросивъ обычную важность выраженія и положивъ руку на сердце, съ живостью воскликнулъ: «Слава Богу». Да будетъ это угодно Богу». «Страна эта ваша собственная», «Вамъ здѣсь рады во всякое время». «Вы мнѣ сдѣлали большую честь своимъ посѣщеніемъ» и т. д. и т. д. Затѣмъ былъ поданъ *дастурканъ*, за которымъ его высочество говорилъ съ бо́льшимъ оживленіемъ и съ большею пріятностью, чѣмъ когда либо, а когда мы поднялись, чтобы уходить, сказалъ: «я встану», и онъ дѣйствительно всталъ, пожалъ каждому изъ насъ по очереди руку и пожелалъ счастливаго обратнаго пути въ Индію. Хаджи Тора проводилъ насъ обратно въ резиденцію и, поздравивъ съ успѣхомъ, возвратился во дворецъ, между тѣмъ какъ полк. Гордонъ и кап. Биддульфъ поѣхали въ городъ попрощаться отъ имени посланника съ дадкваномъ. На слѣдующее утро мы выступили изъ Кашгара и остановились на ночь въ Япчангѣ, 18-го марта сошли съ лошадей въ Янги Хиссарѣ передъ тѣмъ самымъ домомъ, въ которомъ останавливались прежде. Страна все еще имѣла свой зимній видъ и зелень еще не показывалась, но тамъ и сямъ уже попадался работавшій плугъ, предвѣстникъ приближающейся весны. Атмосфера была чрезвычайно туманная, такъ что уже въ нѣсколькихъ миляхъ кругомъ скрывала все.

Когда мы выѣзжали изъ воротъ резиденціи, на плацѣ передъ фортомъ раздался салютъ изъ девятнадцати ружей и мы увидѣли большую толпу солдатъ, собравшихся посмотрѣть на нашъ отъѣздъ. Хаджи Тора и Игларъ Ханъ Тора провожали насъ три мили, а затѣмъ, попрощавшись съ нами, возвратились назадъ. Въ дорогу съ нами отправились сотникъ, десятникъ и съ полдюжины солдатъ, которые по обыкновенію прислуживали за дастурканомъ.

Въ Соголукѣ мы были встрѣчены старымъ другомъ, Халъ Мугаммедомъ, и его гвардіей въ желтой буйволовой кожѣ, съ *дастурканомъ*, а затѣмъ они проводили насъ. По прибытіи въ Янги Хисаръ мы были приняты Муллой Нажмуддиномъ, уроженцемъ Ораттаппы и бывшимъ здѣсь комендантомъ войскъ. Передъ фортомъ вдоль дороги у него сидѣло въ рядъ около 400 человѣкъ, всѣ въ бѣлыхъ тюрбанахъ съ положенными передъ собою ружьями, и когда мы проѣзжали мимо, они почтительно смотрѣли въ землю.

На сколько можно было судить по физіономіямъ фигуръ, какъ бы завязанныхъ въ узлы съ платьемъ,—это народъ красивый, и замѣтно

отличается отъ мѣстнаго населенія. Это въ сущности узбеки, а не турки, и представляютъ болѣе развитый татарскій типъ.

Нажмуддинъ сообщилъ намъ, что получилъ приказъ заботиться о нашихъ нуждахъ и, не прощаясь съ нами, проводилъ насъ до нашихъ квартиръ, гдѣ мы удобно расположились въ тѣхъ самыхъ комнатахъ, которыя были приготовлены для насъ въ прошлый разъ. Слѣдующіе два дня прошли въ приготовленіи всего необходимаго для партіи, отправлявшейся подъ предводительствомъ полк. Гордона въ Воханъ. Онъ выступилъ 21-го съ капит. Биддульфомъ, кап. Тротеромъ и д-ромъ Столичкой и двадцатью, или тридцатью принадлежавшими къ посольству индійскими уроженцами, между которыми былъ Расайдаръ Авзалъ Ханъ и Мунши Абдуссубханъ. Мы проводили своихъ счастливыхъ товарищей за нѣсколько миль (я больше всего расчитывалъ на это завидное путешествіе, когда мы выступили) и, сказавъ имъ съ Богомъ, возвратились въ свои квартиры. Мы встрѣтились съ ними снова лишь по возвращеніи въ Индію.

Въ это же время капитанъ Чэпмэнъ, свернувъ съ дороги, направился въ Яркандъ, чтобы распорядиться отправкой оттуда нашего тяжелаго багажа въ Индію, и возвратился въ Янги Хиссаръ 28-го марта. Между тѣмъ посланникъ и я изслѣдовали окрестности нашего мѣстопребыванія, а по возвращеніи нашего товарища, оставивъ его отдохнуть послѣ трудовъ, отправились въ экскурсію къ Кумъ Шагидану, чтобы посѣтить гробницу Ордамъ Падшаха.

Мы выѣхали послѣ ранняго завтрака 1-го апрѣля, и, проѣхавъ городъ, направились по его предмѣстьямъ къ в.-ю.-в. Предмѣстья тянутся миль на десять непрерывнымъ рядомъ полей и фермъ, окруженныхъ фруктовыми садами и виноградниками, и соединяются рядами подстриженныхъ ивъ, тополей, тутовыхъ деревьевъ и другихъ растущихъ деревъ, по берегамъ водъ. Мы переѣхали дорогою нѣсколько оросительныхъ каналовъ, черезъ самый большой изъ которыхъ былъ мостъ. Онъ проведенъ изъ рѣки Шахнасъ, орошающей всѣ южныя части этого поселенія. За исключеніемъ немногихъ плакучихъ ивъ, на которыхъ начинали образовываться почки, мы не видѣли никакихъ признаковъ оживающей растительности.

Въ два часа мы достигли послѣдняго дома деревни Сайганъ, на краю пустыни, и сошли съ лошадей среди плантаціи сливовыхъ и

тутовыхъ деревьевъ для приготовленнаго здѣсь для насъ *дастурк-вана.*

На протяженіи послѣднихъ десяти миль (отъ города восьми) мы проѣхали слѣдующія деревни или приходы, называемые здѣсь *кандами*: Мангшинъ, Ходжа Арикъ и Сайганъ. Они представляютъ собраніе разбросанныхъ фермъ, которыхъ съ любаго мѣста равнины рѣдко можно видѣть болѣе тридцати за-разъ, и которые расположены по теченію канала, проведеннаго изъ рѣки Шахнасъ близь деревни Тавица или Табрица, находящейся миляхъ въ десяти къ юго-западу отъ города Янги Хиссара.

Изъ Сайгана дорога наша, при прежнемъ направленіи къ в.-ю.-в., шла черезъ безплодную пустыню, покрытую пескомъ и гравіемъ съ низкими грядами возвышенностей съ правой стороны и узкой полосой воздѣланныхъ полей съ лѣвой, которыя тянулись по пустыни на нѣсколько миль отъ поселенія, подобно длинному щупальцу, протянутому отъ поселенія.

Черезъ два часа пути отъ Сайгана мы проѣхали мимо колодезя, въ которомъ, на глубинѣ шести сажень, было немного солоноватой воды, а затѣмъ, повернувъ къ ю.-в., взобрались на гребень возвышенностей, вдоль основанія которыхъ лежалъ нашъ путь. Видъ мѣстности съ этого незначительнаго возвышенія былъ чрезвычайно бѣденъ и скученъ. По другую сторону этой гряды, черезъ милю, мы опять миновали колодезь, а еще черезъ двѣ мили—другой; оба эти колодца были простыя, вырытыя въ пескѣ шахты, съ незначительнымъ количествомъ соленой воды на днѣ. Немного далѣе почва становилась холмистою и мѣстами въ углубленіяхъ ея росъ тростникъ, но затѣмъ опять шла обширная волнистая пустыня, покрытая пескомъ и гравіемъ.

Черезъ часъ съ четвертью, отъ хребта возвышенностей мы пріѣхали къ нѣсколькимъ маленькимъ, жалкимъ хижинамъ, а далѣе, миновавъ еще нѣсколько такихъ же хижинъ, подъѣхали къ группѣ изъ трехъ или четырехъ домовъ, у которыхъ монахи этой маленькой монастырской колоніи, согласно съ татарскими обычаями, встрѣтили насъ на дорогѣ съ хлѣбомъ и солью. Еще немного далѣе, и часа черезъ два, или черезъ восемь миль отъ хребта возвышенностей, мы сошли съ лошадей около монастыря Хозрата Бегама (могила котораго находится внѣ монастырскихъ стѣнъ къ ю.-в.), гдѣ были встрѣчены у дверей шейхомъ, восмидесятилѣтнимъ старикомъ

по имени Шахъ Максудъ, который радушно пригласилъ насъ въ свою обитель.

Монастырь этотъ представляетъ несчастное мѣстечко, находящееся среди безплодной пустыни и, повидимому, уже пришедшее въ упадокъ. При немъ есть часовня и трапеза съ полдюжиною маленькихъ комнатъ для монаховъ и большой колодезь прѣсной воды, находящійся въ одной изъ комнатъ внутренняго двора, площадь котораго осѣнена раскинувшимися вѣтвями трехъ тополей. На внѣшнемъ дворѣ есть нѣсколько конюшень, а далѣе, уже внѣ двора, на равнинѣ, къ югу—восемь или десять скученныхъ вмѣстѣ хижинъ. Это несчастныя лачуги, передъ дверями которыхъ, на кучахъ старыхъ костей, золы и всякихъ нечистотъ, ползаютъ полунагіе нищіе въ сообществѣ нѣсколькихъ паршивыхъ собакъ и истощенныхъ и покрытыхъ язвамиословъ—истинное олицетвореніе нищеты, убожества и грязи. Въ этомъ мѣстѣ нѣтъ признаковъ земледѣлія, и всѣ припасы для общины, состоящей изъ пятидесяти или шестидесяти монаховъ, и семей послѣднихъ, получаются изъ Янги Хиссара и Кизили, гдѣ находятся монастырскія земли.

Особа, святая память которой увѣковѣчивается здѣшнею могилою, была двоюродная сестра Ходжи Ахмеда Язави (патрона Туркестана, могила котораго называется тамъ Хазратъ Султанъ) и жена Хазанъ Бахра Хана, который былъ убитъ близь Янги Хиссара въ войнѣ съ хотанскими китайцами въ половинѣ одинадцатаго столѣтія. Когда армія царя была разбита, она бѣжала въ пустыню, но здѣсь была настигнута непріятелями и убита. Могила ея отмѣчена небольшимъ возвышеніемъ изъ песку и глины, на вершинѣ котораго воткнуто нѣсколько шестовъ съ хвостами яковъ и лоскутками знаменъ. Въ разстояніи полу-мили къ югу отсюда на равнинѣ находятся едва замѣтные въ пескѣ остатки древняго форта. Говорятъ, что онъ былъ занимаемъ, какъ аванпостъ, хотанскимъ княземъ Нуктарашидомъ, во время войны противъ Кашгара, а также князьями Бахра ханской фамиліи. Площадь его покрыта осколками грубой глиняной посуды и зеленаго стекла, а иногда, послѣ сильныхъ вѣтровъ, сдувающихъ песокъ, находятъ здѣсь и мѣдныя монеты.

На слѣдующій день мы проѣхали двѣнадцать миль въ сѣверномъ направленіи до Ордамъ Падши. Сначала дорога спускается въ обширную котловину, а затѣмъ снова поднимается опять къ той самой грядѣ возвышенностей, которую мы переѣхали наканунѣ. На пути къ

этой грядѣ, мы миновали нѣсколько мелкихъ колодцевъ и поверхностныхъ цистернъ, расположенныхъ при дорогѣ, но во всѣхъ нихъ вода была такъ солона, что наши индѣйскія лошади большею частью отказывались пить ее.

Съ высоты хребта, образующаго здѣсь высокій и широкій валъ, намъ открылся къ востоку широкій видъ на пустыню. Хребетъ въ этомъ направленіи вскорѣ прерывается и опускается до уровня равнины, которая представляетъ обширную волнистую поверхность съ мелкими, но очень широкими водяными руслами, гдѣ растутъ тростникъ и грубый кустарникъ, но нѣтъ никакихъ признаковъ текучей воды.

Къ сѣверу же она представляетъ настоящее море сыпучихъ песковъ, подвигающихся правильными волнообразными грядами съ с.-з. къ ю.-в. Эти песчаныя дюны большею частью имѣютъ высоту отъ десяти до дватцати футовъ, но мѣстами видны настоящіе маленькіе холмы вышиною футовъ во сто и болѣе. Онѣ покрываютъ равнину безчисленными цѣпями по три — по четыре и даже болѣе къ ряду, оставляя въ промежуткахъ голую и твердую глинистую почву, и слѣдуютъ одна за другою — подобно ряби, оставленной волнами на песчаномъ берегу, но только въ большемъ размѣрѣ.

Къ юго-востоку эти песчаныя дюны представляютъ круглые валы, имѣющіе форму полумѣсяцевъ, рога которыхъ, становясь все ниже и ниже, упираются концами въ землю. По направленію къ сѣверу и сѣверо-западу, дюны эти покрываютъ всю сторону — насколько хватаетъ глазъ, но къ востоку онѣ прекращаются мили черезъ четыре, или пять, далѣе же опять видна волнистая поверхность пустыни.

Начиная отъ хребта и до самой гробницы, а на слѣдующій день, на протяженіи еще нѣсколькихъ миль, дорога наша постоянно извивалась между этими дюнами, или переходила черезъ нихъ. Мили черезъ четыре отъ хребта мы проѣхали мимо оставленной и полузасыпанной надвигающимися песками почтовой станціи. Одинъ изъ священниковъ, Мазаръ Хазратъ Бегамы, бывшій съ нами въ качествѣ проводника, сообщилъ намъ, что станція эта называлась Лангаръ Булгаръ Акгундъ и была построена восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ на свободномъ въ то время отъ песку мѣстѣ, но оставлена уже тридцать лѣтъ тому назадъ вслѣдствіе песковъ, которыми сначала былъ засыпанъ дворъ ея, а затѣмъ и крыша.

Я пошелъ осмотрѣть станцію и нашелъ на ней всю деревянную работу: очагъ, полки въ двухъ комнатахъ и часть крыши совершенно новыми, какъ будто бы станція была только-что упразднена. Строеніе на половину было погребено подъ дюной, надъ остальной же частью его песокъ стоялъ футовъ на шесть или на восемь; по обѣимъ сторонамъ отъ этой дюны были другія, болѣе значительныя, полулунная форма которыхъ была вполнѣ правильна и не нарушена ни какимъ препятствіемъ

Въ Ордамъ Падшѣ, гдѣ мы пробыли одинъ день, мы видѣли одно хотя уже отчасти засыпанное, но еще занятое жилище. Это доказываетъ, что процессъ засыпанія совершается весьма постепенно, пока симметрія дюны не нарушится препятствіемъ до такой степени, что сыпучее вещество ея осядетъ разомъ, вслѣдствіе разрыва составныхъ частей ея. Въ данномъ случаѣ подвигалась по равнинѣ цѣпь изъ трехъ полулунныхъ, расположенныхъ въ рядъ дюнъ, пока одна, крайняя, не наткнулась на стѣны внѣшняго двора названнаго дома, и, наростая около нихъ, современемъ нависла надъ ними, а потомъ обрушилась и засыпала площадь двора. Между тѣмъ два другіе полумѣсяца, не встрѣчая никакихъ препятствій, сохраняли свою настоящую форму. Впрочемъ, та же сила, которая постепенно подвигала впередъ эти послѣднія, двигала также и остатки прерванной дюны, которая современемъ должна не только засыпать жилище, но даже перейти черезъ него и, снова принявъ на открытомъ мѣстѣ свою первоначальную форму, сравняться съ остальными дюнами цѣпи, оставивъ жилище болѣе или менѣе открытымъ, пока на него не надвинется подобная же песчаная дюна слѣдующаго ряда.

Эти песчаныя дюны образуются дѣйствіемъ постоянныхъ сѣверныхъ и сѣверозападныхъ вѣтровъ, которые непрерывно дуютъ въ равнинѣ втеченіе весеннихъ мѣсяцевъ. Причина же ихъ движенія слѣдующая. Коль скоро дюна образовалась, вѣтеръ начинаетъ гнать по ея поверхности легко отдѣльныя частицы песку; но съ боковъ ея, гдѣ сопротивленіе всего меньше, движеніе это совершается быстрѣе, отчего и получаются длинные рога, между тѣмъ какъ въ центрѣ частицы эти набѣгаютъ другъ на друга, пока не составится изъ нихъ соединяющій эти боковые рога высокій, кривой валъ. Но такъ какъ песчаныя частицы все-таки толкаетъ впередъ, то онѣ перекатываются черезъ валъ даже безъ вѣтра, а только вслѣдствіе своей собственной тяжести, которая влечетъ ихъ внизъ по склону, пока онѣ не достигнутъ земли. Дѣйствіе это, продолжаясь долгое время, и

служитъ причиною постепеннаго и симметрическаго движенія дюнъ. Быстроту ихъ движенія опредѣлить невозможно, такъ какъ она вполнѣ зависитъ отъ измѣняющейся интенсивности двигательной силы, наклона почвы и препятствій на ея поверхности. Во всякомъ случаѣ видѣнное нами явленіе объясняетъ—какимъ образомъ были засыпаны песками Лобъ Кутакъ и другіе города этой мѣстности, а также даетъ основаніе вѣрить разсказамъ бродящихъ по пустынѣ пастуховъ, утверждающихъ—будто дома этихъ старыхъ разрушенныхъ городовъ иногда показываются на время изъ песку, а потомъ снова исчезаютъ подъ нимъ.

Въ «Тарики Рашиди» есть весьма интересныя свѣдѣнія о разрушеніи Кутака, совершившемся какъ разъ въ то время, когда въ Аксу въ половинѣ четырнадцатаго столѣтія взошелъ на престолъ Тоглукъ Тимуръ. Разсказъ этотъ весьма понятенъ, благодаря свѣту, бросаемому на него изслѣдованіемъ песчаныхъ дюнъ въ Кумъ Шагиданѣ.

Изъ словъ вышепереведеннаго сочиненія видно, что грозившая городу участь предвидѣлась за-долго, и что части его уже были погребены песками еще прежде той катастрофы, которая повела къ окончательному его опустошенію и заставила бѣжать изъ него героя разсказа нашего писателя. Мирза Хидаръ говоритъ, что еще за нѣсколько мѣсяцевъ священникъ города Шехъ Ямалуддинъ (потомокъ знаменитаго святаго Маулана Шуяуддинъ Махмуда, который былъ пощаженъ при всеобщемъ избіеніи священниковъ Чингисомъ по взятіи Бухары и посланъ со своей семьей въ Каракорумъ, откуда послѣ разоренія города сыновья его переселились въ Кутакъ) не разъ предостерегалъ слушателей въ своихъ пятничныхъ проповѣдяхъ отъ грозившаго бѣдствія. Наконецъ, видя дѣйствительную опасность, онъ объявилъ собранію, что ему приказано отъ Бога оставить городъ и бѣжать отъ грядущаго гнѣва божьяго, послѣ чего онъ формально попрощался съ кафедры и отправился изъ осужденнаго мѣста.

Повидимому, онъ торопливо оставилъ городъ во время сильнаго песчанаго урагана, захвативъ только семью и кой-какіе пожитки. Пройдя нѣкоторое разстояніе, одинъ изъ его сотоварищей, а именно *муэдзинъ* его мечети, т. е. «созыватель на молитву», вернулся за чѣмъ-то, и, воспользовавшись случаемъ, взобрался на минаретъ, чтобы въ послѣдній разъ прокричать съ его башни молитвенный призывъ. Спустившись оттуда, онъ нашелъ, что песокъ такъ завалилъ дверь, что ее невозможно было отпереть. Поэтому онъ долженъ былъ снова,

взобраться на башню и броситься съ нея на песокъ, чтобы имѣть возможность уйти. Онъ догналъ шейха въ полночь, и когда разсказалъ о случившемся, бѣглецы тотчасъ же встали и снова пустились бѣжать, говоря: «разстояніе спасетъ отъ божьяго гнѣва».

Часть города была погребена въ ту же ночь, но вѣроятно не весь городъ былъ засыпанъ разомъ, такъ какъ нигдѣ не говорится о всеобщемъ смятеніи и бѣгствѣ. Напротивъ, граждане оставляли повидимому свои жилища небольшими партіями, унося съ собою свои пожитки, хотя несомнѣнно, что были случаи, когда вслѣдствіе безпечности, порожденной медленнымъ приближеніемъ бѣдствія, послѣднее заставало иныхъ въ-расплохъ и погребало вмѣстѣ съ ихъ жилищами.

Подтвержденіемъ возможности этого служило выше-названное жилище въ Ордамъ Падшѣ, въ которомъ все еще жили, хотя дворъ до самой веранды былъ уже наполненъ пескомъ нависшей черезъ стѣну дюны. Если бы дворъ у этого жилища былъ съ противуположной стороны и домъ попалъ подъ песокъ первый, какъ это было въ Лангаръ Булгаръ Акгундѣ, то легко могло бы случиться, что, обрушившись, онъ завалилъ бы всѣ входы въ живую могилу, если бы только вслѣдствіе тяжести своей не ворвался въ жилище черезъ крышу.

Что такъ дѣйствительно случилось въ Кутакѣ, объ этомъ свидѣтельствуютъ скелеты и высохшія тѣла, находимые иногда въ незасыпанныхъ домахъ, сохранившихъ въ цѣлости всю свою внутреннюю обстановку, какъ разсказываютъ объ этомъ съ видимою искренностью бродящіе въ тѣхъ мѣстахъ пастухи.

Оставивъ осужденный городъ, шейхъ Ямалуддинъ направился въ Аксу, и повидимому шелъ съ небольшой партіей. Подъ конецъ пути, встрѣтивъ охотничій кружекъ, т. е. *джиргу* новаго царя Тоглука Тимура, и не зная ничего про муханское правило относительно нарушенія цѣпи, былъ схваченъ и представленъ царю, чтобы по строгимъ законамъ охоты быть наказаннымъ смертью. Въ это время Тоглукъ кормилъ собакъ мясомъ убитаго имъ дикаго вепря. Увидавъ таджика (такъ называются здѣсь всѣ люди арабскаго или аріанскаго происхожденія въ отличіе отъ потомковъ татаръ и монголовъ) и слыша его ссылку на незнаніе, которымъ онъ оправдывалъ свою ошибку, царь спросилъ его: «Скажи, таджикъ, кто лучше—ты или эти собаки»? Священникъ отвѣчалъ на это смѣло: «Такъ какъ я имѣю

вѣру, то я лучше. Если же бы я не имѣлъ вѣры, то собаки были бы лучше меня».

Слова эти произвели впечатлѣніе на молодаго буддиста и заставили его принять отъ этого самаго священника магометанство. Нѣсколько же лѣтъ спустя, сдѣлавшись ханомъ, Туглукъ Тимуръ публично исповѣдалъ вѣру передъ муллой Аршабуддиномъ, сыномъ и преемникомъ уже умершаго шейха. Примѣру новообращеннаго послѣдовала большая часть его вельможъ и вскорѣ исламъ распространился по всей территоріи. Но возвратимся снова къ нашему предмету.

Буря, прогнавшая шейха изъ Кутака, была, какъ описываютъ, чрезвычайно сильна, такъ что воздухъ былъ наполненъ пескомъ, падавшимъ точно дождь съ неба. О возможности этого свидѣтельствуетъ видѣнное нами въ Лангарѣ Кумъ Шахиданѣ, и если бы дюны Ордамъ Падши были такъ же высоки, какъ нѣкоторыя видѣнныя нами далѣе, то легко было понять, какимъ образомъ сильный вѣтеръ или ураганъ, поднимая съ нихъ песокъ въ большомъ количествѣ, сыпалъ бы его на строенія настоящимъ дождемъ, ибо, отдѣлившись отъ дюны, онъ, вслѣдствіе собственной тяжести, долженъ опускаться до того уровня, гдѣ загороженный тою же самою дюною вѣтеръ становится уже недѣйствителенъ.

Самая гробница Ордамъ Падша также засыпана пескомъ, и мѣсто ея отмѣчаютъ лишь шесты съ яковыми хвостами. Монастырь же и нѣсколько окружающихъ его богадѣлень построены на маленькихъ мѣстечкахъ, попадающихся иногда среди песчаныхъ грудъ. Нѣсколько крупныхъ дюнъ, отстоящихъ отъ монастыря на триста, или четыреста ярдовъ, направляются наискось къ нему, но такъ какъ онѣ подвигаются повидимому весьма медленно (двѣнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ дюна вступила во дворъ вышеназваннаго строенія, и между тѣмъ всетаки не засыпала еще всей его площади, имѣющей въ ширину всего десять, или двѣнадцать шаговъ), то дѣйствительно могутъ оправдаться слова здѣшняго почтеннаго настоятеля шейха: «Благословенная могила пережила превратности шести столѣтій», говорилъ онъ въ отвѣтъ на наше предостереженіе, «и, дастъ Богъ, переживетъ конецъ міра».

Мученикъ, память котораго увѣковѣчена здѣсь гробницею надъ его тѣломъ, былъ Сайидъ Али Арсланъ Ханъ, сверхестественный сынъ Биби Маріамъ, исторія которой была разсказана выше. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ войнахъ за разпространеніе ислама, происходившихъ втеченіи первой половины одиннадцатаго столѣтія между братьями—кашгарскими царями Хозанъ и Хузенъ-Бихра ханами и китайскими князьями Хотана Боктарашидомъ и Іоктарашидомъ. Главнымъ мѣстомъ ихъ продолжительныхъ и кровавыхъ стычекъ были ближайшія окрестности и страна къ сѣверу отъ хребта песчаныхъ холмовъ, называемаго Каирахомъ, чрезъ который течетъ рѣка Шахнасъ.

Вся здѣшняя мѣстность богата интересными воспоминаніями о двадцатипятилѣтнихъ войнахъ, отчеты о которыхъ сохраняются у хранителей различныхъ гробницъ, которыми увѣковѣчена святая для мусульманъ память благородныхъ мучениковъ за вѣру. Половина ихъ заняла бы цѣлый томъ. Здѣсь я приведу только разсказъ о смерти того мученика, на могилѣ котораго мы нашли столько пищи для размышленій.

Монастырь предславляетъ обширный дворъ, заключающій въ себѣ часовню, трапезу, кухню и около дюжины спалень, въ которыхъ по мѣстному обычаю могутъ найти мѣсто около ста человѣкъ. Все это было недавно реставрировано эмиромъ, и кругомъ въ промежуткахъ между дюнами было выстроено нѣсколько новыхъ домовъ. Могила эта пользуется большою популярностью; въ пользу ея здѣсь бываетъ каждый годъ три или четыре ярмарки, изъ которыхъ самая главная въ Ашук'Ай'-ѣ третьемъ мѣсяцѣ года. Она привлекаетъ, говорятъ, отъ пятнадцати до двадцати тысячъ народу и продолжается пять дней, Постоянно же населеніе этого мѣста состоитъ приблизительно изъ пятидесяти семействъ, которыя живутъ настолько же хорошо, насколько въ Хазрамѣ Бегамѣ—бѣдно и плохо. Они совершенно уединены среди песковъ и получаютъ всѣ припасы изъ Янги Хиссара, отстоящаго отсюда на двадцать миль къ западу по прямому пути черезъ пески.

Мы пробыли здѣсь день и питались жареной и вареной кониной. Если европейскія животныя хотя на половину такъ вкусны какъ тѣ, которыхъ мы ѣли, то вовсе не слѣдуетъ пренебрегать этой пищей. Пустившись снова въ путь, мы направились прямо къ сѣверу и, черезъ шесть миль, вышли на обширную, покрытую соляным налетомъ, пустыню съ маленькими, разбросанными тамъ и сямъ, высохшими лужами и камышевыми зарослями.

Въ милѣ отъ священой могилы мы проѣхали мимо трехъ сто-

явшихъ рядомъ хижинъ съ грозившею перевалиться черезъ нихъ песчаною дюною. Дворъ одной изъ нихъ былъ уже полонъ песку, и у другой—почти полонъ. Всѣ онѣ были заняты по обыкновенію бѣдными нищими, живущими на подаянія монастыря.

На нѣсколько миль далѣе, дюны уменьшаются въ размѣрахъ и теряютъ свою правильную форму, а затѣмъ и совсѣмъ исчезаютъ, переходя въ маленькіе, разбросанные, плоскіе и весьма красиво возвышающіеся надъ общемъ уровнемъ курганы. Однако и курганы эти расположены полосами, правда, не совсѣмъ ясными, отъ с.-з. къ ю.-в.

На слѣдующій день мы проѣхали двадцать миль къ з.-ю.-з. большею частью по соляной пустынѣ, и наконецъ возвратились въ свои квартиры въ Янги Хиссаръ.

17 апрѣля, послѣ трехъ недѣль болѣе или менѣе туманной погоды и постоянныхъ с. и с.-з. вѣтровъ, которые иногда дули съ такою силою, что воздухъ совершенно омрачался отъ густоты тумана, солнце ясно свѣтило на безоблачномъ небѣ и открыло намъ прекрасный видъ на снѣжныя горы на западѣ. Цѣпь ихъ тянется съ с.-з. къ ю.-в. и ближайшіе отроги находятся всего въ двадцати миляхъ отсюда.

Она представляетъ три значительныя массы, раздѣленныя между собою выемками, опускающимися ниже линіи снѣговъ. Самая южная изъ этихъ массъ называется Царь Кулъ Тагъ, вторая—Тавизъ Тагъ, а третья, на сѣверѣ,—Чишъ Тагъ. Между двумя послѣдними идетъ дорога изъ Кашгара въ Сарыкуль черезъ Ташмаликъ и Опалъ, а отъ нея къ западу отдѣляется путь черезъ Алай въ Каратегинъ.

На горахъ этихъ живутъ киргизы племенъ найманскаго, каратитскаго и чалтитскаго и немногочисленные саяки и капчаки Каратага и Тиракъ Давана. Холмы Каратагъ соединяютъ Чишмагъ съ Тиракъ Даваномъ, а за ними къ западу простирается плоскогорье Алай.

Послѣ этого, погода снова сдѣлалась туманною и становилась все жарче и жарче. Солнце свѣтило обыкновенно сквозь густой туманъ, который къ счастью смягчалъ его сильный блескъ, отражаемый бѣлой песчаной и соляной почвою, уменьшая въ то же время жаръ его лучей. Когда же оно свѣтило на чистомъ небѣ, блескъ этотъ былъ невыносимъ для незащищеннаго очками глаза и сила его лучей была весьма значительна. 17-го и 30-го апрѣля солнечный термометръ показывалъ 137° Ф. и 140° Ф. Быстротѣ поворота

отъ зимы къ лѣту соотвѣтствовала такая же быстрая перемѣна во внѣшнемъ видѣ страны, разумѣя, конечно, только воздѣланныя мѣста, ибо пустынныя пространства едва ли измѣнили свой характеръ до самаго того времени, когда мы оставили страну. Растительность, казалось, разомъ прыснула изъ-подъ земли и въ нѣсколько дней покрыла листвою и зеленью такія мѣста, гдѣ раньше не было объ нихъ и помину, и превратила все поселеніе въ настоящій рай. Въ теченіе всего мѣсяца с.-з. вѣтеръ дулъ болѣе или менѣе постоянно, а по временамъ превращался въ туманную бурю, продолжавшуюся по нѣсколько часовъ, и болѣе, которая отличалась бо́льшею силою и продолжительностью, чѣмъ обыкновенныя бури въ Пенджабѣ.

Появленіе весны было весьма радостно для народа, такъ какъ зимніе запасы корма и хлѣба начинали изсякать, благодаря потребленію нашей партіи сверхъ обычнаго спроса. Между прочимъ провіантомъ, назначавшимся для ежедневнаго потребленія посольства, было шестьдесятъ *чаріаковъ* (1200 фунтовъ) маисоваго хлѣба (вмѣсто ячменя, который здѣсь встрѣчается рѣдко), десять чаріаковъ рису, шесть крупчатой муки, двадцать возовъ дровъ, пятьдесятъ воловъ соломы, двѣсти пучковъ люцерны и три овцы. Ежедневное доставленіе такого количества провіанта вскорѣ стало тягостно для этой мѣстности, и раза два случалось замедленіе.

Янги Хиссаръ—грязный торговый городишко, домовъ въ пятьсотъ. Населеніе его таково же, какъ и жилище, т. е.—если и не совершенно безобразно, то бѣдно одѣто и невзрачно. Между нимъ много обращенныхъ китайцевъ. Изъ всѣхъ частей страны, Янги Хиссаръ—весьма важный военный постъ и имѣетъ сильный фортъ на равнинѣ къ сѣверу. Въ немъ хранятся государственныя сокровища, и находится нѣсколько политическихъ арестантовъ и членовъ эмирова гарема.

Во время нашего пребыванія здѣсь, мы имѣли случай узнать изъ разспросовъ кое-что о характерѣ и нравахъ населенія, о которомъ я получилъ не особенно лестный отзывъ отъ турецкихъ офицеровъ въ Кашгарѣ, думавшихъ о своихъ братьяхъ дальняго востока гораздо хуже, чѣмъ они есть въ дѣйствительности. Я не соглашался съ мнѣніемъ одного лица, что это «глупая скотина», такъ какъ мнѣніе это было основано лишь на наблюденіи узбекскихъ солдатъ Андижана. Но съ другой стороны положеніе въ кашгарскомъ гарнизонѣ человѣка, получившаго либеральное воспитаніе въ совре-

менной школѣ турецкой столицы и вдругъ брошеннаго на условіяхъ братства и равенства въ среду людей, стоящихъ гораздо ниже его по умственному развитію,—было совсѣмъ не то, что наше положеніе въ качествѣ иноземныхъ гостей, пользующихся царскою благосклонностью, благодаря которому я не могъ придти самъ лично ни къ какому удовлетворительному заключенію.

Мы были такъ отгорожены отъ народа назначенными услуживать намъ андижанскими чиновниками и находили все до такой степени подстроеннымъ, чтобы производить на насъ пріятное впечатлѣніе, что соціальной жизни народа при обычныхъ условіяхъ вовсе не видѣли, хотя разныя мелкія, обыденныя обстоятельства постоянно напоминали о бдительности господствовавшей власти. Присутствіе наше въ столицѣ заставляло, повидимому, всякаго держать себя какъ можно лучше, и потому все шло довольно гладко, хотя всюду проглядывало неопредѣленное чувство страха и неувѣренности. Но когда мы стояли здѣсь (въ Янги Хиссарѣ), мы узнали, что населеніе Кашгара сильно жалѣло о нашемъ отъѣздѣ, такъ какъ во дворцѣ снова начался проявляться капризный нравъ, а палочные побои и другія наказанія даже усилились, какъ бы для того, чтобы наверстать потерянное время.

Допустимъ, что положеніе узбекскихъ побѣдителей, держащихъ въ своихъ рукахъ обширную завоеванную территорію помощію арміи менѣе чѣмъ двадцяти-тысячнаго коканскаго войска, весьма затруднительно, и что переходъ отъ китайской снисходительности къ строгости ислама необходимо долженъ казаться тяжелымъ, и затѣмъ уже будемъ оцѣнять управителей, по результатамъ ихъ бдительности и рѣшимости.

При китайскомъ управленіи, какъ видно по всему, было гораздо больше личной свободы, чѣмъ дозволяетъ нынѣ строгій кодексъ *шаріата*, точно также и въ отношеніи физическаго благосостоянія народа перемѣна кажется не особенно благопріятною, въ особенности въ отношеніи пищи, напитковъ и общественной нравственности.

Спиртные и другіе хмѣльные напитки и нѣкоторые роды мяса, сдѣлавшіеся при китайскомъ управленіи обычными какъ для мусульманъ, такъ и для буддистовъ, нынѣ изгнаны изъ употребленія религіей и запрещены закономъ, причемъ всякое нарушеніе правилъ въ этомъ отношеніи наказывается весьма строго. Между тѣмъ опіумъ

и конопля не включены въ списокъ незаконныхъ яствъ, почему ими ужасно злоупотребляютъ какъ мужчины, такъ и женщины всѣхъ классовъ. Одинъ изъ турецкихъ офицеровъ, описывая мнѣ кашгарское общество, говорилъ, что народъ тамъ не знаетъ общежитія и разговоровъ, что онъ притупляетъ себѣ умъ этими снадобьями и дома ведетъ себя неприлично въ присутствіи иностранцевъ.

Въ Янги Хиссарѣ есть три дивана для куренія опіума. Это темныя, низкія комнаты съ нѣсколькими расположенными на полу изголовьями, изъ которыхъ около каждаго имѣется по лампѣ. По стѣнамъ же сдѣланы полки, заваленныя аккуратно сложенными и снабженными ярлыками свертками платья и другими вещами, которыя оставляются въ закладъ несчастными жертвами привычки. Курильщикъ, заплативъ за свою порцію, получаетъ трубку, маленькое отверстіе которой обмазано извнутри тѣстомъ изъ этого зелья, ложится головой на подушку, и затѣмъ, повернувшись къ стоящей около нея лампѣ, раза два, или три сильно втягиваетъ пламя сквозь массу опіума и засыпаетъ.

Говорятъ, что во времена китайцевъ обычай этотъ не имѣлъ такихъ дурныхъ послѣдствій, какъ теперь, потому что курильщики устраняли ихъ дѣятельностью обыденной жизни. Теперь же народъ лишенъ этого предохранительнаго средства и потому изнуряется гораздо скорѣе. Между тѣмъ почти всеобщее употребленіе обоихъ этихъ снадобій усиливается, несомнѣнно, все болѣе и болѣе. Нравственность народа во взаимныхъ отношеніяхъ половъ при китайскомъ управленіи казалась весьма распущенною. Кромѣ размалеванныхъ сиренъ общественныхъ рынковъ, были еще *чауканки*, всегда готовыя заключить союзъ на короткое, или долгое время, съ навѣстившимъ страну купцомъ, или путешественникомъ, или съ кѣмъ бы то ни было. Нынѣ нѣтъ ни *ялабокъ*, ни *чауканокъ*; полъ ихъ обреченъ на предписанное исламомъ уединеніе, которое влечетъ за собой свои пороки. Внезапному лишенію своихъ обычныхъ привилегій прекрасныя татарки покорились лишь послѣ того, какъ многія изъ ихъ возмутившихся сестеръ были принесены въ жертву для предупрежденія дальнѣйшихъ попытокъ нарушенія закона. Говорятъ, что въ Аксу было публично казнено шестнадцать человѣкъ, прежде чѣмъ былъ принятъ *шаріатъ*.

Впрочемъ, благодаря примѣру, поданному управителемъ и его арміей, татарскія дамы не нашли большаго затрудненія обходить

строгости закона и въ извѣстныхъ классахъ пользуются легкостью развода, мѣняя мужей по своему усмотрѣнію.

Такъ напримѣръ, женщина выходитъ замужъ въ Яркандѣ, и мѣсяца черезъ два, или три, поссорившись съ мужемъ, получаетъ разводную отъ кази и данное за нею приданое. По прошествіи назначеннаго закономъ срока *иддатъ*, она выходитъ въ томъ же городѣ за другаго и поступаетъ съ нимъ, какъ и съ первымъ, Не дожидаясь затѣмъ срока *иддатъ*, она отправляется въ Янги Хиссаръ, гдѣ, показавъ въ доказательство своей свободы первую разводную, выходитъ замужъ въ третій разъ и, обезпечивъ свое приданое, отдѣлывается отъ мужа точно такимъ же образомъ, какъ въ Яркандѣ, за тѣмъ, чтобы повторить ту же исторію въ Кашгарѣ, и такимъ образомъ она продолжаетъ до тѣхъ поръ, пока не возвратится снова въ Яркандъ, гдѣ при нѣкоторомъ счастіи выходитъ наконецъ замужъ за избраннаго ею человѣка.

Когда мы стояли здѣсь, изъ Ярканда прибылъ повидаться съ посланникомъ одинъ пенджабскій сейкъ, который переправился черезъ проходы съ своими товарами поздней зимой. Онъ испыталъ въ проходахъ весьма суровую погоду и былъ принужденъ оставить часть своихъ тюковъ, которые должны были прибыть съ слѣдующими караванами, или же пролежать на мѣстѣ до его возвращенія назадъ. Въ настоящее время онъ восхищался успѣхомъ своихъ спекуляцій, давшихъ ему чистаго барыша болѣе пятидесяти процентовъ на сто Между прочимъ, онъ попросилъ меня сдѣлать что нибудь для его ногъ, съ которыми онъ долго мучился дорогою и до сихъ поръ не могъ свободно ходить. Я велѣлъ ему снять бывшіе на немъ длинные татарскіе сапоги, и когда онъ исполнилъ это, то оказалось, что отъ одной ноги концы первыхъ двухъ пальцевъ остались въ сапогѣ, а у другой верхніе суставы большаго и двухъ слѣдующихъ пальцевъ, отмороженные три мѣсяца тому назадъ, были совершенно черны и уже помертвѣли. Они должны были въ скоромъ времени также отвалиться и потому оставалось потерпѣть.

Во время путешествія онъ, конечно, едва ли имѣлъ болѣе заботъ о себѣ, чѣмъ о своемъ наемномъ скотѣ и повидимому дѣлилъ съ нимъ всѣ трудности этого пути, оцѣнить которыя вполнѣ можетъ только тотъ, кто испыталъ ихъ самъ. На значительныхъ абсолютныхъ высотахъ, благодаря жестокимъ морозамъ зимой и потокамъ и обваламъ

лѣтомъ, человѣкъ постоянно и неминуемо подвергается всѣмъ рискамъ и неудобствамъ абсолютной пустыни.

Однако духъ коммерческой предпріимчивости такъ силенъ, что изъ-за барышей купцы готовы бороться со всѣми этими препятствіями. Въ послѣдніе годы много говорилось о будущности торговли въ этомъ направленіи и возможности значительнаго ея развитія. Не имѣя претензіи высказывать свое мнѣніе, я сообщу однако нѣкоторые извѣстные мнѣ факты относительно этого предмета.

По низверженіи китайскаго правительства, десять лѣтъ тому назадъ, торговыя сношенія Кашгара были разомъ отрѣзаны отъ Китая и тогда южныя области Хотана и Ярканда обратились за удовлетвореніемъ своихъ потребностей къ ближайшимъ рынкамъ Кашмира и Пенджаба, а сѣверныя, отъ Кашгара до Турфана,—къ русскимъ рынкамъ. Такимъ образомъ сношенія эти приняли два противуположныя направленія, сохраняющіяся и до настоящаго времени. Стало быть, два южные города находятся въ рукахъ англійскихъ, а остальные—въ рукахъ русскихъ купцовъ.

Управитель всей территоріи заключилъ коммерческій договоръ съ обоими государствами на одинаково выгодныхъ условіяхъ, и теперь успѣхъ зависитъ во-первыхъ отъ достоинствъ соперничествующихъ сторонъ, а во-вторыхъ отъ согласованія товаровъ съ требованіями и вкусомъ народа.

Что касается кашгарскаго правительства, а быть можетъ и мѣстныхъ купцовъ то товары британскихъ торговцевъ, по всей вѣроятности, найдутъ, себѣ хорошій сбытъ, ибо бумажныя ткани, кисеи, и т. д. требуются здѣсь въ большомъ количествѣ для войскъ и чиновниковъ, которымъ они роздаются или въ видѣ подарковъ или въ счетъ жалованья.

Но народу болѣе по вкусу товары русскихъ купцовъ, каковы мѣдные подсвѣчники, желѣзные котлы и другія грузныя вещи, а также чай и грубыя бумажныя набивныя ткани оригинальныхъ рисунковъ.

Относительно легкости транзита я могу сказать только то, что если на сѣверѣ онъ таковъ же, какъ на югѣ, то соперники будутъ имѣть для мирной конкурренціи поле, исполненное такими трудностями, какихъ нельзя встрѣтить болѣе нигдѣ.

Получивъ извѣстіе, что дорога черезъ Кабулъ была для насъ не удобна и что полк. Гордонъ выступилъ изъ Пенджа въ обратный путь въ Индію, посланникъ 3-го мая также оставилъ Янги Хиссаръ

и направился съ своей партіей въ Яркандъ тѣмъ же путемъ, которымъ мы шли и прежде. Мы прибыли туда 6-го и, остановившись въ резиденціи въ Янгишарѣ, на слѣдующее утро сдѣлали визитъ дадкваху. Онъ принялъ насъ съ прежнимъ радушіемъ и весьма любезно помогъ намъ приготовиться къ дальнѣйшему пути по Какіарской дорогѣ, на которой мы вскорѣ нашли разные припасы, заготовленные на различныхъ станціяхъ до Кашмирской границы.

Погода во время нашей стоянки здѣсь была туманная и цѣлые облака паровъ поднимались при каждомъ движеніи воздуха. Температура же, пока мы жили здѣсь, отъ 7 по 17 мая включительно, колебалась между 93 и 40 Ф., а 8-го термометръ показывалъ 135 Ф.

ГЛАВА XII.

Отъѣздъ изъ Ярканда.—Какіарская дорога.—«Бѣлая мечеть».—Дорога вверхъ по рѣкѣ Тизнафъ.—Горцы пакгу.—Періодическія наводненія.—Проходъ Янги-Даванъ.—Горы переходятъ въ равнины.—Видъ съ «крыши міра».—Трудная часть пути.—Возвратъ къ цивилизаціи.—Пріемъ въ Лехѣ.—Размышленія и сравненія.—Похороны доктора Столички.

11-го мая прибылъ изъ Кашгара Ходжи Тора съ подарками отъ эмира королевѣ и вице-королю; отдавъ ихъ посланнику, онъ остался здѣсь на нѣсколько дней—посмотрѣть какъ мы отправимся. Вмѣстѣ пріѣхалъ изъ столицы съ нимъ Ладиславъ Берзенцей, венгерскій путешественникъ, который, какъ онъ говорилъ самъ, пріѣхалъ изъ Буды-Пешта изучать исторію мадьяровъ тамъ, гдѣ жили ихъ прародители. Онъ пріѣхалъ въ Кашгаръ черезъ нѣсколько дней послѣ нашего отъѣзда оттуда, и теперь, познакомившись съ нами, разсказалъ намъ весьма много интереснаго изъ своей жизни и путешествій, и между прочимъ о длинномъ путешествіи его сюда черезъ Россію и Сибирь.

Онъ вовсе не одобрялъ обычаевъ, которые онъ нашелъ въ древней родинѣ своихъ предковъ, и сильно жаловался на обхожденіе съ нимъ въ столицѣ. Шесть недѣль его задержанія тамъ въ качествѣ гостя эмира, казалось, было для него тяжелѣе, чѣмъ шести-мѣсячное пребываніе для нашихъ путешественниковъ Гайварда и Шау, и онъ измѣнилъ свой планъ и отправлялся въ Индію вмѣстѣ съ нами. Посланникъ исполнилъ желаніе одинокаго путешественника и устроилъ дѣло относительно его съ властями, которыя, со свойственною имъ готовностью, снабдивъ иностранца провожатыми и необходимымъ провіантомъ для дороги, благополучно доставили его до границы, гдѣ онъ былъ принятъ какъ гость и препровожденъ въ

Лехъ магараджайскимъ губернаторомъ Ладака м-ромъ Джонсономъ.

17-го мая, получивъ извѣстіе о возвращеніи партіи полк. Гордона въ Сарикуль, посланникъ, въ сопровожденіи кап. Чэпмэна и меня, сдѣлалъ прощальный визитъ дадкваху, чтобы поблагодарить за все его вниманіе, и на слѣдующее утро мы отправились въ путь.

Мы оставили Янгишаръ и, проѣхавъ городъ, выѣхали въ тѣ самыя вороты, въ которыя въѣхали при первомъ нашемъ посѣщеніи. На улицахъ народу было мало, и мы выѣхали тише и незамѣтнѣе, чѣмъ могла бы выѣхать такая партія изъ какого либо индійскаго города.

Впродолженіе часа мы ѣхали по воздѣланной землѣ, восхищавшей насъ свѣжестью и зеленью, и, перейдя въ бродъ каналъ Цилчакъ, выше его моста, поддерживавшагося двумя быками изъ булыжника и фашинника, сошли на противоположной сторонѣ съ лошадей около группы деревьевъ, чтобы выпить на разставаньи чашку чаю съ нашимъ другомъ Хаджи Торою. Здѣсь мы попрощались съ нимъ, съ чувствомъ искренняго уваженія къ его талантамъ и благодарности за его дружбу къ намъ и отъ всего сердца пожелали ему благополучія и успѣха.

Далѣе мы проѣхали хутора Аралъ и Отунчиликъ, и въ часъ и пять минутъ подъѣхали къ рѣкѣ Яркандъ, которую перешли въ бродъ, при чемъ вода доходила только до стременъ, а затѣмъ черезъ четверть часа сошли съ лошадей у станціи Янгичакъ, сдѣлавъ всего двѣнадцать миль.

На слѣдующій день мы доѣхали до Якшинба Базара, отстоявшаго на восемнадцать миль. Дорога туда шла съ ю.-з. на ю.-ю.-з. по воздѣланной луговой мѣстности Ійкису Арази или «месопотаміи» (между рѣками Заравшаномъ и Тизфаномъ) до Посгама, гдѣ мы сошли съ лошадей, чтобы позавтракать подъ тѣнью нѣсколькихъ прекрасныхъ тополей, съ верхнихъ вѣтвей которыхъ раздавался крикъ кукушки и пѣніе золотаго дрозда.

Слѣдующая наша стоянка была въ Каргаликѣ черезъ шестнадцать миль пути по подобной же мѣстности. На второй милѣ дорога наша пересѣкала рѣку Тизнафъ. Въ Каргаликѣ мы помѣстились въ томъ же домѣ, который занимали въ прошлый разъ. Дорогою мы въ первый разъ со времени нашего вступленія въ страну увидѣли пасущіяся большія стада овецъ и козъ и небольшіе табуны лошадей.

Изъ Каргалика мы направились уже не старымъ путемъ, а взяли правѣе, прямо на югъ, и сдѣлали двадцать миль до Бештарики, что значитъ «Пять Тополей». Въ пятьдесятъ пять минутъ мы миновали поля и вышли на обширную песчаную и каменистую пустыню, склонявшуюся къ цѣпи песчаныхъ холмовъ, пересѣкавшихъ равнину отъ востока къ западу. Затѣмъ, еще черезъ часъ мы вошли въ проходъ въ этой цѣпи и слѣдовали его лощиной въ пол-мили или въ милю шириною, между крутыми валами изъ наноса и булыжника, вплоть до самаго мѣста стоянки, гдѣ мы расположились подъ тѣнью группы деревъ, дающихъ названіе этому мѣсту. Холодный вѣтеръ дулъ намъ навстрѣчу отъ горъ, находившихся съ южной стороны, и впродолженіе всего дня вокругъ насъ поднимались тучи паровъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы остановились, было нѣсколько хижинъ и нѣсколько небольшихъ клочковъ воздѣланной земли, но далѣе кругомъ была песчаная пустыня.

Здѣсь мы съ радостью увидѣли физіономіи двухъ нашихъ старыхъ бготскихъ кули, только что явившихся сюда съ письмомъ къ кап. Чэпмэну отъ г. Джонсона въ Нубрѣ, въ которомъ подробно говорилось о сдѣланныхъ имъ распоряженіяхъ для нашего прохода черезъ Каракорумъ и Сазеръ. Они были весьма полны и, между прочимъ, было собрано для услугъ нашей партіи въ Нубрѣ тысяча пятьсотъ кули.

Слѣдующая наша стоянка была на разстояніи двѣнадцати миль къ югу, въ Іоларикѣ. Въ нѣсколько минутъ мы выѣхали изъ Бештарикской лощины на обширную, выметенную вѣтромъ, каменистую пустыню, пересѣкаемую справа и впереди насъ цѣпью песчаныхъ холмовъ, за которыми и былъ «Дорожный Ручей». Іоларикъ состоитъ приблизительно изъ двадцати скученныхъ вмѣстѣ домовъ и такого же числа фермъ, разбросанныхъ на востокѣ по направленію къ Ушакъ Башу, который не видѣнъ отсюда, изъ-за земляныхъ валовъ и хребтовъ. Послѣ полудня все время была сильная буря, не позволявшая видѣть даже окружавшихъ нашъ лагерь фруктовыхъ садовъ и деревьевъ.

На слѣдующій день мы отправились въ Какіаръ, отстоящій отсюда на двѣнадцать миль. Дорога шла на западъ, пересѣкая въ двухъ миляхъ песчаный хребетъ, и затѣмъ по лощинѣ рѣки Какіаръ, текущей въ узкой, извилистой долинѣ въ направленіи съ юга къ сѣверу, между высокими хребтами изъ песку и гравія, до самаго города, служащаго столицей округа.

Это — цвѣтущее поселеніе, приблизительно во сто домовъ, скученныхъ подъ тѣнью нѣсколькихъ большихъ деревъ; предмѣстья же его въ видѣ фермъ тянутся внизъ и вверхъ по рѣкѣ на нѣсколько миль. Мы видѣли здѣсь на хлѣбныхъ поляхъ множество желтыхъ подорожниковъ, а въ кустахъ по дорогѣ—синешеихъ малиновокъ.

Вскорѣ по выѣздѣ изъ мѣста стоянки, мы проѣхали на верху хребта священную могилу, полузарытую сыпучимъ пескомъ. Когда мы приблизились къ ней, то всѣ наши проводники сошли съ лошадей и, читая молитву, провели ихъ мимо священнаго мѣста. Такое благоговѣніе въ этомъ народѣ мы видѣли въ первый разъ. Могила называется Сичканлукъ Мазаръ, т. е. «Мышиная гробница», и указываетъ то мѣсто, гдѣ, какъ сообщили намъ проводники, умеръ, на пути бѣгства въ Индію, одинъ изъ сыновей Хазратъ Афака Калигъ Бурганъ. По поводу точнаго исполненія своихъ обязанностей у гроба сына великаго святаго, они разсказали одинъ случай, частію въ доказательство святости мѣста, а частію, быть можетъ, и въ укоръ тѣмъ изъ насъ, кто проѣхалъ, не отдавъ должнаго почтенія памяти мученика.

Случай этотъ слѣдующій: жилъ здѣсь (въ Кокіарѣ) нѣкогда одинъ непочтительный бей, который не сходилъ съ лошади около священнаго мѣста, и вотъ разъ, когда онъ проѣзжалъ мимо, летѣвшій надъ его головой воронъ вдругъ опустился и клюнулъ его лошадь въ глазъ. Животное споткнулось, а за тѣмъ вскочило, отъ боли, на-дыбы и наконецъ сбросило съ себя бея, который, упавъ лицемъ на песокъ, вышибъ себѣ передніе зубы и тутъ же истекъ кровью. Обстоятельство это извѣстно во всей мѣстности, и теперь никто болѣе не смѣетъ проѣхать мимо Сичканлукъ Мазара, не сойдя съ лошади и не читая молитвъ.

На слѣдующее утро, 24-го мая, мы переѣхали границу селеній и въѣхали въ область холмовъ. Дорога здѣсь идетъ большею частью къ югу, поворачивая попеременно то къ юго-востоку, то къ юго-западу. Оставивъ мѣсто стоянки, мы перешли мутную рѣчку Какіаръ съ твердымъ каменистымъ дномъ, и черезъ три мили, проѣхавъ поля выѣхали на песчаную равнину, ограниченную довольно высокими горами. Мы переѣхали ее по направленію къ югу и еще черезъ три мили снова перешли рѣку у монастыря, состоящаго изъ восьми или десяти хижинъ, окруженныхъ маленькими клочками воздѣланной земли и осѣненныхъ большими тополями.

Въ этомъ мѣстѣ поселенія и воздѣланная земля остались позади

насъ; войдя въ область холмовъ, мы направились по длинной, извилистой и узкой лощинѣ; черезъ двадцать четыре мили отъ Какіара, мы остановились на открытой плоскости, надъ высохшимъ водянымъ русломъ, идущимъ здѣсь между высокими глинистыми и каменистыми берегами. Это мѣсто стоянки называется Акъ Масджидъ, т. е. «бѣлая мечеть»; оно находится у подошвы Топа Давана и повидимому не особенно часто посѣщается.

Подъемъ на протяженіи послѣдней половины пути былъ довольно значителенъ, но постепененъ. Высота этого мѣста надъ уровнемъ моря составляетъ приблизительно 8,500 футовъ. Оно весьма скучно и находится между песчаной пустыней и ея заселенными оазисами съ одной стороны и горной пустыней съ ея уединенными плоскогорьями съ другой. Слѣдующая наша станція была за двѣнадцать миль въ Чихликѣ. Мы тронулись съ мѣста въ 4 ч. 5 д. п. и въ 5 ч. 35 д. п. достигли гребня Топа Давана, т. е. «Землянаго Прохода». Дорога шла то къ юго-востоку, то къ юго-западу по съуживающейся бороздѣ, а затѣмъ по крутому подъему къ вершинѣ прохода. Тропинка была покрыта густымъ слоемъ пыли, а склоны горъ состояли изъ сыпучей сухой земли, поросшей пучками артемизіи и синяго касатника, между которыми въ промежуткахъ росъ скудный кустарникъ astragalus, жимолость и нѣкоторыя мелкія цвѣтущія растенія.

Приблизительно на половинѣ пути, мы видѣли стадо изъ шести дикихъ яковъ или *кутисъ* (Bos gruniens), пасшихся на верхнемъ склонѣ одного холма приблизительно на разстояніи мили влѣво отъ насъ. Они казались огромнаго роста и гораздо косматѣе домашнихъ. Двое изъ нихъ лежали и походили издали на большіе черные камни, такъ какъ всѣ они были темнаго цвѣта; одинъ изъ нихъ особенно громадный—вѣроятно быкъ стада—стоялъ и смотрѣлъ на насъ.

Высота прохода составляетъ приблизительно 10,200 футовъ и склоны его заселены колоніями сурковъ. Спускъ противоположнаго склона идетъ сначала къ юго-западу по крутой извилистой и углубленной на нѣсколько дюймовъ въ рыхлую чудную землю тропинкѣ. До того мѣста, гдѣ обнаруживается бѣлый мраморъ, и скалы состоятъ изъ шифера.

Отсюда дорога становится узка и трудна и загромождена множествомъ обломковъ скалъ, а затѣмъ проходитъ чрезъ провалъ, въ которомъ есть маленькій ключъ. Въ лужѣ послѣдняго я нашелъ нитевидныхъ черныхъ червей въ два или три дюйма длиною.

*

Далѣе дорога становится снова легка и спускается постепенно по расширяющемуся рву къ ложу рѣки Тизнафъ, которой мы достигли въ 7 ч. д. п., и, повернувъ прямо къ югу, вверхъ по ея теченію, въ десять минутъ достигли мѣста стоянки, на берегу подъ нависшей скалой зеленаго трапа и въ тѣни рощи тополей и ивъ. Покрытое валунами ложе рѣки занимаетъ здѣсь всю узкую долину, за исключеніемъ этого мѣстечка, заросшаго грубымъ тростникомъ изъ рода, называемаго *чихъ* (откуда происходитъ и названіе мѣста), а отчасти кустарникомъ розъ, тамарисковъ, жимолости и т. д.

Мы нашли здѣсь партію яркандцевъ, присланныхъ дадквахомъ, для охраненія сложенныхъ здѣсь для насъ припасовъ; подобныя же партіи изъ пяти или шести человѣкъ встрѣчали мы затѣмъ на каждой станціи вплоть до самой границы.

Высота этого мѣста составляетъ, приблизительно, 8,250 футовъ. Погода была перемѣнчива и холодна и впродолженіе двухъ часовъ послѣ полудня шелъ проливной дождь.

Мы выступили лишь на слѣдующее утро въ 7 часовъ, ожидая, чтобы рѣка сколько нибудь спала. Разливы ея въ это время года происходятъ отъ таянія снѣговъ и ледниковъ на Торахилскомъ хребтѣ и бываютъ ежедневно приблизительно около заката солнца. Разливы усиливаются впродолженіи всей ночи до разсвѣта, а затѣмъ понемногу начинаютъ убывать, пока не начнется слѣдующее наводненіе.

Дорога наша вела вверхъ по рѣкѣ къ Ходжа Мазару, отстоящему отсюда на 18 миль. На этомъ протяженіи мы переходили рѣку вбродъ двадцать четыре раза. Вода глубиной была только до подпруги, но текла быстро и переходъ былъ довольно затруднителенъ вслѣдствіе крупныхъ валуновъ. Косогоры по обѣимъ сторонамъ голы и дики и состоятъ изъ высокихъ гранитныхъ и серпентиновыхъ массъ, тамъ и сямъ покрытыхъ холмами изъ сланцеватой глины. Они имѣютъ крутой скатъ къ рѣкѣ, вдоль теченія которой то съ той, то съ другой стороны идутъ маленькія площадки, покрытыя болѣе или менѣе густымъ кустарникомъ мирикарій, тамарисковъ, розъ, ивъ и т. д. и разными грубыми травами.

Мили черезъ три отъ мѣста стоянки, мы перешли быстрый, шумный текущій съ западныхъ холмовъ потокъ, въ долинѣ котораго, какъ намъ говорили, есть мѣдный рудникъ, разработывавшійся во времена китайцевъ. На пути къ этому потоку, называемому Кугда

Су, мы дѣйствительно видѣли около дороги много оставленныхъ и развалившихся плавильныхъ печей.

Мѣсто стоянки, называемое Мозаръ Ходжа, находится на отлогомъ берегу, надъ которымъ господствуетъ голый холмъ, а у подошвы послѣдняго стоитъ одинокая гробница въ память умалишеннаго ходжи, погибшаго здѣсь, никто не могъ сказать намъ, когда, какъ и отчего. Имя его, какъ сообщилъ намъ нашъ проводникъ, было Султанъ Шекхъ Хизамуддинъ, прозванный Давана, что значитъ «умалишенный». Онъ умеръ во время экспедиціи противъ невѣрныхъ для распространенія между ними ислама, а именно вверхъ по Сугатликъ Джингѣ. На слѣдующій день мы прошли шесть миль до Дубы, гдѣ пробыли день, именно 28 мая. Мы перешли рѣку и направились вверхъ по ея правому берегу прямо на югъ, затѣмъ, перейдя притокъ ея съ востока, расположились лагеремъ на луговой площадкѣ въ углу сліянія рѣкъ, гдѣ берега ихъ окаймлены ивами. Высота этого мѣста составляетъ приблизительно 10,000 футовъ.

Рѣка, текущая съ востока, называется Сугатъ Джилга, а текущая съ юга — Тарахилъ Джилга. Когда мы прибыли сюда, вскорѣ послѣ 8 часовъ утра, рѣки быстро убывали, и передъ началомъ слѣдующаго наводненія ихъ можно было перейти, не замочивъ ногъ, перескакивая съ камня на камень. Въ 4 же часа по полудни вода ринулась съ шумомъ и ревомъ и черезъ нѣсколько минутъ мутный, быстрый потокъ наполнилъ собою все русло отъ берега до берега. Случилось, что нѣкоторые изъ членовъ нашей партіи были въ это время на противоположномъ берегу и потому принуждены были заночевать тамъ вокругъ разложеннаго огня, довольствуясь тѣмъ ужиномъ, какой мы могли перебросить имъ черезъ рѣку при помощи камней.

Дуба — любимое пастбище мѣстныхъ жителей, называющихся пахпу или папу. Это высокое и чрезвычайно красивое племя съ чистоаріанской физіономіей, судя по немногимъ мужчинамъ, видѣннымъ нами около стоянки. Они были весьма бѣдно одѣты и носили при себѣ фитильныя ружья. Это были первые вооруженные, хотя и не служащіе правительству люди, встрѣченные нами въ этой странѣ; впрочемъ вообще видъ ихъ былъ весьма скромный и покорный. Они весьма неохотно говорили о себѣ, и при приближеніи нашей партіи увели свой скотъ и семьи съ нашего пути и слѣдовательно мы видѣли ихъ очень мало. Они говорили съ нашими людьми по-турецки,

но я слышалъ, какъ двое изъ нихъ говорили между собою на совершенно особомъ языкѣ. Во времена китайцевъ здѣсь кочевало до пятидесяти семействъ, но теперь число ихъ уменьшилось до пятнадцати или двадцати.

Пахпу—наслѣдственные враги своихъ западныхъ сосѣдей, кунджудовъ, которые въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій постоянно дѣлали на нихъ набѣги и продавали плѣнниковъ въ рабство въ Воханъ и Бадакшанъ. Впрочемъ, съ установленіемъ правленія эмира, они пользуются въ этомъ отношеніи спокойствіемъ.

Профессуально они мусульмане секты шіитовъ, подобно воханцамъ и бадакшанцамъ, но брѣютъ головы, какъ и обитатели равнины. Они живутъ разведеніемъ скота и воздѣлываніемъ маленькилъ хлѣбныхъ полей въ нижнихъ долинахъ. Кунджудовъ они называютъ невѣрными и въ то же время описываютъ какъ весьма сильный и красивый народъ, носящій длинные локоны и говорящій на языкѣ, непонятномъ для вакханцевъ, а не для нихъ. Кунджуды живутъ, какъ говорятъ, въ четырнадцати дняхъ пути къ западу отъ пахпу, по ту сторону одного рукава рѣки Яркандъ, текущаго по долинѣ къ югозападу отъ Тарахильскаго ледника.

Изъ Дубы мы отправились въ Гурунуджъ Калди, отстоящій на десять миль. Дорога шла къ юговостоку вверхъ по рѣкѣ Тизнафъ, которую намъ пришлось перейти въ самомъ началѣ пути и затѣмъ еще три раза, да кромѣ того перешли еще два ея западные притока. Ложе рѣки загромождено большими гранитными валунами, отчего переходить ее въ бродъ было затруднительно. Зимой ходятъ по льду, что́ гораздо удобнѣе.

Въ Гурунджъ Калди, что значитъ «Рисъ оставленъ позади», (въ память мѣстнаго преданія, по которому одна партія купцовъ, обращенная въ бѣгство внезапнымъ наводненіемъ рѣки, принуждена была оставить варившійся для ужина рисъ), мы расположились лагеремъ на дернистомъ склонѣ съ нѣсколькими сурковыми норами и нѣсколькими топкими источниками. Высота этого мѣста составляетъ приблизительно 11,900 футовъ. По дорогѣ сюда растительность была вообще скудна, даже на берегу рѣки.

Слѣдующая наша стоянка была въ Чирахъ Салди, «Задутая лампа», названномъ такъ вслѣдствіе мѣстныхъ вѣтровъ и отстоявшемъ отъ предъидущей стоянки на четырнадцать миль. Дорога шла къ юговостоку вверхъ по рѣкѣ, текущей здѣсь по широкому каменистому руслу. Черезъ четыре мили рѣка раздваивается; одна изъ рѣкъ течетъ съ югозапада, другая съ юговостока, съ водораздѣла Тограсу, данника Каракаша, который мы переходили здѣсь въ первый разъ.

Миль черезъ десять мы миновали Киргизъ Тамъ, разрушившійся аванпостъ, построенный здѣсь нѣкогда для защиты дороги отъ кунджудскихъ разбойниковъ. Въ этомъ мѣстѣ рѣка огибаетъ одинъ отрогъ, черезъ который впрочемъ есть тропинка, если русломъ пройти нельзя, и поворачиваетъ направо, послѣ чего русло расширялось еще болѣе и было покрыто пеленою изъ твердаго снѣга, подъ которою рѣка раздѣлялась на четыре или на пять потоковъ.

Дорога наша шла по краю этого снѣга и въ точкѣ соединенія двухъ рукавовъ рѣки мы достигли мѣста стоянки. Южный рукавъ течетъ съ Янги Давана, а югозападный изъ Торахильскаго ледника. Высота мѣста приблизительно 14,200 футовъ. Мы расположились здѣсь лагеремъ на покрытой голышами площадкѣ среди тощихъ порослей тамарисковъ

Слѣдующая наша стоянка была за двѣнадцать миль въ Куланѣ Улди «Дикая лошадь пала». Дорога шла по извилистой и узкой рытвинѣ вверхъ къ Янги Давану или «Новому Проходу». У подошвы подъема, который крутъ, глинистъ и покрытъ валунами, но не длиненъ и не труденъ, есть боковая рытвина, ведущая на снѣжный хребетъ, находящійся съ западной стороны. По обѣимъ сторонамъ прохода мы видѣли много снѣжныхъ золотыхъ подорожниковъ и розовыхъ зябликовъ, искавшихъ себѣ на тропинкѣ какой нибудь пищи. Мы достигли гребня прохода черезъ четверть часа послѣ того, какъ вышли изъ мѣста стоянки. Высота его приблизительно равняется 15,800 футамъ, и съ вершины его открывается широкій видъ на сѣверозападъ, гдѣ взору представляется нѣсколько высокихъ снѣжныхъ массъ. Въ другихъ же направленіяхъ даль заслоняютъ высокіе сосѣдніе хребты. Спускъ на протяженіи первыхъ трехъ или даже менѣе миль легокъ и идетъ по землистому и каменистому рву; но затѣмъ онъ вдругъ соскальзываетъ въ глубокое узкое ущелье, которое, какъ оказалось, заперто небольшимъ таявшимъ ледникомъ. Чрезвычайно крутая и скользкая тропинка шла то по льду, то по узкому выступу скалы, по которому едва могла ступать лошадь, то черезъ маленькія рѣчки, текшія по бороздамъ на поверхности таявшаго льда. Тамъ и сямъ на льду были большія задерживавшія насъ на пути трещины. Мѣстами разстояніе между боковыми скалами

было футовъ въ двадцать. Вверху скалы эти громоздились крутыми утесами, тѣнь которыхъ дѣлала проходъ чрезвычайно мрачнымъ. На льду мы нашли пять недавно павшихъ лошадей, у одной изъ которыхъ были вырѣзаны на крестцѣ куски мяса, и миновали шесть или семь живыхъ, которыя стояли на маленькихъ выступахъ подъ скалами и не могли двинуться ни взадъ, ни впередъ. Несчастныя созданія, очевидно, были предоставлены смерти, такъ какъ съ нихъ снята была вся збруя и видъ ихъ былъ совершенно отощалый. На этихъ лошадяхъ былъ привезенъ провіантъ для нашего лагеря.

За этой массой льда, которая, какъ намъ говорили, должна была исчезнуть совершенно въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, хотя теперь она наполняла собою ущелье на протяженіи почти двухъ миль, мы вышли въ плоское, покрытое булыжникомъ русло съ легкимъ склономъ и перпендикулярными берегами изъ конгломерата. Мы направились по немъ и, пройдя нѣсколько миль, вышли въ долину рѣки Яркандъ, перешли послѣднюю, затѣмъ, повернувъ къ востоку, направились вверхъ по ея теченію и черезъ милю остановились лагеремъ въ тамарисковыхъ зарослях.

Здѣсь ложе рѣки кажется совершенно ровнымъ и имѣетъ въ ширину до полумили, а низкіе берега его поднимаются постепенно съ обѣихъ сторонъ вплоть до холмовъ. Высота мѣста здѣсь равна приблизительно 12,650 футамъ.

На слѣдующій день, 1-го іюня, мы прошли вверхъ по рѣкѣ до Кукъ Атъ Ахзи («Ротъ синей лошади»), т. е. пятнадцать миль. Тамъ и самъ намъ приходилось пересѣкать большія поля твердаго снѣга и обширныя поросли тамарисковъ, мирикарій, а также нѣсколько разъ переходить рѣку вбродъ.

Горы по обѣимъ сторонамъ состоятъ изъ шифера и сланца, достигаютъ значительной высоты и совершенно голы. Приблизительно на половинѣ пути мы перешли югозападный притокъ рѣки и вверхъ по его теченію видѣли ледникъ. Далѣе, съ противоположной стороны рѣки мы перешли сухое русло, наполненное гранитными валунами, принесенными повидимому съ высокой, увѣнчанной ледникомъ, горы на сѣверовостокѣ. Подъемъ на этомъ пути весьма постепенный и даже едва замѣтный. Высота мѣста стоянки была, приблизительно, 12,870 футовъ. Здѣсь мы нашли остовъ дикой, только что павшей лошади, которую и ѣли дикіе звѣри. Послѣ полудня въ нашемъ лагерѣ произвела нѣкоторое смятеніе проскакавшая мимо живая дикая лошадь.

Погода была пасмурная и вѣтренная съ дождемъ при закатѣ солнца и снѣгомъ впродолженіе ночи. Наши слѣдующія двѣ станціи были въ Кашмиръ Джингѣ черезъ двадцать шесть миль и Капалангѣ черезъ двѣнадцать миль вверхъ по теченію рѣки. Черезъ двѣ мили отъ Кукъ Атъ Ахзи мы проѣхали мимо развалинъ одного аванпостнаго форта при устьѣ долины, ведущей черезъ болѣе восточный гребень къ Шахидулу, отстоящему отсюда на два дня пути. За этимъ фортомъ мы повернули къ югу и, пройдя длинной полосой тамарисковаго кустарника и травъ, вошли въ ложе рѣки, называемое Киргизъ Джангалъ и служащее любимымъ лѣтнимъ убѣжищемъ этихъ кочевниковъ. Въ Кашмиръ Джингѣ прошла надъ лагеремъ буря съ громомъ и градомъ.

Въ Капалангѣ мы расположились лагеремъ въ углу соединенія двухъ рѣкъ, среди порослей простиравшихся на нѣсколько миль въ обѣ стороны долины. Здѣсь на слѣдующій день, т. е. 4-го іюня, мы простились съ нашими яркандскими товарищами, юзбаши Ташъ Ходжей Беемъ и Кокьярскимъ съ ихъ маленькою свитою. Ихъ услуги были для насъ какъ нельзя болѣе полезны, и мы въ знакъ признательности за это подарили имъ кое-что на память, а также просили ихъ благодарить дадхваха за столь обильно заготовленные для насъ припасы, послѣ чего они отправились въ обратный путь, чтобы оказать такія же услуги партіи полковника Гордона, шедшей тѣмъ же путемъ. Мы не двинулись снова вверхъ по рѣкѣ, стекающей съ водораздѣла Каракорума. Въ Актагѣ за двадцать миль, мы вышли на нашу прежнюю дорогу и встрѣтили своихъ старыхъ друзей бготовъ, привѣтствіе которыхъ «Джо! Джо!» мы приняли съ тѣмъ чувствомъ удовольствія, которое вызывается возвращеніемъ къ испытаннымъ друзьямъ. Съ ними было множество припасовъ для насъ и около ста пони. Миль черезъ пять отъ мѣста стоянки, на протяженіи которыхъ мы перешли рѣку раза три, ложе ея оказалось наполнено твердымъ снѣгомъ, продолжавшимся на всемъ остальномъ пути и оканчивавшимся всего за нѣсколько сотъ ярдовъ отъ Актага.

Изъ Актага мы направились къ Брангтсѣ, у подножія подъема къ Каракорумскому проходу, перейдя который мы на слѣдующій день расположились лагеремъ въ Даулатъ Бей Ульди. Въ проходѣ было много тающаго снѣга, водою котораго была пропитана почва по

обѣимъ сторонамъ его. Около утоптаной тропинки, а мѣстами и на самой тропинкѣ скотъ нашъ проваливался въ грязь по колѣно и вообще на всемъ пути шелъ съ трудомъ, ибо смѣсь булыжника съ глиной была такъ же мягка, какъ только что вспаханное поле послѣ дождя, но только еще глубже.

Выступивъ изъ Даулатъ Бей Ульди, оставили въ правой сторонѣ непроходимую въ это время, вслѣдствіе наводненія, Кумданскую дорогу и направились къ югу чрезъ Дапсангское плоскогорье къ стоянкѣ Буртси, отстоящей отъ Даулатъ Бей Ульди на 26 миль.

Плоскогорье поднималось передъ нами обширной выпуклостью и мы достигли его, перейдя длинный косогоръ и болотистый оврагъ мили черезъ полторы по выходѣ изъ лагеря. Оврагъ этотъ несетъ воду съ восточной части Даулатъ Бейскаго плоскогорья въ рѣку, образуемую ручьями, стекающими съ высотъ западной его части у Каракорумскаго прохода. Пройдя проходъ, мы расположились лагеремъ на одномъ изъ этихъ ручьевъ, соединяющемся съ Шайокомъ при Гіаптангѣ. Перейдя оврагъ, мы пошли вверхъ по стекающей въ него замерзшей рѣкѣ и, взобравшись на Дапсангское плоскогорье, оказались дѣйствительно на «крышѣ міра». Кругомъ были хребты горъ, изъ которыхъ ни одного не было ниже двадцати тысячъ футовъ, на западѣ же два пика были гораздо выше, хотя издали они казались ниже насъ, такъ какъ вся земля образовывала склоны во всѣ стороны. Куда мы ни смотрѣли, небо оказывалось подъ нами и весь міръ, уходя постепенно внизъ, терялся наконецъ изъ виду. Намъ казалось, что мы были подняты надъ вселенной и теперь спускались къ ней. Оставленный позади Каракорумъ представлялся простымъ возвышеніемъ на волнистой поверхности этой мѣстности, горныя же цѣпи впереди насъ и по сторонамъ, казалось, напрягали свои силы, чтобы стать на одномъ уровнѣ съ нами.

Это было необыкновенное зрѣлище, которое не могло легко изгладиться въ памяти, такъ какъ было запечатлѣно воспоминаніями чрезвычайной пустынности, безмолвія и суровости негостепріимнаго воздуха.

При переходѣ этого самаго плоскогорья, высота котораго надъ моремъ составлятъ 17,500 футовъ, достойный товарищъ, д-ръ Столичка, почувствовалъ то разстройство жизненныхъ отправленій, которое окончилось его смертью въ Мурчи, двумя станціями далѣе.

Плоскогорье Дапсангъ имѣетъ около восьми миль въ поперечникѣ

съ сѣвера къ югу, и представляетъ волнистую поверхность, губчатая почва которой состоитъ изъ пропитанной солью смѣси глины и гравія. Когда мы переходили его, на немъ оставалось уже весьма малу снѣгу, а тропинка была усѣяна костьми и скелетами павшихъ животныхъ, хотя впрочемъ не въ большей мѣрѣ, чѣмъ во многихъ другихъ мѣстахъ. Когда мы поднимались къ плоскогорью, намъ перешла дорогу антилопа, а на самомъ плоскогорьѣ мы видѣли нѣсколько маленькихъ стай сибирскаго тетерева (syrrhaptes), которыхъ я убилъ нѣсколько штукъ наканунѣ при переходѣ черезъ Каракорумъ.

Спускъ съ плоскогорья идетъ по крутому рву въ глубокую, извилистую пропасть съ нависшими высокими утесами красной глины и конгломерата. Проходъ въ ней очень крутъ и узокъ и идетъ черезъ мутный потокъ, наполняющій русло такой же красной водой, какъ и почва, по которой онъ протекаетъ. Черезъ шесть минутъ мы вышли изъ этого ущелья и, слѣдуя его потоку, вошли въ расширяющееся русло рѣки, которое открывается въ другое, еще болѣе широкое, русло, идущее съ сѣверозапада. Мы вошли въ него около стоянки, называемой Кизиль Ланчаръ, миляхъ въ шести отъ плоскогорья.

Горы здѣсь по обѣимъ сторонамъ весьма высоки и представляютъ длинные склоны изъ нагроможденныхъ обломковъ, которые иногда приводятся въ движеніе каменными обвалами сверху. Въ Куиль Ланчарѣ русло рѣки было усѣяно большими, не давно скатившимися съ вершинъ камнями, которыхъ до время нашего перехода не упало, къ счастію, ни одного.

Затѣмъ мы направились къ юговостоку, внизъ по теченію широко разлившейся рѣки, которую мы нѣсколько разъ переходили по покрытому голышами дну, и миль черезъ десять расположились лагеремъ въ Буртси на выступѣ надъ рѣчнымъ берегомъ. Высота этого мѣста равна приблизительно 15,660 футамъ. При спускѣ одинъ изъ нашихъ кули, переходя рѣку ниже Кизиль Ланчара, оступился и былъ тотчасъ же унесенъ потокомъ.

На слѣдующій день мы дошли до Мурчи, т. е. прошли двѣнадцать миль. За этимъ мѣстомъ, противъ увѣнчанной ледникомъ горы, дорога круто поворачиваетъ съ юга къ югозападу, а затѣмъ къ западу, слѣдуя весьма по дикимъ извилистымъ ущельямъ. Путь здѣсь труденъ; нѣсколько разъ приходится переходить рѣку, обходя быстрины и скалы по крутымъ тропинкамъ, неногимъ болѣе удобнымъ, чѣмъ тропинки, протоптанныя козами, на покрытыхъ обломками

склонахъ выступовъ по обѣимъ сторонамъ стремящагося внизъ потока.

Горы состоятъ изъ кварцеваго известняка, какъ и Кумбанскія, и представляютъ на верхнихъ склонахъ много пещеръ; прометутки же между ихъ отрогами заняты маленькими ледниками. На протяженіи послѣднихъ пяти или шести миль пути рѣка представляла уже пѣнящійся потокъ, съ шумомъ разбивающійся о скалы, которыми наполненъ темный, глубокій и узкій проходъ. Переходъ возможенъ только въ одномъ или въ двухъ мѣстахъ, но и то затруднителенъ въ это время года вслѣдствіе половодья, а зимой—вслѣдствіе снѣговъ.

Въ Пурчи, высота котораго надъ уровнемъ моря составляетъ приблизительно 14,800 футовъ, рѣка принимаетъ съ запада другое русло (въ которомъ мы расположились лагеремъ), какъ-разъ около того мѣста, гдѣ она проходитъ черезъ глубокое горное ущелье. Дорога здѣсь идетъ черезъ высокую террасообразную площадку, которая вдается въ уголъ соединенія рѣкъ, и на которой есть остатки одного, нѣкогда весьма крѣпкаго, бруствера, который тянется и вверхъ, и внизъ, и поперегъ склона, оканчиваясь на краю утеса, обрывающагося прямо къ рѣкѣ. Этотъ брустверъ, подобно тутіалакскому, былъ построенъ лѣтъ четыреста тому назадъ Ботъ *Канономъ*, т. е. «губернаторомъ» Нубры, называвшагося Суттимомъ, чтобы помѣшать Мирзѣ Абабакру въ его попыткахъ напасть на Тибетъ. Но они были разрушены лѣтъ пятьдесятъ спустя преемникомъ Абабакра, султаномъ Саидомъ.

Погода въ Мурчи была пасмурная и холодная и на слѣдующій день, 9-го іюня, когда мы отправились въ Схеръ Брангтса, отстоящій отсюда на десять миль, шелъ сильный снѣгъ, который задержалъ насъ тамъ на цѣлый день. Но впослѣдствіи оказалось, что погода эта была весьма благопріятна, ибо, оставляя въ сторонѣ неудобства и трудности, сопряженныя съ нею, она дѣлала проходъ вверху болѣе безопаснымъ, чѣмъ онъ бываетъ при пріятномъ и сильно дѣйствующемъ на ледники солнечномъ свѣтѣ.

Дорога наша ввела верхъ по руслу къ западу, и черезъ двѣ мили мы миновали мѣсто стоянки, называемое Чонгташъ, т. е. «Большой Камень», и представляющее лужайку вокругъ большой каменной глыбы, лежащей въ сѣдлообразномъ водораздѣлѣ прохода. Черезъ пять миль далѣе мы спустились по крутому берегу въ глубокое, наполненное снѣгомъ, русло и, перейдя его по такому же крутому подъему, выбрались на тропинку на противоположной сторонѣ, затѣмъ, повернувъ къ югу, пошли внизъ по направленію этого русла до соединенія его съ рѣкою Шайокомъ, приблизительно на милю ниже Брантсайскаго брода.

Здѣсь мы были встрѣчены мистеромъ Джонсономъ, у котораго было приготовлено нѣсколько лодокъ для переправы нашей черезъ рѣку въ случаѣ половодья и который ждалъ нашего прибытія съ небольшимъ отрядомъ бготскихъ кули и нѣкоторымъ числомъ яковъ и лошадей для переправы черезъ Сахеръ. Между прочими выраженіями привѣта, доказывавшими, что мы возвращаемся на британскую территорію, были запасы шампанскаго, хереса и другихъ напитковъ, жестянки съ разными европейскими деликатесами и пр., присланныя любезнымъ и предусмотрительнымъ магараджей, чтобы подкрѣпить насъ послѣ трудностей пути черезъ проходы.

Мы нашли, что вслѣдствіе начавшейся холодной погоды вода въ рѣкѣ убыла и потому мы перешли ее сравнительно легко, хотя одинъ несчастный кули былъ снесенъ водою и утонулъ подобно своему товарищу, погибшему близь Бурtси.

Далѣе мы пошли нашимъ прежнимъ путемъ черезъ Сахерскій проходъ и Тутіалакъ къ заселенной долинѣ Нубра. Мы вошли въ нее около Чанглунга, свѣжая весенняя зелень котораго и поясъ песковъ и скалъ дѣлали его похожимъ на вдѣланный въ серебро изумрудъ. Ледники Сахера мы прошли въ снѣжную мятель и потому не могли видѣть снова той величественной картины, которая оставила по себѣ столь живыя воспоминанія. Вмѣсто же шумныхъ потоковъ и разрушительныхъ лавинъ мы испытали лишь снѣжныя вьюги и холодные вѣтры.

Въ Чанглунгѣ, увидавъ передъ собою населенный міръ, мы отогнали отъ себя воспоминанія о пустынныхъ плоскогорьяхъ съ ихъ суровостью, и въ прекрасныхъ долинахъ Нубры и Шайока снова почувствовали себя среди друзей, находя свободу и откровенность вмѣсто того, что́ было остановлено нами позади. Изъ Чанглунга мы направились черезъ станціи Панамикъ и Тагаръ въ Сатти, по счастливой и плодородной долинѣ во всемъ блескѣ ея весенней зелени. Въ Сатти мы уклонились отъ прежняго пути и, продолжая идти вверхъ по теченію Шайока, черезъ двѣнадцать миль свернули съ его русла вправо, и, поднявшись по окраинѣ высокой горы, черезъ

семь слѣдующихъ миль расположились лагеремъ въ Диггарѣ, незначительной деревушкѣ, стоящей на высокой горной террассѣ, посреди которой течетъ живой и свѣтлый горный потокъ. Высота этой террасы составляетъ приблизительно 12,900 футовъ. Перемѣна мѣста сильно повліяла на нѣкоторыхъ членовъ нашей партіи, вызвавъ у нѣкоторыхъ симптомы сильнаго изнеможенія. Это чрезвычайно дикое мѣсто окружено съ трехъ сторонъ высокими горами, а четвертою стороною обращено къ низкимъ отрогамъ, скрывающимъ собою Шайокскую долину.

Скотъ нашъ также хворалъ здѣсь, и три штуки пали, оттого что поѣли дикихъ, растущихъ около дороги, травъ, между которыми я замѣтилъ особенно много hyosciamus.

Въ этомъ мѣстѣ, близъ деревни есть гигантская фигура Чамбы, подобная той, которую мы видѣли по дорогѣ изъ Шарголы въ Карбо. Она изваяна съ восточной стороны огромной одинокой гранитной глыбы, а передъ нею находятся развалившіяся стѣны хижины, построенной, очевидно, чтобы скрыть изваяніе отъ глазъ всеразрушающаго непріятеля.

На слѣдующій день, 17-го іюня, мы отправились въ Лехъ, отстоящій отсюда на двадцать четыре мили. Мы вышли изъ деревни тропинкой, извивающейся по неровной пустынѣ, усѣянной всюду крупными гранитными валунами, и пришли къ болотистому мѣсту среди высокихъ, голыхъ, скалистыхъ горъ. Перейдя это болото, между торфяными топями и гранитными массами, черезъ шесть миль, мы прибыли къ нѣсколькимъ хижинамъ, расположеннымъ у нижняго конца длинной поднимавшейся къ проходу рытвины. Земля была покрыта весьма опаснымъ для скота снѣгомъ, такъ какъ по сторонамъ тропинки подъ его мягкой пеленой скрывались острые камни. Еще черезъ шесть миль, мы достигли прохода въ 17,600 футовъ высоты, гдѣ сошли съ лошадей и уже пѣшкомъ спустились по весьма крутой, извилистой тропинкѣ къ нѣсколькимъ хижинамъ на противуположной сторонѣ. Затѣмъ спустились по долинѣ къ деревнѣ Саббу, а потомъ, повернувъ по песчаному склону къ западу, прошли чрезъ ущелье гранитнаго хребта въ бассейнъ Леха. Здѣсь дорога поворачивала къ сѣверу и поднималась вверхъ по склону къ городу.

На третьей или четвертой милѣ пути мы были встрѣчены капитаномъ Моллой, британскимъ союзнымъ коммиссаромъ въ Лехѣ, и нѣсколькими мѣстными купцами. Ихъ привѣтствія были первыми

признаками цивилизаціи, свободы и порядка, къ которымъ мы возвращались. Мы прошли черезъ маленькій городъ къ находившейся за нимъ резиденціи, гдѣ мы должны были расположиться для отдыха.

Когда мы выѣхали на базаръ, посланникъ былъ встрѣченъ военной стражей изъ форта, съ лѣвой стороны раздался салютъ пятнадцати ружей. Крыши и балконы вдоль нашего пути были полны татарскими жителями, привѣтствовавшими насъ обычными криками «Джо! Джо!» со свойственнымъ добродушіемъ.

Мы чувствовали, что всѣ трудности были теперь позади насъ и что мы опять вернулись къ безопасности, свободѣ и справедливости. Но никто не былъ такъ радъ этому возвращенію, какъ наши индійскіе спутники, оказавшіеся снова на порогѣ своихъ родныхъ жилищъ и съ радостію сознававшіе, что они не находятся подъ властію деспота.

Я же лично, съ приближеніемъ конца нашего путешествія, смотрѣлъ на перемѣну съ совершенно другой точки зрѣнія. Я мысленно пробѣгалъ страны, находившіяся внѣ предѣловъ нашихъ индійскихъ владѣній съ этой стороны, а также страны съ западной ихъ стороны, и, сопоставляя ихъ прошлую исторію и теперешнее положеніе съ послѣдовательнымъ ходомъ событій, весьма скоро вывелъ указанія относительно будущаго. Мнѣ было суждено совершить путешествіе по странамъ по ту сторону западной границы нашего Индійскаго государства, а теперь я видѣлъ нѣсколько странъ лежащихъ къ сѣверу отъ него, наконецъ, хотя въ очень ограниченной мѣрѣ, я знакомъ и съ областями лежащими на сѣверозападѣ, такъ какъ пользовался такимъ положеніемъ на сѣверозападной границѣ, которое представляло всего менѣе затрудненій для изученія мѣстности. Такимъ образомъ, основываясь на личномъ наблюденіи и на многолѣтнемъ вниманіи къ предмету, я весьма легко понимаю, почему всѣ вторженія въ Индію были съ запада, откуда бы ни шелъ завоеватель. Я убѣжденъ, что если бы страны по ту сторону нашей западной границы были подобны тѣмъ, которыя находятся съ сѣвера, то исторіи никогда не приходилось бы упоминать ни объ одномъ изъ тѣхъ нашествій, которыя со временъ Александра до временъ Надира составляютъ великія эпохи въ различныхъ хроникахъ Индіи. Кромѣ того, я убѣжденъ также, что если бы географическое положеніе было обратное, т. е. если бы западная граница была тако-

ва какъ сѣверная, и наоборотъ, то всѣ вторженія слѣдовали бы сѣвернымъ путемъ, а не западнымъ.

Мусульмане въ Индіи группируются въ три большіе этническіе отдѣла: арабовъ, патанъ, моголовъ и сейковъ. Подъ послѣдними разумѣются всѣ обращенныя въ исламъ мѣстныя племена, а подъ первыми—различные побѣдители Индіи. Они могутъ быть сравнены съ норманами, датчанами и саксами нашей собственной исторіи, между тѣмъ какъ галловъ изображаютъ сейки. Не смотря на то, что они живутъ совершенно въ разныхъ мѣстахъ, всѣ эти народы-побѣдители вошли въ Индію однимъ и тѣмъ же путемъ. Дѣйствительно, всѣ вторженія въ Индію, которыя намъ извѣстны, до временъ Надира, слѣдовали однимъ и тѣмъ же путемъ черезъ Кабульскіе проходы, и были успѣшны благодаря содѣйствію горцевъ, которые всегда становились на сторону нападающихъ, которымъ страна ихъ была совершенно открыта. Сопротивленіе для нихъ было невозможно, союзничество же съ нападающими обѣщало блистательные успѣхи на обширныхъ поляхъ богатыхъ индійскихъ владѣній. Ничто подобное, какъ доказала исторія, невозможно на сѣверной границѣ, потому что тамъ условія совершенно обратныя. Земли горцевъ здѣсь открыты нападеніямъ съ юга, съ сѣвера же защищены естественными барьерами.

Доказательствомъ дѣйствительности этихъ барьеровъ служитъ уже тотъ фактъ, что путемъ этимъ пренебрегали даже для торговли или ближайшихъ сообщеній съ родной страной во время цвѣтущаго періода Моголской Имперіи въ Индіи.

Даже авганцы, эти смѣлые и предпріимчивые купцы-воины, которые втеченіи нѣсколькихъ столѣтій сряду снабжали рынки Центральной Азіи товарами южныхъ странъ, предпочитаютъ трудности проходовъ Сулиманскаго и Гинду-Куша съ ихъ разбойничьими шайками, хищническими племенами и безконечнымъ лихоимствомъ шаекъ сборщиковъ пошлины, болѣе ужаснымъ естественнымъ препятствіямъ на грозящихъ смертью высотахъ и пустынныхъ плоскогорьяхъ Тибетскихъ горъ. Скажу болѣе—даже самыя щедрыя траты и всякое покровительство со стороны верховнаго правительства не дали результатовъ, соразмѣрныхъ съ употребленными средствами для возвышенія торговли въ этомъ направленіи. Я не сомнѣваюсь, что если бы взвѣсить сумму всѣхъ тратъ на ярмарки, торговыя коммиссіонерства, миссіи и пр. втеченіе послѣднихъ десяти лѣтъ и барышъ

отъ всей торговли черезъ тибетскіе проходы за то же самое время, то взаимное отношеніе цифръ подтвердило бы неудобство этого горнаго пути.

Вопросъ этотъ имѣетъ весьма большое значеніе для насъ въ Индіи, къ югу отъ этихъ великихъ преградъ, благодаря связаннымъ съ нимъ матерьяльнымъ интересамъ, въ особенности при видѣ постоянно разростающагося господства Россіи на обширномъ пространствѣ къ сѣверу отъ этихъ преградъ. Успѣхи Россіи въ степяхъ, лежащихъ къ сѣверу отъ горъ, служатъ какъ бы повтореніемъ нашихъ успѣховъ не въ особенно давнее время на полуостровѣ къ югу отъ нихъ.

Сила, бывшая нашимъ правомъ—мы не должны забывать этого—относительно аріанскихъ народовъ на югѣ является точно такимъ же правомъ у Россіи относительно татарскихъ народовъ на сѣверѣ. Она, въ свою очередь, приноситъ родственнымъ племенамъ благо цивилизаціи въ замѣнъ ужасовъ варварства и, подобно намъ, имѣетъ цѣлью благосостояніе, спокойствіе и свободу своихъ подданныхъ согласно со своими установленными формами правленія.

Единственная разница состоитъ въ томъ, что Британія на югѣ уже совершила свои побѣды и достигла полной силы вслѣдствіе долгаго господства, между тѣмъ какъ Россія на сѣверѣ еще растетъ и не вполнѣ созрѣла.

Подобно тому, какъ Сетледжъ и Индъ не могли послужить намъ границей на равнинахъ Индіи, такъ точно нельзя расчитывать чтобы большія рѣки татарскихъ степей послужили границей для Россіи на равнинахъ Центральной Азіи. Какъ мы на югѣ должны были двигаться впередъ до горъ и имѣть верховное вліяніе на князей по сю сторону великаго водо-раздѣла материка Азіи, этого великаго рубежа между ея сѣверными и южными странами и націями, такъ точно и русскихъ должна двигать та же сила, пока они не займутъ подобнаго же положенія съ сѣверной стороны.

Многое можно было бы еще сказать относительно этого чрезвычайно интереснаго и важнаго предмета, но изученіе его не входитъ въ программу моего сочиненія, и потому я удовлетворюсь тѣмъ немногимъ, что было здѣсь сказано, напомнивъ только читателю, что предзнаменовываемое сближеніе границъ двухъ великихъ христіанскихъ державъ въ Азіи не должно считать отдаленнымъ, если только движеніе Россіи по направленію къ сказанной границѣ не будетъ

остановлено чѣмъ нибудь непредвидѣннымъ, какъ это ни невѣроятно. Что же касается насъ, то мы должны надлежащимъ образомъ цѣнить свое собственное положеніе у этой соединительной границы, охраняя свои собственныя права и уважая права сосѣда. Если мы въ этомъ отношеніи захотимъ быть такими, какими мы должны быть, то мы протянемъ черезъ проходы руку нашему сѣверному сосѣду и вмѣстѣ со всѣмъ остальнымъ христіанскимъ міромъ пожелаемъ ему успѣха въ его цивилизаторской миссіи въ величайшихъ гнѣздищахъ азіатской несправедливости.

Мы пробыли въ Лехѣ нѣсколько дней и намѣревались выступить 22 іюня, но въ ночь прибылъ нарочный отъ полковника Гордона съ печальнымъ извѣстіемъ, что въ Мурги 19 числа умеръ д-ръ Столичка и что его тѣло несутъ для погребенія. Эта грустная новость сильно потрясла насъ, такъ какъ нашъ умершій другъ и товарищъ заслужилъ наше уваженіе не только своими высокими научными познаніями, но и вообще всѣми своими добродѣтелями.

Тѣло его прибыло 23 числа послѣ полудня, и мы могли по крайней мѣрѣ отдать послѣдній долгъ останкамъ того, кѣмъ мы привыкли восхищаться, горько оплакивая потерю.

На слѣдующій день мы снова отправились въ путь и прибыли въ Сриннагаръ 6-го іюля, пользуясь на пути еще большею помощію и вниманіемъ, чѣмъ когда шли здѣсь въ прошлый разъ. Дѣйствительно, такое множество людей и скота было отвлечено отъ обычныхъ занятій для услугъ посольству, что ежегодно стекающіеся въ странѣ туристы были на время стѣснены въ своемъ движеніи.

На пути отъ Сона Марга (гдѣ со времени нашего прохода въ прошломъ году было построено кашмирскими властями нѣсколько новыхъ домовъ для британскихъ коммиссаровъ) мы видѣли нѣсколько семействъ, задержанныхъ на мѣстѣ за недостаткомъ средствъ переправы. Мнѣ было не столько жаль искателей приключеній, сколько тѣхъ несчастныхъ, которыхъ въ теченіи шести мѣсяцевъ въ году заставляютъ служить имъ, а въ данномъ случаѣ—намъ.

Изъ трехъ или четырехъ сотъ европейскихъ туристовъ, странствующихъ по странѣ ежегодно втеченіи шести мѣсяцевъ, никто не позаботится никогда о средствахъ переправы и всѣ они пользуются въ этомъ отношеніи средствами самой страны. Такимъ образомъ выходитъ, что для таскань я съ мѣста на мѣсто ихъ багажей ежегодно втеченіи полугода бываетъ отвлечено отъ домовъ и полей до

шести тысячъ человѣкъ. Не многіе понимаютъ, на сколько это обременительно.

Изъ цѣлыхъ сотенъ англійскихъ служащихъ и ихъ семействъ, которые въ теченіе шести мѣсяцевъ каждаго года посѣщаютъ кашмирскую территорію и пользуются гостепріимствомъ магараджи, весьма немногіе оцѣниваютъ надлежащимъ образомъ тѣ выгоды и привилегіи, которыми они пользуются во владѣніяхъ этого самаго гостепріимнаго изъ всѣхъ индійскихъ князей.

Злоупотреблять мѣстной администраціей Кашмира и всѣми способами притѣснять и развращать ее вошло въ обычай. Не буду говорить — справедливо это, или несправедливо, но не могу не замѣтить, что изъ всѣхъ кричащихъ противъ властей этого подчиненнаго государства, весьма немногіе, если только есть такіе, понимаютъ участіе, принимаемое ими самими въ томъ стѣсненіи, на которое они жалуются.

Я прожилъ въ долинѣ по дѣламъ службы сезонъ 1869 года и имѣлъ полную возможность узнать вліяніе нашего ежедневнаго нашествія сюда на народъ, а также впечатлѣніе, производимое нашимъ поведеніемъ на иностранцевъ, стекающихся въ столицу по торговымъ дѣламъ изъ всѣхъ сосѣднихъ странъ съ сѣвера, востока и запада Люди эти уносили съ собой объ англичанахъ мнѣніе, составленное по тому, что они видѣли въ Кашмирѣ, и разносили его какъ характеристику націи по городамъ Афганистана, Туркестана и Тибета. Я видѣлъ также всѣ выгоды и привилегіи, которыми мы сами пользуемся въ странѣ и которыя мы, по нашему предположенію, доставляемъ ей, и убѣжденъ, относительно послѣднихъ, что онѣ перевѣшиваются сопряженнымъ съ ними зломъ.

Здѣсь не къ чему входить въ подробности; довольно будетъ сказать, что сотни странствующихъ здѣсь независимо другъ отъ друга европейцевъ требуютъ неусыпной дѣятельности со стороны властей и содержанія весьма большаго числа полицейскихъ чиновниковъ, смотрителей, клерковъ и пр., чтобы обезпечивать ихъ безопасность, исполнять ихъ требованія, доставлять имъ средства передвиженія, провизію и пр. и пр. во всѣхъ частяхъ скудно населенной и дико-гористой мѣстности. На сколько все это дѣлается хорошо—доказываетъ тотъ фактъ, что никогда не бываетъ слышно случаевъ грабежей, оскорбленій или нападеній.

По моимъ собственнымъ свѣдѣніямъ и наблюденіямъ, я могу утвер-

ждать, что ни въ какой другой извѣстной мнѣ части Индіи (а я путешествовалъ по тремъ президентствамъ), ни даже въ территоріи нашей собственной администраціи, европеецъ не пользуется такими усердными услугами и безопасностью и нигдѣ не чувствуетъ себя болѣе свободнымъ, какъ въ Кашмирѣ.

Однако, не смотря на эти факты, мы слышимъ постоянные крики противъ правителей этой страны, и мѣстная англійская пресса смѣется надъ ихъ промахами гораздо болѣе, чѣмъ можно допустить въ данномъ случаѣ, забывая ихъ права на наше снисхожденіе. Наше поведеніе относительно Кашмира не проходитъ незамѣченнымъ въ сосѣднихъ государствахъ и въ то время какъ Кабулъ и Непалъ грозятъ пальцемъ, говоря: «берегись! не впускай европейца», — другія, менѣе независимыя, подмѣчаютъ наше дерзкое обращеніе съ Кашмиромъ и сравниваютъ его съ тѣми скромными словами, съ которыми мы обращаемся къ его сосѣдямъ.

Для насъ, возвращавшихся изъ независимаго государства Кашгара, перемѣна въ обращеніи съ нами была замѣчательна и не менѣе замѣчательно было то, какъ скоро мы почувствовали себя снова господами страны. У индѣйцевъ не проглядывало того чувства собственнаго превосходства, которое принимаютъ обыкновенно татарскія офиціальныя лица въ ихъ вѣжливомъ обращеніи съ тѣмъ, кого они хотятъ почтить. Мы нашли здѣсь радушную готовность предупредить всякое наше желаніе, старательную заботу о томъ, чтобы удовлетворить всѣ наши нужды, и, конечно, благодаря этой внимательности къ намъ, возвратилось сознаніе того, что мы служимъ верховному правительству, и мы почувствовали себя какъ дома, среди своего народа. Перемѣна при переходѣ съ чужой территоріи на британскую была полная и въ другихъ отношеніяхъ, и я въ третій разъ могъ на практикѣ познакомиться съ относительными достоинствами правленій по ту и по другую сторону границы.

По ту сторону границы господствуютъ безпорядокъ, притѣсненіе и деспотическій капризъ. Естественныя произведенія почвы не разработаны, торговлѣ приходится бороться за свое существованіе, а общество погружено въ варварское невѣжество. По сю же сторону вы находите порядокъ и установленный законъ. Земля обработана, торговля дѣятельна и народъ идетъ впередъ по пути прогреса. При такомъ различіи вліяній цивилизаціи и варварства, можетъ ли кто нибудь не желать угнетеннымъ государствамъ Центральной Азіи

благъ хорошаго правленія, получатъ ли они ихъ съ сѣвера или съ юга, или съ обѣихъ сторонъ въ справедливой пропорціи?

Въ Сринагарѣ представляющіяся вамъ жизнь и дѣятельность, богатство и благосостояніе, свобода и удовольствіе — кажутся чѣмъ то великимъ по сравненію съ тѣмъ, что было по ту сторону проходовъ. Въ качествѣ гостей магараджи (его высочество былъ въ то время въ своей зимней столицѣ Джамму), мы нѣсколько дней пробыли въ Ранбиръ Бахѣ и встрѣтили здѣсь г-на Шау, направлявшагося въ Кашгаръ въ сопровожденіи д-ра Скулли и отряда проводниковъ. Затѣмъ я сопровождалъ посланика до Мурри.

Мы отправились въ путь 7-го іюля и проѣхали въ лодкѣ до Барамуллы, а отсюда съ нарочнымъ «dooly dak» въ Мурри, куда прибыли 12-го іюля; выѣхали же отсюда въ прошломъ году 18-го числа того же мѣсяца.

Остальная часть партіи слѣдовала обыкновеннымъ путемъ, и въ надлежащій срокъ посольство было распущено. Послѣ нѣсколькихъ оффиціальныхъ докладовъ, всѣ члены его разсѣялись по разнымъ провинціямъ.

КОНЕЦЪ.